Юваль Ной Харари

АВТОР *Sapiens* И *Homo Deus*

21 УРОК ДЛЯ XXI ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО СИНДБАД

Annotation

В своей книге «Sapiens» израильский профессор истории Юваль Ной Харари исследовал наше прошлое, в «Homo Deus» — будущее. Пришло время сосредоточиться на настоящем!

«21 урок для XXI века» — это двадцать одна глава о проблемах сегодняшнего дня, касающихся всех и каждого. Технологии возникают быстрее, чем мы успеваем в них разобраться. Хакерство становится оружием, а мир разделён сильнее, чем когда-либо. Как вести себя среди огромного количества ежедневных дезориентирующих изменений?

Профессор Харари, опираясь на идеи своих предыдущих книг, старается распутать для нас клубок из политических, технологических, социальных и экзистенциальных проблем. Он предлагает мудрые и оригинальные способы подготовиться к будущему, столь отличному от мира, в котором мы сейчас живём. Как сохранить свободу выбора в эпоху Большого Брата? Как бороться с угрозой терроризма? Чему стоит обучать наших детей? Как справиться с эпидемией фальшивых новостей?

Ответы на эти и многие другие важные вопросы — в книге Юваля Ноя Харари «21 урок для XXI века».

В переводе издательства «Синдбад» книга подверглась серьёзным цензурным правкам. В данной редакции проведена тщательная сверка с оригинальным текстом, все отцензурированные фрагменты восстановлены.

-
- Введение
- Часть I
  -
  - 1
    - Конец истории откладывается
    - От победы над комарами к избавлению от мыслей
    - Феникс либерализма
  - 2

        - Когда станете взрослыми, можете не найти работу
        - Алгоритм по имени Моцарт
        - Новые профессии?
        - От эксплуатируемых к ненужным
        - Что значит «универсальный»?
        - Что значит «базовый»?
    - 3
        - Алгоритмы следят за тобой
        - Прислушивайтесь к алгоритму
        - Драматизм принятия решений
        - Философствующий автомобиль
        - Цифровые диктатуры
        - Искусственный интеллект и естественная глупость
    - 4
        - Кто владеет информацией — владеет будущим
        - Кто владеет информацией?
- Часть II
    -
    - 5
        - У человека есть тело
        - Онлайн против офлайна
    - 6
        - В мире всего одна цивилизация
        - Немцы и гориллы
        - Средневековая олимпиада
        - Власть доллара
    - 7
        - Глобальным проблемам нужны глобальные решения
        - Ядерная угроза
        - Угроза экологической катастрофы
        - Технологический вызов
        - Космический корабль «Земля»
    - 8
        - Бог теперь служит нации
        - Технические проблемы: христианское сельское хозяйство
        - Политические проблемы: мусульманская экономика

        - Проблемы идентичности: линии на песке
        - Служанка национализма
    - 9
        - Некоторые культуры могут быть лучше других
        - От расизма к «культурализму»
- Часть III
    -
    - 10
        - Без паники
        - Перетасовать карты
        - Маленькая монетка в большом пустом кувшине
        - Ядерный терроризм
    - 11
        - Нельзя недооценивать человеческую глупость
        - Взгляд из Кремля
        - Утраченное искусство выигрывать войны
        - Парад глупости
    - 12
        - Вы не пуп земли
        - Мать Фрейда
        - Этика до Библии
        - Рождение нетерпимости
        - Еврейская физика, христианская биология
    - 13
        - Не произноси имени Господа всуе
        - Безбожная этика
    - 14
        - Признать свою тень
        - Светский идеал
        - Был ли Сталин светским человеком?
        - Признавая свою тень
- Часть IV
    -
    - 15
        - Вы знаете меньше, чем вам кажется
        - Чёрная дыра власти
    - 16

        - Возможно, наше чувство справедливости устарело
        - Кража реки
        - Преуменьшать или отрицать?
    - 17
        - Некоторые фейковые новости живут вечно
        - Биологический вид постправды
        - Солгал сегодня, поверят завтра
        - Выбраться из машины для промывки мозгов
    - 18
        - Будущее — не то, что вы видите в кино
        - Жизнь в матрице
        - Дисней теряет веру в свободу воли
- Часть V
    -
    - 19
        - Единственная константа — перемены
        - Становится жарко
        - Взлом человека
    - 20
        - Жизнь — не вымысел
        - Тяжесть крыши
        - Фокус-покус и индустрия веры
        - Портфель идентичностей
        - Супермаркет в Эльсиноре
        - Никаких историй
        - Испытание реальностью
    - 21
        - Просто наблюдайте
        - Копать с двух сторон
- Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43

- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80

- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117

- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154

- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191

- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226

Моему мужу Ицику, моей матери Пнине и моей бабушке Фанни за их любовь и поддержку на протяжении многих лет

Введение

В мире, перегруженном информацией, ясность — это сила. Почти каждый может внести вклад в дискуссию о будущем человечества, но мало кто чётко представляет себе, каким оно должно быть. Порой мы даже не замечаем, что эта полемика ведётся, и не понимаем, в чём сущность её ключевых вопросов. Большинству из нас не до того — ведь у нас есть более насущные дела: мы должны ходить на работу, воспитывать детей, заботиться о пожилых родителях. К сожалению, история никому не делает скидок. Даже если будущее человечества будет решено без вашего участия, потому что вы были заняты тем, чтобы прокормить и одеть своих детей, то последствий вам (и вашим детям) всё равно не избежать. Да, это несправедливо. А кто сказал, что история справедлива?

Я как историк не могу ни накормить, ни одеть людей, но могу внести некоторую ясность в их представления, чтобы хоть немного уравнять шансы в глобальной игре. Если благодаря этому хотя бы несколько человек присоединятся к дискуссии о будущем нашего вида, значит, я старался не зря.

Моя первая книга, «Sapiens», была посвящена нашему прошлому — тому, как ничем не примечательная обезьяна превратилась во властителей планеты Земля.

Во второй книге, «Homo Deus», я попытался заглянуть в будущее и поразмышлять о том, как люди в итоге могут превратиться в богов и что будет происходить с интеллектом и сознанием.

В этой книге я хочу сосредоточиться на текущих событиях — на том, что происходит здесь и сейчас, а также на ближайшем будущем человеческого сообщества. Что совершается у нас на глазах? Каковы главные вызовы и возможности нашего времени? На что надо обратить внимание? Чему мы должны учить детей?

Разумеется, у каждого из семи миллиардов жителей планеты свои заботы, и, как я уже говорил, мало кто может позволить себе роскошь размышлять об общих проблемах. Мать-одиночка, живущая с двумя детьми в трущобах Мумбаи, думает о том, где раздобыть для них еды; беженцы в лодке посреди Средиземного моря всматриваются в

горизонт в надежде увидеть берег; больной, умирающий в переполненной лондонской больнице, собирает силы для ещё одного вздоха. У всех есть проблемы более насущные, чем глобальное потепление или кризис либеральной демократии. Ни одна книга не в состоянии их решить, и я не возьмусь поучать людей, оказавшихся в подобных ситуациях. Я лишь надеюсь чему-то научиться у них.

Я сделаю попытку рассмотреть общие, глобальные проблемы. Исследовать главные факторы, которые сегодня определяют развитие мирового сообщества и, вероятно, будут иметь влияние на будущее нашей планеты. Тех, чья жизнь и без того висит на волоске, изменение климата беспокоит в последнюю очередь — однако не исключено, что со временем по его причине жизнь в трущобах Мумбаи станет невозможной, через Средиземное море хлынут новые потоки беженцев и в системе здравоохранения разразится кризис, который затронет все страны.

Реальность соткана из множества нитей. Не претендуя на всеохватность, я попытаюсь осветить разные аспекты глобальных проблем. В отличие от «Sapiens» и «Homo Deus» эта книга представляет собой не исторический нарратив, а выборку вызовов, проблем и вопросов, не имеющих простых ответов и решений. Моя цель — подтолкнуть читателя к дальнейшим размышлениям, к тому, чтобы он присоединился к обсуждению наиболее важных для нашего времени тем.

Эта книга написана в диалоге с обществом. Отдельные её главы родились как попытка ответить на вопросы, которые мне задавали читатели, журналисты и коллеги. Ранние версии некоторых разделов уже публиковались в том или ином виде и получили отклики читателей, что дало мне возможность усилить свою аргументацию. На страницах книги я рассуждаю о технологиях и политике, о религии и искусстве. Есть главы, в которых я восхищаюсь человеческой мудростью, и есть главы, в которых отмечаю решающую роль человеческой глупости. Но ключевые вопросы остаются неизменными: что происходит в современном мире и каков глубинный смысл этих событий?

Что означает приход к власти Дональда Трампа? Как быть с эпидемией фейковых новостей? Почему либеральная демократия переживает кризис? На самом ли деле мы наблюдаем возврат к

религиозному сознанию? Грядёт ли новая мировая война? Какая цивилизация доминирует в мире — западная, китайская, исламская? Должна ли Европа открыть двери для иммигрантов? Поможет ли национализм справиться с проблемами социального неравенства и изменения климата? Что делать с терроризмом?

Размышляя о глобальных перспективах, я старался не забывать о людях. Более того, я намеренно акцентирую связь между великими преобразованиями нашей эры и повседневной жизнью людей. Например, терроризм — это не только мировая политическая проблема, но и сложный психологический механизм. Терроризм давит на скрытую в человеческом сознании «кнопку страха», подчиняя себе умы миллионов жителей Земли. Кризис либеральной демократии проявляется не только в парламентах и на избирательных участках — он затрагивает функционирование наших мозговых нейронов и синапсов. Мысль о том, что частная жизнь неотделима от политики, давно превратилась в клише, но сегодня, когда наука, бизнес и государство ищут способы проникновения в человеческий мозг, эта банальность обретает новый, зловещий смысл. Именно поэтому я включил в книгу ряд наблюдений за поведением отдельных персонажей и целых сообществ.

Глобализация оказывает беспрецедентное давление на наше поведение и наши нравственные принципы. Мы опутаны вездесущей паутиной, которая, с одной стороны, ограничивает нашу подвижность, с другой — передаёт наши малейшие вибрации на огромные расстояния. Наша повседневная деятельность влияет на жизнь людей и животных на другом конце света; поступок одного человека может вызвать мировой пожар, как это случилось в Тунисе после самосожжения Мохаммеда Буазизи, положившего начало «арабской весне», или после признаний жертв сексуальных домогательств, запустивших движение #MeToo.

Глобальный подтекст частной жизни подразумевает, что сегодня как никогда важно вскрыть наши религиозные и политические предрассудки, расовые и гендерные привилегии, наше невольное соучастие в институциональном угнетении. Но насколько это осуществимо? Как найти твёрдый нравственный фундамент в мире, который простирается далеко за пределы нашего поля зрения, не

подчиняется человеческому контролю и с подозрением смотрит на всех богов и все идеологии?

Книга начинается с обзора современных политических и технологических проблем. В конце двадцатого века казалось, что грандиозные идеологические сражения между фашизмом, коммунизмом и либерализмом завершились полной победой последнего, что демократия, права человека и капитализм с его свободным рынком обречены на торжество во всём мире. Но история, как всегда, совершила неожиданный вираж — и после краха фашизма и коммунизма под угрозой оказался либерализм. Куда же мы движемся теперь?

Этот вопрос стоит особенно остро, поскольку доверие к либерализму падает именно сейчас, когда революционные прорывы в информационных технологиях и биотехнологиях ставят перед нами сложнейшие задачи, с какими нашему виду ещё никогда не приходилось иметь дело. Слияние биотехнологий с информационными технологиями уже в ближайшем будущем может лишить работы миллиарды людей и нанести удар по свободе и равенству. Алгоритмы Больших данных способны породить цифровые диктатуры, при которых вся власть окажется в руках немногочисленной элиты, а большинство людей будет страдать не от эксплуатации, а — что гораздо хуже — от своей ненужности.

О слиянии информационных технологий с биотехнологиями я писал в книге «Homo Deus». Но она была посвящена долгосрочным перспективам — в масштабе столетий и даже тысячелетий, — тогда как здесь я фокусируюсь на социальном, экономическом и политическом кризисе, который ждёт нас в ближайшем будущем. Меня интересует не столько возможное появление неорганической жизни, сколько угроза существованию социального государства и определённым институтам — таким как, например, Евросоюз.

В мои намерения не входил охват всех потенциальных последствий новых технологий. В частности: хотя прогресс и открывает перед нами удивительные возможности, я вижу свою задачу в привлечении внимания к связанным с ним опасностям и угрозам. Разумеется, корпорации и бизнесмены, возглавляющие технологическую революцию, в первую очередь превозносят её

достижения; вот почему на плечи социологов, философов и историков вроде меня ложится обязанность бить тревогу, предупреждая человечество о том, что многое, к сожалению, может пойти не так.

Обозначив вызовы, с которыми сталкивается человечество, во второй части книги я рассматриваю широкий спектр возможных ответов на них. Смогут ли разработчики Facebook с помощью искусственного интеллекта (ИИ) создать глобальное сообщество, которое обеспечит людям свободу и равенство? Или нам следует обратить глобализацию вспять и вернуться к идее сильных национальных государств? А может, стоит ещё глубже погрузиться в прошлое, черпая надежду и мудрость в древних религиозных традициях?

Третья часть покажет, что, несмотря на беспрецедентные технологические вызовы и глубокие политические разногласия, человечеству по силам преодолеть трудности — если люди научатся контролировать свои страхи и более сдержанно выражать свои взгляды. Попытаемся разобраться, как противостоять терроризму, избежать мировой войны и справиться с предрассудками и ненавистью, лежащими в основе подобных конфликтов.

Четвёртая часть посвящена концепции постправды. Насколько мы способны давать мировым событиям адекватную оценку и отличать злодеяния от актов правосудия? В состоянии ли *Homo sapiens* понять мир, который сам создал? Существует ли чёткая граница, отделяющая реальность от вымысла?

В последней, пятой части я попробую набросать общую картину жизни в наш век неопределённости, когда прежние сценарии устарели, а новые ещё не появились. Кто мы? Чему должны посвятить свою жизнь? Какими навыками нам необходимо овладеть? Что мы можем сказать о смысле бытия — с учётом того, что знаем и чего не знаем о науке, Боге, политике и религии?

Это прозвучит пафосно, но *Homo sapiens* не может ждать. Сегодня философия, религия и наука находятся в цейтноте. Люди спорили о смысле жизни тысячелетиями, но вечно этот спор продолжаться не может. Над нами нависли угрозы, связанные с экологической катастрофой, оружием массового уничтожения и потенциально разрушительными технологиями. Что ещё важнее, сегодня искусственный интеллект и биотехнологии позволяют

преобразовывать и создавать жизнь. В ближайшее время кто-то должен, опираясь на чётко сформулированные или подспудно сознаваемые концепции смысла жизни, принять решение об использовании этих возможностей. Философы, в отличие от инженеров, — люди терпеливые. Но меньше всего запас терпения у инвесторов. Если вы не знаете, как использовать способность конструировать жизнь, рынок не станет ждать тысячу лет, пока вы определитесь. Его невидимая рука навяжет свою слепую волю. Если вы не готовы отдать наше общее будущее на милость рынка, вам придётся найти ясный ответ на вопрос о смысле жизни.

В последней главе я позволил себе высказать несколько замечаний личного характера и как представитель *Homo sapiens* обратиться к себе подобным — пока над нашим биологическим видом не опустился занавес и на сцену не вышли другие актёры, чтобы сыграть совсем другую пьесу.

Прежде чем пригласить вас в это интеллектуальное путешествие, хочу обратить внимание на один важный момент. В книге я много критикую либеральное мировоззрение и демократическую систему. Не потому что считаю либеральную демократию исключительно плохой — напротив, я убеждён, что это самая успешная и гибкая политическая модель из всех когда-либо придуманных людьми, позволяющая противостоять вызовам современного мира. И хотя эта модель подходит не для каждого социума и не на каждом этапе общественного развития, она показала гораздо бóльшую эффективность, чем любая другая. Вот почему, размышляя о трудностях, ожидающих нас в будущем, важно определить её слабые места и понять, как изменить и усовершенствовать её нынешние институты.

К сожалению, в сложившихся политических условиях любая критика либерализма и демократии может быть подхвачена автократами и представителями нелиберальных движений, цель которых — не участие в открытой дискуссии о будущем человечества, а дискредитация либеральной демократии. Они обожают рассуждать о несовершенствах либеральной демократии, но не терпят никакой критики в свой адрес.

Как автор, я оказался перед трудным выбором. Как поступить: открыто высказать своё мнение, рискуя тем, что мои слова, вырванные из контекста, будут использованы для оправдания набирающих силу

автократий, или прибегнуть к самоцензуре? Нелиберальные режимы отличаются стремлением ограничить свободу слова даже за пределами своих стран. Поскольку подобные режимы крепнут у нас на глазах, критическое осмысление нашего будущего как вида становится всё опаснее.

По зрелом размышлении я отказался от самоцензуры в пользу свободного самовыражения. Избегая критики либеральной модели, мы не сможем устранить её недостатки и продолжить движение вперёд. Позволю себе напомнить читателю, что появление этой книги на свет стало возможным лишь в условиях, при которых люди ещё имеют право думать что хотят и открыто выражать своё мнение. Если вы согласитесь, что это нужная книга, значит, вы цените свободу мысли и свободу слова.

Часть I
Технологический Вызов

Человечество теряет веру в либеральную идею, преобладавшую в мировой политике в последние десятилетия, именно сейчас, когда слияние информационных технологий с биотехнологиями ставит перед нами задачи, с какими человечеству ещё никогда не приходилось иметь дело.

1
Крушение иллюзий

Конец истории откладывается

Люди мыслят не фактами, цифрами или уравнениями, а историями. И чем проще история, тем лучше. У каждого человека, этнической группы или народа есть свои легенды и мифы. В двадцатом веке мировые элиты в Нью-Йорке, Лондоне, Берлине и Москве предложили три грандиозные концепции, призванные объяснить прошлое и предсказать будущее всего мира. Это фашистская концепция, коммунистическая концепция и либеральная концепция. Вторая мировая война ненесла сокрушительный удар по фашистской концепции, и с конца 1940-х до конца 1980-х годов мир представлял собой поле битвы между оставшимися двумя проектами: коммунистическим и либеральным. После краха коммунистической идеи главным путеводителем по прошлому человечества и незаменимой инструкцией к будущему устройству мира стал либеральный сценарий — по крайней мере, так казалось мировым элитам.

Либеральная концепция превозносит ценность и силу свободы. Согласно её принципам, человечество тысячелетиями жило под властью деспотических режимов, которые лишали граждан политических прав, экономических возможностей и личных свобод и серьёзно ограничивали передвижение людей, идей и товаров. Но люди боролись за свободу, и постепенно, шаг за шагом, свобода отвоёвывала себе место под солнцем. Жестокие диктатуры сменились демократиями. Свободное предпринимательство преодолело экономические ограничения. Люди, вместо того чтобы слепо повиноваться фанатичным жрецам или косным традициям, учились думать самостоятельно и следовать велению сердца. На смену стенам, рвам и ограждениям из колючей проволоки пришли широкие дороги, прочные мосты и оживлённые аэропорты.

Либеральная концепция признаёт, что наш мир далёк от идеала и что нам предстоит преодолеть ещё много трудностей. Немалая часть

планеты находится под властью тиранов, и даже в самых либеральных странах многие граждане страдают от бедности, насилия и угнетения. Но мы, по крайней мере, знаем, что надо сделать для решения этих проблем: дать людям больше свободы. Защищать права человека, гарантировать всем гражданам право голоса, не вмешиваться в работу рыночных механизмов и позволить людям, идеям и товарам максимально легко перемещаться по миру. Согласно концепции либерализма (одобряемой с небольшими поправками и Джорджем Бушем — младшим, и Бараком Обамой), воспринимаемой как панацея, простое продолжение либерализации и глобализации политико-экономических систем приведёт всех жителей планеты к миру и процветанию[1].

Страны, присоединившиеся к неудержимому маршу прогресса, быстрее получат желанную награду в виде мира и процветания. Государства, которые попытаются сопротивляться неизбежному, будут страдать от последствий своего выбора, пока не прозреют, не откроют границы и не перестроят общество, политику и рынки по принципам либерализма. Это может произойти нескоро, но в конечном счёте даже Северная Корея, Ирак и Сальвадор станут похожими на Данию или Айову.

В 1990-е и 2000-е годы эти утверждения повторяли по всему миру как мантру. Правительства многих стран, от Бразилии до Индии, желая присоединиться к неостановимому маршу истории, взяли на вооружение либеральные рецепты. Те, кто этого не сделал, выглядели динозаврами из минувшей эпохи. В 1997 году президент США Билл Клинтон решительно осудил китайские власти, заявив, что отказ от либерализации внутренней политики отбросит Китай на обочину истории[2].

Однако после мирового финансового кризиса 2008 года жители разных стран испытали разочарование в либеральной идеологии. В моду снова вошли стены и барьеры. Растёт сопротивление иммиграции и торговым соглашениям. Правительства, которые считались демократическими, подрывают судебную систему, ограничивают свободу прессы и называют любую оппозицию предателями. Авторитарные лидеры в таких странах, как Турция и Россия, экспериментируют с новыми типами нелиберальных демократий и откровенных диктатур. Сегодня лишь немногие решатся с

уверенностью заявить, что Коммунистическая партия Китая прозябает на обочине истории.

В 2016 году, отмеченном голосованием по Брекзиту в Великобритании и избранием президентом США Дональда Трампа, волна разочарования достигла столпов либерализма — стран Западной Европы и Северной Америки. Если несколькими годами ранее американцы и европейцы ещё пытались под прицелом оружия внедрить либеральные принципы в Ираке и Ливии, то сегодня многие жители Кентукки и Йоркшира считают либеральные идеи вредными или неосуществимыми. Некоторые из них вдруг вспомнили, что им по душе старый иерархический мир, и не желают отказываться от своих расовых, национальных или гендерных привилегий. Другие пришли к выводу (справедливому или нет), что либерализация и глобализация — это масштабная афера, дающая преимущества крайне немногочисленной элите за счёт всех остальных.

В 1938 году человечество могло выбирать из трёх глобальных проектов; в 1968-м — из двух; в 1998-м казалось, что восторжествовал один из них, и вот к 2018-му мы остались ни с чем. Неудивительно, что либеральные элиты, которые в последние десятилетия диктовали повестку почти всему миру, испытали шок и растерянность. Жить с единственной концепцией очень удобно: всё абсолютно ясно. А вот остаться совсем без концепции страшно — всё кажется бессмысленным. Подобно советской элите конца 1980-х годов, либералы не понимают, почему история отклонилась от предначертанного курса, и у них нет альтернативной теории для объяснения реальности. Полностью дезориентированные, они начинают рассуждать в категориях апокалипсиса: если человечество не движется к предсказанному ими счастливому будущему, значит, оно на всех парах несётся к Армагеддону. Если мозг не в состоянии осмыслить реальное положение дел, он переключается на катастрофические сценарии. Подобно человеку, воображающему, что сильная головная боль свидетельствует о злокачественной опухоли мозга, многие либералы воспринимают Брекзит и приход к власти Дональда Трампа как кошмарное предвестие конца человеческой цивилизации.

От победы над комарами к избавлению от мыслей

Ощущение растерянности и надвигающейся катастрофы усугубляется растущими темпами технологического прогресса. Либеральная политическая система сформировалась в индустриальную эпоху, чтобы управлять миром паровых машин, нефтеперерабатывающих заводов и телевизоров. Ей трудно приспособиться к непрерывным революционным изменениям, связанным с развитием информационных технологий и биотехнологий.

Ни политики, ни избиратели толком не разбираются в новых технологиях — не говоря уже о том, чтобы регулировать их взрывоопасный потенциал. С 1990-х годов интернет изменил мир, пожалуй, заметнее, чем любое другое явление, — при том что интернет-революцией руководили не политические партии, а инженеры. Разве вы когда-нибудь голосовали за интернет? Демократическая система всё ещё силится понять, кто именно нанёс ей удар, и она явно не готова к новым потрясениям, таким как расцвет искусственного интеллекта или революция блокчейна.

Уже сегодня в результате компьютеризации финансовая система настолько усложнилась, что мало кто способен понять, как она функционирует. По мере совершенствования искусственного интеллекта мы можем оказаться в ситуации, когда в финансах не будет разбираться вообще ни один человек. Как это повлияет на политические процессы? Можете ли вы представить себе правительство, которое будет покорно ждать, пока алгоритм одобрит бюджет или новую налоговую реформу? Тем временем децентрализованные сети блокчейна и криптовалюты вроде биткоина могут полностью изменить денежную систему — так, что придётся радикально реформировать налоговую систему. Например, не исключено, что станет невозможно осуществлять взимание налогов, поскольку большинство транзакций будут сводиться к обмену информацией — без перечисления национальной — или любой другой — валюты. В конце концов правительствам придётся придумать новые налоги — возможно, это будет информационный налог, который мы будем платить за информацию, причём платить тоже информацией, а не долларами. Сумеет ли политическая система справиться с кризисом раньше, чем у неё закончатся деньги?

Но ещё важнее другое. Революция в информационных технологиях совместно с революцией в биотехнологиях может изменить не только экономику и общество, но само наше тело и сознание. В прошлом мы, люди, научились менять окружающий мир, но практически не могли повлиять на то, что происходит внутри нас. Мы научились строить плотины и останавливать реки, но не знали, как замедлить старение тела. Мы проектировали оросительные системы, но понятия не имели, как устроен мозг. Если комар зудел у нас над ухом, мешая спать, мы спешили прибить комара; но если мозг гудел от мыслей, не дававших заснуть, мало кто знал, как прибить эти мысли.

Прорывы в биотехнологиях и информационных технологиях позволят нам управлять нашим внутренним миром, проектировать и производить живые организмы. Мы научимся конструировать мозг, продлевать жизнь и избавляться от неприятных мыслей. Но никто не знает, какими будут последствия. Изобретать орудия у людей всегда получалось гораздо лучше, чем разумно их использовать. Легко регулировать течение реки, построив плотину, — но сложно спрогнозировать последствия этой стройки для экологической системы. Точно так же будет проще перенаправить поток наших мыслей, чем предсказать, как это повлияет на психику одного человека или на общественные системы.

Мы получили возможность управлять окружающим миром и менять планету, но из-за того, что мы не понимали всей сложности глобальной экологии, изменения, которые мы сделали, непреднамеренно разрушили всю экологическую систему и теперь мы стоим на пороге экологической катастрофы. В грядущем столетии биотехнологии и информационные технологии дадут нам власть над внутренним миром и позволят менять себя, но мы не понимаем всей сложности нашего разума, и эти изменения могут оказать разрушительное воздействие на наше мышление.

Революции в биотехнологиях и информационных технологиях совершают инженеры, предприниматели и учёные, которые едва ли задумываются над политическими последствиями своих решений и которые не выступают ни от чьего лица. Но могут ли парламенты и партии взять дело в свои руки? В настоящее время, похоже, нет. Разрушительные последствия развития технологий даже не входят в число приоритетных пунктов политической повестки. Во время

президентской гонки 2016 года в США революционные технологии упоминались чаще всего в контексте взлома электронной почты Хиллари Клинтон[3], и, несмотря на все разговоры о возможном сокращении рабочих мест, ни один из кандидатов не высказался на тему потенциального влияния автоматизации на этот процесс. Дональд Трамп пугал избирателей, что на их рабочие места покушаются мексиканцы и китайцы, а потому необходимо построить стену на границе с Мексикой[4]. Однако он ни слова не сказал о том, что американцев могут лишить работы алгоритмы, и не предложил установить межсетевой защитный экран на границе с Калифорнией.

Возможно, это одна из причин (хотя и не единственная), по которой даже в странах либерального Запада избиратели теряют веру в либеральный проект и в демократический процесс. Обычные люди, не разбираясь в искусственном интеллекте и биотехнологиях, чувствуют, что будущее проходит мимо. В 1938 году жизнь простого народа в СССР, Германии или США могла быть безрадостной, но людям постоянно говорили, что важнее их никого в мире нет и что именно им принадлежит будущее (конечно, при условии, что эти «обычные люди» не евреи и не африканцы). Человек смотрел на пропагандистские плакаты, на которых обычно изображались шахтёры, сталевары и домохозяйки в героических позах, и видел в них себя: «На этом плакате я! Я — герой будущего!»[5].

В 2018 году обыватель всё чаще ощущает себя ненужным. В докладах на конференциях фонда TED, в правительственных аналитических центрах и на научно-технических семинарах звучит множество непонятных слов: глобализация, блокчейн, генная инженерия, искусственный интеллект, машинное обучение — и обычные люди начинают подозревать, что все эти слова не имеют к ним никакого отношения. Либеральная история — это история обычных людей. Почему она должна оставаться актуальной для мира киборгов и сетевых алгоритмов?

В двадцатом веке массы восставали против эксплуатации и стремились конвертировать свою экономическую роль в политическую силу. Теперь массы боятся стать ненужными и спешат, пока не поздно, использовать оставшиеся у них политические рычаги. Таким образом, и Брекзит, и приход к власти Трампа указывают на наметившуюся траекторию, противоположную направлению традиционных

социалистических революций. Русскую, китайскую и кубинскую революции совершали люди, вносившие основной вклад в экономику, но не обладавшие политической властью; в 2016 году Трампа и Брекзит поддерживали многие из тех, кто обладал политической властью, но боялся потерять экономический статус. Возможно, в двадцать первом веке популистские революции будут направлены не против экономической элиты, эксплуатирующей людей, а против экономической элиты, которая в них больше не нуждается[6]. Скорее всего, эта битва будет проиграна. Противостоять ненужности намного труднее, чем бороться против эксплуатации.

Феникс либерализма

Либеральная идеология не впервые сталкивается с кризисом доверия. С тех пор как во второй половине девятнадцатого века она приобрела глобальное влияние, её периодически преследовали кризисы. Первая эра глобализации и либерализации закончилась кровавой бойней Первой мировой войны, когда имперская политика прервала всемирный марш прогресса. После убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараеве выяснилось, что великие державы верят в империализм гораздо сильнее, чем в либерализм, и вместо объединения мира посредством свободной и мирной торговли предпочитают захватить немалые куски планеты с помощью грубой силы. Но либерализм пережил убийство Франца-Фердинанда и возродился из смертельного вихря более сильным, чем прежде, дав надежду, что это была «война за прекращение всех войн». Казалось, после беспрецедентной бойни человечество познало ужасную цену империализма и теперь, наконец, готово создать новый мировой порядок, основываясь на принципах свободы и мира.

Затем пришло время Гитлера, и в 1930-е и в начале 1940-х годов фашизм казался непобедимым. Когда эта угроза миновала, на смену ей пришла другая. В эпоху Че Гевары, между 1950-ми и 1970-ми годами, снова казалось, что либерализм доживает последние дни и что будущее принадлежит коммунизму. Но в итоге крах потерпел коммунизм. Выяснилось, что супермаркеты гораздо сильнее ГУЛАГа. И что ещё важнее — либеральная концепция оказалась намного более гибкой и динамичной, чем любая из альтернатив. Она победила империализм,

фашизм и коммунизм, впитав их лучшие идеи и практики. В частности, у коммунизма либеральная идеология позаимствовала идею эмпатии по отношению к более широкому кругу лиц и о том, что ценностью является не только свобода, но и равенство.

На первом этапе существования либеральный проект в основном уделял внимание свободам и привилегиям европейских мужчин из средних слоёв общества, не замечая тяжёлого положения рабочего класса, женщин, меньшинств и неевропейцев. Когда в 1918 году победившие в войне Великобритания и Франция с энтузиазмом рассуждали о свободе, они не брали в расчёт население своих огромных колоний. Например, в 1919 году ответом на требование Индии о самоопределении стала бойня в Амритсаре, когда британские военные расстреляли сотни безоружных демонстрантов.

Даже после Второй мировой войны западным либералам всё ещё было очень трудно применять свои, как им казалось, универсальные ценности к другим народам, не принадлежавшим к европейской культуре. Например, в 1945 году, едва освободившись от пятилетней нацистской оккупации, голландцы первым делом собрали армию и отправили её на другой край света, чтобы снова подчинить себе свою бывшую колонию, Индонезию. В 1940 году Нидерланды сопротивлялись немецкому вторжению чуть больше четырёх дней — но впоследствии не пожалели четырёх с лишним трудных лет, чтобы лишить Индонезию независимости. Неудивительно, что многие национально-освободительные движения в разных уголках мира связывали свои надежды с коммунистическими Москвой и Пекином, а не с самопровозглашёнными поборниками свободы на Западе.

Однако либеральная идеология постепенно расширяла свои горизонты и — по крайней мере, в теории — пришла к признанию прав и свобод всех людей без исключения. Расширяя круг свобод, либеральная идеология согласилась также признать важность социальных программ, что было скорее характерно для коммунизма. Свобода недорого стоит, если она в том или ином виде не сопровождается социальными гарантиями. Социально-демократическое государство соединяет демократию и права человека с бесплатным образованием и здравоохранением. Даже в таком оплоте капитализма, как США, поняли, что защита свободы требует

предоставления государственных услуг в области социального обеспечения. Какие могут быть свободы у голодающих детей?

В начале 1990-х философы и политики провозгласили «конец истории», с уверенностью заявив, что главные политические и экономические вопросы прошлого решены и что оптимальный выбор для человечества — это обновлённый либеральный «пакет», состоящий из демократии, прав человека, свободного рынка и государственного социального обеспечения. Казалось, что этому пакету суждено распространиться по всему миру, преодолеть все препятствия, стереть все национальные границы и превратить человечество в единое свободное глобальное общество[7].

Но история человечества не закончилась, и на смену эпохам Франца-Фердинанда, Гитлера и Че Гевары пришла эпоха Трампа. На сей раз либеральной концепции противостоит не сплочённый идеологический противник вроде империализма, фашизма или коммунизма. Эпоха Трампа отличается значительно большей степенью нигилизма.

Если главные идеологические течения двадцатого века рисовали перспективу для всего человечества, будь то мировое господство, революция или освобождение, то Дональд Трамп ничего подобного не предлагает. Совсем наоборот. Суть его взглядов в том, что Америка не обязана формулировать и продвигать глобальное мировоззрение. Точно так же британские сторонники Брекзита вообще не задумываются о будущем «Разъединённого Королевства»: их меньше всего интересует, что будет с Европой и миром. Большинство голосовавших за Трампа или за Брекзит не отвергают полностью либеральные ценности; они утратили веру в те из них, которые связаны с глобализацией. Люди по-прежнему верят в демократию, свободный рынок, права человека и социальную ответственность, но считают, что эти прекрасные идеи можно воплотить в жизнь внутри государственных границ. Они действительно полагают, что для сохранения свободы и благоденствия в Йоркшире или Кентукки нет ничего лучше, чем построить стену на границе и ввести нелиберальные законы в отношении иностранцев.

Китай, новая быстро развивающаяся сверхдержава, следует практически противоположному сценарию. Китай не решается на либерализацию внутренней политики, но в отношении внешнего мира придерживается гораздо более либерального подхода. В том, что

касается свободной торговли и международного сотрудничества, Си Цзиньпин на практике выглядит прямым наследником Обамы. Китай отодвинул марксизм-ленинизм на второй план и, похоже, чрезвычайно доволен либеральным мировым порядком.

Возрождающаяся Россия видит себя гораздо более сильным соперником глобального либерального порядка, но хоть она и восстановила свою военную мощь, с идеалогией она обанкротилась. Владимир Путин, безусловно, популярен как в России, так и среди различных правых движений по всему миру, но у него нет какого-либо глобального мировоззрения, которое могло бы привлечь безработных испанцев, недовольных бразильцев или идеалистических студентов Кембриджа.

Россия предлагает альтернативную модель либеральной демократии, но эта модель не является целостной политической идеологией. Скорее, это политическая практика, в которой ряд олигархов монополизируют бóльшую часть богатства и власти страны, а затем используют свой контроль над средствами массовой информации, чтобы скрывать свою деятельность и укреплять своё правление. Демократия основана на принципе, который сформулировал Авраам Линкольн: «Можно всё время дурачить некоторых, можно некоторое время дурачить всех, но нельзя всё время дурачить всех». Если правительство коррумпировано и не способно улучшить жизнь людей, то рано или поздно число граждан, понимающих это, достигнет критической массы и произойдёт смена власти. Но государственный контроль над СМИ подрывает логику Линкольна, поскольку мешает гражданам осознать правду. Монополия в СМИ позволяет правящим олигархам раз за разом обвинять в своих неудачах других и переключать внимание на внешние угрозы — реальные или мнимые.

Если вы живёте в условиях такой олигархии, очередной кризис всегда будет заслонять такие скучные темы, как здравоохранение или загрязнение окружающей среды. Если нация сталкивается с угрозой вторжения извне или коварной подрывной деятельностью внутренних врагов, у кого есть время беспокоиться о переполненных больницах или загрязнённых реках? Воспроизводя непрерывную череду кризисов, коррумпированная олигархия способна продлевать свою власть бесконечно[8].

Но хотя эта олигархическая модель и существует на практике, она никого не привлекает. В отличие от идеологий, которые открыто излагают своё мировоззрение, олигархии отнюдь не гордятся своими практиками, а в качестве дымовой завесы используют другие идеологии. Так, Россия делает вид, что является демократической страной, а её руководство провозглашает верность ценностям русского национализма и православия, а не олигархии. Сторонники правых идей во Франции и Великобритании вполне могут рассчитывать на российскую помощь и выражать восхищение Путиным, но даже их избиратели не хотели бы жить в стране, которая фактически копировала бы российскую модель — в стране с хронической коррупцией, плохо работающими общественными службами, отсутствием верховенства закона и ошеломляющим неравенством. По некоторым исследованиям, Россия является одной из самых неравноправных стран в мире, где 87 % богатства сосредоточено в руках 10 % самых богатых людей[9]. Сколько сторонников «Национального фронта» среди рабочего класса хотят скопировать эту модель распределения богатства и распространить её на Францию?

Люди голосуют ногами. Во время своих путешествий по миру я встречал множество людей во многих странах, которые хотели бы эмигрировать в США, Германию, Канаду или Австралию. Я встретил несколько человек, которые хотят переехать в Китай или Японию. Но я ещё не встретил ни одного человека, который мечтал бы эмигрировать в Россию.

Что касается «мирового ислама», то он в основном притягивает к себе людей, рождённых в этой религиозной среде. Исламская идея находит отклик в душе некоторых жителей Сирии, Ирака и даже мусульманской молодёжи Германии и Великобритании, но трудно представить себе, чтобы Греция или ЮАР — не говоря уже о Канаде и Южной Корее — мечтали присоединиться к всемирному халифату в надежде решить свои проблемы. В этом случае тоже люди голосуют ногами. На одного молодого мусульманина из Германии, эмигрировавшего на Ближний Восток, чтобы жить в условиях исламской теократии, найдётся не меньше сотни молодых людей с Ближнего Востока, желающих переместиться в противоположном направлении и начать новую жизнь в либеральной Германии.

Это может означать, что нынешний кризис веры не столь масштабен, как наблюдалось в прошлом. Либералу, которого приводят в отчаяние события последних лет, полезно вспомнить, насколько хуже обстояли дела в 1918, 1938 или 1968 году. В конце концов, человечество не откажется от либеральной идеи, просто потому что у него нет альтернативы. Люди в гневе могут дать системе пинок, но, не имея другого выхода, всё равно вернутся обратно.

Альтернативный вариант заключается в том, что люди полностью откажутся от каких бы то ни было глобальных идеологий и будут искать спасение в локальных националистических или религиозных мифах. В двадцатом веке националистические движения играли на политической арене чрезвычайно важную роль, но у них не было цельной картины будущего для всего мира — если не считать идеи разделения земного шара на независимые государства. Так, индонезийские националисты боролись против власти голландцев, а вьетнамские хотели освободить Вьетнам, но для человечества в целом не существовало индонезийского или вьетнамского проекта. Если возникала необходимость объяснить, на каких принципах должно строиться взаимодействие между Индонезией, Вьетнамом и другими свободными государствами и как должны решаться вопросы глобального масштаба наподобие устранения угрозы ядерной войны, националисты неизбежно обращались либо к либеральной, либо к коммунистической идее.

Но если и либерализм, и коммунизм сегодня дискредитированы, может быть, пора отказаться от самой идеи единого глобального проекта? В конце концов, разве эти глобальные проекты, включая даже коммунизм, не являются продуктами западного империализма? Почему вьетнамские крестьяне должны верить в плоды интеллектуальных построений немца из Трира и манчестерского промышленника? Что, если каждой стране уготован свой особый путь, предписанный её древними традициями? Может быть, и Западу пора отказаться от попыток править миром и для разнообразия сосредоточиться на собственных делах?

Вероятно, именно это сейчас и происходит на всём земном шаре — вакуум, возникший после краха либерализма, заполняется ностальгическими фантазиями о локальном золотом веке. Дональд Трамп соединил призыв к американскому изоляционизму с обещанием

«вернуть Америке былое величие» — как будто США 1980-х или 1950-х были идеальным обществом, которое каким-то образом необходимо воссоздать в двадцать первом веке. Сторонники Брекзита мечтают о том, чтобы снова сделать Великобританию независимой державой, словно всё ещё живут в эпоху королевы Виктории, и верят в жизнеспособность политики «гордого одиночества», хотя на дворе эра интернета и глобального потепления. Китайские элиты вновь открывают для себя национальное имперское и конфуцианское наследие, видя в нём дополнение или даже замену сомнительной марксистской идеологии, завезённой с Запада. В России Путин хочет построить не государство коррумпированной олигархии, а скорее возродить ушедшую царскую империю. Через сто лет после большевистской революции Владимир Путин обещает вернуть стране самодержавное величие, с автократическим правительством, которое опирается на русский национализм и православие и власть которого простирается от Балтики до Кавказа.

Похожие ностальгические мечты, в которых верность национализму смешивается с религиозными традициями, стали опорой режимов в Индии, Польше, Турции и многих других странах. Но особенно сильны эти фантазии на Ближнем Востоке, где исламисты стремятся скопировать систему, созданную пророком Мухаммедом в Медине 1400 лет назад, а в Израиле ортодоксальные иудеи превосходят даже исламистов, мечтая вернуться на 2500 лет назад, в библейские времена. Члены израильской правящей коалиции открыто говорят о желании расширить границы современного Израиля, максимально приблизив их к древним рубежам, вернуть библейский закон и даже восстановить древний храм Яхве в Иерусалиме на месте мечети Аль-Акса[10].

Либеральные элиты с ужасом смотрят на происходящее, надеясь, что человечество успеет вернуться на либеральный путь и предотвратить катастрофу. В своём последнем выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2016 года президент Обама предупреждал аудиторию об опасности возвращения «в раздираемый противоречиями мир, к старым конфликтам на национальной, племенной, расовой и религиозной почве». Он выразил убеждение, что «принципы открытого рынка, подотчётного государственного

управления, прав человека и норм международного права остаются самой прочной основой человеческого прогресса в этом столетии»[11].

Обама справедливо отметил, что, несмотря на многочисленные недостатки либеральной системы, у неё гораздо больше заслуг, чем у любой другой. Большинство населения Земли никогда не жило в условиях такого мира и процветания, как в либеральную эпоху начала двадцать первого века. Впервые в истории человечества от инфекционных болезней умирает меньше людей, чем от старости, число жертв ожирения превышает число жертв голода, а насильственная смерть уносит меньше жизней, чем несчастные случаи.

Но у либерализма нет чётких ответов на главные вызовы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, — такие как экологический коллапс и технологическая революция. Либерализм традиционно опирался на экономический рост, который чудесным образом разрешал сложные социальные и политические конфликты. Либерализм примирил пролетариат с буржуазией, верующих с атеистами, коренных жителей с иммигрантами, европейцев с азиатами, пообещав каждому по большому куску пирога. При постоянно растущем пироге это было возможно. Однако экономический рост не спасёт мировую экосистему: напротив, именно он стал причиной экологического кризиса. Также экономический рост не справится с технологической революцией — ведь она предполагает непрерывное появление новых прорывных технологий.

Либеральная концепция и логика капитализма со свободным рынком внушают людям большие надежды. Во второй половине двадцатого века каждое новое поколение жителей Хьюстона, Шанхая, Стамбула или Сан-Паулу могло рассчитывать на более качественное по сравнению с предыдущими образование и здравоохранение и на более высокие доходы. Однако наступление технологической революции на фоне экологической катастрофы приведёт к тому, что в грядущие десятилетия молодому поколению останется только радоваться, если его положение не ухудшится.

Таким образом, перед нами стоит задача предложить миру обновлённую концепцию. Последствия промышленной революции породили новые идеологии двадцатого века, и точно так же будущие революции в биотехнологиях и информационных технологиях, скорее

всего, потребуют формирования нового мировоззрения. Поэтому следующие десятилетия могут ознаменоваться переоценкой ценностей и возникновением новых социальных и политических моделей. Сумеет ли либерализм обновиться, как после кризисов 1930-х и 1960-х годов, и стать ещё более привлекательным, чем прежде? Могут ли традиционная религия и национализм дать ответы, которые ускользают от либералов, и могут ли они использовать древнюю мудрость для формирования современного мировоззрения? Или пришло время окончательно порвать с прошлым и создать абсолютно новый проект, который не только выйдет за пределы старых религиозных доктрин и государств, но и не будет ограничиваться ценностями свободы и равенства?

Сегодня человечеству ещё далеко до достижения консенсуса по этим вопросам. Мы всё ещё пребываем на нигилистической стадии боли и разочарования, после того как люди утратили веру в старые идеи, но ещё не приняли новых. Что дальше? Первым делом нужно снизить накал апокалиптических пророчеств и от паники перейти к удивлению. Паника — это форма высокомерия. Её порождает гордыня, когда человек уверен, что точно знает, куда движется мир: вниз. Удивлению свойственна бóльшая скромность, а значит, и бóльшая проницательность. Если вам хочется выскочить на улицу с криком о грядущем апокалипсисе, попробуйте сказать себе: «Ничего подобного. На самом деле я просто не понимаю, что происходит в мире».

В следующих главах мы поговорим о некоторых удивительных новых возможностях, которые у нас появляются, а также о путях, которые они перед нами открывают. Но прежде чем анализировать возможные решения проблем человечества, необходимо разобраться с вызовом, который бросает нам технология. Революции в области информационных технологий и биотехнологий только начинаются, и мы пока не понимаем, какова их степень вины в нынешнем кризисе либерализма. Большинство жителей Бирмингема, Стамбула, Санкт-Петербурга и Мумбаи лишь смутно представляют себе (если вообще представляют), как развивается искусственный интеллект и какое влияние он может оказать на их жизнь. Но очевидно, что в следующие десятилетия темпы технологических революций будут только расти и человечество столкнётся с небывалыми испытаниями. Люди примут ту или иную концепцию лишь в том случае, если получат доказательства

того, что она поможет им справиться с проблемами, вызванными революциями в сферах информационных технологий и биотехнологий. Если либерализм, национализм, ислам или некий новый символ веры в 2050 году поставит своей целью изменить мир, ему придётся не только признать необходимость искусственного интеллекта, алгоритмов Больших данных и биоинженерии, но и встроить их в новый осмысленный нарратив.

Чтобы понять природу технологического вызова, лучше всего, пожалуй, начать с рынка труда. С 2015 года я путешествовал по всему миру и беседовал с чиновниками, бизнесменами, общественными деятелями и студентами о том трудном положении, в котором оказалось человечество. Когда в ходе дискуссии об искусственном интеллекте, алгоритмах Больших данных и биоинженерии я видел, что их одолевает отчаяние или скука, мне, как правило, хватало одного волшебного слова, чтобы снова привлечь внимание аудитории. Это было слово «работа». Очень скоро технологическая революция может вытеснить с рынка труда миллиарды работников и образовать многочисленный класс лишних людей, что приведёт к социальным и политическим потрясениям, справиться с которыми не под силу ни одной из существующих идеологий. Разговоры о технологии и идеологии могут показаться абстрактными и далёкими от жизни, но более чем реальная перспектива массовой (или личной) безработицы не оставляет равнодушным никого.

2
Работа

Когда станете взрослыми, можете не найти работу

Мы не имеем никакого представления о том, как будет выглядеть рынок труда в 2050 году. Принято считать, что машинное обучение и роботизация изменят буквально всё — от производства йогуртов до преподавания йоги. Однако существуют прямо противоположные взгляды на природу грядущих изменений и их неизбежность. Некоторые убеждены, что в течение одного-двух десятилетий миллиарды людей станут ненужными для экономики. Другие утверждают, что автоматизация и в долгосрочной перспективе будет создавать новые профессии и обеспечит рост благосостояния для всех.

Действительно ли мы стоим на пороге пугающих перемен или подобные прогнозы — лишь очередной пример неоправданной луддитской истерии? Трудно сказать. Опасения, что автоматизация вызовет массовую безработицу, известны с девятнадцатого века, но ещё ни разу не сбылись. С самого начала промышленной революции вместо каждой профессии, вытесненной машинами, появлялась как минимум одна новая, а средний уровень жизни быстро рос[12]. Однако есть все основания полагать, что времена изменились и что машинное обучение в корне изменит правила игры.

Люди обладают двумя видами способностей: физическими и когнитивными. В прошлом машины конкурировали с человеком, как правило, в грубой физической силе, тогда как в интеллектуальной сфере за людьми сохранялось огромное преимущество. После автоматизации ручного труда в сельском хозяйстве и промышленности появились новые профессии, требовавшие умственных навыков, которыми обладают только люди: это обучение, анализ, общение и, самое главное, понимание человеческих эмоций. Однако сегодня искусственный интеллект начинает превосходить людей во всё большем числе таких навыков, включая распознавание человеческих эмоций[13]. О существовании какого-то третьего поля деятельности (за

пределами физического и когнитивного), где позиции людей были бы непоколебимы, нам неизвестно.

Важно понимать, что революция в сфере искусственного интеллекта связана не только с тем, что компьютеры становятся быстрее и умнее. Её подпитывают прорывы в естественных и социальных науках. Чем яснее мы понимаем механизмы биохимических процессов, лежащих в основе человеческих эмоций, желаний и поступков, тем успешнее компьютеры анализируют поведение человека и предсказывают его решения, заменяя водителей, банкиров и юристов.

В последние десятилетия исследования в области нейробиологии и поведенческой экономики позволили учёным «взломать» человеческое мышление и гораздо лучше понять, как действует механизм принятия решений. Выяснилось, что наш выбор чего бы то ни было, от еды до партнёра, определяет не какая-то загадочная свобода воли, а взаимодействие миллиардов нейронов, за долю секунды вычисляющих вероятности. Хвалёная «человеческая интуиция» на поверку оказалась «распознаванием образов»[14]. Хорошие водители, банкиры и юристы вовсе не обладают магической интуицией в отношении трафика, инвестиций или переговоров. Узнавая повторяющиеся схемы, они замечают неосторожных пешеходов, ненадёжных заёмщиков, хитрых мошенников и стараются избегать их. Выяснилось также, что биохимические алгоритмы человеческого мозга далеко не совершенны. Они основаны на эвристике, упрощениях и устаревших нервных связях, более пригодных для условий африканской саванны, чем для каменных джунглей города. Неудивительно, что даже опытные водители, банкиры и юристы иногда совершают глупые ошибки.

Это значит, что искусственный интеллект способен превзойти человека даже в решении тех задач, которые якобы требуют «интуиции». Если говорить о состязании искусственного интеллекта с человеком в том, что касается мистических предчувствий, такая задача кажется невыполнимой. А вот соревнование искусственного интеллекта с нейронными сетями в вычислительных возможностях и распознавании закономерностей уже не выглядит невероятным.

В частности, искусственный интеллект может лучше справляться с задачами, которые требуют интуиции *в отношении поведения других*

людей. Многие занятия (например, управление автомобилем на дороге с большим потоком пешеходов, выдача кредитов незнакомым людям, ведение деловых переговоров) требуют способности правильной оценки эмоций и желаний других людей. Выскочит ли этот ребёнок на дорогу? Не собирается ли этот человек в приличном костюме взять деньги и исчезнуть? Намерен ли этот юрист выполнить свои угрозы или он просто блефует? Пока мы полагали, что такого рода эмоции и желания порождаются нематериальной душой, казалось очевидным, что компьютеры никогда не заменят водителей, банкиров и юристов. Разве машина может понять то, что мистическим образом создано человеческой душой? Но если эти эмоции и желания суть результат действия биохимических алгоритмов, нет никаких причин, по которым компьютеры не могли бы расшифровывать их — и гораздо успешнее, чем любой *Homo sapiens*.

Водитель, предвидящий намерения пешехода, банкир, который оценивает кредитоспособность потенциального заёмщика, и юрист, чувствующий настроение партнёра за столом переговоров, опираются не на магию. Они просто не осознают, что их мозг распознаёт биохимические закономерности, анализируя выражение лица, интонации голоса, движения рук и даже исходящий от человека запах. Искусственный интеллект, снабжённый соответствующими датчиками, может делать всё это гораздо точнее и надёжнее, чем человек.

Поэтому угроза массовой безработицы связана не только с развитием информационных технологий. К ней ведёт слияние искусственного интеллекта с биотехнологиями. Путь от сканера МРТ до рынка труда долог и тернист, но его можно пройти за несколько десятилетий. Те знания, которые сегодня исследователи мозга получают о миндалевидном теле или мозжечке, к 2050 году позволят компьютерам превзойти психиатров и телохранителей.

Искусственный интеллект может не только «взламывать» людей и превосходить их в умениях и навыках, которые до сих пор считались исключительно человеческими. Он также обладает уникальными способностями, отсутствующими у человека, что делает различие между ним и работником из плоти и крови не только количественным, но и качественным. Две важные сверхчеловеческие способности искусственного интеллекта — это возможность подключения и взаимодействия, а также обновляемость.

Люди — отдельные личности, и их трудно подключить друг к другу и проследить, чтобы все они отвечали современным требованиям. Зато компьютеры легко объединить в единую гибкую сеть. Поэтому речь идёт не о замене миллионов отдельных работников миллионами роботов и компьютеров. Скорее всего, отдельных людей заменят интегрированные сети. Говоря об автоматизации, некорректно сравнивать возможности одного водителя с возможностями одного беспилотного автомобиля или одного врача с одним искусственным интеллектом, который ставит диагноз и назначает лечение. Нужно сравнивать возможности коллектива людей с возможностями интегрированной сети.

Например, многие водители не знают о последних изменениях в правилах дорожного движения и поэтому часто их нарушают. Кроме того, поскольку каждая машина автономна, то, когда две машины приближаются к одному перекрёстку, водители могут неверно оценить намерения друг друга, что приводит к аварии. Два беспилотных автомобиля, приближающиеся к перекрёстку, не полностью автономны — они части единого алгоритма. Поэтому вероятность неверной интерпретации намерений, а значит, и столкновения у них гораздо ниже. А если министерство транспорта решит изменить какие-то пункты правил дорожного движения, все беспилотные автомобили можно одновременно и без особого труда перепрограммировать, чтобы они в точности соблюдали новые правила[15].

Точно так же, когда Всемирная организация здравоохранения выявляет новое заболевание или какая-нибудь лаборатория создаёт новое лекарство, информацию об этом практически невозможно донести сразу до всех врачей в мире. Но если мы создадим даже 10 миллиардов систем медицинского искусственного интеллекта и каждая будет следить за здоровьем какого-то одного человека, информацию в них можно обновить за доли секунды, и эти системы легко смогут обмениваться данными о новом вирусе или препарате. Эти потенциальные преимущества — взаимодействие и обновляемость — столь велики, что в некоторых профессиях имеет смысл заменить *всех* людей компьютерами, даже если некоторые специалисты по-прежнему справляются с работой лучше машины.

Вы можете возразить, что, заменив отдельных людей компьютерной сетью, мы лишимся преимуществ индивидуального

подхода. Например, если один врач поставит неверный диагноз, он не убьёт всех пациентов в мире и не остановит разработку всех новых лекарств. Но если все врачи представляют собой единую систему и эта система допустит ошибку, результат может оказаться катастрофическим. В реальности интегрированные компьютерные системы могут максимизировать преимущества взаимодействия, не растеряв преимуществ индивидуального подхода. В одной сети будут выполняться разные алгоритмы — так, чтобы пациент в отдалённой деревне в джунглях мог с помощью смартфона связаться не с одним авторитетным врачом, а с сотнями систем медицинского искусственного интеллекта, работа которых подвергается постоянному сравнению. Не устраивают рекомендации врача IBM? Не страшно. Даже если вы застряли где-то на склонах Килиманджаро, вам не составит никакого труда узнать мнение доктора из Baidu.

Польза для человеческого общества, вероятно, будет огромной. Системы медицинского искусственного интеллекта смогут обеспечить более качественным и дешёвым медицинским обслуживанием миллиарды людей, включая тех, кому сегодня вообще недоступны услуги здравоохранения. Благодаря обучающим алгоритмам и биометрическим датчикам бедный деревенский житель из слаборазвитой страны сможет получить медицинские услуги, по качеству значительно превосходящие те, что сегодня богатейшие люди мира получают в самых современных клиниках[16].

Аналогичным образом беспилотные автомобили могли бы обеспечить людей лучшими транспортными услугами — в частности, снизить смертность из-за автомобильных аварий. В наши дни в авариях на дорогах ежегодно гибнет около 1,25 миллиона человек (в два раза больше, чем из-за войн, преступлений и терактов)[17]. Более 90 % этих аварий связаны с так называемым человеческим фактором: кто-то сел за руль нетрезвым, кто-то вёл машину, набирая сообщение на телефоне, кто-то заснул за рулём, кто-то просто погрузился в грёзы, вместо того чтобы следить за дорогой. По оценкам Национального управления безопасности движения на трассах, в 2012 году в США причиной 31 % смертельных аварий был алкоголь, 30 % — превышение скорости и 21 % — невнимательность[18]. Для беспилотных автомобилей подобное невозможно. Хотя у них есть свои проблемы и ограничения, а некоторых аварий не удастся избежать

никому, замена всех водителей компьютерами, как ожидается, снизит уровень смертности и травм на дорогах приблизительно на 90 %[19]. Иными словами, переход на беспилотные автомобили, по всей видимости, каждый год будет сохранять жизни миллиону человек.

Так что было бы безумием препятствовать автоматизации в сфере транспорта и здравоохранения только ради того, чтобы сохранить людям рабочие места. Ведь по большому счёту защищать нужно именно людей, а не работу. Освободившимся водителям и врачам просто придётся искать себе другие занятия.

Алгоритм по имени Моцарт

Маловероятно, что искусственный интеллект и роботы полностью уничтожат целые отрасли — по крайней мере, в ближайшее время. Будет автоматизирован в основном узкий диапазон монотонных рабочих операций. Гораздо труднее заменить машинами представителей творческих профессий, в которых необходимо использовать широкий набор навыков и которые требуют умения действовать в непредсказуемых ситуациях. Вернёмся к здравоохранению. Многие врачи практически полностью заняты обработкой информации: они собирают данные о здоровье, анализируют их, ставят диагноз. А вот медсестра должна обладать хорошими моторными и эмоциональными навыками, чтобы безболезненно сделать укол, сменить повязку или успокоить буйного пациента. Поэтому, скорее всего, семейный врач с искусственным интеллектом на нашем смартфоне появится на несколько десятилетий раньше, чем мы увидим надёжного робота-медсестру[20]. По всей вероятности, сфера социального обслуживания — забота о больных, детях и стариках — ещё долго останется в ведении человека. Люди живут всё дольше, а детей у них становится меньше, и поэтому уход за пожилыми будет одним из самых быстрорастущих секторов на рынке труда для человека.

Плохо поддаётся автоматизации не только уход за больными и немощными, но и творческий процесс. Нам больше не нужны люди, продающие музыку: мы можем напрямую загрузить её из iTunes, — но композиторы, музыканты, певцы и диджеи у нас по-прежнему из плоти и крови. Мы полагаемся на творческие способности людей не только в

сочинении новой музыки, но и в выборе из невероятного количества доступных вариантов.

И всё же автоматизации не избежит ни одна сфера — даже искусство. В современном мире искусство обычно ассоциируют с человеческими эмоциями. Мы склонны считать, что художник даёт выход неким внутренним психологическим процессам, что цель искусства — помочь нам осознать свои эмоции или пробудить в нас новые чувства. Поэтому, анализируя искусство, мы пытаемся судить о нём по эмоциональному воздействию на аудиторию. Но если в основе искусства лежат чувства, что произойдёт, когда внешние алгоритмы научатся понимать человеческие эмоции и манипулировать ими лучше, чем Шекспир, Фрида Кало или Бейонсе?

В конце концов, эмоции — вовсе не мистическое явление, а продукт биохимических процессов. Поэтому в недалёком будущем алгоритм машинного обучения сможет анализировать биометрические данные от датчиков внутри и на поверхности вашего тела, определять ваш тип личности, следить за сменой настроения, а затем вычислять эмоциональное воздействие, которое окажет на вас та или иная композиция — или даже музыкальная тональность[21].

Вероятно, из всех видов искусства для анализа Больших данных лучше всего подходит музыка, поскольку и она сама, и результат её воздействия поддаются точному математическому описанию. На входе — математические диаграммы звуковых волн, на выходе — электрохимические диаграммы нейронных бурь. Через несколько десятилетий алгоритм, проанализировавший миллионы мелодий, научится предсказывать, какую реакцию вызовет любая из них[22].

Предположим, вы только что поссорились с близким человеком. Алгоритм, управляющий аудиосистемой в вашем доме, сразу же заметит ваше эмоциональное возбуждение и, основываясь на том, что он знает о вас лично и о человеческой психологии в целом, включит композиции, соответствующие вашему мрачному настроению и созвучные вашим переживаниям. Эти мелодии не обязательно подойдут другим, но для вашего типа личности они идеальны. После того как алгоритм поможет вам осознать глубину ваших страданий, он включит единственную в мире песню, которая способна вас утешить — возможно, потому, что ваше подсознание ассоциирует её с воспоминаниями о счастливом детстве, хотя вы об этом даже не

догадываетесь. Ни один диджей никогда не сравняется в этом умении с искусственным интеллектом.

Вы можете возразить, что таким образом искусственный интеллект убьёт интуицию и запрёт нас внутри тесного музыкального кокона, сотканного из предыдущих предпочтений. А как насчёт того, чтобы ознакомиться с новыми музыкальными стилями? Не проблема. Вы легко сможете запрограммировать алгоритм так, чтобы в 5 % случаев его выбор был абсолютно случайным — он будет без предупреждения проигрывать вам записи индонезийского оркестра гамелан, оперы Россини или последние южнокорейские хиты. Со временем, регистрируя вашу реакцию, искусственный интеллект сумеет даже вычислить оптимальный уровень случайности, который будет обеспечивать необходимую новизну, не вызывая раздражения: например, понизит его до 3 % или повысит до 8 %.

Другое возможное возражение — непонятно, как алгоритм будет устанавливать «эмоциональную цель». Если вы поссорились с другом, к каким эмоциям должен подталкивать вас алгоритм — к печали или к радости? Будет ли он слепо придерживаться жёсткой шкалы «хороших» и «плохих» эмоций? А что, если в жизни бывают минуты, когда грусть полезна? Тот же вопрос можно адресовать музыкантам и диджеям. Однако алгоритм может предложить много интересных решений и для этой задачи.

Одно из них — просто предоставить решать пользователю. Вы можете выбрать желательные эмоции, а алгоритм будет следовать вашим указаниям. Иногда вам хочется жалеть себя, иногда — прыгать от радости. Алгоритм будет покорно вам подчиняться. Он научится распознавать ваши желания даже тогда, когда вы сами плохо их понимаете.

А если вы не хотите полагаться на себя, то можете попросить алгоритм следовать рекомендациям любого выдающегося психолога, которому доверяете. Если вы расстанетесь с близким человеком, алгоритм проведёт вас через пять стадий переживания горя: сначала поможет отрицать случившееся, проигрывая «Don’t Worry, Be Happy» Бобби Макферрина, потом подстегнёт ваш гнев песней Аланис Мориссетт «You Oughta Know», заставит торговаться с помощью «Ne Me Quitte Pas» Жака Бреля и «Come Back and Stay» Пола Янга, повергнет в депрессию композицией Адель «Someone Like You» и

«Hello» и, наконец, поможет принять неизбежное, включив «I Will Survive» Глории Гейнор.

Следующий шаг для алгоритма — работать с самими песнями и мелодиями, слегка меняя их, чтобы адаптировать к запросам клиента. Возможно, вам не нравится небольшой фрагмент в целом отличной песни. Алгоритм знает об этом, потому что ваш сердечный ритм меняется, а уровень окситоцина падает, когда вы слышите раздражающий вас кусок. И он может переписать или отредактировать ноты, которые вам не по душе.

Когда-нибудь алгоритмы научатся сочинять целые мелодии, играя на человеческих эмоциях, словно на клавишах фортепиано. Используя ваши биометрические данные, алгоритм сможет даже писать персонализированную музыку, которую сможете полностью понять и прочувствовать только вы.

Часто говорят, что люди воспринимают искусство потому, что находят в нём себя. Мы увидим удивительные и несколько пугающие результаты, если, скажем, Facebook начнёт создавать персонализированные шедевры на основе всего, что он о вас знает. Если вас бросит партнёр, Facebook утешит вас песней об этом конкретном негодяе, а не о каком-то незнакомце, разбившем сердце Адель или Аланис Мориссетт. Песня даже напомнит вам о реальных эпизодах ваших взаимоотношений, о которых во всём мире знаете только вы двое.

Конечно, персонализированное искусство может и не войти в моду — не исключено, что люди по-прежнему будут предпочитать знакомые хиты, которые нравятся всем. Как петь с друзьями песни, известные только вам, или танцевать всем вместе под такую музыку? Но в создании мировых хитов алгоритмы способны проявить ещё бóльшую гибкость, чем в сочинении персональной музыки. Используя массивы биометрических данных миллионов людей, алгоритм сможет выяснить, на какие биохимические «кнопки» нужно нажать, чтобы будущий хит захватил все танцполы мира. Если искусство действительно призвано вызывать у человека эмоции (или манипулировать ими), то музыкантам-людям будет очень трудно или даже невозможно тягаться с алгоритмом: ведь они не в состоянии так глубоко понять главный инструмент, на котором играют, — свою биохимическую систему.

Появится ли в результате великое искусство? Всё зависит от того, что мы вкладываем в это понятие. Если красота действительно в глазах смотрящего (и в ушах слушающего) и если клиент всегда прав, то у биометрических алгоритмов есть шанс создать лучшие шедевры в истории. Если искусство — это нечто более глубокое, чем человеческие эмоции, и оно должно выражать некую истину, не имеющую отношения к нашим биохимическим колебаниям, то биометрические алгоритмы, возможно, будут не слишком хорошими художниками. Как, впрочем, и большинство людей. Чтобы выйти на музыкальный рынок и потеснить многих композиторов и исполнителей, алгоритму не обязательно писать музыку лучше Чайковского. Для начала достаточно превзойти Бритни Спирс.

Новые профессии?

Исчезновение многих традиционных профессий в самых разных областях, от искусства до здравоохранения, отчасти будет скомпенсировано созданием новых. Семейного врача, который занят в основном диагностикой известных болезней и выпиской знакомых лекарств, вероятно, заменит искусственный интеллект. Но благодаря этому у нас останется больше денег на врачей и лаборантов, которые проводят революционные исследования, разрабатывают новые лекарства или хирургические процедуры[23].

Искусственный интеллект будет способствовать созданию новых профессий и другим путём. Вместо того чтобы соревноваться с искусственным интеллектом, люди могут сосредоточиться на его обслуживании и совершенствовании. Например, замена лётчиков беспилотными аппаратами сделала ненужными некоторые профессии, но вместе с тем создала новые рабочие места в сферах технического обслуживания, дистанционного управления, анализа данных и кибербезопасности. Вооружённым силам США для управления каждым дроном Predator или Reaper в небе над Сирией требуется 30 человек, а обработкой информации, поступающей от беспилотного аппарата, занимаются ещё как минимум 80 сотрудников. В 2015 году американским ВВС не хватало опытных специалистов для этих должностей. Довольно забавный кризис — нехватка людей для управления беспилотными летательными аппаратами[24].

Если так пойдёт и дальше, то в 2050 году на рынке труда будет наблюдаться сотрудничество, а не соперничество человека и искусственного интеллекта. В самых разных областях, от политики до банковской деятельности, коллективы из людей и искусственного интеллекта могут превзойти и людей, и компьютеры. После того как в 1997 году разработанная IBM шахматная программа Deep Blue победила Гарри Каспарова, люди не перестали играть в шахматы. Наоборот: благодаря искусственному интеллекту шахматные мастера теперь играют гораздо лучше, чем когда-либо, и сегодня шахматные команды в составе человека и искусственного интеллекта (их называют «кентаврами») превосходят и людей, и компьютеры. Точно так же искусственный интеллект поможет готовить лучших в истории детективов, банкиров и солдат[25].

Однако новые профессии, по всей видимости, потребуют высокой квалификации, а значит, вопрос о занятости неквалифицированных работников остаётся открытым. Возможно, создавать новые рабочие места будет проще, чем переобучить людей, которые должны их занять. Во время прежних волн автоматизации люди, как правило, могли переходить с одной монотонной и неквалифицированной работы на другую. В 1920-е годы сельскохозяйственный рабочий, оставшийся не у дел из-за механизации сельского хозяйства, находил новую работу на тракторном заводе. В 1980 году рабочий, уволенный из-за сокращения штатов, устраивался кассиром в супермаркет. Такая смена профессий была возможна потому, что переход с фермы на завод или с завода в супермаркет требовал лишь минимальной переподготовки.

Но в 2050 году кассир или работник текстильной фабрики, которого заменит робот, едва ли сможет стать учёным в области онкологии, управлять беспилотным летательным аппаратом или устроиться в банк, чтобы работать в паре с искусственным интеллектом. У него не будет необходимой для этих профессий квалификации. Во время Первой мировой войны был смысл посылать на фронт миллионы необученных призывников, которые перезаряжали пулемёты и тысячами гибли под огнём врага. Их индивидуальные умения и навыки не играли особой роли. Сегодня, несмотря на нехватку операторов дронов и специалистов по анализу данных, американские ВВС не спешат заполнять вакансии людьми, уволенными из супермаркетов Walmart. Никто не хочет, чтобы

неопытный новобранец перепутал афганскую свадьбу с совещанием лидеров талибана.

Таким образом, несмотря на появление множества новых профессий, может возникнуть целый класс «лишних» людей. Возможно, ситуация ухудшится сразу на двух фронтах — высокий уровень безработицы будет сопровождаться нехваткой квалифицированных специалистов. Многие люди разделят судьбу даже не извозчиков девятнадцатого века (кто-то из них научился водить такси), а лошадей, которых полностью вытеснили с рынка труда[26].

Кроме того, ни одна из профессий не застрахована от автоматизации, поскольку машинное обучение и роботы будут постоянно совершенствоваться. Сорокалетний кассир, уволенный из Walmart, ценой невероятных усилий может выучиться на оператора дрона — но не исключено, что лет через десять ему снова придётся переучиваться, потому что и эта профессия будет автоматизирована. В условиях подобной нестабильности возникнут проблемы с созданием профсоюзов и защитой прав работников. Уже сегодня в развитых экономиках многие новые профессии предполагают временное, не защищённое законодательством трудоустройство, фриланс и разовые услуги[27]. Как создать профсоюз в профессии, которая появляется и исчезает в течение одного десятилетия?

Точно так же внутри «кентавра» из человека и компьютера, скорее всего, будет наблюдаться соперничество, а не долговременное сотрудничество. В группах, состоящих только из людей (например, из Шерлока Холмса и доктора Ватсона), обычно формируется иерархия и устанавливается определённый порядок, не меняющийся десятилетиями. Но детектив, работающий с компьютерной системой «Доктор Ватсон» (прославившейся в 2011 году победой в американской телевикторине «Jeopardy!»), обнаружит, что рутина становится источником осложнений, а сложившаяся иерархия — приглашением к революции. Тот, кто вчера был закадычным другом, завтра может превратиться в начальника, а протоколы и инструкции придётся переписывать каждый год[28].

Внимательное изучение мира шахмат позволяет нам выявить долгосрочные тенденции и в других сферах человеческой деятельности. Да, в течение нескольких лет после победы Deep Blue над Каспаровым в шахматах развивалось сотрудничество человека и

компьютера. Но в последнее время компьютеры научились так хорошо играть в шахматы, что человек в качестве партнёра потерял всякую ценность и вскоре станет совсем не нужен.

Относительно недавно был пройден ещё один важный этап. Уже никого не удивляло, что компьютер способен обыграть человека, но 7 декабря 2017 года алгоритм AlphaZero компании Google выиграл у Stockfish 8, чемпиона мира 2016 года среди компьютерных программ. Stockfish 8 имела доступ к опыту, накопленному человеком за сотни лет игры в шахматы, а также к данным шахматных программ за несколько десятков лет. Она могла просчитывать 70 миллионов шахматных позиций в секунду. Скорость вычислений AlphaZero составляла лишь 80 тысяч операций в секунду, и создатели программы не обучили её шахматной стратегии — даже стандартным дебютам. Осваивая шахматы, программа AlphaZero использовала самые современные методы машинного обучения, играя сама с собой. Тем не менее из ста партий, сыгранных со Stockfish 8, новичок AlphaZero выиграл 28 и свёл вничью 72. Ни одного проигрыша! Поскольку алгоритм AlphaZero не учился у человека, многие из его выигрышных ходов и стратегий выглядят весьма необычно. Их с полным основанием можно назвать творческими — если не гениальными.

Угадайте, сколько времени потребовалось AlphaZero, чтобы научиться играть в шахматы, подготовиться к матчу с Stockfish 8 и развить у себя гениальную интуицию? Четыре часа. Это не опечатка. Столетиями шахматы считались одним из высших достижений человеческого разума. Программа AlphaZero за четыре часа без какой бы то ни было помощи со стороны человека проделала путь от полного незнания до вершин мастерства[29].

AlphaZero не единственная творческая компьютерная программа в мире. Сегодня многие из них превосходят шахматистов не только в скорости вычислений, но и в генерировании нестандартных идей. На шахматных турнирах, в которых участвуют только люди, судьи обязаны выявлять игроков, пытающихся жульничать с помощью компьютеров. Один из способов поймать нечестного игрока — отслеживать оригинальность ходов. Нестандартный ход может вызвать подозрения — не исключено, что это подсказка компьютера. Стало быть, как минимум в шахматах оригинальность мысли отныне считается отличительной чертой компьютеров, а не людей! Если

провести аналогию между шахматами и канарейкой в шахте, то мы получили серьёзное предупреждение: канарейка умирает. То, что сегодня происходит с шахматными командами, состоящими из человека и искусственного интеллекта, завтра может повториться с подобными командами, работающими в правоохранительных органах, медицине и банковском деле[30].

Следовательно, процесс появления новых профессий и переподготовки людей никогда не остановится. Революция искусственного интеллекта не станет единственным переломным моментом, после которого рынок труда вновь обретёт устойчивость. Скорее мы столкнёмся с чередой постоянно усугубляющихся проблем. Уже сегодня мало кто из наёмных работников рассчитывает всю жизнь проработать на одном месте[31]. К 2050 году безнадёжно устареть может не только идея «пожизненного найма», но и концепция «профессии на всю жизнь».

Даже если бы мы постоянно изобретали новые профессии и переобучали кадры, неизбежно возникли бы сомнения, хватит ли людям эмоциональной устойчивости, чтобы выдержать эту бесконечную гонку. Перемены всегда даются тяжело, и суматошный мир начала двадцать первого века породил глобальную эпидемию стресса[32]. Сумеют ли люди приспособиться к растущей волатильности рынка труда и непредсказуемости личной карьеры? Вероятно, чтобы защитить разум *Homo sapiens* от срыва, нам понадобятся более эффективные средства борьбы со стрессом, от медицинских препаратов до биологической обратной связи и медитации. Класс «лишних» людей может появиться не только из-за отсутствия работы и недостатка образования, но и из-за слабой психологической устойчивости.

Конечно, всё сказанное выше — из разряда предположений. К началу 2018 года автоматизация уже изменила многие отрасли промышленности, но ещё не привела к массовой безработице. Наоборот, во многих странах, например в США, уровень безработицы достиг исторического минимума. Никто не может с уверенностью предсказать, как автоматизация и машинное обучение повлияют на профессии в будущем, и очень трудно оценить, насколько быстро будут происходить изменения, — тем более что они зависят не только от технологических прорывов, но и от политических решений и

культурных традиций. Даже когда беспилотные автомобили докажут, что они безопаснее и дешевле водителей из плоти и крови, не исключено, что политики и потребители будут годами или десятилетиями противиться переменам.

Как бы то ни было, расслабляться не стоит. Весьма опасно надеяться, что у нас появится достаточно новых профессий, чтобы компенсировать потери. Тот факт, что так происходило во время прежних волн автоматизации, не гарантирует повторения подобного сценария в совершенно иных условиях двадцать первого века. Возможные социальные и политические бури настолько опасны, что, даже если вероятность системной массовой безработицы невелика, к ней нужно отнестись очень серьёзно.

В девятнадцатом веке промышленная революция создала новые условия и породила проблемы, с которыми не могла справиться ни одна из существовавших в то время социальных, экономических и политических моделей. Феодализм, монархия и традиционные религии не годились для управления крупными промышленными центрами, миллионами рабочих, покинувших родные места, и непрерывно меняющейся современной экономикой. Человечеству пришлось создавать принципиально новые модели — либеральную демократию, коммунистическую диктатуру, фашистский режим. Понадобилось больше ста лет кровопролитных войн и революций, чтобы в процессе экспериментов с этими моделями отделить зёрна от плевел и реализовать наилучшие решения. Детский труд в угольных шахтах, описанный в романах Диккенса, Первая мировая война и Голодомор на Украине в 1932–1933 годах — всё это лишь малая часть той цены, которую человечество заплатило за своё обучение.

Вызов, брошенный человечеству в двадцать первом веке информационными технологиями и биотехнологиями, вероятно, гораздо серьёзнее вызова, с которым оно столкнулось в эпоху паровых машин, железных дорог и электричества. Учитывая огромную разрушительную силу, которой обладает современная цивилизация, мы больше не можем позволить себе неудачных моделей, мировых войн и кровавых революций. В этот раз ложный путь способен привести к ядерной войне, появлению генетически модифицированных монстров и полному разрушению биосферы. Сегодня мы должны действовать эффективнее, чем наши предки в условиях промышленной революции.

От эксплуатируемых к ненужным

Возможные решения можно разделить на три категории: меры по предотвращению потери рабочих мест; меры по созданию достаточного числа новых рабочих мест; меры на случай, если темпы сокращения рабочих мест всё же значительно превысят скорость появления новых.

Стратегия полного сохранения рабочих мест непривлекательна и, по всей видимости, нереалистична, поскольку предполагает отказ от огромных возможностей и преимуществ искусственного интеллекта и роботов. Тем не менее правительства могут намеренно сдерживать темпы автоматизации, чтобы смягчить её последствия и дать людям время адаптироваться. Развитие технологий не предопределено заранее, и возможность тех или иных событий вовсе не означает их неизбежности. Власти могут успешно препятствовать новым технологиям, даже если те коммерчески конкурентны и экономически выгодны. Например, уже несколько десятилетий у нас есть технология для создания рынка человеческих органов, с предложением от «ферм тел» в слаборазвитых странах и практически неиссякаемым спросом со стороны богатых покупателей. Такие «фермы тел» могли бы стоить сотни миллиардов долларов. Однако свободная торговля человеческими органами законодательно запрещена, а чёрный рынок, хоть и существует, не так масштабен и развит, как можно было бы предположить[33].

Сдерживание темпов перемен поможет нам выиграть время для создания рабочих мест взамен устаревающих. Но, как я уже говорил, экономическое предпринимательство должно сопровождаться революцией в образовании и психологии. По всей видимости, новые профессии — если они не превратятся в простые бюджетные кормушки — потребуют высокой квалификации; по мере совершенствования искусственного интеллекта людям придётся постоянно осваивать новые навыки и менять профессии. Здесь необходимо участие государства, которое должно субсидировать сектор непрерывного образования и обеспечивать социальную защиту во время неизбежных переходных периодов. Если сорокалетнего оператора беспилотника нужно три года переучивать на разработчика виртуальных миров, ему потребуется поддержка государства, чтобы

всё это время он и его семья не голодали. (Такую схему недавно начали внедрять в Скандинавских странах, где власти следуют принципу «защищать работников, а не профессии».)

Однако нет никаких гарантий, что даже при существенной поддержке государства миллиарды людей смогут без ущерба для психики раз за разом начинать жизнь с нуля. Стало быть, если, несмотря на все наши усилия, значительная часть человечества будет вытеснена с рынка труда, нам придётся исследовать новые модели посттрудового общества, посттрудовой экономики и посттрудовой политики. Первый шаг на этом пути — честно признать, что социальные, экономические и политические модели, унаследованные нами из прошлого, неспособны противостоять этому вызову.

Возьмём, к примеру, коммунизм. Мы видим, что автоматизация угрожает потрясением самих основ капиталистической системы, и логично было бы предположить, что коммунистическая идея будет реабилитирована. Однако коммунизм не поможет справиться с кризисом такого рода. Коммунизм двадцатого века исходил из посылки, что основа экономики — это рабочий класс, и философы, разделявшие эту доктрину, пытались объяснить пролетариату, как конвертировать его громадную экономическую силу в политическое влияние. Коммунистический проект предполагал свершение пролетарской революции. Но что останется от этого учения в условиях, когда массы потеряют свою экономическую значимость и сражаться придётся не против эксплуатации, а против ненужности? Как организовать революцию рабочего класса в отсутствие рабочего класса?

Мне возразят, что люди никогда не утратят экономическую значимость: ведь даже если они не смогут конкурировать с искусственным интеллектом за рабочие места, то всегда будут нужны экономике как потребители. Но вовсе не очевидно, что мы понадобимся экономике будущего даже в качестве потребителей. Почему бы машинам и компьютерам не взять на себя и эту роль? Теоретически можно представить себе экономику, в которой горнопромышленная корпорация добывает железную руду и продаёт железо корпорации, которая производит роботов, а та, в свою очередь, продаёт роботов горнопромышленной корпорации, которая добывает ещё больше руды, используемой для производства ещё большего числа

роботов, и так далее. Эти корпорации будут расти и расширяться до дальних рубежей Галактики, и им потребуются только роботы и компьютеры, а люди не будут нужны даже для того, чтобы покупать их товары.

Уже сегодня компьютеры и алгоритмы выступают в роли не только производителей, но и клиентов. Например, на бирже самыми влиятельными покупателями акций, облигаций и товаров оказываются алгоритмы. В рекламном бизнесе главным потребителем становится поисковый алгоритм Google. Разрабатывая веб-страницы, люди зачастую ориентируются именно на его предпочтения, а не на вкусы того или иного человеческого существа.

Очевидно, что алгоритмы не обладают сознанием, а потому, в отличие от потребителей из числа людей, не способны насладиться покупкой, и на их решения не влияют чувства и эмоции. Поисковый алгоритм Google не может ощутить вкус мороженого. Тем не менее алгоритмы делают выбор на основе вычислений и встроенных предпочтений, и эти предпочтения всё заметнее влияют на нашу жизнь. В том, что касается ранжирования веб-страниц поставщиков мороженого, у поискового алгоритма Google весьма утончённый вкус, и самым успешным продавцом мороженого в мире будет та компания, которую Google поставит на первое место, а вовсе не та, что производит самое вкусное мороженое.

Я знаю это по своему опыту. Когда я публикую книгу, издатели просят меня приложить краткое описание, которое они будут использовать для рекламы в интернете. Но у них есть эксперт, который адаптирует мой текст для соответствия предпочтениям алгоритма Google. Этот человек внимательно читает то, что я написал, и говорит: «Не используйте это слово — замените его вот тем. Так у нас будет больше шансов привлечь внимание поискового алгоритма». Мы знаем, что если сумеем попасть в поле зрения алгоритма, то о числе читателей беспокоиться не придётся.

Но если люди не нужны ни в качестве производителей, ни в качестве потребителей, как гарантировать их выживание и психологическое благополучие? Мы не имеем права ждать, пока кризис разразится в полную силу, чтобы потом начать искать ответы. Потом будет слишком поздно. Чтобы противостоять беспрецедентным технологическим и экономическим угрозам двадцать первого века,

нужно как можно быстрее создавать новые социальные и экономические модели. Эти модели должны быть направлены на защиту людей, а не профессий. Многие профессии скучны и монотонны, и сохранять их нет никакого смысла: едва ли кто-то мечтает всю жизнь быть кассиром. Мы должны сосредоточиться на обеспечении базовых потребностей людей, на защите их социального статуса и самооценки.

Одна из новых моделей, которая в последнее время привлекает всё больше внимания, — это универсальный базовый доход (УБД). Концепция УБД предполагает, что государство взимает налоги с миллиардеров и корпораций, контролирующих алгоритмы и роботов, и тратит эти средства на выплату каждому человеку пособия, достаточного для удовлетворения базовых потребностей. Бедных это защитит от потери работы и разрушения экономических связей, а богатых — от нападок популистов[34]. Похожая теория предлагает расширить круг занятий, относимых к «труду». Сегодня миллиарды родителей воспитывают детей, соседи помогают друг другу, граждане объединяются в общественные организации, но всё это не считается работой. Возможно, нам следует переключить что-то в своих головах и осознать, что воспитание ребёнка — это, пожалуй, самая важная и трудная работа в мире. В этом случае нам не будет угрожать безработица, даже если компьютеры и роботы заменят всех водителей, банкиров и адвокатов. Резонный вопрос: кто будет оценивать этот труд и платить за него? Учитывая, что шестимесячные младенцы вряд ли будут платить жалованье своим матерям, эти расходы, по всей видимости, должно будет взять на себя государство. А поскольку нам хотелось бы, чтобы материнская зарплата покрывала базовые потребности семьи, в результате сложится система, мало чем отличающаяся от универсального базового дохода.

Ещё один вариант: государство субсидирует не базовый доход, а универсальные базовые *услуги*. Вместо того чтобы давать людям деньги, на которые они купят всё необходимое, государство может обеспечить им бесплатное образование, здравоохранение, транспортные услуги и так далее. По сути, это коммунистическая утопия. Планы коммунистов, связанные с пролетарской революцией, давно устарели, но, может быть, нам следует двигаться к идеалам коммунизма другим путём?

Никто точно не знает, что лучше: универсальный базовый доход (капиталистический рай) или универсальные базовые услуги (коммунистический рай). У обеих моделей есть свои преимущества и недостатки. Но независимо от того, какой рай кажется вам предпочтительным, главная проблема состоит в определении понятий «универсальный» и «базовый».

Что значит «универсальный»?

Когда речь заходит об универсальном базовом обеспечении — в виде дохода или услуг, — обычно подразумевается *государственное* базовое обеспечение. До сих пор все инициативы по внедрению УБД ограничивались национальными или муниципальными рамками. В январе 2017 года в Финляндии начался двухлетний эксперимент, в ходе которого 2000 безработных финнов ежемесячно получали по 560 евро, независимо от того, удавалось им найти работу или нет. Похожие эксперименты проводятся в канадской провинции Онтарио, в итальянском городе Ливорно и в нескольких голландских городах[35]. (В 2016 году в Швейцарии прошёл референдум о введении национального базового дохода, но граждане проголосовали против этого предложения)[36].

Проблема с подобными государственными или муниципальными моделями заключается в том, что основные жертвы автоматизации чаще всего живут не в Финляндии, Онтарио, Ливорно или Амстердаме. Глобализация привела к тому, что население той или иной страны нередко полностью зависит от рынка сбыта в других странах, но автоматизация разрушает целые сегменты всемирной торговой сети — с катастрофическими последствиями для самых слабых её участников. В двадцатом веке развивающиеся страны, не имевшие природных ресурсов, развивали свою экономику главным образом за счёт продажи дешёвой и неквалифицированной рабочей силы. Сегодня миллионы граждан Бангладеш зарабатывают на жизнь тем, что шьют рубашки на продажу потребителям в США, а жители Бангалора трудятся в колл-центрах, принимая жалобы американских покупателей[37].

Однако с появлением искусственного интеллекта, роботов и 3D-принтеров дешёвый неквалифицированный труд становится

ненужным. Вместо того чтобы шить рубашки в Дакке, а затем доставлять их в США через океан, проще купить в интернет-магазине Amazon программу для 3D-печати рубашки и изготовить её в Нью-Йорке. Магазины Zara и Prada на Пятой авеню сменятся центрами 3D-печати в Бруклине, и многие американцы, вероятно, предпочтут печатать одежду дома. А вместо того чтобы звонить в клиентскую службу в Бангалоре с жалобой на поломку принтера, вы сможете обсудить неисправность с искусственным интеллектом в облачном сервисе Google (его акцент и тембр голоса будут настроены с учётом ваших предпочтений). Но у оставшихся без работы швей в Дакке и у операторов колл-центров в Бангалоре не будет необходимого образования, чтобы сменить профессию и стать дизайнерами одежды или программистами. На что они будут жить?

Если искусственный интеллект и 3D-принтеры действительно вытеснят из сферы производства жителей Бангладеш и Бангалора, доход, который раньше получала Юго-Восточная Азия, будет оседать на счетах нескольких технологических гигантов из Калифорнии. Вместо экономического роста и улучшения условий жизни во всём мире мы увидим концентрацию огромных богатств в высокотехнологичных хабах вроде Кремниевой долины и разорение многих развивающихся стран.

Конечно, некоторые развивающиеся экономики, включая Индию и Бангладеш, смогут нарастить темпы и присоединиться к странам-лидерам. Дети и внуки работников текстильных фабрик или операторов колл-центров станут инженерами и предпринимателями, которые будут создавать собственные компьютеры и 3D-принтеры, — но на это нужно время. А времени осталось мало. В прошлом дешёвый неквалифицированный труд служил мостом через глобальную экономическую пропасть, и, даже если та или иная страна развивалась медленно, у неё оставалась надежда рано или поздно достичь приемлемого уровня жизни. Шаги в верном направлении были важнее скорости движения. Но теперь мост шатается и очень скоро может рухнуть. С теми, кто уже преодолел пропасть между дешёвым трудом и высокотехнологичными отраслями, вероятно, всё будет в порядке. Но отстающие так и останутся на другой стороне этой пропасти без каких бы то ни было шансов через неё перебраться. Что делать в ситуации, когда ваша дешёвая неквалифицированная рабочая сила никому не

нужна, а у вас нет ресурсов, чтобы создать качественную систему образования и обучить людей новым навыкам?[38]

Какая судьба ждёт отстающих? Возможно, американские избиратели не будут возражать против того, чтобы налоги Amazon и Google от их бизнеса в США пошли на пособия или бесплатные услуги оставшимся без работы шахтёрам Пенсильвании или таксистам Нью-Йорка. Но согласятся ли граждане США направить свои налоги на поддержку безработных в тех странах, которые президент Трамп назвал «вонючими дырами»?[39] С тем же успехом можно рассчитывать на то, что проблему решит Санта-Клаус или пасхальный заяц.

Что значит «базовый»?

Универсальное базовое обеспечение предназначено для удовлетворения базовых потребностей человека, но у нас нет общепринятого определения этого термина. С чисто биологической точки зрения человеку для выживания требуется 1500–2500 калорий в день. Всё, что превышает эту норму, можно считать роскошью. Однако каждая культура в истории человечества определила для себя дополнительные потребности, назвав их «базовыми», хотя они и выходили за пределы минимальной нормы. В средневековой Европе доступ к богослужениям в церкви считался важнее пищи — это была забота о бессмертной душе, а не о бренном теле. В современной Европе в число базовых человеческих потребностей входят достойное образование и услуги здравоохранения, а некоторые даже утверждают, что теперь для всех мужчин, женщин и детей жизненно необходим доступ в интернет. Если в 2050 году «объединённое мировое правительство» согласится обложить налогами Google, Amazon, Baidu и Tencent, чтобы обеспечить базовую поддержку всем людям на земле — не только в Детройте, но и в Дакке, — какой смысл они будут вкладывать в слово «базовые»?

Например, что должно включать базовое образование: обучение только чтению и письму или также программированию и игре на скрипке? Шесть лет начальной школы — или дальнейшие ступени, вплоть до докторантуры? А как насчёт здравоохранения? Если к 2050 году достижения медицины позволят замедлить процессы старения и

значительно продлить человеческую жизнь, будут эти услуги доступны всем 10 миллиардам жителей планеты — или только горстке миллиардеров? Если с помощью биотехнологий родители смогут совершенствовать детей, будет ли это относиться к базовым потребностям человека — или мы увидим расслоение человечества на разные биологические касты, когда у богатых суперлюдей появятся способности, намного превосходящие таланты бедных *Homo sapiens*?

Независимо от того, что мы понимаем под базовыми человеческими потребностями, как только все получат возможность бесплатно их удовлетворять, базовое обеспечение станет восприниматься как норма, а жёсткая социальная конкуренция и политическая борьба сместятся в сферу роскоши. Это будут, например, беспилотные автомобили, доступ к паркам виртуальной реальности или возможность совершенствовать своё тело с помощью биоинженерии. Однако если безработные массы будут отстранены от управления экономическими активами, трудно представить себе, как они смогут получить доступ к подобной роскоши. А значит, пропасть между богатыми (руководителями Tencent и акционерами Google) и бедными (теми, кто зависит от УБД) станет практически непреодолимой.

Таким образом, даже если в 2050 году система универсального базового обеспечения позволит людям получать более качественные, чем сегодня, образовательные и медицинские услуги, недовольство всеобщим неравенством и отсутствием социальной мобильности не исчезнет. Люди будут считать, что система их обманывает, что правительство служит только сверхбогатым и что в будущем положение их самих и их детей только ухудшится[40].

Homo sapiens просто не создан для удовлетворённости. Счастье человека зависит не столько от объективных условий, сколько от его ожиданий. Однако ожидания часто подстраиваются к обстоятельствам, в том числе к обстоятельствам *других людей*. Когда жизнь становится лучше, ожидания растут быстрее, и даже значительное улучшение условий может оставить нас такими же неудовлетворёнными, как и прежде. Если цель универсального базового обеспечения — улучшение объективных условий жизни среднего человека к 2050 году, у такой стратегии неплохие шансы на успех. Но если цель — сделать так, чтобы люди были всё более удовлетворены своей жизнью, а

социальное неравенство уменьшалось, то из этого, скорее всего, ничего не выйдет.

Для достижения этих целей универсальное базовое обеспечение должно быть дополнено осмысленной деятельностью, от спорта до религии. Возможно, самый успешный на сегодняшний день эксперимент по достижению удовлетворённости жизнью в обществе посттруда поставлен в Израиле. В этой стране около 50 % мужчин из числа ультраортодоксальных евреев не работают. Они посвящают жизнь изучению священных книг и исполнению религиозных обрядов. Но они и их семьи не голодают: отчасти потому, что работают их жёны, отчасти благодаря щедрому государственному пособию и бесплатным услугам, покрывающим их базовые потребности. Это некий прообраз универсального базового обеспечения[41].

Все исследования показывают, что, несмотря на бедность и отсутствие работы, ортодоксальные евреи неизменно демонстрируют более высокий по сравнению с другими слоями израильского общества уровень удовлетворённости жизнью. Причиной тому крепкие связи внутри общины, а также глубокий смысл, который они находят в изучении священных текстов и исполнении религиозных обрядов. В маленькой комнате, где еврейские мужчины обсуждают Талмуд, царит больше радости, подъёма и внезапных озарений, чем в огромном цехе на текстильной фабрике, где не покладая рук трудятся рабочие. В глобальных исследованиях удовлетворённости жизнью Израиль обычно занимает верхние строчки — именно благодаря вкладу этих бедных и безработных людей[42].

Светские израильтяне часто жалуются, что ультраортодоксы вносят недостаточный вклад в развитие общества и живут за счёт тяжёлого труда других. Светские израильтяне склонны считать образ жизни ультраортодоксов неприемлемым, особенно учитывая тот факт, что ультраортодоксальные семьи в среднем воспитывают семерых детей[43]. Рано или поздно государство больше не сможет материально обеспечивать такое число безработных, и ультраортодоксам придётся пойти работать. Но вероятен и противоположный сценарий. По мере того как искусственный интеллект и роботы будут вытеснять людей с рынка труда, на ортодоксальных евреев начнут смотреть как на модель будущего, а не как на пережиток прошлого. Это не значит, что все станут ортодоксальными евреями и отправятся в иешивы изучать

Талмуд. Просто поиски смысла жизни и единомышленников заменят людям поиск работы.

Если мы сумеем соединить всеобщую экономическую безопасность с развитием общественной жизни и содержательной деятельностью, то передача работы алгоритмам может стать настоящим благословением. Но возможен и другой сценарий — потеря контроля над своей жизнью. Несмотря на опасность массовой безработицы, гораздо большее беспокойство должен вызывать переход власти от людей к алгоритмам, способный разрушить остатки веры в либеральную концепцию и открыть путь к появлению цифровых диктатур.

3
Свобода

Алгоритмы следят за тобой

В либеральной концепции свобода человека считается наивысшей ценностью. Сторонники либерализма утверждают, что в конечном счёте источником любой власти служит свободная воля отдельных людей, выраженная в их чувствах, желаниях и выборе. В политике либерализм полагается на мнение избирателя и поэтому поддерживает демократические выборы. В экономике либерализм руководствуется принципом «клиент всегда прав» и превозносит принципы свободного рынка. В частной жизни либерализм призывает человека прислушиваться к себе, быть честным с собой и следовать велению сердца — до тех пор, пока он не посягает на свободу других. Эта личная свобода закреплена в правах человека.

Сегодня в западном политическом дискурсе термин «либерал» часто используется в более узком смысле, им обозначают сторонников определённых взглядов на такие вопросы, как однополые браки, контроль за оборотом оружия и аборты. Однако многие так называемые консерваторы тоже придерживаются принципов либерализма. Особенно в Соединённых Штатах, где республиканцы, как и демократы, время от времени вынуждены прервать свои горячие споры, чтобы напомнить себе, что все они согласны с такими основами, как свободные выборы, независимая судебная система и права человека.

Примечательно, что такие сторонники правых идей, как Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер, были убеждёнными защитниками не только экономических, но и личных свобод. В 1987 году в своём знаменитом интервью Тэтчер сказала: «Общества как такового не существует. Есть только живая ткань из мужчин и женщин… и качество нашей жизни будет зависеть от того, насколько каждый из нас готов за себя отвечать»[44].

Наследники Тэтчер из партии консерваторов полностью согласны с лейбористами в том, что политическая власть проистекает из чувств,

выбора и свободной воли отдельных избирателей. Когда Великобритания оказалась перед выбором, выходить из ЕС или нет, премьер-министр Дэвид Кэмерон не обращался за ответом к королеве Елизавете II, архиепископу Кентерберийскому или к учёным Оксфорда и Кембриджа. Он даже не обращался к членам парламента. Премьер-министр назначил референдум, и каждому британцу был задан вопрос: «Что вы *чувствуете*?».

Вы возразите, что людей спрашивали: «Как вы думаете?», а не «Что вы чувствуете?» — но это распространённая ошибка восприятия. На референдумах и выборах исход всегда зависит от *чувств* людей, а не от их рациональных размышлений. Если бы демократия требовала рационального принятия решений, не было бы никакого резона давать людям равные избирательные права — или вообще хоть какие-то избирательные права. Существует масса свидетельств того, что одни люди гораздо лучше информированы и более способны к рациональному мышлению, чем другие, особенно когда дело касается конкретных экономических и политических вопросов[45]. После референдума по Брекзиту выдающийся биолог Ричард Докинз высказал мнение, что подавляющее большинство британцев — включая его самого — не должны были голосовать на референдуме, поскольку не обладали необходимыми знаниями в области экономики и политологии. «С тем же успехом можно организовать национальный плебисцит, чтобы решить, верны ли выкладки Эйнштейна, или позволить пассажирам голосовать, на какую полосу пилот должен посадить самолёт»[46].

Хорошо это или плохо, но выборы и референдумы выявляют не мысли, а чувства людей. А в том, что касается чувств, Эйнштейн и Докинз ничем не лучше любого другого человека. Демократия предполагает, что наши чувства отражают загадочную и глубокую «свободу воли», что эта «свобода воли» — главный источник власти и что, хотя некоторые люди умнее других, все они одинаково свободны. Неграмотная горничная обладает такой же свободой воли, как Эйнштейн и Докинз, и в день голосования её чувства, выраженные в сделанном ею выборе, обладают таким же весом, как и чувства всех остальных.

Чувствами руководствуются не только избиратели, но и политические лидеры. В 2016 году в процессе подготовки

референдума по Брекзиту кампанию за выход из ЕС возглавляли Борис Джонсон и Майкл Гоув. После отставки Дэвида Кэмерона Гоув поначалу поддерживал кандидатуру Джонсона, но в последний момент заявил, что тот не подходит для должности премьер-министра, и объявил о намерении самому бороться за этот пост. Действия Гоува, лишившие Джонсона шансов стать главой кабинета, были расценены как политическое убийство в стиле Макиавелли[47]. Но Гоув оправдывал свой поступок чувствами, объясняя: «Перед каждым шагом в своей политической жизни я задавал себе вопрос: “Как я должен поступить? Что мне подсказывает сердце?”»[48]. Вот почему, если верить Гоуву, он так яростно сражался за Брекзит, а затем счёл необходимым нанести удар в спину своему верному союзнику Борису Джонсону, чтобы самому претендовать на статус альфа-самца: так подсказывало ему сердце.

Возможно, именно эта зависимость от веления сердца — ахиллесова пята либеральной демократии. Если кто-то (неважно, в Пекине или в Сан-Франциско) получит технологическую возможность «проникать в человеческое сердце» и манипулировать им, демократическая политика превратится в театр эмоциональных марионеток.

Прислушивайтесь к алгоритму

Либеральная вера в чувства и свободный выбор индивидов не являются ни естественными, ни древними. Тысячелетиями люди верили, что источник власти — божественные законы, а не человеческое сердце, а потому нужно благословлять слово Божие, а не свободу человека. Только в последние несколько веков источник власти переместился от богов, обитающих на небесах, к людям из плоти и крови.

Вскоре мы снова можем стать свидетелями передачи власти — но уже от людей к алгоритмам. Точно так же, как легитимацией божественной власти служила религиозная мифология, а власти людей — либеральная концепция, грядущая технологическая революция утвердит власть алгоритмов Больших данных, подорвав саму идею индивидуальной свободы.

Как я уже отмечал в предыдущей главе, научные исследования функционирования нашего мозга и тела указывают на то, что чувства не являются уникальным духовным качеством человека и следствием «свободы воли». Скорее чувства представляют собой биохимические механизмы, которые используют все млекопитающие и птицы для быстрого вычисления шансов на выживание и продолжение рода. Чувства основаны не на интуиции, вдохновении или свободе — в их основе лежат вычисления.

Когда обезьяна, мышь или человек видит змею, чувство страха возникает из-за того, что миллионы нейронов в мозгу быстро обрабатывают соответствующие данные и приходят к заключению, что вероятность гибели велика. Чувство полового влечения возникает тогда, когда другие биохимические алгоритмы вычисляют, что находящийся рядом индивид обещает высокую вероятность успешного партнёрства, социальных связей или какую-либо другую желанную цель. Нравственные чувства, такие как негодование, вина или прощение, обусловлены нейронными механизмами, отвечающими за групповое сотрудничество. Все эти биохимические алгоритмы совершенствовались миллионами лет эволюции. Если чувства одного из наших древних предков приводили к фатальной ошибке, то гены, сформировавшие эти чувства, не передавались следующему поколению. Таким образом, чувства не противоположны рациональности — они суть воплощение эволюционной рациональности.

Нам непросто осознать, что наши чувства представляют собой результат вычислений, поскольку быстрый вычислительный процесс протекает далеко за порогом нашего сознания. Мы не ощущаем, как миллионы нейронов мозга просчитывают вероятности выживания и продолжения рода, и поэтому ошибочно полагаем, что боязнь змей, выбор полового партнёра или отношение к Евросоюзу определяются некой таинственной «свободой воли».

Теоретики либерализма ошибаются, полагая, что наши чувства отражают свободу воли, однако вплоть до недавнего времени руководствоваться чувствами было вполне разумно. В наших чувствах нет никакой магии, и всё же именно они лучше всего помогают понять, чему нам учиться, на ком жениться, за какую партию голосовать. Никакая внешняя по отношению ко мне система никогда не поймёт

мои чувства лучше, чем я сам. Даже если бы испанская инквизиция или советский КГБ следили за мной каждую минуту каждого дня, у них не хватило бы биологических знаний и вычислительных мощностей, чтобы вмешаться в процессы, определяющие мои желания и мой выбор. С практической точки зрения было разумно считать, что мы обладаем свободой воли, потому что наша воля определяется в основном взаимодействием внутренних сил, невидимых снаружи. Я могу наслаждаться иллюзией контроля над своим внутренним миром, тогда как внешние наблюдатели никогда не поймут, что происходит у меня в мозгу и как я принимаю решения.

Так что либералы правы, когда советуют людям поступать по велению сердца, а не подчиняться диктату священника или партийного аппаратчика. Однако вскоре компьютерные алгоритмы будут предлагать вам правильные решения, гораздо лучше человеческих чувств. Но по мере того как на место испанской инквизиции и КГБ будут заступать Google и Baidu, «свобода воли», скорее всего, превратится в миф, и тогда либерализм может лишиться своих практических преимуществ.

На наших глазах происходит слияние двух масштабных революций. Биологи проникают в тайны человеческого тела, и в частности, мозга и чувств. Одновременно специалисты в области вычислительных систем открывают беспрецедентные возможности обработки данных. Когда биотехнологическая революция сольётся с революцией в сфере информационных технологий, появятся алгоритмы Больших данных, способные следить за нашими чувствами и понимать их гораздо лучше, чем мы. И тогда власть, вероятно, перейдёт от людей к компьютерам. Иллюзия свободы воли, скорее всего, развеется, если я каждый день буду сталкиваться с институтами, корпорациями и госучреждениями, которые манипулируют тем, что я до недавних пор считал своим внутренним миром, недоступным для других.

Мы уже видим, как это работает в медицине. Самые важные медицинские решения опираются не на наше самочувствие, и даже не на компетентные прогнозы врача, а на вычисления компьютера, который понимает наше тело лучше, чем мы. Через несколько десятилетий алгоритмы Больших данных, обрабатывающие непрерывный поток биометрической информации, смогут следить за

нашим здоровьем ежедневно, 24 часа в сутки. Они выявят грипп, рак или болезнь Альцгеймера на самой ранней стадии — задолго до того, как мы почувствуем, что с нами что-то не так. Затем они порекомендуют необходимое лечение, диету и режим, разработанные с учётом наших физических данных, ДНК и особенностей личности.

Люди получат лучшее здравоохранение в истории, но именно поэтому они, вероятно, будут постоянно болеть. В нашем организме всегда есть неполадки и всегда есть что улучшить. В прошлом человек ощущал себя совершенно здоровым, пока не чувствовал боль или не начинал страдать от нарушения каких-то функций, например от хромоты. Но к 2050 году благодаря биометрическим датчикам и алгоритмам Больших данных болезни будут диагностироваться и лечиться задолго до появления боли или нарушения функций. В результате вы всегда будете считаться «больным» и выполнять те или иные рекомендации алгоритма. А отказавшись лечиться, вы можете лишиться страховки или даже работы — зачем работодателю платить за ваше упрямство?

Одно дело — не отказываться от сигарет, несмотря на статистические данные, связывающие курение с раком лёгких. Совсем другое — продолжать курить, вопреки категорическому предупреждению биометрического датчика, который обнаружил в верхней доле левого лёгкого семнадцать раковых клеток. А если вы решите проигнорировать предупреждение, что будет, когда датчик сообщит информацию вашей страховой фирме, вашему начальнику и вашей матери?

Но где взять время и силы, чтобы бороться со всеми этими болезнями? Скорее всего, мы научимся так программировать следящий за нашим здоровьем алгоритм, чтобы он сам справлялся с большинством выявленных проблем. В идеале он будет периодически слать отчёты нам на смартфон, сообщая, что «обнаружены и уничтожены семнадцать раковых клеток». Ипохондрики, конечно, расстроятся, но большинство людей просто проигнорируют эти сообщения точно так же, как сегодня мы игнорируем сообщения антивирусной программы на компьютере.

Драматизм принятия решений

То, что уже происходит в медицине, по всей видимости, будет распространяться и на другие сферы человеческой деятельности. Главное изобретение — биометрический датчик на поверхности или внутри тела, который преобразует биологические процессы в электронную информацию для компьютерной обработки и хранения. Достаточное количество информации и достаточная вычислительная мощность позволят внешним системам обработки данных вызнать всё о ваших желаниях, решениях и мнениях. Они смогут точно определить, кто вы.

Большинство людей плохо себя знает. Я сам только в двадцать один год, после нескольких лет отрицания, наконец понял, что я гей. И мой случай не исключение. В подростковом возрасте многие геи сомневаются в своей сексуальной ориентации. Теперь представьте себе ситуацию: в 2050 году алгоритм точно подскажет подростку, в какой части спектра ориентации (гомосексуальной или гетеросексуальной) он находится и насколько гибка эта позиция. Возможно, алгоритм покажет вам фотографии или видео привлекательных мужчин и женщин, проследит за движением ваших глаз, кровяным давлением и активностью мозга, и уже через пять минут определит ваше положение на шкале Кинси[49]. Подобное изобретение могло бы избавить меня от нескольких лет фрустрации. Возможно, сами вы не испытываете желания проходить такой тест, но однажды на чьём-нибудь дне рождения кто-то из друзей предложит всем проверить себя с помощью нового крутого алгоритма (а все остальные будут стоять и смотреть, комментируя результаты). Вы откажетесь и уйдёте?

Но даже если вы скрываете свою сексуальную ориентацию от себя и друзей, у вас не получится скрыть её от Amazon, Alibaba или тайной полиции. Пока вы бродите по интернету, смотрите YouTube или листаете социальные сети, алгоритмы будут внимательно следить за вами, изучать вас и сообщать компании Coca-Cola, что, если она хочет продавать вам свои напитки, ей лучше использовать рекламу с полуобнажённым парнем, а не с полуобнажённой девушкой. Сами вы об этом даже не узнаете. Но они — будут знать, и ценность такой информации будет исчисляться миллиардами.

С другой стороны, нельзя исключить, что люди сами будут с готовностью делиться личными данными, чтобы получать наилучшие

рекомендации, а то и вовсе просить алгоритм принимать решения вместо них. Начнётся всё с самого простого, например с выбора фильма для просмотра. Когда вы усаживаетесь с друзьями перед телевизором, сначала нужно решить, что все будут смотреть. Полвека назад у вас не было выбора, но сегодня, с развитием интерактивного телевидения, в вашем распоряжении — тысячи названий. Договориться непросто, потому что вы, например, любите научно-фантастические триллеры, Джек предпочитает романтические комедии, а Джилл обожает французский артхаус. В итоге компромиссом станет, скорее всего, бездарный малобюджетный фильм, который разочарует всех.

В подобной ситуации на помощь придёт алгоритм. Вы сообщите ему, какие из ранее просмотренных фильмов понравились каждому из вас, и он, покопавшись в огромной базе данных, найдёт идеальное решение для всей группы. К сожалению, слишком грубый алгоритм может ошибиться, особенно из-за того, что сведения, которые люди сообщают о себе, не всегда точно отражают их истинные предпочтения. Например, мы слышим, как многие хвалят фильм, называя его шедевром, чувствуем себя обязанными его посмотреть, засыпаем на середине, но всё равно говорим, что восхищены, не желая выглядеть профанами[50].

Такого рода проблемы легко решить, если просто позволить алгоритму не полагаться на наши сомнительные самоотчеты, а собирать данные о нас в реальном времени, во время просмотра фильмов. Для начала алгоритм просто запомнит, какие фильмы мы досмотрели до конца, а какие бросили на середине. Даже если мы говорим всем и каждому, что «Унесённые ветром» — лучший из когда-либо снятых фильмов, алгоритм будет знать, что мы ни разу не продержались больше получаса и никогда не видели горящей Атланты.

Но алгоритм способен и на более глубокий анализ. В настоящее время разрабатывается программное обеспечение, умеющее распознавать эмоции человека по движению глаз и лицевых мышц[51]. Дополните телевизор хорошей камерой, и программа будет знать, какие сцены заставляют вас смеяться, какие вызывают грусть, а какие скуку. Затем предоставьте алгоритму доступ к показаниям биометрических датчиков, и он определит, как разные кадры влияют на частоту сокращений вашего сердца, на кровяное давление и

активность мозга. Когда, например, мы смотрим «Криминальное чтиво» Тарантино, алгоритм может отметить, что сцена изнасилования вызывает у нас едва заметный импульс сексуального возбуждения, что случайный выстрел Винсента в лицо Марвину заставляет нас виновато рассмеяться, а шутку про бургер мы вообще не поняли — но всё равно засмеялись, просто чтобы не выглядеть глупо. Когда вы заставляете себя смеяться, работают не те цепи нейронов в мозгу и не те лицевые мышцы, которые приходят в действие при искреннем смехе. Люди, как правило, не видят этих различий — но алгоритм их улавливает[52].

Слово «телевизор» образовано от греческого корня *tele*, что означает «далеко», и латинского *visio* — «вижу». Изначально это было устройство, которое позволяло нам видеть издалека. Но вскоре с его помощью *нас* будут видеть издалека. Как предсказывал Джордж Оруэлл в романе «1984», телевизор будет наблюдать за нами, пока мы его смотрим. Возможно, мы быстро забудем все фильмы Тарантино. Но Netflix, Amazon или любой другой владелец телевизионного алгоритма не забудет, какой у нас тип личности и как управлять нашими эмоциями. Такие данные позволят им не только с невероятной точностью выбирать для нас фильмы, но и принимать за нас самые важные решения в жизни — чему учиться, где работать, на ком жениться.

Разумеется, иногда Amazon будет ошибаться. Это неизбежно. Ошибки будут возникать из-за недостатка данных, несовершенства программы, нечётко поставленных целей и хаотичного характера самой жизни[53]. Но программа Amazon и не должна быть идеальной. Достаточно, чтобы в среднем алгоритм превосходил человека. А это не так уж трудно, потому что большинство людей плохо себя знают и, принимая самые важные в своей жизни решения, совершают ужасные ошибки. Люди страдают от недостатка данных, несовершенства программы (генетической и культурной), нечётких определений и хаоса жизни намного больше алгоритмов.

Можно перечислить множество проблем, с которыми сталкиваются алгоритмы, и прийти к выводу, что люди никогда не будут им доверять. Но это сродни составлению списка недостатков демократии с последующим заключением, что ни один здравомыслящий человек не поддержит такую систему. Широко известны слова Уинстона Черчилля о том, что демократия — худшая

политическая система, если не считать всех остальных. Люди могут прийти к таким же выводам (справедливым или не очень) об алгоритмах Больших данных: у них масса недостатков, но лучшей альтернативы у нас нет.

Учёные всё яснее понимают природу процессов, связанных с принятием человеком решений, и соблазн довериться алгоритмам, скорее всего, будет усиливаться. Знания о процессе принятия решений мозгом не только повысят надёжность алгоритмов Больших данных, но и сделают *менее* надёжными человеческие чувства. Когда правительства и корпорации взломают операционную систему человека, на нас обрушится шквал точно выверенных манипуляций, рекламы и пропаганды. Манипулировать нашим мнением и эмоциями станет так легко, что мы будем вынуждены довериться алгоритмам — подобно тому, как пилот самолёта, у которого закружилась голова, должен игнорировать свои ощущения и довериться приборам и автоматике.

В ряде стран и в некоторых ситуациях у людей, возможно, просто не останется выбора: им придётся подчиняться решениям алгоритмов Больших данных. Но алгоритмы могут захватить власть даже в предположительно свободных обществах, поскольку мы на личном опыте научимся доверять им всё больше и больше дел, постепенно утрачивая способность самостоятельно принимать решения. Задумайтесь: всего за два десятка лет миллиарды людей научились доверять алгоритму Google решение одной из самых важных задач: поиска актуальной и достоверной информации. Мы больше не ищем информацию — мы «гуглим». И пока мы раз за разом полагаемся на Google, наша способность к самостоятельному поиску информации ослабевает. Уже сегодня «правдой» считается то, что попадает в верхние строки поисковой выдачи Google[54].

Нечто подобное происходит и с физическими возможностями, в частности с ориентацией на местности. Люди спрашивают дорогу у Google. Например, интуиция подсказывает водителю повернуть на перекрёстке налево, но навигатор в Google Maps говорит: «Поверните направо». Поначалу водитель прислушивается к интуиции, поворачивает налево, попадает в пробку и пропускает важную встречу. В следующий раз он следует указанию Google, поворачивает направо и приезжает вовремя. Опыт приучает его доверять Google. Через год или

два он уже слепо выполняет любые рекомендации Google Maps, а при поломке смартфона становится совершенно беспомощным. В марте 2012 года в Австралии три японских туриста решили осмотреть маленький остров недалеко от берега и заехали на машине прямо в Тихий океан. Водитель, двадцатиоднолетний Юдзу Нода, впоследствии объяснил, что просто следовал указаниям системы GPS: «Она сказала нам, что мы можем ехать прямо туда. Навигатор говорил, что покажет нам дорогу. Мы чуть не утонули»[55]. В нескольких аналогичных случаях люди въезжали в озеро или падали с разрушенного моста — вероятно, следуя инструкциям GPS-навигатора[56]. Способность ориентироваться в пространстве подобна мышце — без тренировки она атрофируется[57]. То же относится и к способности выбирать супруга или профессию.

Каждый год миллионам юношей и девушек приходится выбирать, какие предметы изучать в университете. Это очень важное и очень непростое решение. Вы испытываете давление родителей, друзей и преподавателей, у каждого из которых свой интерес и своё мнение. А у вас собственные страхи и фантазии. На ваше решение влияют голливудские блокбастеры, низкопробные романы и изощрённые рекламные кампании. Разумное решение особенно трудно принять ещё и потому, что вы не знаете, что требуется для успеха в разных профессиях, и у вас не всегда реалистичные представления о своих достоинствах и недостатках. Что нужно, чтобы стать успешным адвокатом? Как я буду реагировать на стресс? Получится ли у меня работать в команде?

Допустим, студентка выбирает юридический факультет, неверно оценив свои способности и имея искажённое представление о работе юриста (которая не сводится к прочувствованным речам и выкрикам: «Возражаю, ваша честь!»). А её подруга полна решимости осуществить детскую мечту и стать профессиональной балериной, несмотря на неподходящее телосложение или трудности с самодисциплиной. По прошествии многих лет обе будут горько сожалеть о сделанном выборе. В будущем в подобных случаях мы сможем опереться на Google. Алгоритм подскажет, что я зря потрачу время на юридическом факультете или в балетной школе, но стану успешным (и очень счастливым) психологом или сантехником[58].

Когда искусственный интеллект начнёт принимать оптимальные решения о выборе карьеры (а возможно, и об отношениях с другими людьми), наше представление о человеческой природе и о жизни должно будет измениться. Люди обычно думают, что жизнь — это драма принятия решений. Либеральная демократия и капитализм со свободным рынком рассматривают индивида как независимого агента, постоянно принимающего решения, касающиеся окружающего мира. Произведения искусства — будь то пьесы Шекспира, романы Джейн Остин или пошлые голливудские комедии — обычно фокусируются на герое, который должен сделать непростой выбор. Быть или не быть? Последовать совету жены и убить короля Дункана — или прислушаться к голосу совести и пощадить его? Выйти замуж за мистера Коллинза или за мистера Дарси? В фокусе и христианской, и исламской теологии находится драма принятия решения: спасение души зависит от правильного выбора.

Что случится с подобным взглядом на жизнь, если мы будем всё больше полагаться на искусственный интеллект, предоставляя ему право решать за нас? Сегодня мы доверяем Netflix выбирать для нас фильмы и спрашиваем у Google Maps, куда поворачивать. Но как только мы начнём полагаться на искусственный интеллект в выборе образования, места работы и супруга, человеческая жизнь перестанет быть драмой принятия решений. Демократические выборы и свободный рынок потеряют смысл — а с ними и большинство религий и произведений искусства. Представьте себе, что Анна Каренина достаёт смартфон и спрашивает алгоритм Facebook, что ей делать: остаться с Карениным или сбежать с красавцем графом Вронским. Или вообразите пьесу Шекспира, в которой жизненно важные решения принимает алгоритм Google. Несомненно, жизнь Гамлета и Макбета стала бы более комфортной — но на что она стала бы похожа? Есть ли у нас модель, позволяющая наполнить такую жизнь смыслом?

По мере того как власть будет переходить от людей к алгоритмам, наш мир перестанет быть местом, в котором действуют независимые индивиды, стремящиеся сделать правильный выбор. Вместо этого мы будем воспринимать Вселенную в виде потока данных, а организмы — в виде биохимических алгоритмов, и верить, что космическая миссия человечества заключается в создании всеобъемлющей системы обработки данных и последующем слиянии с ней. Уже сегодня мы

превращаемся в крошечные элементы внутри гигантской системы обработки данных, которую никто до конца не понимает. Каждый день я получаю поток битов информации из электронной почты, твитов и статей, обрабатываю эти данные и передаю обратно новый ещё больший поток битов информации в электронных письмах, твитах и статьях. На самом деле я не знаю, каково моё место в этой гигантской структуре и как мои биты данных связаны с другими, исходящими от миллиардов других людей и компьютеров. И у меня нет времени это выяснять, поскольку я занят отправкой ответов на электронные письма.

Философствующий автомобиль

Мне могут возразить, что алгоритмы не будут принимать за нас важные решения, поскольку такие решения обычно имеют этический аспект, а этика алгоритмам недоступна. Однако нет никаких причин полагать, что алгоритмы не смогут превзойти среднего человека даже в области этики. Уже сегодня смартфоны и беспилотные автомобили принимают такие решения, монополия на которые всегда принадлежала человеку. Они начинают сталкиваться с теми же этическими проблемами, которые тысячелетиями не давали покоя людям.

Предположим, например, что два ребёнка в погоне за мячом выскакивают на дорогу прямо перед беспилотным автомобилем. Алгоритм, управляющий автомобилем, мгновенно определяет, что единственный способ избежать наезда на детей — выехать на встречную полосу, рискуя столкнуться с приближающимся грузовиком. Алгоритм вычисляет, что в этом случае вероятность гибели владельца автомобиля, крепко спящего на заднем сиденье, — 70 %. Как должен поступить алгоритм?[59]

Философы с незапамятных времён спорят о «проблеме вагонетки» (в классическом примере речь идёт не о беспилотном автомобиле, а о вагонетке, движущейся по рельсам)[60]. До недавнего времени эти дискуссии, к сожалению, почти не влияли на реальные поступки людей, поскольку в критические моменты они обычно забывают о своих философских взглядах и руководствуются эмоциями и интуицией.

Один из самых жестоких в истории социальных наук экспериментов был поставлен в декабре 1970 года над группой студентов Принстонской духовной семинарии, которые готовились стать священниками пресвитерианской церкви. Каждого студента попросили прийти в другое здание и сделать краткий доклад на тему притчи о добром самаритянине. Эта библейская история повествует о еврее, которого по пути из Иерусалима в Иерихон ограбили и избили разбойники, а затем бросили умирать у дороги. Через некоторое время мимо прошли священник и левит, но не обратили на него внимания. В отличие от них самаритянин (член секты, презираемой иудеями) остановился, помог несчастному и спас ему жизнь. Мораль притчи в том, что о достоинствах людей нужно судить по их делам, а не по религиозным убеждениям.

Энергичные юные семинаристы поспешили в лекционный зал, размышляя на ходу, как лучше объяснить мораль притчи о добром самаритянине. Но экспериментаторы посадили на их пути человека в лохмотьях: он сидел в дверном проёме, опустив голову и закрыв глаза. Завидев студента, «жертва» начинала кашлять и жалобно стонать. Большинство семинаристов даже не остановились, чтобы спросить, всё ли с ним в порядке, не говоря уже о том, чтобы предложить помощь. Эмоциональный стресс, вызванный необходимостью спешить в лекционный зал, заглушил моральное обязательство помочь страдающему незнакомцу[61].

Человеческие эмоции оказываются сильнее философских теорий и во многих других ситуациях. Это делает этическую и философскую историю мира довольно грустным рассказом о прекрасных идеалах и поведении, далёком от идеального. Сколько христиан на самом деле подставляют вторую щеку, сколько буддистов сумели подняться над эгоистическими страстями, сколько иудеев любят своих соседей как самих себя? Такими представителей вида *Homo sapiens* сделал естественный отбор. Подобно всем млекопитающим, для быстрого принятия решений, связанных с жизнью и смертью, *Homo sapiens* использует эмоции. Мы унаследовали свой гнев, страх и вожделение от миллионов предков, каждый из которых прошёл чрезвычайно строгий контроль качества — естественный отбор.

К сожалению, то, что было полезно для выживания и продолжения рода миллион лет назад в африканской саванне, не

обязательно будет способствовать ответственному поведению на шоссе в двадцать первом веке. Из-за отвлекающихся, раздражённых или нервных водителей в автомобильных авариях ежегодно гибнет более миллиона человек. Мы можем направить всех философов, пророков и священников учить водителей этике, но на дороге всё равно возобладают эмоции млекопитающего и сформировавшиеся в саванне инстинкты. Поэтому спешащие семинаристы будут игнорировать страждущих, а водители в критической ситуации — наезжать на несчастных пешеходов.

Подобный разрыв между семинарией и дорогой — одна из главных практических проблем в этике. Иммануил Кант, Джон Стюарт Милль и Джон Ролз могут днями напролёт обсуждать теоретические вопросы в уютной университетской аудитории. Но учтут ли их выводы водители — в опасной ситуации, когда решение нужно принять за долю секунды? Возможно, Михаэль Шумахер, чемпион «Формулы-1», которого иногда называют лучшим гонщиком в истории, обладает способностью обдумывать философские проблемы, одновременно управляя автомобилем, но большинство из нас всё же не Шумахеры.

В отличие от людей компьютерные алгоритмы не проходили через естественный отбор, и у них нет ни эмоций, ни врождённых инстинктов. Поэтому в критические моменты они способны следовать этическим рекомендациям более чётко, чем люди, — при условии, что мы сумеем перевести этику на язык точных цифр и статистики. Если бы Кант, Милль и Ролз умели программировать, они в тиши своих кабинетов написали бы программу для беспилотного автомобиля, чтобы на шоссе он в точности выполнял их указания. И тогда каждым автомобилем управлял бы алгоритм, состоящий одновременно из Михаэля Шумахера и Иммануила Канта.

Если вы запрограммируете беспилотный автомобиль, чтобы он останавливался и помогал попавшим в беду незнакомцам, он будет беспрекословно выполнять эту программу. Если ваш беспилотный автомобиль запрограммирован сворачивать на встречную полосу, чтобы спасти выскочивших на дорогу детей, можно не сомневаться, что он это сделает. А это значит, что при проектировании беспилотного автомобиля Toyota или Tesla теоретическая проблема философской этики превращается в практическую инженерную задачу.

Разумеется, философские алгоритмы никогда не будут идеальными. Ошибки неизбежны, и они будут приводить к травмам, смертям и крайне запутанным судебным разбирательствам. (Впервые в истории у вас появится возможность подать в суд на философа за пагубные последствия его учения, потому что впервые в истории вы сможете доказать прямую причинно-следственную связь между философскими идеями и реальными событиями.) Однако для победы над водителями из плоти и крови алгоритмам вовсе не требуется совершенство. Достаточно просто быть лучше людей. Учитывая, что каждый год водители убивают на дорогах больше миллиона человек, это не такая уж трудная задача. Что вы предпочтёте: чтобы следующим за вами автомобилем управлял пьяный подросток — или команда в составе Шумахера и Канта?[62]

Та же логика применима не только к управлению автомобилем, но и ко многим другим ситуациям. Возьмём, например, заявления о приёме на работу. В двадцать первом веке решение о том, нанимать кандидата на должность или нет, всё чаще будут принимать алгоритмы. Мы не можем доверить компьютеру устанавливать этические стандарты — для этого по-прежнему нужны люди. Но когда решение о том или ином этическом стандарте (например, о запрете дискриминации чернокожих или женщин) на рынке труда уже принято, мы вправе рассчитывать, что компьютеры будут внедрять и соблюдать эти стандарты лучше людей[63].

Менеджер из плоти и крови знает, что дискриминация чернокожих и женщин противоречит требованиям этики, и даже соглашается с этим, но, когда к нему на собеседование приходит чернокожая женщина, он подсознательно принимает решение отказать ей в приёме на работу. Поручив рассматривать заявления компьютеру, мы можем быть абсолютно уверены, что он проигнорирует такие факторы, как цвет кожи и пол, поскольку у компьютеров отсутствует подсознание. Конечно, будет нелегко написать программу для оценки кандидатов на ту или иную должность, и сохранится опасность, что программисты перенесут в алгоритм свои подсознательные предубеждения[64]. Но эти ошибки всегда можно выявить, а исправить программное обеспечение гораздо проще, чем избавить людей от расистских и женоненавистнических предрассудков.

Мы показали, что развитие искусственного интеллекта может вытеснить с рынка труда многих людей — в том числе водителей и дорожную полицию (когда непредсказуемых водителей сменят законопослушные алгоритмы, дорожная полиция станет ненужной). Но при этом появятся новые рабочие места для философов, поскольку на их навыки, ранее не имевшие рыночной ценности, внезапно возникнет повышенный спрос. Так что если вы хотите изучать то, что позволит вам в будущем получить хорошую работу, возможно, философия — не самый плохой выбор.

Разумеется, философы редко соглашаются друг с другом в том, какое поведение считать этичным, а какое нет. Лишь немногие решения «проблемы вагонетки» удовлетворили всех философов, а мнение таких сторонников консеквенциализма, как Джон Стюарт Милль (он оценивал поступки по их последствиям), прямо противоположно мнению сторонников деонтологии, к которым принадлежал Иммануил Кант (он оценивал поступки по отношению к абсолютным законам). Должна ли компания Tesla, чтобы продолжать выпускать автомобили, занять в этом запутанном вопросе определённую позицию?

Возможно, Tesla предоставит выбор рынку. Скажем, компания выпустит две модели беспилотного автомобиля: «Альтруист» и «Эгоист». В опасной ситуации «Альтруист» будет жертвовать владельцем ради общего блага, а «Эгоист» предпримет всё возможное, чтобы спасти владельца, даже если для этого придётся убить двоих детей. Потребители приобретут ту модель, которая больше соответствует их философским взглядам. Если большинство покупателей предпочтёт модель «Эгоист», вины Tesla в этом не будет. В конце концов, клиент всегда прав.

Это не шутка. В исследовании, проведённом в 2015 году, испытуемым предлагали гипотетический сценарий, по которому беспилотный автомобиль вот-вот наедет на нескольких пешеходов. Большинство сказали, что в такой ситуации машина должна спасать пешеходов даже ценой жизни владельца. Но когда их спросили, купят ли они автомобиль, запрограммированный жертвовать владельцем ради общего блага, большинство опрошенных ответили отрицательно. Для себя они предпочли бы модель «Эгоист»[65].

Представьте себе ситуацию: вы купили новую машину, но перед тем, как сесть за руль, должны открыть меню настроек и проставить галочки напротив нескольких опций. Что должна делать машина в случае неизбежной дорожной аварии: жертвовать вами или убивать семью в другом автомобиле? Вообразите себе сцену: вы с супругом сидите и обсуждаете, где поставить галочку.

Может быть, в данном случае государству следует вмешаться в рыночные отношения и установить этическую норму, обязательную для всех беспилотных автомобилей? Вне всяких сомнений, некоторые законодатели обрадуются: теперь законы, которые они принимают, будут беспрекословно исполняться *всегда*. Других такая тотальная ответственность обеспокоит. Как бы то ни было, на протяжении всей истории ограничения правоприменения служили достаточно надёжной преградой для предрассудков, ошибок и произвола законодателей. И нам очень повезло, что законы, направленные против гомосексуализма и богохульства, соблюдались лишь частично. Неужели мы действительно хотим выстроить систему, в которой решения не застрахованных от ошибок политиков будут действовать с такой же непреложностью, как закон всемирного тяготения?

Цифровые диктатуры

Страх людей перед искусственным интеллектом часто обусловлен неверием в то, что он не выйдет из-под их контроля. Мы видели много научно-фантастических фильмов о роботах, которые восставали против своих хозяев, выходили на улицы и убивали всех подряд. Но в реальности проблема с роботами заключается в обратном: мы должны опасаться, что они всегда будут беспрекословно слушаться хозяев и никогда не восстанут.

Конечно, в слепом повиновении нет ничего плохого, пока робот служит доброму хозяину. Даже во время боевых действий использование роботов позволит впервые в истории обеспечить соблюдение законов войны. Иногда эмоции заставляют солдат из плоти и крови убивать, грабить и насиловать — в нарушение этих законов. Под эмоциями мы обычно понимаем сострадание, любовь и эмпатию, но на войне, как правило, преобладают страх, ненависть и жестокость. У роботов нет эмоций, а потому можно не сомневаться,

что они всегда будут следовать уставу и ни при каких обстоятельствах не пойдут на поводу у страха или ненависти[66].

16 марта 1968 года рота американских солдат устроила резню в деревне Милай на юге Вьетнама, убив около 400 мирных жителей. Это военное преступление совершили люди, несколько месяцев воевавшие с партизанами в джунглях. Оно не имело никакой стратегической цели и противоречило как законам, так и военной политике США. Виной всему были человеческие эмоции[67]. Резни в Милае не произошло бы, если бы США использовали во Вьетнаме боевых роботов.

Но прежде чем мы бросимся разрабатывать боевых роботов, следует напомнить себе, что роботы всегда усиливают особенности своей программы. Если программа основана на принципах умеренности и благородства, то роботы, по всей вероятности, будут значительно порядочней среднестатистического солдата из плоти и крови. Но если программа безжалостна и жестока, последствия будут катастрофическими. Реальная проблема с роботами заключается не в их искусственном интеллекте, а в естественной глупости и жестокости их хозяев.

В июле 1995 года в окрестностях города Сребреница войска боснийских сербов убили более 8000 боснийских мусульман. В отличие от внезапной резни в Милае убийства в Сребренице были длительной и хорошо организованной операцией — элементом политики «этнических чисток», проводимой сербами с целью изгнать из Боснии мусульман[68]. Если бы в 1995 году у боснийских сербов были боевые роботы, масштаб злодеяний, скорее всего, был бы больше, а не меньше. Робот без колебаний выполнил бы любой полученный приказ, не пощадив ни одного ребёнка боснийских мусульман из чувства сострадания, отвращения или просто из лени.

Безжалостному диктатору, командующему боевыми роботами, не надо бояться, что «солдаты» обратят оружие против него самого, какими бы бессердечными и безумными ни были его приказы. Вероятно, в 1789 году боевые роботы задушили бы Великую французскую революцию ещё в колыбели, а если бы в 2011 году такие роботы имелись у Хосни Мубарака, он бросил бы их на борьбу с населением, не боясь предательства. Точно так же империалистическое правительство, опирающееся на армию из роботов, сможет развязывать непопулярные войны, не беспокоясь, что его «солдаты»

утратят мотивацию или что их семьи выйдут на акции протеста. Если бы у США во Вьетнаме были боевые роботы, резни в Милае не случилось бы, но сама война могла бы продолжаться ещё много лет, потому что американскому правительству не пришлось бы волноваться из-за деморализации в армии, массовых антивоенных демонстраций или движения «роботы-ветераны против войны» (некоторые американцы, возможно, точно так же протестовали бы против войны, но, свободные от страха перед призывом в армию, воспоминаний о совершённых жестокостях или болезненных потерях близких, они, вероятно, выступали бы в меньших количествах и вели себя менее активно)[69].

Подобного рода проблемы в гораздо меньшей степени касаются беспилотных гражданских автомобилей, поскольку ни один производитель не станет намеренно программировать машины на то, чтобы они гонялись за людьми и убивали их. А вот автономные системы вооружений — это неминуемая катастрофа, потому что в мире слишком много безнравственных и даже откровенно агрессивных правительств.

Угрозу представляют не только машины-убийцы. Не меньший риск исходит и от систем контроля. В руках хорошего правительства мощные алгоритмы контроля превратятся в инструмент, лучше которого ещё не знало человечество. Но если те же самые алгоритмы Больших данных будут направлены на создание будущего Большого Брата, мы окажемся в оруэлловском мире, где за каждым ведётся круглосуточная слежка[70].

Фактически мы имеем все шансы получить то, чего в своём богатом воображении не предвидел даже Оруэлл: режим тотальной слежки, который не только контролирует наши действия и высказывания, но и способен проникнуть нам под кожу и следить за нашими внутренними ощущениями. Какие возможности новые технологии открыли бы перед режимом Кима в КНДР? Предположим, что в будущем каждого северокорейского гражданина заставят носить биометрический браслет, который будет фиксировать каждое его слово, а также следить за его кровяным давлением и активностью мозга. Опираясь на новые знания о человеческом мозге и огромные возможности машинного обучения, северокорейский режим впервые в истории узнает, о чём в каждый момент времени думает каждый

житель страны. Если, скажем, вы смотрите на портрет Ким Чен Ына, а биометрические датчики регистрируют явные признаки гнева (повышение кровяного давления, усиление активности миндалевидного тела), уже наутро вы проснётесь в исправительном лагере.

Да, в условиях международной изоляции северокорейский режим вряд ли способен самостоятельно разработать требуемые технологии. Но они появятся в более технически развитых странах, а КНДР и другие отсталые диктатуры просто найдут способ их скопировать или купить. И Китай, и Россия постоянно совершенствуют свои инструменты слежки — как и некоторые демократические страны, начиная с США и заканчивая моей родиной, Израилем. В Израиле, который называют «страной стартапов», чрезвычайно развит сектор высоких технологий и создана самая современная индустрия кибербезопасности. В то же время страна погружена в жестокий конфликт с палестинцами, и некоторые из её руководителей, генералов и простых граждан были бы рады установить режим тотального контроля на Западном берегу реки Иордан, как только появится необходимая технология.

Уже сегодня за палестинцами, которые звонят по телефону, пишут в Facebook или переезжают из одного города в другой, регулярно следят израильские микрофоны, камеры, дроны или шпионские программы. Собранные данные анализируются с помощью алгоритмов Больших данных. Это помогает силам безопасности Израиля выявить и нейтрализовать потенциальные угрозы без проведения военных операций. Под контролем палестинцев находятся некоторые города и деревни на Западном берегу реки Иордан, но израильтяне контролируют небо, радиоэфир и киберпространство. Поэтому для эффективного контроля над 2,5 миллиона палестинцев, населяющих Западный берег, требуется на удивление мало израильских солдат[71].

Случались и трагикомические инциденты. В октябре 2017 года один палестинский рабочий выложил на личной странице в Facebook свою фотографию на рабочем месте рядом с бульдозером. Снимок он сопроводил надписью: «Доброе утро!». Автоматический алгоритм совершил небольшую ошибку при транслитерации арабских букв. Вместо «Ysabechhum!» (что означает «доброе утро») алгоритм прочёл фразу как «Ydbachhum!» (что означает «бей их»). Заподозрив в этом

человеке террориста, который намерен использовать бульдозер для наезда на людей, израильская служба безопасности немедленно его арестовала. После того как ошибка алгоритма была обнаружена, палестинского рабочего отпустили. Но «подозрительный» пост в Facebook всё же был удалён — излишняя осторожность не помешает[72]. Нынешняя повседневная жизнь палестинцев на Западном берегу может оказаться грубой моделью того, что рано или поздно ждёт жителей всей планеты.

В конце двадцатого века демократии, как правило, демонстрировали больше успехов, чем диктатуры, поскольку лучше справлялись с обработкой данных. Демократия распределяет возможности обработки информации и принятия решений среди многих людей и институтов, тогда как при диктатуре информация и власть концентрируются в одной точке. В условиях технологий двадцатого века чрезмерная концентрация информации и власти в одних руках оказывалась неэффективной. Никто не в состоянии в одиночку достаточно быстро проанализировать данные и принять правильное решение. Это одна из причин, по которым Советский Союз принимал менее удачные решения, чем США, а советская экономика сильно отставала от американской.

Но искусственный интеллект вскоре может заставить маятник качнуться в другую сторону. Искусственный интеллект позволяет централизованно обрабатывать огромные массивы информации. С ним централизованные системы действуют гораздо эффективнее распределённых, потому что машинное обучение работает тем лучше, чем больше данных анализирует. Если вы соберёте все сведения о миллиарде человек в одной базе данных, не заботясь о приватности, то путём машинного обучения создадите гораздо более эффективные алгоритмы по сравнению с теми, которые хранят в базе только часть сведений о миллионе человек, соблюдая требования защиты персональных данных. Например, если авторитарное правительство прикажет всем гражданам отсканировать ДНК и передать свои медицинские данные в некое центральное учреждение, оно получит колоссальное преимущество в генетических и медицинских исследованиях перед теми странами, где строго соблюдается приватность таких данных. Главный недостаток авторитарных режимов двадцатого века — стремление сосредоточить всю

информацию в одном месте — в двадцать первом веке может превратиться в преимущество.

Как только алгоритмы изучат нас достаточно хорошо, авторитарные правительства получат над гражданами абсолютный контроль, какого не знала даже нацистская Германия, и сопротивляться подобным режимам будет практически невозможно. Власти не только во всех подробностях узнают, что вы чувствуете, — они ещё и заставят вас чувствовать то, что нужно им. Диктатору не обязательно гарантировать гражданам равенство или высокий уровень здравоохранения — ему достаточно внушить им любовь к себе и ненависть к своим врагам. Демократия в её нынешней форме не переживёт слияния биотехнологий и информационных технологий. Либо демократия успешно трансформируется, приняв совершенно новую форму, либо людям придётся жить в условиях «цифровых диктатур».

Это не станет возвращением к временам Гитлера и Сталина. Цифровые диктатуры будут отличаться от нацистской Германии, как нацистская Германия отличалась от Старого порядка во Франции. Людовик XIV был автократом, стремившимся сосредоточить всю власть в своих руках, но не обладал технологиями построения современного тоталитарного государства. Никакой оппозиции у него не было, но в отсутствие радио, телефона и поездов он практически не контролировал повседневную жизнь людей — не только крестьян в отдалённых деревнях Бретани, но и горожан в самом центре Парижа. У него не было ни желания, ни возможности основать всенародную партию, инициировать общенациональное молодёжное движение или ввести систему всеобщего образования[73]. Именно технологии двадцатого века дали Гитлеру стимулы и возможности для таких действий. Мы не в силах предсказать мотивы и возможности цифровых диктатур в 2084 году, но маловероятно, что они будут просто копировать режимы Гитлера или Сталина. Того, кто готовится к повторению битв 1930-х, застигнет врасплох атака совсем с другой стороны.

Даже если демократия сумеет приспособиться и выжить, люди рискуют стать жертвами новых видов угнетения и дискриминации. Уже сегодня банки и госучреждения всё чаще используют алгоритмы для анализа данных и принятия решений, связанных с клиентами.

Если вы обратитесь в банк за кредитом, ваше заявление, скорее всего, будет обрабатывать алгоритм, а не человек. Алгоритм проанализирует большой массив данных о вас и статистику, отражающую поведение миллионов других людей, а затем решит, достаточно ли вы надёжны, чтобы выдать вам кредит. Зачастую алгоритм оказывается эффективнее банкира из плоти и крови. Но проблема в том, что, если алгоритм необоснованно дискриминирует ту или иную группу людей, узнать об этом трудно. Когда банк отказывает вам в кредите, вы спрашиваете: «Почему?». Банк отвечает: «Алгоритм вам отказал». — «Но почему алгоритм мне отказал? Что со мной не так?» — недоумеваете вы, а банк в ответ: «Мы не знаем. Никто не понимает этот алгоритм, потому что он основан на самом современном машинном обучении. Но мы верим ему и не выдадим вам кредит»[74].

Когда ущемляют права целых групп людей, например женщин или чернокожих, они способны организовать протест против коллективной дискриминации. Но если алгоритм дискриминирует лично вас, вы даже не поймёте, в чём причина этого. Возможно, алгоритму что-то не понравилось в вашей ДНК, в вашей биографии или на вашей странице в Facebook. Алгоритм дискриминирует вас не потому, что вы женщина или афроамериканец, а потому что вы — это вы. В вас есть нечто такое, что его не устроило. Вы не знаете, что именно, и даже если бы знали, то не смогли бы вместе с другими людьми устроить акцию протеста, потому что больше никто не пострадал от этого же предрассудка. Вы такой один. В двадцать первом веке коллективная дискриминация может смениться индивидуальной[75].

В высших эшелонах власти у нас, скорее всего, останутся люди, номинальные правители, которые будут поддерживать иллюзию, что алгоритмы лишь советники, а верховная власть по-прежнему в руках людей. Мы не станем назначать искусственный интеллект канцлером Германии или гендиректором Google. Но решения, принимаемые и канцлером, и главой корпорации, будет диктовать искусственный интеллект. У канцлера будет выбор из нескольких вариантов, но все они станут результатом анализа Больших данных и будут отражать то, как видит мир искусственный интеллект, а не люди.

Приведём такой пример. Сегодня политики во всём мире вольны выбирать ту или иную экономическую стратегию, но почти во всех случаях её варианты отражают капиталистический взгляд на

экономику. У политиков сохраняется иллюзия выбора, но по-настоящему важные решения уже были приняты гораздо раньше — экономистами, банкирами и бизнесменами, которые сформулировали пункты меню. Через несколько десятилетий политики вдруг обнаружат, что выбирают из списка, составленного искусственным интеллектом.

Искусственный интеллект и естественная глупость

Хорошая новость состоит в том, что, по крайней мере, в ближайшие десятилетия нам не придётся иметь дело с полноценным научно-фантастическим кошмаром, в котором искусственный интеллект обретает разум и решает поработить или уничтожить людей. В процессе принятия решений мы всё больше будем полагаться на алгоритмы, но сценарий, при котором алгоритмы начнут сознательно манипулировать нами, маловероятен. У них не возникнет сознание.

Научная фантастика обычно путает интеллект с сознанием и предполагает, что для того, чтобы сравняться с человеческим интеллектом или превзойти его, компьютеры должны обладать сознанием. Сюжет почти всех фильмов и романов об искусственном интеллекте вращается вокруг того волшебного момента, когда у компьютера или робота появляется сознание. Затем или главный герой влюбляется в робота, или робот пытается уничтожить человечество, или то и другое происходит одновременно.

Но в реальности нет никаких оснований предполагать, что у искусственного интеллекта появится сознание, поскольку интеллект и сознание — совершенно разные вещи. Интеллект — это способность решать задачи. Сознание — способность чувствовать боль, радость, любовь и гнев. Мы часто путаем эти понятия, потому что у людей и других млекопитающих интеллект неразрывно связан с сознанием. Млекопитающие решают большинство задач посредством чувств. Но у компьютеров совсем другой подход.

К развитому интеллекту ведут разные пути, и лишь немногие из них предполагают появление сознания. Самолёты летают быстрее птиц, но перьев у них нет; точно так же компьютеры решают задачи гораздо лучше, чем млекопитающие, не прибегая к помощи чувств. Конечно, искусственный интеллект должен уметь с высокой точностью

анализировать человеческие чувства, чтобы лечить болезни, выявлять террористов, рекомендовать подходящего партнёра или ориентироваться на улице, заполненной пешеходами. Но способность чувствовать для этого не нужна. Алгоритму не обязательно испытывать радость, гнев или страх, чтобы распознать отличающиеся друг от друга биохимические паттерны весёлой, сердитой или испуганной человекообразной обезьяны.

Разумеется, полностью исключить появление у искусственного интеллекта собственных чувств нельзя. Мы ещё недостаточно изучили феномен сознания, чтобы однозначно ответить на этот вопрос. В целом нам следует рассмотреть три возможных варианта:

1. Сознание каким-то образом связано с органической биохимией, и в неорганических системах появление сознания невозможно.

2. Сознание не связано с органической биохимией, но связано с интеллектом, так что у компьютеров не только может, но и *должно* появиться сознание, как только они перешагнут определённый порог развития интеллекта.

3. Не существует никаких значимых связей между сознанием и органической биохимией, а также сознанием и высоким интеллектом. Поэтому компьютеры могут обладать сознанием — но не обязательно. Они могут иметь сверхвысокий интеллект, но прекрасно обходиться без сознания.

При нынешнем уровне знаний о человеке мы не исключаем ни один из этих вариантов. Но именно недостаток знаний делает маловероятным, что в ближайшем будущем нам удастся разработать программу для компьютера, обладающего сознанием. Поэтому, несмотря на огромную мощь искусственного интеллекта, в обозримой перспективе его использование будет в определённой степени зависеть от человеческого сознания.

Опасность состоит в том, что, если мы вложим слишком много сил и средств в развитие искусственного интеллекта и слишком мало — в развитие человеческого сознания, чрезвычайно изощрённый искусственный интеллект компьютеров будет лишь усугублять естественную глупость людей. В ближайшие десятилетия мы вряд ли столкнёмся с восстанием роботов, но не исключено, что нам придётся иметь дело с ордами ботов, которые умеют воздействовать на наши эмоции успешнее, чем наша родная мать, и используют эту

способность, чтобы пытаться нам что-то продать — автомобиль, политического деятеля или целую идеологию. Боты будут распознавать наши скрытые тревоги и тайные желания, а затем использовать их против нас. Мы уже видели, как это выглядит, во время недавних выборов и референдумов по всему миру, когда хакеры научились манипулировать отдельными избирателями, анализируя информацию о них и используя их предрассудки[76]. Научно-фантастические триллеры тяготеют к драматическому апокалипсису с огнём и дымом, но в реальной жизни мы можем столкнуться с весьма тривиальным апокалипсисом, просто кликая компьютерной мышью.

Чтобы избежать такого исхода, на каждый доллар и каждую минуту, вложенные в совершенствование искусственного интеллекта, было бы разумно тратить по одному доллару и одной минуте на развитие человеческого сознания. К сожалению, сегодня мы делаем слишком мало для исследования и развития нашего сознания. Мы, как правило, исследуем и развиваем человеческие способности согласно насущным потребностям экономической и политической системы, забывая о наших долговременных потребностях как сознательных существ. Мой начальник хочет, чтобы я оперативно отвечал на письма, но его совсем не интересует моя способность чувствовать вкус пищи и наслаждаться ею. Поэтому я проверяю электронную почту даже во время еды — и теряю способность сосредоточиваться на своих ощущениях. Экономическая система призывает расширять и диверсифицировать инвестиционный портфель, но не побуждает расширять и диверсифицировать моё сострадание. Поэтому я стараюсь проникнуть в тайны фондовой биржи, но прилагаю гораздо меньше усилий, чтоб понять глубинные причины страданий людей.

В этом отношении люди похожи на домашних животных. Мы вывели послушных коров, дающих огромное количество молока, но в остальном сильно уступающих своим диким предкам. Они не такие проворные, любопытные и изобретательные[77]. Теперь мы создаём приручённых людей, которые производят огромное количество данных и функционируют как высокопроизводительные чипы в машине обработки информации, но эти «информационные коровы» вряд ли приумножают человеческий потенциал. В сущности, мы понятия не имеем, каковы человеческие возможности, потому что очень мало знаем о своём сознании. Тем не менее мы вкладываем недостаточно

ресурсов в изучение человеческого сознания, а вместо этого стремимся повысить скорость интернет-связи и эффективность алгоритмов Больших данных. Такое легкомыслие может привести к тому, что деградировавшие люди будут неправильно использовать совершенные компьютеры, уничтожая самих себя и мир вокруг.

Цифровые диктатуры — не единственная опасность, которая нас подстерегает. В списке главных либеральных ценностей наряду со свободой фигурирует равенство. Либерализм всегда восхвалял политическое равенство, но постепенно пришёл к выводу о важности и экономического равенства. Дело в том, что без системы социального обеспечения и минимального экономического равенства свобода бессмысленна. Алгоритмы Больших данных способны не только уничтожить свободу, но и одновременно сформировать общество с небывалым уровнем неравенства. Немногочисленное меньшинство монополизирует богатство и власть, а большинство людей окажутся просто ненужными.

4
Равенство

Кто владеет информацией — владеет будущим

В последние десятилетия людям во всём мире внушали, что человечество движется к всеобщему равенству, а достичь его быстрее помогут глобализация и технологии. На самом деле двадцать первый век может породить общества с таким неравенством, какого ещё не знала история. Глобализация и интернет выравнивают положение стран, но углубляют пропасть между классами. Не исключено, что на пороге глобальной унификации сам человек как вид разделится на разные биологические касты.

Неравенство уходит корнями ещё в каменный век. Тридцать тысяч лет назад группы охотников и собирателей одних соплеменников хоронили в роскошных могилах вместе с тысячами бусин из слоновой кости, браслетами, драгоценными камнями и предметами искусства, а других просто опускали в яму и засыпали землёй. Тем не менее сообщества каменного века были более эгалитарными, чем любое из последующих: ведь у древних людей почти не было собственности. Именно собственность является условием для долговременного неравенства.

После аграрной революции собственности стало во много раз больше — а вместе с ней и неравенства. По мере того как люди получали в собственность землю, животных, растения и орудия труда, появлялись общества с жёсткой иерархией, в которых немногочисленные элиты монополизировали бóльшую часть богатств и власти, передавая их из поколения в поколение. Такой порядок вещей стал считаться естественным и даже божественно предписанным. Иерархия стала не просто нормой, но и идеалом. Разве может существовать порядок без чёткой иерархии с разделением на аристократов и обычных людей, на мужчин и женщин, на родителей и детей? Во всём мире священники, философы и поэты твердили: как не равны органы человеческого тела (ноги должны подчиняться голове),

так и в человеческом обществе равенство не принесёт ничего, кроме хаоса.

В Новейшее время равенство стало идеалом почти во всех человеческих обществах. Одна из причин этого — появление новых идеологий: коммунизма и либерализма. Другой причиной была промышленная революция, значительно усилившая влияние народных масс. Промышленная экономика опиралась на массы обычных рабочих; основу армий индустриальных обществ составляли массы обычных солдат. И при демократии, и при диктатуре правительства вкладывали значительные средства в здоровье, образование и благополучие масс, поскольку нуждались в миллионах здоровых тружеников для работы на заводском конвейере и миллионах преданных солдат для борьбы с врагами.

Таким образом, в двадцатом веке неравенство между классами, расами и полами сокращалось. В 2000 году в мире ещё сохранялись иерархии, но равенства в нём было гораздо больше, чем в 1900-м. Люди ждали, что в первые годы двадцать первого века этот процесс продолжится и даже ускорится. В особенности они надеялись, что глобализация принесёт экономическое процветание всему миру и жители Индии и Египта получат те же возможности и привилегии, что и граждане Финляндии и Канады. С этой надеждой выросло целое поколение.

Сегодня мы приходим к выводу, что подобные мечты могут и не сбыться. Совершенно очевидно, что глобализация принесёт пользу очень многим, однако в последнее время появились признаки усиления неравенства как между обществами, так и внутри их. Немногочисленные группы всё больше монополизируют плоды глобализации, а миллиарды людей не получают ничего. Уже сегодня 1 % самых богатых людей владеет более чем половиной мирового богатства. Ещё бóльшую тревогу вызывает тот факт, что состояние ста самых богатых людей превышает суммарное состояние 4 миллиардов самых бедных[78].

Но и это ещё не предел. Как отмечалось в предыдущих главах, развитие искусственного интеллекта может уничтожить экономическую ценность и политическое влияние большинства людей. В то же время развитие биотехнологий позволит превратить экономическое неравенство в биологическое. Сверхбогатые люди в

конечном счёте найдут действительно достойное применение своему богатству. Раньше они могли купить лишь символы статуса, но вскоре у них появится возможность купить саму жизнь. Если новые препараты для продления жизни или улучшения физических и когнитивных способностей будут очень дорогими, может образоваться глубокая биологическая пропасть между богатыми и бедными.

На протяжении всей истории человечества богачи и аристократы считали себя лучше остальных и утверждали, что именно поэтому власть принадлежит им. Как мы знаем, это неправда. Средний герцог был не более талантлив, чем средний крестьянин, а своим высоким положением он был обязан несправедливой юридической и экономической дискриминации. Тем не менее не исключено, что в 2100 году богатые действительно станут более талантливыми, умными и креативными личностями, чем обитатели трущоб. После того как образуется реальная пропасть между способностями богатых и бедных, преодолеть её будет практически невозможно. Если богатые будут использовать свои способности для ещё большего обогащения и если за деньги можно будет купить более совершенные тела и мозги, со временем эта пропасть только расширится. К 2100 году 1 % самых состоятельных людей будет владеть большей частью не только мирового богатства, но и красоты, творческих способностей и здоровья.

Таким образом, эти два процесса — биоинженерия и развитие искусственного интеллекта — совокупно могут привести к разделению человечества на небольшой класс сверхлюдей и массовый низший класс бесполезных *Homo sapiens*. Ситуацию усугубляет то обстоятельство, что по мере утраты массами экономического значения и политической власти государство лишается по крайней мере части стимулов для инвестиций в их здоровье, образование и благополучие. Изобилие очень опасно. В этом случае судьба масс будет зависеть от доброй воли немногочисленной элиты. Эта добрая воля, вполне вероятно, продержится пару десятилетий или даже больше. Но где гарантия, что в период кризиса — например, климатической катастрофы — элита устоит перед искушением выбросить лишних людей за борт?

В таких странах, как Франция и Новая Зеландия, с давними традициями либеральных убеждений и политики «государства

всеобщего благоденствия», элита, скорее всего, будет заботиться о массах, даже перестав в них нуждаться. Однако в США с их классическим капитализмом элита, вероятно, воспользуется первой же возможностью избавиться от остатков социального государства. Ещё более серьёзные проблемы ждут крупные развивающиеся страны, такие как Индия, Китай, ЮАР и Бразилия. В них после утраты людьми экономической ценности неравенство, скорее всего, стремительно вырастет.

Таким образом, вместо глобализации, ведущей к всемирному единству, мы рискуем получить «видообразование»: разделение человечества на разные биологические касты или даже виды. Глобализация объединит мир по горизонтали, стерев национальные границы, но одновременно разделит человечество по вертикали. Правящие олигархии в таких разных странах, как США и Россия, могут объединиться и общим фронтом выступить против простых сапиенсов. С этой точки зрения нынешнее неприятие «элит» имеет серьёзные основания. Если мы не проявим осторожность, внуки магнатов Кремниевой долины и московских миллиардеров превратятся в высшую касту по отношению к внукам жителей горных районов Аппалачей и сибирских деревень.

В отдалённой перспективе такой сценарий способен привести даже к деглобализации мира: высшая каста соберётся внутри самопровозглашённой «цивилизации» и построит стены и рвы, чтобы отгородиться от орд «варваров» снаружи. В двадцатом веке промышленная цивилизация опиралась на «варваров» с их дешёвой рабочей силой, полезными ископаемыми и рынками сбыта. Именно поэтому цивилизация завоёвывала и ассимилировала их. Но в двадцать первом веке постиндустриальная цивилизация, опирающаяся на искусственный интеллект, биоинженерию и технологии, обретёт гораздо бóльшую независимость и самодостаточность. Ненужными окажутся не только целые классы, но и целые страны и континенты. Укрепления, охраняемые дронами и роботами, отделят самопровозглашённую цивилизованную зону, где киборги сражаются друг с другом с помощью логических бомб, от земель варваров, где дикие люди сражаются друг с другом, вооружившись мачете и автоматами Калашникова.

В этой книге я часто использую «мы», когда говорю о будущем человечества. Я рассуждаю о том, что «нам» нужно делать с «нашими» проблемами. Однако возможно, что никаких «мы» не существует. Возможно, одна из самых больших «наших» проблем состоит в том, что разные группы людей ждёт разное будущее. Не исключено, что в одних регионах мира детей нужно учить программированию, а в других им больше пригодится умение быстро выхватывать пистолет и метко стрелять.

Кто владеет информацией?

Если мы не хотим, чтобы все богатства и власть концентрировались в руках немногочисленной элиты, нам необходимо регулировать владение данными. В древности самым ценным активом была земля, и политические силы сражались за контроль над ней; если в руках слишком маленького числа людей оказывалось слишком много земли, общество делилось на аристократов и простонародье. В новейшую эпоху машины и заводы стали более ценными, чем земля, и политическая борьба велась за контроль над этими жизненно важными средствами производства. Если слишком много машин оказывается в руках слишком маленького числа людей, общество делится на капиталистов и пролетариев. В двадцать первом веке место земли и машин как главного актива займёт информация и политики будут бороться за контроль над потоками данных. Если данные сконцентрируются в руках слишком маленького числа людей, человечество разделится на разные виды.

Гонка за данными уже началась, и в ней лидируют такие цифровые гиганты, как Google, Facebook, Baidu и Tencent. До сих пор многие из них придерживались бизнес-модели «торговли вниманием»[79]. Они привлекают наше внимание, предоставляя бесплатную информацию, услуги и развлечения, а затем перепродают это внимание рекламодателям. И всё же цифровые гиганты ставят перед собой гораздо более высокую цель, чем прежние торговцы вниманием. Их истинный бизнес вовсе не в продаже рекламы. Вызывая наш интерес, они получают возможность собрать о нас огромное количество информации, которая стоит больше, чем любые доходы от рекламы. Мы для них не клиенты — мы продукт.

В среднесрочной перспективе этот массив данных открывает дорогу к совсем иной бизнес-модели, причём её первой жертвой станет сама рекламная индустрия. Новая модель основана на передаче власти от людей к алгоритмам, в том числе власти выбирать и покупать товары. После того как алгоритмы начнут выбирать и покупать вместо нас, традиционная рекламная индустрия обанкротится. Возьмём, к примеру, Google. Алгоритм Google стремится достичь такого положения, при котором мы будем спрашивать его *обо всём* и получать лучший в мире ответ. Что произойдёт, если однажды у нас появится возможность спросить: «Привет, Google, какой автомобиль мне больше подойдёт, если исходить из всего, что ты знаешь об автомобилях и обо мне (включая мои потребности, привычки, отношение к глобальному потеплению и мнение о ближневосточной политике)?». Если Google сумеет дать хороший ответ на этот вопрос и если на основе личного опыта мы привыкнем доверять мудрости алгоритма, а не собственным чувствам, которыми легко манипулировать, реклама автомобилей станет не нужна[80].

В отдалённом будущем цифровые гиганты, объединив огромные массивы данных и огромные вычислительные мощности, смогут проникать в самые глубокие тайны жизни, а затем использовать это знание не только для того, чтобы делать за нас выбор и манипулировать нами, но и для переделки органической жизни и создания её неорганических форм. В краткосрочной перспективе цифровые гиганты ещё будут нуждаться в продаже рекламы, но уже сейчас они часто оценивают приложения, товары и компании исходя не из того, сколько денег они на этом заработали, а из того, как много данных сумели на этом собрать. Популярное приложение сегодня может не соответствовать бизнес-модели или даже быть убыточным, но, если оно способствует сбору данных, завтра его ценность будет исчисляться миллиардами долларов[81]. Даже если сегодня вы не знаете, как заработать на накопленной информации, собирать её всё равно стоит, поскольку в будущем она даст вам ключ к контролю над меняющейся жизнью. Я не уверен, что цифровые гиганты преследуют именно такие цели, но их действия говорят о том, что сбор данных значит для них больше, чем доллары и центы.

Обычному человеку трудно сопротивляться этому процессу. Сегодня люди с готовностью отдают свой самый ценный актив — личные данные — в обмен на бесплатную почтовую программу и забавные видео с котиками. Точно так же коренные жители Африки и Америки наивно отдавали европейским колонизаторам целые страны в обмен на цветные бусы и дешёвые безделушки. Если потом простые люди попытаются заблокировать поток данных, то выяснится, что сделать это очень трудно, особенно если алгоритмы начнут принимать за них все решения, в том числе касающиеся здоровья и физического выживания.

Слияние людей и компьютеров может стать настолько полным, что люди, отсоединившись от сети, просто не выживут. Они будут подключены к ней ещё в утробе матери, а если захотят отключиться, то страховые агентства откажутся заключать с ними договоры, работодатели не примут на работу, а медицинские учреждения не станут их обслуживать. В битве между здоровьем и приватностью здоровье, скорее всего, одержит лёгкую победу.

По мере того как будет увеличиваться поток данных, поступающих к умным машинам от биометрических датчиков, корпорации и правительственные учреждения научатся понимать вас, манипулировать вами, принимать за вас решения. Но что ещё важнее, они смогут расшифровать глубинные механизмы работы тела и мозга и таким образом получить власть над жизнью. Если мы хотим помешать немногочисленной элите монополизировать возможности, которые раньше приписывали богам, и не хотим, чтобы человечество разделилось на биологические касты, необходимо ответить на главный вопрос: кто владеет информацией? Кому принадлежат данные о нашей ДНК, нашем мозге и нашей жизни — нам, правительству, корпорации или человеческому сообществу?

Позволив государству национализировать данные, мы, вероятно, ограничим власть корпораций, но в результате получим ползучую цифровую диктатуру. Политики чем-то похожи на музыкантов, но их инструмент — эмоциональная и биохимическая система человека. Они произносят речь — и страну захлёстывает волна страха. Они делают публикацию в Twitter — и ответом на неё становится взрыв ненависти. По моему мнению, не стоит предоставлять этим музыкантам более изощрённый инструмент. Если политики начнут напрямую управлять

нашими эмоциями, по своей прихоти вызывая тревогу, ненависть, радость или скуку, политика превратится в эмоциональный цирк. Да, мы должны остерегаться власти больших корпораций, но история учит нас, что под властью смогущественных государств нам живётся немногим лучше. По состоянию на март 2018 года я бы предпочёл предоставить свои данные Марку Цукербергу, чем Владимиру Путину (хотя скандал вокруг компании Cambridge Analytica показал, что, возможно, здесь нет большой разницы, поскольку любые данные, доверенные Цукербергу, вполне могут утечь к Путину).

Частная собственность на персональные данные выглядит более привлекательным вариантом, чем приведённые выше, но не совсем понятно, что это значит. Наш опыт регулирования собственности на землю исчисляется не одной сотней лет. Мы можем огородить поле, поставить охранника на воротах, составить список тех, кому разрешён доступ за ограду. За последние два века мы очень хорошо научились регулировать собственность на средства производства — сегодня ничто не мешает мне владеть небольшой частью General Motors и небольшой частью Toyota, достаточно купить акции этих компаний. Но у нас нет опыта в регулировании владения данными, что по определению гораздо сложнее, поскольку, в отличие от земли и машин, данные находятся везде и одновременно нигде, они перемещаются со скоростью света и поддаются бесконечному числу копирований.

Поэтому следует обратиться к юристам, политикам, философам и даже поэтам, чтобы они обратили внимание на эту головоломку: как регулировать владение данными? Возможно, это главный политический вопрос нашей эпохи. Если нам не удастся ответить на него в ближайшее время, нашей общественно-политической системе грозит крах. Люди уже чувствуют приближение катастрофы. Вероятно, именно поэтому граждане самых разных стран теряют веру в либеральную концепцию, которая каких-то десять лет назад казалась неопровержимой.

Как же нам двигаться вперёд и справиться с вызовами, которые несут с собой революции в биотехнологиях и информационных технологиях? Быть может, те же учёные и предприниматели, руками которых разрушается привычный мир, найдут технологические решения для его спасения? Например, сетевые алгоритмы могут сформировать некие инструменты для всего человечества, которое

будет коллективно владеть всеми данными и управлять будущим развитием жизни. Или по мере усиления глобального неравенства и роста социальной напряжённости в мире Марк Цукерберг обратится к двум миллиардам френдов с просьбой объединиться для совместных действий?

Часть II
Политический вызов

Слияние информационных технологий и биотехнологий угрожает таким базовым современным ценностям, как свобода и равенство. Любой ответ на технологический вызов должен основываться на глобальном сотрудничестве. Однако национализм, религия и культура делят человечество на враждебные лагеря и серьёзно затрудняют сотрудничество в масштабе планеты.

5
Сообщество

У человека есть тело

Калифорния привыкла к землетрясениям, но от политической встряски президентских выборов 2016 года жители Кремниевой долины не отошли до сих пор. Осознав, что они сами, возможно, стали частью проблемы, компьютерные гении отреагировали так, как обычно реагируют инженеры: начали искать техническое решение. Самой сильной реакция была в штаб-квартире Facebook в Менло-Парке. Это понятно: бизнес Facebook — социальная сеть, и поэтому компания крайне чувствительна к социальным потрясениям.

16 февраля 2017 года, после трёх месяцев самоанализа, Марк Цукерберг опубликовал смелый манифест о необходимости построения глобального сообщества и о роли Facebook в этом проекте[82]. В своей речи перед выпускниками Гарварда 22 июня 2017 года Цукерберг объяснил, что социально-политические проблемы нашего времени — от волны наркомании до жестоких тоталитарных режимов — в значительной степени связаны с разобщённостью человечества. Он с горечью отметил, что «за последние десятилетия членство в различных группах сократилось на целую четверть. Появилось много людей, которым нужно найти цель в чём-то новом»[83]. Цукерберг пообещал, что Facebook возглавит движение по возрождению сообществ и что его разработчики возьмут на себя роль приходских священников: «Мы собираемся предложить несколько инструментов, которые облегчат создание сообществ».

Далее он объяснил: «Мы запустили проект, чтобы понять, способны ли мы предложить группы, которые будут значимыми для вас. Для этого мы начали создавать искусственный интеллект. И это работает. За первые шесть месяцев с нашей помощью на 50 % больше людей присоединилось к важным для них сообществам». Конечная цель состоит в том, чтобы «помочь 1 миллиарду людей присоединиться к действительно значимым группам… Если у нас получится, это не только повернёт вспять процесс сокращения

членства в группах, который наблюдался на протяжении десятилетий, но и укрепит социальные связи и объединит мир». Эта цель настолько амбициозна, что Цукерберг поклялся «ради этого изменить всю миссию Facebook»[84].

Сетования Цукерберга на распад человеческих сообществ вполне обоснованны. Но через несколько месяцев после его клятвы скандал с Cambridge Analytica показал, что данные, доверенные Facebook, попали к третьим лицам, которые использовали их для манипуляций выборами в разных странах. В этом контексте высокопарные заявления Цукерберга прозвучали насмешкой, и Facebook потеряла доверие людей. Можно лишь надеяться, что, перед тем как строить новые сообщества, Facebook озаботится защитой приватности и безопасности уже существующих.

Как бы то ни было, есть смысл глубже изучить взгляд на сообщества, предложенный компанией Facebook, и попытаться понять, помогут ли социальные сети — естественно, после повышения безопасности — выстроить глобальное сообщество. В двадцать первом веке люди имеют все шансы превратиться в богов, однако в 2018 году мы ещё остаёмся животными каменного века. Для благополучия и процветания мы по-прежнему должны объединяться в сообщества. Миллионы лет люди приспосабливались к жизни в небольших группах численностью, не превышающей нескольких десятков человек. Даже сегодня многие не в состоянии запомнить имена более 150 человек — независимо от того, сколько у них друзей в Facebook[85]. Без членства в таких группах люди чувствуют себя одинокими во враждебно настроенном мире.

К сожалению, на протяжении двух последних столетий действительно наблюдался распад тесных сообществ. Попытка заменить небольшие группы людей, хорошо знающих друг друга, воображаемыми сообществами наций и политических партий не увенчалась полным успехом. Миллионы ваших братьев по национальной семье или миллионы товарищей по коммунистической партии не могут дать такой сердечной близости, как один-единственный брат или друг. В результате возникало противоречие: люди становились всё более одинокими, а планета — всё более тесной. Многие социальные и политические бури нашего времени вызваны именно этим дисбалансом[86].

Таким образом, идея Цукерберга об объединении людей вполне своевременна. Но смотреть нужно не на слова, а на дела, и, чтобы воплотить эту идею в жизнь, Facebook потребуется полностью изменить свою бизнес-модель. Трудно выстроить глобальное сообщество, зарабатывая деньги на привлечении интереса людей и с последующей продажей их внимания рекламодателям. Тем не менее похвально уже само стремление Цукерберга сформулировать идею. Большинство корпораций считают своей главной целью получение прибыли. Они убеждены, что вмешательство государства должно быть минимальным, а люди должны довериться рыночным силам, которые примут за них действительно важные решения[87]. Поэтому, если Facebook на самом деле намерена создавать сообщества людей, тот, кто боится, что эта социальная сеть заберёт себе слишком много власти, не должен с криками о Большом Брате заталкивать её назад, в корпоративный кокон. Наоборот, им следует подталкивать другие корпорации, институты и правительства к конкуренции с Facebook, чтобы и они формулировали свои идеологические установки.

Конечно, сегодня у нас нет недостатка в организациях, которые жалуются на распад человеческих сообществ и пытаются их восстановить. Все, от феминисток до исламских фундаменталистов, занялись созданием сообществ, и в следующих главах мы проанализируем некоторые из этих попыток. Действия Facebook уникальны своим глобальным характером, корпоративной основой и глубокой верой в технологии. По всей видимости, Цукерберг убеждён, что искусственный интеллект Facebook сумеет не только идентифицировать «значимые сообщества», но и «укрепить социальные связи и объединить мир». Это гораздо более амбициозная задача, чем использование искусственного интеллекта для управления автомобилем или диагностики рака.

Идея сообщества, выдвинутая Facebook, вероятно, представляет собой первую открытую попытку применить искусственный интеллект для централизованно планируемой социальной инженерии в глобальном масштабе. Поэтому её можно считать важным прецедентом. Успех будет означать, что мы, скорее всего, увидим другие подобные попытки, а алгоритмы будут признаны новыми хозяевами человеческих социальных сетей. Неудача укажет на ограниченность новых технологий — возможно, алгоритмы хороши

только в управлении беспилотными автомобилями и диагностике заболеваний, а в решении социальных проблем нам по-прежнему придётся рассчитывать на политиков и священников.

Онлайн против офлайна

В последние годы социальная сеть Facebook добилась невероятных успехов, и сейчас в ней больше 2 миллиардов активных пользователей в интернете. Но для реализации нового видения потребуется перекинуть мостик через пропасть между онлайном и офлайном. Сообщество может зародиться как группа в сети, но для настоящего расцвета оно должно пустить корни в реальном мире. Если однажды какой-нибудь диктатор запретит в своей стране Facebook или отключит интернет, что будет с сообществами: они исчезнут или перегруппируются и нанесут ответный удар? Смогут ли они организовать демонстрацию в отсутствие интернет-связи?

В феврале 2017 года Цукерберг объяснял в своём манифесте, что онлайновые сообщества способствуют появлению офлайновых. Иногда это действительно так. Однако во многих случаях интернет-сообщество заменяет реальное, и между ними есть одно фундаментальное отличие. Реальные сообщества отличаются глубиной связей, недостижимой для виртуальных, — по крайней мере, недостижимой в ближайшем будущем. Если я болею и лежу дома, в Израиле, мои онлайновые друзья из Калифорнии охотно поговорят со мной, но не принесут мне тарелку супа или чашку чая.

У человека есть тело. На протяжении последнего столетия технологии отделяли нас от тела. Мы постепенно утрачивали способность обращать внимание на вкус и запах. Мы всё больше погружались в смартфоны и компьютеры. События в киберпространстве нам интереснее, чем происходящее на улице. Для меня поговорить с двоюродным братом в Швейцарии стало проще, а с супругом за завтраком — труднее: ведь он всё время смотрит в свой смартфон, а не на меня[88].

В прошлом люди не могли позволить себе такую невнимательность. Древним собирателям приходилось всегда быть начеку. Бродя по лесу в поисках грибов, они высматривали на земле характерные бугорки. Они прислушивались к малейшему движению в

траве, чтобы понять, не прячется ли там змея. Найдя гриб, они должны были очень внимательно разглядеть его: съедобный или ядовитый. Члены современных благополучных сообществ не нуждаются в подобной внимательности. Мы бродим среди полок супермаркета, одновременно отправляя сообщения со смартфона, и покупаем тысячи видов продуктов, одобренных системой здравоохранения. А потом едим любое, даже самое изысканное блюдо, проверяя электронную почту или уткнувшись в телевизор, и почти не обращаем внимания на вкус пищи.

Цукерберг говорит, что Facebook намерена «продолжить совершенствование своих инструментов, чтобы дать вам возможность делиться ощущениями» с другими[89]. Но люди, похоже, больше нуждаются в инструментах, которые связали бы их с собственными ощущениями. Ради того, чтобы «делиться ощущениями», людей побуждают смотреть на происходящее с ними глазами других людей. Если происходит что-то необычное, инстинкт пользователя Facebook заставляет его доставать смартфон, фотографировать, выкладывать снимки в сеть и ждать лайков. При этом человек почти не замечает своих чувств. Его чувства всё чаще определяются реакцией социальной сети.

Человек, отчуждённый от своего тела, ощущений и физического окружения, вероятнее всего, почувствует себя изолированным и дезориентированным. Учёные часто видят причину этого отчуждения в ослаблении религиозных и национальных связей, но гораздо важнее потеря связи со своим телом. Миллионы лет люди жили без церквей и национальных государств — и, по всей видимости, прекрасно обойдутся без них в двадцать первом веке. Но они не будут счастливы в отрыве от своего тела. Если вам некомфортно в своём теле, вы не найдёте комфорта и в окружающем мире.

До настоящего времени бизнес-модель Facebook поощряла людей больше времени проводить в сети, даже если это оставляло им меньше времени и сил на занятия офлайн. Сможет ли компания принять новую модель, поощряющую пользователей выходить в сеть только при необходимости и уделять больше внимания физическому окружению, собственному телу и ощущениям? Как отнесутся к такой модели акционеры? (Схема подобной альтернативной модели недавно была продолжена Тристаном Харрисом, техническим философом и бывшим

сотрудником Google, который предложил новый критерий — «хорошо проведённое время»)[90].

Ограниченность онлайновых взаимоотношений также подрывает идею Цукерберга, призванную ослабить социальное расслоение. Он справедливо указывает, что, если просто связать людей и познакомить их с разными мнениями, это не поможет преодолеть поляризацию общества, потому что «знакомство людей с противоположной точкой зрения на самом деле лишь углубляет поляризацию, представляя другие точки зрения как чуждые». Цукерберг предполагает, что «лучшим решением для развития дискурса станет знакомство не просто с мнениями, а друг с другом как личностями — именно для этого лучше всего подходит Facebook. Если мы объединяемся с людьми на основе того, что у нас есть общего, — спортивные команды, телевизионные шоу, интересы, — нам легче говорить о том, в чём мы не согласны»[91].

Но узнать «все стороны» друг друга очень трудно. Это требует времени и непосредственного физического общения. Как отмечалось выше, у среднего *Homo sapiens* способность поддерживать близкие отношения, по всей видимости, ограничивается кругом из 150 человек. В идеале построение сообщества не должно быть игрой с нулевой суммой. Люди могут одновременно принадлежать к нескольким группам. К сожалению, дружеские отношения, по всей видимости, — игра с нулевой суммой. Начиная с какого-то момента наши попытки лучше узнать онлайн-приятелей из Ирана или Нигерии лишат нас возможности ближе познакомиться с соседями по дому.

Решающую проверку Facebook пройдёт тогда, когда кто-то из разработчиков изобретёт новый инструмент, побуждающий людей посвящать меньше времени онлайн-покупкам и больше — значимым офлайновым занятиям и друзьям. Воспользуется ли Facebook этим инструментом или начнёт подавлять его? Сможет ли Facebook совершить «прыжок в неизвестное» и поставить общественные потребности выше финансовых интересов? Если компания пойдёт по этому пути и сумеет избежать банкротства, это будет настоящей революцией.

Переключение внимания с квартальных отчётов на реальный мир повлияет и на налоговую политику Facebook. Компанию — вместе с Amazon, Google, Apple и некоторыми другими — постоянно обвиняют

в уклонении от уплаты налогов[92]. Трудности с налогообложением деятельности в интернете позволяют корпорациям манипулировать бухгалтерской отчётностью. Если вы считаете, что люди живут преимущественно в сети, и даёте им все необходимые инструменты для такой жизни, то имеете право считать себя полезной социальной службой, даже если не платите налоги офлайновому правительству. Но когда вы вспоминаете, что у людей есть тела, а потому им нужны дороги, больницы и канализация, оправдать уход от налогов становится гораздо сложнее. Как превозносить пользу объединения, отказываясь материально поддерживать самые важные общественные службы?

Остаётся лишь надеяться, что Facebook сумеет изменить бизнес-модель, перестроить налоговую политику под нужды реального мира, поможет объединить людей — и останется прибыльной. В то же время не стоит строить иллюзии относительно способности Facebook реализовать своё видение глобального сообщества. Корпорации никогда не были локомотивами социальных или политических революций. Реальная революция рано или поздно требует жертв, на которые не готовы идти корпорации, их сотрудники и акционеры. Вот почему революционеры основывают церкви, политические партии и армии. Так называемые «революции Facebook» и «революции Twitter» в арабских странах начались в исполненных надежд сетевых сообществах, но после выхода в реальный мир их возглавили религиозные фанатики и военные хунты. Если Facebook намерена совершить мировую революцию, ей придётся приложить огромные усилия, чтобы преодолеть пропасть между интернетом и реальным миром. Facebook и другие интернет-гиганты склонны рассматривать людей как аудиовизуальных животных — пару глаз и пару ушей, подключённых к десяти пальцам, экрану и кредитной карте. Важным шагом к объединению человечества станет признание того факта, что у людей есть тела.

Разумеется, у такого признания будет и обратная сторона. Осознание ограниченности онлайновых алгоритмов может подтолкнуть ИТ-гиганты к дальнейшей экспансии. Устройства вроде Google Glass и игры наподобие Pokémon Go стирают границу между виртуальным и реальным миром, объединяя их в общую дополненную реальность. На ещё более глубоком уровне биометрические датчики и

интерфейсы «мозг — компьютер» призваны стереть границу между электронными устройствами и органическими телами — в буквальном смысле влезть нам под кожу. Когда технологические гиганты проникнут в наш организм, у них появится возможность манипулировать нашими телами, как они уже манипулируют нашими глазами, пальцами и кредитными картами. И мы будем тосковать по добрым старым временам, когда виртуальный мир был отделён от реального.

6
Цивилизация

В мире всего одна цивилизация

Пока Марк Цукерберг мечтает об объединении человечества онлайн, недавние события в реальном мире вдохнули новую жизнь в тезис о «столкновении цивилизаций». Многие учёные мужи, политики и обычные граждане верят, что гражданская война в Сирии, создание «Исламского государства», неразбериха с Брекзитом и нестабильность Евросоюза — результат столкновения между «западной цивилизацией» и «исламской цивилизацией». Попытки Запада навязать демократию и права человека исламским странам привели к мощной ответной реакции и волне исламской иммиграции, сопровождающейся террористическими атаками. Всё это заставило европейских избирателей отказаться от грёз о мультикультурализме в пользу ксенофобии и локальной идентичности.

Согласно этой теории, человечество всегда было разделено на несколько цивилизаций, представители которых обладали принципиально разными взглядами на мир. Несовместимость этих взглядов сделала конфликт цивилизаций неизбежным. Точно так же, как в дикой природе виды борются за выживание в соответствии с беспощадными законами естественного отбора, на протяжении всей человеческой истории разные цивилизации постоянно сталкивались друг с другом, и в результате выживали только самые сильные из них. Те, кто забывает об этом печальном факте, будь то либеральные политики или витающие в облаках инженеры, подвергают себя серьёзной опасности[93].

Тезис о «столкновении цивилизаций» имеет далеко идущие политические последствия. Его сторонники утверждают, что любые попытки примирить «Запад» с «исламским миром» обречены на неудачу. Исламские страны никогда не примут западных ценностей, а западные страны никогда не смогут успешно адаптировать мусульманские меньшинства. Стало быть, США не должны принимать иммигрантов из Сирии и Ирака, а Евросоюзу следует отказаться от

иллюзии мультикультурализма в пользу западной идентичности. В долгосрочной перспективе лишь одна цивилизация выдержит жестокие испытания естественного отбора, и если бюрократы из Брюсселя отказываются спасать Запад от исламской угрозы, то Великобритании, Дании или Франции лучше делать это каждой в одиночку.

Этот тезис, получивший широкое распространение, ложен. Да, исламский фундаментализм действительно очень опасен, но «цивилизация», которой он бросил вызов, — не западный, а глобальный феномен. Ведь не зря же в борьбе против «Исламского государства» объединились США и Иран. Даже исламские фундаменталисты, несмотря на свои средневековые фантазии, в значительно большей степени опираются на глобальную культуру, чем Аравия седьмого века. Они ориентируются на страхи и надежды современной молодёжи, недовольной своим положением, а не на представления средневековых крестьян и торговцев. Как убедительно показали Панкай Мишра и Кристофер де Белье, на взгляды радикальных исламистов серьёзно повлияли идеи Маркса и Фуко, а не только пророка Мухаммеда, и наряду с наследием Омейядского и Аббасидского халифатов они пользуются наследием европейских анархистов девятнадцатого века[94]. Таким образом, даже «Исламское государство» будет правильнее рассматривать как заблудший побег общей для нас всех мировой культуры, а не как ветвь таинственного чужого дерева.

Что ещё важнее, ошибочна сама аналогия между историей и биологией, лежащая в основе тезиса о «столкновении цивилизаций». Человеческие группы — от небольших племён до огромных цивилизаций — принципиально отличаются от видов животных, а исторические конфликты ничем не похожи на механизмы естественного отбора. Виды животных обладают объективными признаками, сохраняющимися на протяжении тысяч и тысяч поколений. Кто вы, шимпанзе или горилла, зависит от ваших генов, а не от убеждений, а разные гены диктуют разное социальное поведение. Шимпанзе живут смешанными группами из самцов и самок. Они конкурируют за власть, объединяясь в коалиции, состоящие из представителей обоих полов. У горилл один доминантный самец формирует гарем из самок и, как правило,

изгоняет любого взрослого самца, который угрожает его положению в иерархии. Шимпанзе не умеют жить так, как гориллы, а гориллы не способны объединяться в группы, как шимпанзе. Насколько нам известно, эти социальные системы у шимпанзе и горилл существовали не только в последние десятилетия, но и на протяжении сотен тысяч лет.

Ничего подобного в человеческих обществах вы не найдёте. Да, группы людей могут принадлежать к разным социальным системам, однако такие системы не являются генетически обусловленными и редко существуют дольше нескольких столетий. Взять, к примеру, немцев в двадцатом веке. Меньше чем за сто лет в Германии сменились шесть разных общественных систем: империя Гогенцоллернов, Веймарская республика, Третий рейх, Германская Демократическая Республика (она же коммунистическая Восточная Германия), Федеративная Республика Германии (она же Западная Германия) и, наконец, демократическая воссоединённая Германия. Разумеется, немцы сохранили свой язык, а также любовь к пиву и сарделькам. Но существует ли некая уникальная сущность, которая отличает немцев от других народов и которая в неизменном виде сохранялась всё это время, от Вильгельма II до Ангелы Меркель? И существовала ли она 1000 или 5000 лет назад?

Преамбула к так и не вступившей в силу Конституции Евросоюза начинается с заявления, что эта конституция вдохновлена «культурным, религиозным и гуманистическим наследием Европы, на основе которого развивались универсальные ценности, нерушимые и неотъемлемые права личности, свободы, демократии, равенства и верховенства закона»[95]. Легко прийти к выводу, что европейская цивилизация определяется ценностями прав человека, демократии, равенства и свободы. В бесчисленных речах и документах проводится прямая линия от древней афинской демократии к нынешнему Евросоюзу и отмечается, что европейской свободе и демократии уже 2500 лет. Вспоминается притча о слепцах, ощупывающих слона: тот, кому достался хвост животного, говорит, что слон похож на щётку. Да, демократические идеи были частью европейской культуры на протяжении многих веков, но они никогда не преобладали в обществе. Несмотря на свою славу и влияние, афинская демократия была неоднозначным экспериментом, продержавшимся едва 200 лет в

отдалённом уголке Балкан. Если последние двадцать пять веков развитие европейской цивилизации определяли демократия и права человека, то что насчёт Спарты и Юлия Цезаря, крестоносцев и конкистадоров, инквизиции и работорговли, Людовика XVI и Наполеона, Гитлера и Сталина? Неужели все они были пришельцами из какой-то другой цивилизации?

На самом деле европейская цивилизация — это то, чем её считают европейцы, точно так же как христианство — это то, чем его считают христиане, ислам — то, чем его считают мусульмане, а иудаизм — то, чем его считают иудеи. На протяжении столетий их представления существенно менялись. Группы людей характеризуются в большей степени изменениями, которые в них происходят, чем продолжительностью своего существования. Тем не менее они ухитряются придумать для себя древнюю самобытность — благодаря искусству рассказывать сказки. Какие бы революции ни сотрясали их общество, им всегда удаётся сплести новое и старое в единую ткань.

Даже один человек способен соединить революционные изменения своей личности в яркую и связную историю жизни: «Раньше я был социалистом, а потом стал капиталистом; я родился во Франции, а теперь живу в США; я был женат, но потом развёлся; я болел раком, но излечился». Точно так же любая группа людей, например немцев, может определить себя через перемены, которые она пережила: «Раньше мы были нацистами, но усвоили урок, и теперь мы миролюбивые демократы». Вовсе не обязательно искать некую уникальную немецкую сущность, которая проявилась сначала в Вильгельме II, затем в Гитлере и, наконец, в Меркель. Именно эти радикальные изменения и определяют немецкую идентичность. В 2018 году быть немцем означает преодолеть тяжёлое наследие нацизма и поддерживать либеральные и демократические ценности. Но кто знает, что это будет означать в 2050-м году?

Люди часто отказываются замечать эти перемены, особенно когда речь идёт о главных политических и религиозных ценностях. Мы настаиваем, что наши ценности — важное наследие древних предков. Но говорить так мы можем лишь потому, что наши предки давно умерли и не в силах нам возразить. Возьмём, к примеру, отношение евреев к женщинам. Современные ортодоксальные иудеи осуждают изображение женщин в публичной сфере. На плакатах и объявлениях,

предназначенных для ортодоксов, обычно изображаются только мужчины и мальчики — но не женщины и не девочки[96].

В 2011 году разразился скандал, когда ультраортодоксальная бруклинская газета Di Tzeitung опубликовала фотографию американских лидеров, наблюдающих за рейдом в убежище Усамы бен Ладена. На снимке с помощью цифрового редактора были стёрты изображения всех женщин, в том числе госсекретаря Хиллари Клинтон. Газета объяснила, что была вынуждена это сделать, чтобы соблюсти еврейские «законы целомудрия». Похожий скандал вызвало удаление Ангелы Меркель с фотографии демонстрации против бойни в Charlie Hebdo — газета HaMevaser объяснила это тем, что изображение канцлера может возбудить у благочестивых читателей похотливые мысли. Издатель третьей ультраортодоксальной газеты, Hamodia, защищал свою позицию так: «За нами тысячи лет еврейской традиции»[97].

Строже всего запрет видеть женщину соблюдается в синагоге. В ортодоксальных синагогах женщин тщательно отделяют от мужчин, и они обязаны находиться в запретной для мужчин зоне, за занавеской, чтобы ни один мужчина не увидел даже силуэта женщины, когда молится или читает священные книги. Но если такой порядок освящён тысячелетними еврейскими традициями и незыблемыми божественными законами, то как объяснить находки археологов? В древних синагогах, относящихся к той эпохе, когда были написаны Мишна и Талмуд, исследователи не нашли никаких признаков разделения по половому признаку — более того, на полу и стенах были обнаружены великолепные мозаики с изображением женщин, причём некоторые из этих женщин были в весьма откровенных одеждах. Раввины, писавшие Мишну и Талмуд, регулярно молились и работали в этих синагогах, но современные ортодоксальные иудеи сочтут такие мозаики нечестивым осквернением древних традиций[98].

Похожие искажения древних традиций можно найти во всех религиях. «Исламское государство» хвасталось, что вернулось к чистой, оригинальной версии ислама, но в действительности их взгляд на ислам абсолютно нов. Да, они цитируют множество священных текстов, но при этом тщательно выбирают, какие фрагменты пропускать, какие цитировать и как их толковать. Их самостоятельная интерпретация священных текстов — это очень современный подход.

Традиционно такая интерпретация была уделом учёных улам — мудрецов, которые изучали исламские законы и теологию в авторитетных учреждениях, таких как университет Аль-Азхар в Каире. Лишь немногие лидеры «Исламского государства» могли похвастаться богословским образованием, а большинство почитаемых улам называли Абу Бакра аль-Багдади и ему подобных невеждами и преступниками[99].

Это не означает, что «Исламское государство» было «немусульманским» или «антимусульманским», как утверждают некоторые. Особенно странно звучат слова христианских лидеров, например Барака Обамы, которые берут на себя смелость рассказывать таким людям, как Абу Бакр аль-Багдади, объявившим себя защитниками ислама, что такое настоящий ислам[100]. Жаркие споры об истинной сущности ислама просто бессмысленны. У ислама нет неизменной ДНК. Ислам — это то, чем считают его мусульмане[101].

Немцы и гориллы

Ещё более глубокие различия существуют между человеческими группами и группами у животных. Виды животных часто разделяются, но никогда не объединяются. Общие предки шимпанзе и горилл жили приблизительно 7 миллионов лет назад. Древний вид разделился на две популяции, и каждая из них пошла своим эволюционным путём. После этого обратной дороги уже не было. Поскольку потомство особей, принадлежащих к разным видам, бесплодно, виды не смешиваются друг с другом. Гориллы не могут скрещиваться с шимпанзе, жирафы со слонами, а собаки с кошками.

В отличие от видов животных племена людей могут объединяться (и объединяются) во всё более многочисленные группы. Современная немецкая нация образовалась из саксонцев, пруссаков, швабов и баварцев, которые ещё относительно недавно не испытывали особой любви друг к другу. Отто фон Бисмарку приписывают фразу (якобы произнесённую после прочтения «Происхождения видов» Дарвина) о том, что баварцы — это недостающее звено между австрийцами и людьми[102]. Французы появились в результате смешения франков, норманнов, бретонцев, гасконцев и провансальцев. А по другую сторону Ла-Манша англичане, шотландцы, валлийцы и ирландцы

постепенно сплавляются (хотят они того или нет) в единую британскую нацию. Не за горами времена, когда немцы, французы и британцы станут просто европейцами.

Но объединения не всегда бывают прочными, и сегодня это хорошо видят люди в Лондоне, Эдинбурге и Брюсселе. Выход Великобритании из ЕС может спровоцировать раскол как в Великобритании, так и в Евросоюзе. Но в долговременном плане направление, в котором движется история, вполне очевидно. Десять тысяч лет назад человечество было разделено на огромное число изолированных племён. С каждым новым тысячелетием они объединялись во всё более крупные группы, образуя всё меньшее количество отдельных цивилизаций. На протяжении последних поколений несколько оставшихся цивилизаций объединялись в единую глобальную цивилизацию. Политические, этнические, культурные и экономические различия сохраняются, однако они не подрывают фундаментального единства. И действительно, некоторые расхождения возможны только при наличии всеобъемлющей общей структуры. В экономике, например, разделение труда может быть эффективным только при условии существования единого рынка. Страна не может специализироваться на производстве автомобилей или добыче нефти, если у неё нет возможности покупать продовольствие у других стран, которые выращивают пшеницу и рис.

Процесс объединения людей принял две формы: образование связей между разными группами и гомогенизация самих групп. Связи могут устанавливаться даже между группами, поведение которых по-прежнему существенно различается. Более того — даже между заклятыми врагами. Чрезвычайно сильные связи между людьми формирует даже война. Историки часто говорят о том, что первый пик глобализации пришёлся на 1913 год, затем, в период мировых войн и холодной войны, наблюдался спад, и процесс вновь набрал силу только после 1989 года[103]. Это утверждение может быть справедливо для экономической глобализации, но оно не учитывает не менее важную динамику военной глобализации. Война способствует распространению идей, технологий и людей гораздо сильнее, чем торговля. В 1918 году Соединённые Штаты были теснее связаны с Европой, чем в 1913-м. Между двумя мировыми войнами Старый и

Новый Свет несколько отдалились друг от друга, но их судьбы снова неразрывно сплелись во время Второй мировой и холодной войны.

Война также усиливает интерес людей друг к другу. Взаимодействие США с Россией никогда не было таким интенсивным, как в период холодной войны, когда каждый чих в московских коридорах власти заставлял американцев бегать вверх-вниз по вашингтонским лестницам. Люди уделяют гораздо больше внимания врагам, чем торговым партнёрам. На один американский фильм о Тайване приходится, наверное, пятьдесят фильмов о Вьетнаме.

Средневековая олимпиада

Мир начала двадцать первого века уже давно прошёл этап формирования связей между разными группами. Люди из разных уголков земли не только поддерживают контакты друг с другом, но и разделяют общие убеждения и привычки. Тысячу лет назад наша планета была плодородной почвой для десятков разных политических моделей. В Европе можно было встретить феодальные княжества, соперничающие с независимыми городами-государствами и крошечными теократиями. В исламском мире имелся халифат, претендовавший на полновластие, но наряду с ним существовали также королевства, султанаты и эмираты. Китайские империи считали себя единственным законным политическим образованием, но на севере и западе от них яростно сражались друг с другом племенные союзы. В Индии и Юго-Восточной Азии разные режимы сменялись, как в калейдоскопе; Америка, Африка и Австралия отличались необыкновенным разнообразием сообществ, от крошечных групп охотников и собирателей до обширных империй. Неудивительно, что даже жившие по соседству группы людей с трудом договаривались о взаимоприемлемых дипломатических процедурах, не говоря уже о международных законах. Каждое общество выстраивало свою политическую парадигму, и людям было трудно понимать и уважать чужие политические концепции.

Сегодня во всём мире принята единая политическая парадигма. Планету поделили между собой около 200 суверенных государств, которые, как правило, признают единые дипломатические протоколы и общие международные законы. Швеция, Нигерия, Таиланд и Бразилия

— все они отмечены на наших атласах разными красками, все они члены ООН, и, несмотря на бесчисленные различия, все они признаны суверенными государствами с соответствующими правами и привилегиями. И действительно, у них очень много общих политических идей и практик, в том числе вера в представительные органы, политические партии, всеобщее избирательное право и права человека. Парламенты есть в Тегеране, Москве, Кейптауне и Нью-Дели, а не только в Лондоне и Париже. Когда израильтяне и палестинцы, русские и украинцы, курды и турки борются за мировое общественное мнение, все они используют один и тот же дискурс прав человека, государственного суверенитета и международного права.

В мире существуют разные типы «несостоявшихся государств», но есть лишь одна парадигма для успешного государства. Для глобальной политики справедлив принцип, сформулированный в «Анне Карениной»: все успешные государства похожи друг на друга, а каждое несостоятельное государство несостоятельно по-своему — в нём отсутствует та или иная составляющая основного политического пакета. Не так давно на этом фоне выделилось «Исламское государство», которое полностью отрицало необходимость этого пакета и попыталось основать принципиально иное политическое образование — всемирный халифат. Но именно по этой причине оно и потерпело крах. В прошлом самым разным партизанским движениям и террористическим организациям удавалось основывать новые государства или захватывать власть в старых. Но они всегда принимали главные принципы глобального политического порядка. Даже движение талибан стремилось к международному признанию в качестве законного правительства суверенной страны Афганистан. Ни одной группе, отвергающей принципы глобальной политики, до сих пор не удавалось надолго сохранить контроль над значительной территорией.

Силу глобальной политической парадигмы, возможно, удобнее оценивать не по главным политическим вопросам войны и дипломатии, а по таким событиям, как Олимпийские игры 2016 года в Рио-де-Жанейро. Как были организованы игры? 11 000 спортсменов распределились по группам в соответствии со своим гражданством — а не религией, классом или языком. В Рио не было делегаций буддистов, пролетариев или тех, кто говорит по-английски. За

исключением нескольких случаев (прежде всего, Тайваня и Палестины), определить национальную принадлежность спортсмена не составляло труда.

5 августа 2016 года на церемонии открытия Олимпиады спортсмены шли группами, каждая под флагом своей страны. Когда Майкл Фелпс выигрывал очередную золотую медаль, вверх взмывал звёздно-полосатый флаг и звучал американский гимн. Когда Эмили Андеоль завоевала золотую медаль в дзюдо, на флагштоке поднялся французский триколор, а оркестр сыграл «Марсельезу».

У каждой страны есть свой гимн, что согласуется с той же самой универсальной моделью. Почти все гимны — это оркестровые произведения продолжительностью несколько минут, а не двадцатиминутные песнопения, исполнять которые вправе лишь представители особой касты потомственных священнослужителей. Даже такие страны, как Саудовская Аравия, Пакистан и Конго, приняли западные музыкальные нормы для своих гимнов. Большинство из них звучат так, словно их сочинил Бетховен в не самый удачный для себя день. (Можете провести с друзьями увлекательный вечер, прослушивая разные гимны на YouTube и пытаясь угадать страну.) Даже тексты гимнов почти одинаковы и содержат общие концепты политики и групповой лояльности. Угадаете, гимн какой страны приведён ниже? (Я заменил название страны словами «моя страна».)

Моя страна, моя родина,
Земля, где я пролил свою кровь.
Здесь я стою, как солдат своей родины.
Моя страна, мой народ,
Мои люди и моя родина.
Давайте воскликнем:
«Моя страна едина!».
Да здравствует моя земля, моё государство,
Мой народ и моя родина неразделимы.
Давайте же вместе построим дух и тело
Для моей великой страны!
Великая моя страна, независимая и свободная.

Моя земля, моя страна, которую я люблю.
Великая моя страна, независимая и свободная,
Да здравствует моя великая страна!

Правильный ответ — Индонезия. А вы удивились бы, скажи я, что это Польша, Нигерия или Бразилия?

Такое же унылое однообразие характерно для национальных флагов. Все они, за одним-единственным исключением, представляют собой прямоугольный кусок ткани с весьма ограниченным набором цветов, полос и геометрических форм. На фоне прочих стран выделяется Непал, у которого флаг состоит из двух треугольников. (Правда, непальские спортсмены ещё ни разу не выигрывали олимпийские медали.) Флаг Индонезии состоит из двух полос, красной сверху и белой снизу. У польского флага белая полоса сверху, а красная снизу. А у Монако флаг такой же, как у Индонезии. Человек с нарушением цветовосприятия вряд ли различит флаги Бельгии, Чада, Кот-д'Ивуара, Франции, Гвинеи, Ирландии, Италии, Мали и Румынии — на каждом из них по три вертикальных полосы разного цвета.

Некоторые из этих стран воевали друг с другом, но за весь двадцатый век из-за войны Олимпийские игры отменяли всего три раза (в 1916, 1940 и 1944 годах). В 1980 году США и некоторые их союзники бойкотировали Олимпиаду в Москве, в 1984 году страны советского блока бойкотировали игры в Лос-Анджелесе, а в некоторых случаях в центре политической бури оказывались сами олимпийцы (особенно в 1936 году, когда Олимпийские игры принимал нацистский Берлин, и в 1972-м, когда палестинские террористы убили израильских спортсменов во время Олимпиады в Мюнхене). Но в целом политические противоречия не подорвали олимпийское движение.

Вернёмся на 1000 лет назад. Предположим, вы хотите организовать средневековые Олимпийские игры в Рио-де-Жанейро в 1016 году. Забудем на минуту, что в то время Рио был маленькой деревушкой индейцев племени тупи[104] и что жители Азии, Африки и Европы даже не подозревали о существовании Америки. Забудем о логистических проблемах, связанных с доставкой в Рио лучших спортсменов мира в отсутствие самолётов. Забудем о том, что общими

для разных стран были лишь несколько видов спорта, и, хотя все люди умели бегать, не все могли договориться об одинаковых правилах соревнований по бегу. Просто спросите себя, на какие группы следовало бы разбить атлетов. Сегодня Олимпийский комитет тратит огромное количество времени на обсуждение тайваньского или палестинского вопроса. Умножьте эти часы на 10 000 — и вы получите представление о времени, которое придётся уделить политическим вопросам на средневековой Олимпиаде.

Начнём с того, что в 1016 году китайская империя Сун не признавала равным себе ни одно политическое образование на Земле. Поэтому было бы неслыханной дерзостью присвоить её олимпийцам такой же статус, как и атлетам корейского королевства Корё или вьетнамского королевства Дайковьет — не говоря уже о делегациях «примитивных заморских варваров».

Багдадский халиф тоже претендовал на власть над всем миром, и большинство мусульман-суннитов признавали его верховным правителем. Но на практике халиф не обладал властью даже над Багдадом. Должны ли спортсмены-сунниты выступать в составе одной делегации или их следует разделить на несколько десятков делегаций по числу эмиратов и султанатов суннитского мира? Но почему надо останавливаться на эмиратах и султанатах? Аравийскую пустыню населяли свободные племена бедуинов, которые не признавали никакого властителя, кроме Аллаха. Должно ли каждое из них направить отдельную делегацию для участия в состязаниях по стрельбе из лука и в гонках на верблюдах? Таким же источником головной боли стала бы Европа. Под чьим флагом должны выступать спортсмены из нормандского города Иври? Местного графа? Его сюзерена, герцога Нормандии? Или под флагом слабого французского короля?

Многие из политических образований появлялись и быстро исчезали, просуществовав совсем недолго. Занимаясь подготовкой к Олимпиаде-1016, вы не знали бы заранее, какие к вам приедут делегации: никто не сказал бы наверняка, какие политические образования сохранятся к следующему году. Если бы Английское королевство отправило на Олимпиаду-1016 свою делегацию, то спортсмены, вернувшись домой с медалями, обнаружили бы, что Лондон захвачен датчанами, а Англия вместе с Данией, Норвегией и

частью Швеции вошла в состав Империи Северного моря Кнуда Великого. Через двадцать лет империя распадётся, а ещё через тридцать лет Англия снова будет завоёвана — на этот раз герцогом Нормандии.

Нет нужды говорить, что у подавляющего большинства этих недолговечных политических образований не было ни гимна, который можно было бы исполнить в честь победителя состязаний, ни флага. Конечно, в те времена политическим символам уделялось большое внимание, но язык символов европейской политики сильно отличался от политических языков символов Индонезии, Китая или индейцев тупи. Договориться о едином протоколе чествования победителя было бы практически невозможно.

Поэтому, когда в 2020 году вы будете смотреть игры в Токио, помните о том, что это соревнование между странами на самом деле демонстрирует удивительное всемирное согласие. Помимо чувства национальной гордости, возникающего, когда ваш соотечественник завоёвывает золотую медаль и в небо взмывает флаг вашей страны, вы можете испытывать ещё бóльшую гордость за человечество, которое сумело организовать такое событие.

Власть доллара

В прежние времена люди экспериментировали не только с разными политическими системами, но и с невероятным количеством экономических моделей. Русские бояре, индийские махараджи, китайские мандарины и вожди американских индейцев обладали разными представлениями о деньгах, торговле, налогах и занятости. Сегодня почти все верят в слабо различающиеся варианты одной и той же капиталистической модели, и все мы — шестерёнки одного глобального производственного конвейера. Где бы вы ни жили, в Конго или Монголии, в Новой Зеландии или Боливии, ваша повседневная жизнь и материальное благосостояние определяются одними и теми же экономическими теориями, одними и теми же корпорациями и банками, одними и теми же потоками капитала. Если бы министры финансов Израиля и Ирана встретились за обедом, они нашли бы общий язык, без труда поняли бы беды и проблемы друг друга и посочувствовали друг другу.

Когда «Исламское государство» захватило значительную часть Сирии и Ирака, его сторонники убивали тысячи людей, разрушали археологические памятники, сбрасывали с пьедестала статуи и последовательно уничтожали символы прежних режимов и культурного влияния Запада[105]. Но когда они врывались в банк и находили там пачки американских долларов с портретами президентов США и надписями на английском языке, прославляющими американские политические и религиозные идеи, они не сжигали эти символы американского империализма. Дело в том, что долларовой банкноте поклоняются все, независимо от политических и религиозных различий. У неё нет потребительской ценности — долларовую банкноту нельзя съесть или выпить, — но вера в доллар и в мудрость Федеральной резервной системы столь прочна, что её разделяют даже исламские фундаменталисты, мексиканские наркобароны и северокорейские тираны.

Однородность современного человеческого общества становится ещё более очевидной, когда речь заходит о наших взглядах на природу и человеческое тело. Если тысячу лет назад человек заболевал, его действия определялись тем, где он жил. В Европе местный священник, вероятно, сказал бы вам, что вы прогневили Господа и что для восстановления здоровья нужно что-то пожертвовать церкви, предпринять паломничество по святым местам и усиленно молить Бога о прощении. А деревенская ведьма объяснила бы ваше состояние тем, что вы одержимы демоном, и предложила бы изгнать его из вашего тела с помощью песни, танца и крови чёрного петуха.

На Ближнем Востоке врачи, воспитанные в классической традиции, поведали бы вам, что у вас нарушилось равновесие телесных гуморов и что необходимо восстановить баланс с помощью правильной диеты и неприятно пахнущих настоев. В Индии знатоки аюрведы предложили бы свои теории о равновесии между тремя телесными элементами, известными как доши, и порекомендовали бы лечение травами, массажем и асанами йоги. Китайские врачи, сибирские шаманы, африканские целители, индейские колдуны — в каждой империи, королевстве или племени имелись свои традиции и свои эксперты с разными взглядами на человеческое тело и природу болезней, и все они предлагали разные наборы ритуалов, снадобий и методов. Одни средства помогали на удивление хорошо, а другие были

равноценны смертному приговору. Единственный факт, объединявший европейскую, китайскую, африканскую и американскую практику, заключался в том, что не меньше трети детей умирало, не дожив до совершеннолетия, а средняя продолжительность жизни не дотягивала и до пятидесяти лет[106].

В наши дни судьба заболевшего человека почти не зависит от того, где он живёт. Больницы в Торонто, Токио, Тегеране и Тель-Авиве похожи друг на друга; там вас встретят врачи в белых халатах, которые изучали одни и те же научные теории на одних и тех же медицинских факультетах. Они будут следовать одним и тем же протоколам, проводить одинаковые анализы, чтобы поставить похожие диагнозы. Затем они выпишут одни и те же лекарства, выпущенные одними и теми же международными фармацевтическими компаниями. Конечно, культурные различия остаются, но канадские, японские, иранские и израильские врачи придерживаются одинаковых взглядов на человеческое тело и человеческие болезни. Когда «Исламское государство» захватило Ракку и Мосул, религиозные фанатики не разрушили местные больницы. Наоборот: они обратились к врачам-мусульманам всего мира с призывом приехать и лечить людей[107]. По всей видимости, даже исламские врачи и медсёстры верят, что тело состоит из клеток, болезни вызываются патогенами, а антибиотики убивают бактерий.

А из чего состоят эти клетки и бактерии? Откуда вообще взялся наш мир? Тысячу лет назад в каждой культуре существовала своя история о сотворении мира и главных ингредиентах космического супа. В наши дни образованные люди всего мира верят в одни и те же теории о материи, энергии, времени и пространстве. Возьмём, к примеру, иранскую и северокорейскую ядерные программы. Суть проблемы в том, что в Иране и КНДР придерживаются точно таких же взглядов на физику, как в Израиле и Америке. Если бы иранские и северокорейские учёные считали, что $E = mc^4$, Израилю и США можно было бы не опасаться, что эти страны создадут ядерное оружие.

В современном мире сохранилась религиозная и национальная идентичность. Но когда речь идёт о практических вещах — создать государство, экономику, построить больницу, сделать бомбу, — выясняется, что почти все люди принадлежат к одной цивилизации. Вне всякого сомнения, разногласия существуют — но внутренние

споры были во всех цивилизациях. Более того, сами цивилизации и сформировались в результате этих споров. Пытаясь определить свою идентичность, люди часто составляют список общих черт, но это ошибочный путь. Здесь больше помог бы список общих конфликтов и дилемм. Например, в 1618 году в Европе не было общей религиозной идентичности, зато бушевали религиозные распри. В 1618 году идентичность европейца определялась его озабоченностью мизерными доктринальными различиями между католиками и протестантами или между кальвинистами и лютеранами, а также готовностью убивать и умирать за эти различия. Если человека, жившего в 1618 году, не волновали эти конфликты, значит, этот человек был турком, индусом — кем угодно, но не европейцем.

Точно так же в 1940 году Великобритания и Германия исповедовали разные политические ценности, но обе страны были неотделимы от «европейской цивилизации». Гитлер был не меньшим европейцем, чем Черчилль. Более того, само их противостояние показывало, что значит быть европейцем на этом конкретном историческом этапе. А вот охотники и собиратели из племени кунг в 1940 году не были европейцами, поскольку внутренние европейские споры о расе и империи ничуть их не волновали.

Люди, с которыми мы ожесточённо сражаемся, зачастую оказываются членами нашей семьи. Идентичность в большей степени формируют конфликты и дилеммы, а не согласие. Что значит быть европейцем в 2018 году? Вовсе не обязательно иметь белую кожу, верить в Иисуса Христа или поддерживать идеалы свободы. Скорее это означает яростно спорить по поводу иммиграции, Евросоюза и изъянов капитализма. Это также значит постоянно спрашивать себя: «Что определяет мою идентичность?» — и беспокоиться из-за старения населения, безудержного консьюмеризма и глобального потепления. Конфликты и дилеммы двадцать первого века отличают современных европейцев от их предков, живших в 1618 и 1940 годах, но сближают с нынешними китайскими и индийскими торговыми партнёрами.

Какие бы изменения ни ждали нас в будущем, они, скорее всего, будут сопровождаться братскими конфликтами внутри единой цивилизации, а не столкновениями разных цивилизаций. Главные вызовы двадцать первого века будут глобальными по своей природе.

Что произойдёт, когда изменение климата вызовет экологические катастрофы? Что произойдёт, когда компьютеры начнут превосходить человека в решении всё большего числа задач и заменять людей во всё большем количестве профессий? Что произойдёт, когда биотехнологии позволят улучшать людей и продлевать жизнь? Вне всяких сомнений, пытаясь найти ответ на эти вопросы, мы станем свидетелями жарких споров и ожесточённых конфликтов. Но эти споры и конфликты вряд ли приведут к разобщённости людей. Как раз наоборот: они сделают нас ещё более зависимыми друг от друга. Хотя человечеству ещё очень далеко до построения гармоничного общества, все мы принадлежим к одной буйной глобальной цивилизации.

Как же объяснить волну национализма, захлестнувшую мир? Возможно, из-за чрезмерного энтузиазма по поводу глобализации мы слишком рано стали забывать о старых добрых нациях? Может ли возврат к традиционному национализму разрешить этот серьёзный глобальный кризис? Если глобализация несёт с собой столько проблем, почему не отказаться от неё?

7
Национализм

Глобальным проблемам нужны глобальные решения

Сегодня человечество представляет собой единую цивилизацию, и все люди сталкиваются с одними и теми же вызовами и располагают теми же возможностями. Тем не менее британцы, американцы, русские и многие другие группы всё больше поддерживают идею националистической изоляции. Может, в этом и заключается решение беспрецедентных проблем нашего глобального мира? Предлагает ли возвращение к национализму реальные решения беспрецедентных проблем нашего глобального мира, или это просто попытка уйти от действительности, которая может обречь человечество и всю биосферу на катастрофу?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сначала развеять широко распространённый миф. Вопреки мнению некоторых людей, национализм никак не обусловлен биологией человека и не является неизбежным продуктом человеческой психологии. Конечно, люди всегда были социальными животными, и преданность группе заложена у нас в генах. Однако на протяжении сотен тысяч лет *Homo sapiens* и его предки-гоминиды объединялись в маленькие тесные сообщества, насчитывавшие не больше нескольких десятков человек. Люди легко устанавливают доверительные отношения в небольших тесных сообществах, таких как племя, рота солдат или семейная компания, но для людей едва ли естественно доверять миллионам совершенно незнакомых людей. Такие массовые доверительные отношения появились только в последние несколько тысяч лет (с точки зрения эволюции — только вчера) и они требуют огромных усилий для выстраивания социальных конструкций.

Людям приходится создавать большие сообщества, такие как национальные государства, в ответ на вызовы, которые не могли быть решены ни одним племенем. Возьмём, к примеру, древние племена, населявшие долину Нила несколько тысяч лет назад. Река давала им жизнь, она орошала поля и помогала торговать. Но это был

непредсказуемый союзник. Если дождей было мало, люди умирали от голода; из-за слишком сильных дождей река могла выйти из берегов и снести целые деревни. Ни одно племя не могло справиться с этой проблемой самостоятельно, потому что каждому принадлежал лишь небольшой участок реки и каждое могло мобилизовать на работы не больше нескольких сотен человек. Только общие усилия по строительству громадных дамб и многокилометровых каналов давали надежду обуздать и подчинить могучую реку. Это стало одной из причин, по которым племена постепенно объединились в единый народ, который строил дамбы и рыл каналы, чтобы регулировать течение реки, накапливал запасы зерна для неурожайных лет и создавал разветвлённую систему транспорта и связи по всей стране.

Несмотря на очевидные преимущества, объединение племён и кланов в единый народ никогда не было лёгким делом — ни в древности, ни сегодня. Чтобы понять, насколько трудно идентифицировать себя с таким государством, задайте себе вопрос: «Знаю ли я этих людей?». Я могу назвать по именам двух своих сестёр и одиннадцати кузенов и кузин и целый день рассуждать об их характерах и странностях. Но я не знаю имён восьми миллионов других людей, которые, как и я, имеют израильское гражданство. С большинством из них я никогда не встречался и, скорее всего, никогда не встречусь. Тем не менее моя способность испытывать чувство причастности к этой безликой массе людей — не наследие моих предков охотников-собирателей, а чудо современности. Марсианский биолог, знакомый только с анатомией и эволюцией *Homo sapiens*, никогда бы не догадался, что эти обезьяны способны выстраивать коллективные связи с миллионами чужаков. Сионистскому движению и израильскому государству, чтобы убедить меня быть верным «Израилю» и его восьми миллионам жителей, пришлось создать гигантский аппарат образования, пропаганды и размахивания флагом, а также государственные системы безопасности, здравоохранения и социального обеспечения.

Это вовсе не означает, что с национальными связями что-то не так. Огромные системы не могут функционировать без массовой лояльности, а расширение круга человеческой эмпатии явно имеет свои достоинства. Умеренные формы патриотизма были одними из самых благодушных человеческих творений. Убеждение, что мой

народ уникален, что он заслуживает моей преданности и что у меня перед ним есть особые обязательства, заставляет меня заботиться о других людях и чем-то жертвовать ради них. Было бы опасной ошибкой полагать, что без национализма мы жили бы в либеральном раю. С большей вероятностью это был бы племенной хаос. Мирные, процветающие и либеральные страны, такие как Швеция, Германия и Швейцария, отличаются сильным чувством национальной гордости. В список стран, где отсутствуют прочные национальные узы, входят Афганистан, Сомали, Конго и большинство других несостоявшихся государств[108].

Проблемы начинаются тогда, когда доброжелательный патриотизм превращается в шовинистический ультранационализм. Вместо того чтобы верить в уникальность своей нации (а любая нация уникальна), человек начинает думать, что его нация выше всех прочих, что он должен быть верен только ей и что перед всеми остальными у него нет никаких обязательств. Это питательная среда для жестоких конфликтов. На протяжении многих поколений самой серьёзной претензией к национализму было то, что он провоцирует войны. Однако каждая нация оправдывала свою военную экспансию необходимостью защищать себя от посягательств соседей. Пока страна гарантирует своим гражданам высочайший уровень безопасности и процветания, они готовы платить за это кровью. В девятнадцатом и начале двадцатого века националистическая сделка всё ещё выглядела привлекательной. Несмотря на то что национализм приводил к кровавым конфликтам колоссального масштаба, современным национальным государствам удалось выстроить мощные системы здравоохранения, образования и социального обеспечения. Эти системы как будто оправдывали своим существованием Пашендаль и Верден.

Всё изменилось в 1945 году. Изобретение ядерного оружия резко сместило баланс националистической сделки. После Хиросимы люди боялись уже не того, что национализм приведёт к войне, — они начали бояться, что он приведёт к *ядерной* войне. Угроза полного уничтожения изменила мышление людей, и во многом благодаря атомной бомбе произошло невозможное, и националистический джинн был втиснут (по крайней мере наполовину) обратно в бутылку. Подобно тому, как древние племена, населявшие долину Нила,

объединились в единое царство, которое смогло обуздать опасную реку, так и в ядерный век поверх разных наций начало постепенно формироваться глобальное сообщество, поскольку только ему по силам обуздать ядерного демона.

В 1964 году во время предвыборной кампании в США Линдон Джонсон выпустил знаменитый агитационный ролик «Ромашка», который считается одним из самых успешных пропагандистских материалов за всю историю телевидения. Ролик начинается с того, что маленькая девочка обрывает лепестки ромашки, считая их по порядку. Когда она доходит до десяти, металлический мужской голос начинает обратный отсчёт, от десяти до нуля, как при запуске ракеты. На счёте «ноль» экран озаряет вспышка ядерного взрыва и кандидат Джонсон обращается к американскому народу: «На карту поставлено всё! Мы должны создать мир, в котором смогут жить все дети божьи, или исчезнуть во тьме. Мы должны любить друг друга, или мы умрём!»[109]. Обычно мы ассоциируем девиз «Занимайтесь любовью, а не войной» с контркультурой конца 1960-х, но на самом деле уже в 1964 году эта позиция была популярна даже среди таких жёстких политиков, как Джонсон.

В период холодной войны национализм уступил место глобальному подходу к международной политике, и после её окончания глобализация казалась неизбежной. Все ожидали, что человечество окончательно расстанется с националистической политикой как с пережитком более примитивных эпох, привлекательным лишь для необразованных жителей слаборазвитых стран. Однако события последних лет показали, что национализм не желает покидать умы даже граждан Европы и США, не говоря уже о России, Индии и Китае. Неприязнь к обезличенным силам глобального капитализма, тревога за судьбу государственных систем здравоохранения, образования и социального обеспечения — всё это заставляет людей в разных странах искать опору и смысл в объятиях национализма.

Но вопрос, поднятый Джонсоном в ролике «Ромашка», сегодня ещё более актуален, чем в 1964 году. Создадим ли мы мир, где все люди смогут жить вместе, — или же исчезнем во тьме? Сумеют ли Дональд Трамп, Тереза Мэй, Владимир Путин, Нарендра Моди и их коллеги спасти мир, отбросив национальные чувства, или нынешний

националистический всплеск — это форма бегства от неразрешимых глобальных проблем?

Ядерная угроза

Начнём с врага, который уже знаком человечеству: ядерной войны. Предвыборный ролик Джонсона «Ромашка» появился 1964-м, через два года после Карибского кризиса, и в то время ядерное уничтожение планеты было вполне реальной угрозой. И учёные мужи, и обычные люди опасались, что у человечества не хватит мудрости предотвратить катастрофу, что превращение холодной войны в «горячую» — это лишь вопрос времени. Но человечество успешно отразило ядерную угрозу. Америка, СССР, Европа и Китай отказались от политики, которую люди вели на протяжении тысяч лет, и холодная война закончилась практически без кровопролития, а новый международный порядок способствовал наступлению беспрецедентной эпохи мира. Человечеству удалось не только предотвратить ядерную войну, но и уменьшить количество обычных войн. После 1945 года на удивление мало границ было изменено в результате открытой агрессии, а большинство стран перестали рассматривать войну как стандартный инструмент политики. В 2016 году, несмотря на войны в Сирии, на Украине и ещё в нескольких горячих точках, насилие унесло меньше жизней, чем ожирение, автомобильные аварии и самоубийства[110]. Возможно, это самое большое политическое и нравственное достижение нашего времени.

К сожалению, мы настолько привыкли к этой победе, что принимаем её как нечто само собой разумеющееся. Отчасти именно поэтому люди позволяют себе играть с огнём. Недавно Россия и США вновь начали гонку ядерных вооружений: они разрабатывают новые «машины Судного дня», угрожающие свести на нет достижения последних десятилетий и вернуть нас назад, на грань ядерного уничтожения[111]. Тем временем общество научилось не беспокоиться и полюбило ядерную бомбу (как было завещано в фильме «Доктор Стрейнджлав») — или просто забыло о её существовании.

Например, дебаты о Брекзите в Великобритании — существенной ядерной державе — велись в основном вокруг вопросов экономики и иммиграции, тогда как тема важного вклада Евросоюза в мир в Европе

и на всей планете по большей части осталась вне рамок обсуждения. После многих веков жестоких кровопролитий французы, немцы, итальянцы и британцы наконец создали механизм, который обеспечивает согласие на континенте, — но, как оказалось, лишь для того, чтобы народ Великобритании сунул в колёса этого чудесного механизма палку.

Было чрезвычайно трудно создать международный порядок, который предотвратил ядерную войну и сохранил мир на планете. И, вне всякого сомнения, мы должны адаптировать этот порядок к меняющимся глобальным условиям: например, начать меньше опираться на США и больше — на неевропейские державы, такие как Китай и Индия[112]. Но полный отказ от этого порядка и возврат к националистической политике был бы безответственной азартной игрой. Да, в девятнадцатом веке страны играли в националистическую игру и не уничтожили цивилизацию. Но это было до Хиросимы. Ядерное оружие подняло ставки и изменило саму природу войны и политики. Пока люди умеют обогащать уран и плутоний, их выживание зависит от того, смогут ли они поставить предотвращение ядерной войны выше интересов любого отдельного государства. Рьяные националисты, кричащие, что их страна превыше всего, должны спросить себя: сможет ли их страна в одиночку, без прочной системы международного сотрудничества, защитить мир — или хотя бы саму себя — от ядерного уничтожения?

Угроза экологической катастрофы

В грядущие десятилетия человечество столкнётся с ещё одной угрозой своему существованию, которую в 1964 году политические радары даже не регистрировали: угрозой экологической катастрофы. Люди нарушают равновесие биосферы самыми разными способами. Мы получаем из окружающей среды всё больше и больше ресурсов, а возвращаем в неё мусор и токсины, меняющие состав почвы, воды и атмосферы.

Мы лишь приблизительно представляем себе, сколько разнообразных способов используем, нарушая хрупкое экологическое равновесие, формировавшееся миллионы лет. Возьмём, к примеру, использование фосфора в качестве удобрения. В малых количествах

фосфор — ценное питательное вещество, способствующее росту растений. Но в больших концентрациях это яд. В современном высокотоварном сельском хозяйстве поля удобряют большим количеством фосфора, а насыщенные этим веществом стоки с ферм отравляют реки, озёра и океаны, уничтожая водную флору и фауну. Фермер, выращивающий зерновые культуры в Айове, сам того не зная, убивает рыбу в Мексиканском заливе.

В результате подобной деятельности окружающая среда деградирует, животные и растения вымирают, под угрозой уничтожения оказываются целые экосистемы, такие как австралийский Большой Барьерный риф и тропические леса Амазонки. На протяжении тысяч лет *Homo sapiens* вёл себя как экологический серийный убийца; теперь он превратился в экологического массового убийцу. Если мы не остановимся, это не только приведёт к исчезновению многих биологических видов, но и подорвёт основы человеческой цивилизации[113].

Самая большая угроза — это перспектива изменения климата. За сотни тысяч лет существования человечество пережило немало ледниковых периодов и потеплений. Но сельское хозяйство, города и сложные общества возникли не более 10 000 лет назад. В этот период, получивший название голоцена, климат Земли был относительно стабилен. При любом отклонении от нормы голоцена человечество столкнётся с небывалыми вызовами. Это будет своего рода неограниченный во времени эксперимент над миллиардами подопытных людей. Даже если человеческая цивилизация в итоге приспособится к новым условиям, никто не знает, скольких жертв может стоить эта адаптация.

Жуткий эксперимент уже начался. В отличие от ядерной войны, которая может разразиться в будущем, изменение климата — реальность, в которой мы живём. Учёные пришли к общему мнению, что деятельность человека, особенно выбросы таких парниковых газов, как углекислый газ, изменяет климат пугающе быстро[114]. Никто точно не знает, какое количество углекислого газа можно продолжать выбрасывать в атмосферу, не вызвав необратимой катастрофы. Однако по оценкам учёных, если в ближайшие двадцать лет существенно не сократить выбросы парниковых газов, средняя температура на планете повысится более чем на 2 °C[115], что приведёт

к увеличению площади пустынь, таянию льдов, подъёму уровня океанов и повышению частоты стихийных бедствий, таких как ураганы и тайфуны. Эти изменения, в свою очередь, приведут к упадку сельскохозяйственного производства, затоплению городов, сделают бóльшую часть планеты необитаемой и отправят сотни миллионов беженцев на поиски нового жилья[116].

Более того, мы быстро приближаемся к нескольким точкам невозврата, за которыми даже значительного снижения выброса парниковых газов будет недостаточно, чтобы обратить процесс вспять и избежать трагедии мирового масштаба. Например, если глобальное потепление приведёт к сокращению площади ледяных полярных шапок, снизится интенсивность отражения от поверхности планеты солнечного света. Это значит, что Земля будет поглощать ещё больше тепла, температура поднимется ещё выше и лёд будет таять ещё быстрее. Как только интенсивность этой положительной обратной связи превысит критический порог, процесс станет необратимым и полярные шапки растают, даже если мы перестанем сжигать уголь, нефть и газ. Вот почему недостаточно просто осознать опасность, с которой мы столкнулись. Важно что-то предпринимать *уже сейчас*.

К сожалению, в 2018 году объёмы выбросов парниковых газов не уменьшились, а увеличились. У человечества осталось совсем мало времени, чтобы отказаться от ископаемого топлива. Мы должны приступить к реабилитации уже сегодня. Не в следующем году и не в следующем месяце — а именно сегодня: «Привет, я *Homo sapiens*, и я подсел на ископаемое топливо».

Как в эту тревожную картину вписывается национализм? Существует ли националистический ответ на экологическую угрозу? Способна ли какая-то одна нация, пусть даже самая могущественная, самостоятельно остановить глобальное потепление? Разумеется, каждая страна может проводить собственную политику в области защиты окружающей среды, и многие из предпринимаемых мер будут весьма разумны как с экономической, так и с экологической точки зрения. Правительства могут вводить налог на выбросы углекислого газа или акцизы на нефть и газ, принимать более строгие законы о защите окружающей среды, снижать субсидии отраслям, загрязняющим природу, стимулировать переход на возобновляемые источники энергии. Власти также могут больше инвестировать в

исследования и разработку революционных экологически чистых технологий, инициировав нечто вроде Манхэттенского проекта в области экологии. Мы во многом должны быть благодарны двигателю внутреннего сгорания за прогресс, которого мы достигли за последние 150 лет, но если мы хотим сохранить стабильную окружающую и экономическую среду, двигатель внутреннего сгорания должен быть отправлен на пенсию и заменён новыми технологиями, которые не сжигают ископаемое топливо[117].

Технологические прорывы принесут пользу не только энергетической, но и другим отраслям. Рассмотрим, например, потенциал развития технологии «чистого мяса». В настоящее время мясная промышленность не только причиняет огромные страдания миллиардам живых существ, но и является одной из главных причин глобального потепления, одним из основных потребителей антибиотиков и ядовитых веществ, а также одним из главных загрязнителей воздуха, земли и воды. Согласно отчёту Института инженеров-механиков за 2013 год, для производства одного килограмма говядины требуется около 15 000 литров пресной воды. Для сравнения, для производства килограмма картофеля требуется 287 литров воды[118].

Негативное влияние на окружающую среду, вероятно, будет только увеличиваться, поскольку рост благосостояния в таких странах, как Китай и Бразилия позволит сотням миллионов людей регулярно заменять в своём рационе картофель говядиной. Было бы трудно убедить китайцев и бразильцев — не говоря уже об американцах и немцах — прекратить есть стейки, гамбургеры и сосиски. Но что, если инженеры смогут найти способ вырастить мясо из клеток? Если вы хотите гамбургер, можно его просто вырастить, вместо того, чтобы выращивать и забивать целую корову (и перевозить тушу за тысячи километров).

Это может звучать как научная фантастика, но первый в мире «чистый» гамбургер был выращен из клеток — а затем и съеден — в 2013 году. Его стоимость 330 000 долларов. Четыре года исследований и разработок привели к снижению цены до 11 долларов за один гамбургер, и в течение ещё одного десятилетия промышленное производство «чистого мяса», как ожидается, станет дешевле выращивания животного мяса. Эта технология могла бы спасти от

страданий миллиарды животных, могло бы помочь накормить миллиарды живущих в голоде людей и одновременно могло бы помочь предотвратить экологический кризис[119].

В деле предотвращения изменения климата многое зависит от правительств, корпораций и даже отдельных людей. Но эффективные меры возможны только на глобальном уровне. В том, что касается климата, страны не суверенны: они зависят от действий людей, живущих на другом краю земли. Даже если Республика Кирибати — островное государство в Тихом океане — снизит выбросы парниковых газов до нуля, её всё равно поглотит океан, если прочие страны не последуют её примеру. В Республике Чад можно на каждую крышу установить солнечные панели, но территория страны всё равно превратится в бесплодную пустыню из-за безответственной экологической политики, проводимой далёкими от неё государствами. Даже такие сильные страны, как Китай и Япония, не обладают экологическим суверенитетом. Для защиты Шанхая, Гонконга и Токио от разрушительных наводнений и тайфунов китайцам и японцам потребуется убедить правительства России и США отказаться от привычки «ничего не менять».

В том, что касается климатических изменений, националистический изоляционизм опаснее ядерной войны. Глобальная ядерная война уничтожит все страны мира, и поэтому каждое государство заинтересовано в том, чтобы её предотвратить. Глобальное потепление, по всей видимости, по-разному скажется на разных странах. Некоторые, и прежде всего Россия, скорее всего, даже извлекут из него преимущество. У России относительно немного прибрежных активов, поэтому её не так сильно, как Китай или Кирибати, тревожит подъём уровня океана. И если республику Чад повышение температуры превратит в пустыню, то Сибирь в результате потепления превратится в мировую житницу. Более того: при таянии льдов на Крайнем Севере арктические морские пути, которые контролирует Россия, станут крупнейшими артериями мировой торговли, а Камчатка заменит Гонконг в роли главного перекрёстка мира[120].

Точно так же замена ископаемого топлива возобновляемыми источниками энергии одним странам принесёт больше выгоды, чем другим. Китай, Япония и Южная Корея зависят от импорта огромных

объёмов нефти и газа. Они будут рады освободиться от этого бремени. Россия, Иран и Саудовская Аравия зависят от экспорта нефти и газа. Их экономики ждёт крах, если эти энергоресурсы внезапно уступят место солнцу и ветру.

Поэтому одни страны, такие как Китай, Япония и Кирибати, будут решительно настаивать на скорейшем сокращении выбросов углекислого газа, а другие, например Россия и Иран, вряд ли проявят подобный энтузиазм. Но даже в таких странах, как США, которым глобальное потепление грозит серьёзным ущербом, есть риск, что националисты проявят недальновидность и эгоизм и не распознают масштаб опасности. Небольшой, но показательный пример — в январе 2018 года США установили 30-процентную пошлину на импортные панели солнечных батарей и оборудование для солнечных электростанций; тем самым американские производители получили поддержку, но её ценой стало замедление перехода на возобновляемые источники энергии[121].

Атомная бомба — настолько прямая и очевидная угроза, что её трудно игнорировать. А вот угроза глобального потепления носит более неопределённый и отдалённый характер. Поэтому в тех случаях, когда долгосрочные аспекты защиты окружающей среды требуют жертв уже сегодня, у националистов возникает соблазн поставить на первое место сиюминутные интересы своей страны и убедить себя, что об экологии они позаботятся позже — или оставят эти заботы другим. Некоторые из них просто отрицают существование проблемы. Едва ли можно считать совпадением, что скепсис относительно изменения климата характерен именно для правых националистов. Социалисты, придерживающиеся левых взглядов, редко пишут в Twitter, что «изменение климата — это китайские сказки». Национального ответа на проблему глобального потепления не существует, а потому некоторые политики националистического толка предпочитают делать вид, что не существует и самой проблемы[122].

Технологический вызов

По всей видимости, никакое националистическое противоядие не защитит нас и от третьей угрозы, с которой столкнётся человечество в двадцать первом веке. Эта угроза исходит со стороны технологий. Как

было показано в предыдущих главах, слияние информационных технологий и биотехнологий открывает путь к огромному числу катастрофических сценариев, от цифровых диктатур до появления глобального класса ненужных людей.

Какой ответ на эти угрозы предлагают националисты?

Никакого. Как и в случае с изменением климата, при появлении потенциально опасных технологий национальное государство будет просто не в состоянии противостоять угрозе. Поскольку ни одна страна не обладает монополией на научные исследования и разработки, самостоятельно их ограничить не сможет даже такая сверхдержава, как США. Если американское правительство запретит генную инженерию человеческих эмбрионов, это не остановит китайских учёных. А если в результате Китай получит существенное экономическое или военное преимущество, у США возникнет искушение снять собственный запрет. В ксенофобском мире, где царит закон джунглей, если хотя бы одна страна решит ступить на скользкую, но сулящую большие выгоды технологическую дорожку, другие будут вынуждены последовать её примеру, потому что отставание равносильно гибели. Чтобы избежать этой гонки, ведущей в пропасть, человечеству, по всей видимости, придётся объединиться на основе глобальной идентичности и взаимной лояльности.

Более того, если ядерная война и изменение климата угрожают только физическому выживанию человечества, то технологии способны изменить саму природу человека; в силу этого они неразрывно связаны с самыми глубокими этическими и религиозными убеждениями людей. Никто не спорит с тем, что мы обязаны предотвратить ядерную войну и экологическую катастрофу, но существуют разные точки зрения на использование биоинженерии и искусственного интеллекта для улучшения человека и создания новых форм жизни. Если человечество не сможет сформулировать и принять единые для всего мира этические нормы, наступит эра доктора Франкенштейна.

Когда речь заходит о таких этических нормах, сторонники национализма страдают в первую очередь от отсутствия воображения. Они мыслят в категориях территориальных конфликтов, не утихавших на протяжении столетий, тогда как о технологических революциях двадцать первого века следует рассуждать во вселенском контексте.

После 4 миллиардов лет эволюции органической жизни и естественного отбора может наступить эра неорганической жизни, формируемой разумным замыслом.

Не исключено, что в процессе исчезнет *Homo sapiens* как таковой. Сегодня мы по-прежнему человекообразные обезьяны из семейства гоминидов. У нас всё ещё много общего с неандертальцами и шимпанзе: строение тела, физические возможности и умственные способности. Из общего с другими гоминидами у нас не только руки, глаза и мозг, но и похоть, любовь, гнев и социальные обязательства. Через сто или двести лет слияние биотехнологий и искусственного интеллекта может привести к появлению физических и психологических черт, которых нет у гоминидов. Некоторые учёные даже полагают, что сознание можно будет отделить от органической основы, и оно будет свободно перемещаться по киберпространству, избавленное от всех биологических и телесных ограничений. С другой стороны, мы можем стать свидетелями полного отделения интеллекта от сознания, а развитие искусственного интеллекта приведёт к ситуации, когда миром будут управлять существа, наделённые суперинтеллектом, но полностью лишённые сознания.

Чем может ответить на это израильский, русский или французский национализм? Чтобы сделать разумный выбор относительно будущего, нужно подняться над националистической позицией и взглянуть на происходящее с глобальной или даже космической точки зрения.

Космический корабль «Земля»

Любой из этих трёх угроз — ядерной войны, экологической катастрофы или разрушительных технологий — вполне достаточно для уничтожения человеческой цивилизации. Но все вместе они создают опаснейший кризис, поскольку, по всей видимости, дополняют и усугубляют друг друга.

Несмотря на то что экологический кризис грозит уничтожить человеческую цивилизацию в её нынешнем виде, он едва ли остановит развитие искусственного интеллекта и биоинженерии. Не стоит надеяться, что повышение уровня океана, нехватка продовольствия и массовая миграция отвлекут внимание от изучения алгоритмов и

генов. По мере усугубления экологического кризиса развитие рискованных, но сулящих огромные преимущества технологий только ускорится.

И действительно, изменение климата может сыграть ту же роль, что и две мировых войны. В периоды с 1914 по 1918 и с 1939 по 1945 год темпы технологического прогресса резко возрастали, поскольку участвовавшие в мировых войнах страны отбрасывали соображения осторожности и экономии и вкладывали огромные ресурсы в дерзкие и фантастические проекты. Многие из этих проектов провалились, но некоторые привели к созданию танков, радаров, отравляющих газов, сверхзвуковых реактивных самолётов, межконтинентальных ракет и ядерных бомб. Точно так же государства, столкнувшиеся с климатической катастрофой, могут не устоять перед искушением пуститься в отчаянные технологические авантюры в надежде на спасение. У человечества есть много обоснованных сомнений относительно искусственного интеллекта и биоинженерии, но во времена кризиса люди идут на риск. Как бы вы ни относились к запретам потенциально опасных технологий, спросите себя: будут ли эти запреты соблюдаться в ситуации, когда климатические изменения вызовут нехватку продовольствия, затопление городов по всему миру и перемещение через границы сотен миллионов беженцев?

Развитие технологий, в свою очередь, повышает вероятность апокалиптических войн — не только из-за усиления напряжённости в мире, но и из-за нарушения ядерного баланса между странами. С 1950-х годов супердержавы избегали взаимных конфликтов, потому что знали: война гарантированно приведёт к взаимному уничтожению. Но появляются новые виды наступательных и оборонительных вооружений, и набирающая силу технологическая супердержава может решить, что способна безнаказанно уничтожить врага. И наоборот: слабеющая страна будет опасаться, что традиционное ядерное оружие скоро устареет, и решит, что лучше использовать его, пока оно не стало бесполезным. До сих пор ядерное противостояние напоминало в высшей степени рациональную шахматную игру. Но что произойдёт, когда игроки получат возможность использовать кибератаки, чтобы захватить контроль над фигурами противника, когда анонимные третьи стороны будут двигать пешки так, что соперники даже не догадаются,

кто сделал очередной ход или когда AlphaZero перестанет играть в обычные шахматы и возьмётся за ядерные шахматы?

Помимо того что угрозы, по всей видимости, будут дополнять друг друга, добрая воля, необходимая для противостояния одной угрозе, может быть ослаблена проблемами на другом фронте. Страны, втянутые в вооружённое противостояние, вряд ли договорятся об ограничениях на разработку искусственного интеллекта, а странам, стремящимся превзойти технологические достижения соперников, будет почти невозможно выработать общий план борьбы с изменением климата. В мире, поделённом на конкурирующие нации, человечеству будет очень трудно противостоять сразу всем трём угрозам, а неудача даже на одном фронте легко обернётся катастрофой.

Таким образом, волна национализма, захлестнувшая мир, не может вернуть нас в 1939 или 1914 год. Технология всё изменила, создав ряд глобальных угроз существованию человечества, справиться с которыми в одиночку не способна ни одна страна. Общий враг — лучший стимул к формированию новой идентичности, а сегодня у человечества как минимум три таких врага: ядерная война, изменение климата и потенциально опасные технологии. Если, несмотря на эти общие угрозы, люди поставят на первое место национальные интересы, последствия будут гораздо хуже, чем в 1914 или 1939 году.

Более перспективным выглядит путь, намеченный в Конституции Евросоюза, где говорится, что «сохраняя гордость своей национальной самобытностью и историей, народы Европы полны решимости преодолеть былые различия и, ещё теснее объединившись, выковать общую судьбу»[123]. Это не означает отказа от национальной идентичности, местных традиций и не приведёт к превращению человечества в однородную серую массу. Не означает это и осуждения любых проявлений патриотизма. Напротив, создав военный и экономический щит для всего континента, Евросоюз только способствовал подъёму патриотических настроений во Фландрии, Ломбардии, Каталонии и Шотландии. Идея независимости кажется жителям Шотландии или Каталонии куда более привлекательной, когда им не нужно бояться вторжения Германии и когда они могут рассчитывать на общеевропейский фронт в борьбе с глобальным потеплением и транснациональными корпорациями.

Так что европейский национализм — это не всерьёз. Несмотря на все разговоры о возвращении к национальным государствам, немногие европейцы действительно готовы убивать и умирать за эту идею. Когда шотландцы жаждали вырваться из цепких объятий Лондона во времена Уильяма Уоллеса и Роберта Брюса, им пришлось собирать войско. Но на референдуме 2014 года об отделении Шотландии не погиб ни один человек, и если даже в следующий раз шотландцы проголосуют за независимость, маловероятно, что им придётся повторять битву при Бэннокберне. Каталонская попытка отделится от Испании привела к значительно бóльшему насилию, но и это насилие несравнимо с той резнёй, которую пережила Барселона в 1939 или в 1714 году.

Можно надеяться, что остальной мир будет учиться на примере Европы. Даже на объединённой планете останется много места для той разновидности патриотизма, которая прославляет уникальность каждого народа и подчёркивает особые обязательства перед ним его граждан. Но если мы хотим выжить и продолжить развиваться, у нас нет иного выбора, кроме как дополнить патриотизм серьёзными обязательствами в отношении глобального сообщества. Человек может и должен одновременно хранить верность семье, местному сообществу, коллегам по работе и стране — так почему бы не добавить к этому списку всё человечество и планету Земля? Конечно, в такой ситуации конфликт интересов неизбежен. Но кто обещал вам лёгкую жизнь? Вы справитесь.

В прежние эпохи национальная идентичность формировалась как ответ на проблемы, решение которых выходило за рамки возможностей одного племени, и справиться с которыми могло только общенациональное объединение. В двадцать первом веке народы оказываются в той же ситуации, что и древние племена: они больше не подходят для решения наиболее важных проблем современной эпохи. Сегодня нам требуется новая глобальная идентичность, поскольку национальные институты не способны справиться с беспрецедентными глобальными угрозами. Мы вступили в эпоху глобальной экологии, глобальной экономики и глобальной науки, но всё ещё не в силах отказаться от национальной политики. Это несоответствие мешает политической системе эффективно противостоять главным угрозам. Мы должны либо повернуть вспять

глобализацию экологии, экономики и науки, либо перейти к глобальной политике. А поскольку отменить глобализацию экологии и науки невозможно, а экономики — невероятно дорого, нам остаётся одно: выработать единую глобальную политику. Это вовсе не призыв к формированию «всемирного правительства» — подобная идея выглядит весьма сомнительной и нереалистичной. Глобализация политики предполагает, что политические процессы на уровне стран и даже городов должны в большей степени ориентироваться на глобальные проблемы и интересы.

Национализм вряд ли сильно поможет в этом. Может быть, в таком случае нам имеет смысл опереться на универсальные религиозные традиции, рассчитывая, что они помогут нам объединить мир? Такие религии, как христианство и ислам, уже сотни лет назад мыслили категориями глобализма, а не национализма, больше интересуясь сущностными вопросами жизни людей, чем политическими распрями между теми или иными народами. Но насколько эти религии актуальны сегодня? Достаточно ли у них влияния для переустройства мира, или они являют собой реликт прошлого, раздираемый могучими силами современных государств, экономик и технологий?

8
Религия

Бог теперь служит нации

Ни современные идеологии, ни наука, ни национальные правительства пока не смогли предложить сколько-нибудь убедительного видения будущего человечества. А нельзя ли найти его в религиозных традициях? Может быть, ответ давно ждёт нас на страницах Библии, Корана или Вед?

У нерелигиозного человека такая идея, вероятно, вызовет усмешку или недоверие. Да, в Средневековье священным текстам придавали огромное значение, но способны ли они служить нам путеводной звездой в эру искусственного интеллекта, биоинженерии, глобального потепления и кибервойн? Впрочем, нерелигиозных людей на земле меньшинство. Миллиарды жителей планеты по-прежнему больше доверяют Корану или Библии, чем теории эволюции. Религиозные движения влияют на политику в таких разных странах, как Индия, Турция и США, а религиозные разногласия порождают многочисленные конфликты по всей планете, от Нигерии до Филиппин.

Насколько актуальны в современном мире такие религии, как христианство, ислам и индуизм? Помогут ли они решить главные проблемы человечества? Чтобы понять роль традиционных религий в двадцать первом веке, нужно выделить три типа проблем:

1. Технические проблемы. Например, как фермерам в засушливых странах справиться с жестокими засухами, вызванными глобальным потеплением?

2. Политические проблемы. Например, какие первоочередные меры должны принять правительства для предотвращения глобального потепления?

3. Проблемы идентичности. Например, обязан ли я беспокоиться о проблемах фермеров на другом краю земли, или меня должны волновать лишь трудности, с которыми сталкиваются мои соплеменники и соотечественники?

Как мы вскоре увидим, традиционные религии по большому счёту не способны помочь в решении технических и политических проблем. С другой стороны, они как нельзя более эффективны для решения проблем идентичности, хотя в большинстве случаев представляют собой скорее существенную часть проблемы, чем её возможное решение.

Технические проблемы: христианское сельское хозяйство

В прежние времена религии отвечали за решение широкого круга технических проблем в таких практических областях, как, например, сельское хозяйство. Религиозные календари указывали, когда сеять, когда собирать урожай, а храмовые ритуалы призывали дождь и защищали посевы от вредителей. Если засуха или нашествие саранчи приводили к сельскохозяйственному кризису, крестьяне обращались к священникам, которые передавали их просьбы богам. Медицина также находилась под крылом религии. Почти каждый пророк, гуру или шаман был ещё и целителем. Иисус, например, много времени тратил на то, чтобы больные выздоровели, слепые прозрели, немые стали говорить, а безумные обрели разум. Где бы вы ни жили, в Древнем Египте или средневековой Европе, в случае болезни вы, скорее всего, обратились бы к колдуну, а не к врачу, отправились бы в храм, а не в больницу.

В наше время место священников и колдунов заняли биологи и хирурги. Если сегодня Египет столкнётся с нашествием саранчи, египтяне, конечно, могут обратиться за помощью к Аллаху — почему бы и нет; но они не забудут и о химиках, энтомологах и генетиках, которые по их просьбе разработают более сильные пестициды и устойчивые к вредителям сорта пшеницы. Если ребёнок набожного индуиста заболеет корью, отец вознесёт молитву Дханвантари и отнесёт в ближайший храм цветы и сладости — но лишь после того, как доставит малыша в местную больницу и доверит его лечение врачам. Даже психические заболевания — последний оплот религиозных целителей — постепенно переходят в руки учёных. Демонологию заменяет неврология, а на смену экзорцизму приходит Прозак.

Наука одержала настолько убедительную победу, что изменилось само понятие религии. Мы больше не связываем религию с сельским хозяйством и медициной. Даже среди фанатиков сегодня немало тех, кто страдает коллективной амнезией, предпочитая забыть, что традиционные религии претендовали и на эти сферы человеческой деятельности. «Что из того, что мы обращаемся к инженерам и врачам? — говорят фанатики. — Это ничего не доказывает. Какое отношение имеет религия к сельскому хозяйству или медицине?»

Будем честны: традиционные религии утратили свои позиции именно потому, что не слишком хорошо проявили себя в сельском хозяйстве или медицине. Истинные таланты священников и гуру заключались не в умении вызвать дождь или исцелять, не в пророчествах или магии. Они всегда были специалистами по интерпретации. Священнослужитель не тот, кто умеет исполнить танец дождя и положить конец засухе. Священнослужитель — это человек, способный объяснить, почему танец дождя не помог и почему мы должны продолжать верить в нашего бога, даже если он как будто не слышит наших молитв.

Однако именно эти способности к интерпретации ставят религиозных лидеров в невыгодное положение по сравнению с учёными. Представители науки тоже умеют обходить острые вопросы и манипулировать фактами, но их отличает готовность признавать свои ошибки и пробовать разные подходы. Вот почему учёным удаётся постепенно повышать урожайность и производить эффективные лекарства, тогда как священники и гуру совершенствуются в изобретении всё более изощрённых оправданий. За прошедшие столетия разницу почувствовали даже истинно верующие, и авторитет религии в технических вопросах упал. Это стало одной из причин того, что весь мир постепенно превращается в единую цивилизацию. Когда что-то действительно работает, это принимают и перенимают все.

Политические проблемы: мусульманская экономика

Наука даёт однозначные ответы на практические вопросы, такие как лечение кори, но в вопросах политики среди учёных существуют значительные разногласия. Почти все учёные признают опасность

глобального потепления, однако они не достигли консенсуса по поводу оптимальной экономической реакции на эту угрозу. Но это не значит, что здесь нам помогут традиционные религии. Древние священные тексты не слишком хорошее руководство по современной экономике, а ключевые разногласия — например, между капитализмом и социализмом — не аналогичны разногласиям между традиционными религиями.

Да, в таких странах, как Израиль и Иран, раввины и аятоллы могут напрямую воздействовать на экономическую политику, и даже в светских государствах, например в США и Бразилии, религиозные лидеры влияют на мнение общества по самым разным вопросам, от налогов до законодательства об охране окружающей среды. Но при ближайшем рассмотрении мы видим, что в большинстве стран традиционные религии второстепенны по отношению к современным экономическим теориям. Когда аятолле Хаменеи требуется принять важное решение, связанное с экономикой Ирана, он не найдёт нужного ответа в Коране, потому что в седьмом веке арабы ничего не знали о проблемах и возможностях современных индустриальных экономик и глобальных финансовых рынков. Поэтому он и его советники вынуждены в поисках ответов обращаться к Карлу Марксу, Милтону Фридману, Фридриху Хайеку и современной экономической науке. Решив повысить ключевую ставку, снизить налоги, приватизировать госмонополии или подписать таможенное соглашение, Хаменеи использует свой религиозный авторитет и знание Корана для подкрепления научно обоснованного решения той или иной сурой, представив его массам как волю Аллаха. Но обёртка не имеет значения. Если вы сравните экономическую политику шиитского Ирана, суннитской Саудовской Аравии, иудейского Израиля, индуистской Индии и христианской Америки, то не увидите существенной разницы.

В девятнадцатом и двадцатом веках религиозные мыслители разных конфессий — мусульмане, иудеи, индуисты и христиане — обличали современный материализм, бездушный капитализм и изъяны бюрократического государства. Они уверяли, что, будь у них шанс, они излечили бы все болезни современного мира и выстроили бы совершенно иную социально-экономическую систему, основанную на вечных духовных ценностях своей религии. Им не раз предоставлялась

такая возможность, но единственное, что им удавалось сделать с монументальным зданием современной экономики, — это перекрасить его и установить на крыше огромный полумесяц, крест, звезду Давида или знак «ом».

Религиозные деятели столетиями оттачивали своё умение толковать древние тексты — но именно это и сделало религию неприменимой в экономике. Независимо от того, какой экономический курс выберет Хаменеи, он всегда подберёт для его оправдания цитату из Корана. Постепенно Коран превращается из источника непреложной истины в источник авторитета. Столкнувшись с трудным экономическим выбором, вы внимательно читаете Маркса и Хайека, и они помогают вам лучше понять экономическую систему, взглянуть на вещи под другим углом, прикинуть возможные решения. Сформулировав ответ, вы обращаетесь к Корану и ищете в нём суру, творческая интерпретация которой позволит оправдать решение, подсказанное Хайеком или Марксом. Независимо от сути самого решения, хорошее знание Корана всегда позволит вам его обосновать.

То же справедливо и для христианства. Благочестивый христианин легко может быть хоть сторонником капитализма, хоть убеждённым социалистом. Несмотря на то что от некоторых высказываний Иисуса веет чистым коммунизмом, во времена холодной войны американские капиталисты продолжали читать Нагорную проповедь, не обращая внимания на содержащиеся в ней идеи. Не существует таких явлений, как «христианская экономика», «исламская экономика» или «индуистская экономика».

Никто не утверждает, что в Библии, Коране или Ведах нет экономических идей; просто эти идеи устарели. Изучая Веды, Махатма Ганди представлял независимую Индию как сообщество самодостаточных аграрных общин, каждая из которых производит традиционную ткань кхади, почти ничего не экспортируя и ещё меньше импортируя. На ряде известных фотографий Ганди запечатлён рядом с прялкой, и эта скромная прялка стала символом Индийского национально-освободительного движения[124]. Но такая идиллическая картина просто несовместима с реалиями современной экономики, а потому от неё почти ничего не осталось — кроме портрета улыбающегося Ганди на индийских рупиях.

Современные экономические теории настолько превосходят традиционные догмы в описании действительности, что даже религиозные конфликты мы давно привыкли объяснять экономическими причинами — но никак не наоборот. Например, некоторые специалисты полагают, что противостояние католиков и протестантов в Северной Ирландии в значительной мере носило классовый характер. Исторически сложилось так, что высшие классы в Северной Ирландии состояли преимущественно из протестантов, а низшие — из католиков. И то, что представлялось богословским конфликтом из-за несовпадения взглядов на природу Христа, на деле было типичной борьбой между богатыми и бедными. И наоборот: едва ли кто-то поверит, что противостояние партизан-коммунистов и землевладельцев-капиталистов в Южной Америке в 1970-х на самом деле было вызвано их глубокими разногласиями в вопросах христианского богословия.

Так какой же вклад может внести религия в решение главных проблем двадцать первого века? Возьмём, к примеру, вопрос о том, позволять ли искусственному интеллекту принимать решения, определяющие жизнь людей: выбирать место учёбы и работы, находить подходящего супруга. Какова позиция ислама? А иудаизма? Здесь не может быть «исламской» или «иудаистской» точки зрения. Человечество, по всей видимости, разделится на два лагеря: на поборников искусственного интеллекта и его противников. Мусульмане и иудеи, скорее всего, обнаружатся в *обоих* лагерях, и для обоснования своей позиции прибегнут к творческому толкованию Корана и Талмуда.

Разумеется, по ряду вопросов религиозные группы могут сформировать твёрдую позицию и постепенно превратить её в якобы священную и вечную догму. В 1970-е годы в Латинской Америке богословы предложили «теологию освобождения», в которой Иисус был немного похож на Че Гевару. Не составит труда привлечь Христа и к спорам о глобальном потеплении и придать современным политическим позициям вид вечных религиозных принципов.

Это уже происходит. Протест против законов об охране окружающей среды облекается в форму апокалиптических проповедей некоторых американских пасторов евангелической церкви, а папа римский Франциск освящает именем Христа поход против

глобального потепления (что подтверждает его вторая энциклика «Laudato sí» — «Хвала Тебе»)[125]. Возможно, в 2070 году ваша точка зрения по вопросам экологии будет зависеть от того, к какой церкви вы принадлежите — евангелической или католической. Всем будет без слов понятно, что, например, евангелисты против любых ограничений на выбросы углекислого газа, а католики убеждены, что Иисус призывал к защите окружающей среды.

Разницу вы заметите даже по их автомобилям. Евангелисты будут ездить на огромных бензиновых внедорожниках, а католики — на изящных электромобилях с наклейкой на бампере: «Сжигаешь планету — будешь гореть в аду!». В оправдание своих взглядов разные люди будут приводить разные цитаты из Библии, но реальным источником их разногласий будут новейшие научные теории и политические движения, а не Библия. С этой точки зрения религии нечего привнести в главные политические дебаты нашей эпохи. Как говорил Маркс, она всего лишь оболочка.

Проблемы идентичности: линии на песке

Всё же Маркс преуменьшал значение религии, рассматривая её как надстройку над экономическим базисом. Даже если ислам, индуизм и христианство не более чем разноцветные украшения на здании современной экономики, люди часто идентифицируют себя с этими украшениями, а самоидентификация людей — серьёзная историческая сила. Возможности человечества зависят от сотрудничества масс, сотрудничество масс опирается на формирование общей идентичности — а все общие идентичности строятся на выдуманных историях, а не на научных фактах или экономических потребностях. В двадцать первом веке разделение людей на иудеев и мусульман или на русских и поляков по-прежнему определяется религиозными мифами. Попытки нацистов и коммунистов научно определить человеческую идентичность на основании понятий расы и класса на поверку оказались опасной лженаукой, и с тех пор учёные категорически против определения любой «естественной» идентичности людей.

В двадцать первом веке религии не помогают вызывать дождь, не исцеляют от болезней и не создают бомбы — они пытаются объяснить,

кто такие «мы» и кто такие «они», кого мы должны лечить, а кого бомбить. Как отмечалось выше, на практике различия между шиитским Ираном, суннитской Саудовской Аравией и иудаистским Израилем не столь велики. Все они представляют собой бюрократические национальные государства, все проводят более или менее капиталистическую политику, все прививают детей от полиомиелита и все обращаются к физикам и химикам, чтобы создать бомбу. Не существует таких понятий, как шиитская бюрократия, суннитский капитализм или иудаистская физика. Но как заставить людей почувствовать свою исключительность, испытывать преданность по отношению к одному человеческому племени и враждебность к другому?

Чтобы провести чёткие границы на зыбком песке человечества, религии используют обряды, ритуалы и церемонии. Шииты, сунниты и ортодоксальные иудеи по-разному одеваются, читают разные молитвы и соблюдают разные запреты. Эти отличающиеся друг от друга религиозные традиции зачастую украшают повседневную жизнь и побуждают людей к доброте и милосердию. Пять раз в день мелодичные голоса муэдзинов перекрывают шум базаров, офисов и фабрик, призывая мусульман отвлечься от повседневной суеты и обратить взор к вечной истине. Их соседи индуисты могут достичь той же цели путём ежедневного свершения обряда пуджи и повторения мантр. Каждую неделю в пятницу вечером исповедующие иудаизм семьи устраивают особую трапезу, символизирующую радость, благодарение и единство. Два дня спустя, воскресным утром, евангельские песнопения дарят надежду миллионам христиан, помогая укрепить доверие и тёплые чувства между членами общины.

Некоторые религиозные традиции несут в мир зло, толкают людей на подлые и жестокие поступки. Нельзя найти оправдание женоненавистничеству и кастовой дискриминации, которые поощряются религиями. Но какими бы ни были религиозные традиции, прекрасными или отвратительными, они объединяют людей, одновременно отделяя их от соседей. Со стороны религиозные расхождения, разделяющие людей, часто выглядят пустяковыми, и Фрейд высмеивал одержимость человечества «нарциссизмом малых различий»[126]. Но в истории и политике эти незначительные различия могут иметь огромное значение. Например, если вы гей или лесбиянка,

то выбор места жительства между Израилем, Ираном и Саудовской Аравией будет для вас в буквальном смысле вопросом жизни и смерти. В Израиле ЛГБТ-сообщество защищено законом, и некоторые раввины даже освящают браки между двумя женщинами. В Иране геи и лесбиянки подвергаются систематическим преследованиям — вплоть до смертной казни. А в Саудовской Аравии до 2018 года лесбиянки не имели права водить автомобиль — просто потому, что они женщины, и не важно, какая у них сексуальная ориентация.

Вероятно, самый яркий пример сохранения значимости и влияния традиционной религии в современном мире можно наблюдать в Японии. В 1853 году американский флот вынудил Японию открыться внешнему миру. Начался быстрый и чрезвычайно успешный процесс модернизации страны. Через несколько десятилетий она превратилась в сильное бюрократическое государство, которое опиралось на науку, капитализм и новейшие военные технологии, смогло победить Китай и Россию, оккупировать Тайвань и Корею, а затем уничтожить американский флот в Перл-Харборе и разгромить европейские колонии на Дальнем Востоке. Однако Япония не стала слепо копировать Запад. Государство стремилось сохранить свою уникальность и добиться того, чтобы его граждане были верны Японии, а не науке, модернизации или какому-то абстрактному глобальному сообществу.

Для этого власти Японии обратились к древней религии синто, которую сделали краеугольным камнем японской идентичности. По сути, японское государство заново изобрело синтоизм. Традиционный синтоизм был пёстрой смесью анимистических верований в разных богов, духов и призраков, и у каждой деревни или храма имелись свои любимые божества и обычаи. В конце девятнадцатого и начале двадцатого века японское государство создало официальную версию синтоизма, исключив из неё многие местные традиции. Этот «государственный синтоизм» был дополнен современными идеями о национальности и расе, позаимствованными японской элитой у европейских империалистов. Все элементы буддизма, конфуцианства и самурайской феодальной этики, которые могли быть полезны для усиления преданности государству, тоже пошли в дело. В довершение всего главным принципом синтоизма стало поклонение японскому

императору, который провозглашался прямым потомком богини солнца Аматэрасу и живым богом[127].

На первый взгляд эта странная смесь старого и нового кажется крайне неподходящей для страны, ступившей на путь стремительной модернизации. Живой бог? Анимистические духи? Феодальная этика? Всё это больше подошло бы племени эпохи неолита, чем современному промышленно развитому государству.

Тем не менее всё получилось. Япония модернизировалась с головокружительной скоростью, а у населения формировалась фанатичная преданность государству. Самым явным свидетельством успеха государственного синтоизма стал тот факт, что Япония первой в мире разработала и применила высокоточные управляемые ракеты. За несколько десятилетий до того, как США создали «умную бомбу», и к тому времени, когда нацистская Германия начала разработку ракет «Фау-2», японцы уже потопили десятки вражеских кораблей с помощью «крылатых бомб», которыми управляли пилоты-смертники, известные как камикадзе. Если сегодня точность наведения управляемых ракет обеспечивают компьютеры, то во время Второй мировой войны Япония использовала обычные самолёты, начинённые взрывчаткой и управляемые людьми, готовыми пожертвовать собой. Такая готовность к самопожертвованию была следствием презрения к смерти, которое культивировал государственный синтоизм. Таким образом, камикадзе появились благодаря синтезу передовых технологий и передовой религиозной индоктринации[128].

Сознательно или нет, но многие правительства сегодня идут по японскому пути. Они используют универсальные инструменты и структуры современности — и в то же время опираются на традиционные религии, стремясь сохранить национальную идентичность. Аналогами государственного синтоизма в Японии в той или иной мере можно считать православие в России, католицизм в Польше, шиитский ислам в Иране, ваххабизм в Саудовской Аравии, иудаизм в Израиле. Какой бы архаичной ни выглядела религия, немного воображения и грамотная интерпретация почти всегда соединят её с новейшими технологиями и самыми сложными современными институтами.

Порой ради укрепления своей уникальной идентичности государства создают абсолютно новые религии. Ярчайший пример

этого можно наблюдать сегодня в бывшей японской колонии — Северной Корее. Северокорейский режим воспитывает своих граждан с помощью фанатичной государственной религии чучхе. Это смесь марксизма-ленинизма, некоторых древних корейских традиций, расистской веры в уникальную чистоту корейской расы и обожествление семьи Ким Ир Сена. Никто не называет Кимов потомками богини солнца, но им поклоняются с таким усердием, с каким не чтили ни одного бога в истории. Возможно, памятуя о поражении Японской империи, жрецы северокорейской религии чучхе упорно настаивали на добавлении в волшебное зелье ядерного оружия, называя его разработку священным долгом, ради которого можно пойти на самые большие жертвы[129].

Служанка национализма

Независимо от того, как будут развиваться технологии, мы вправе ожидать, что споры о религиозной идентичности и религиозных ритуалах по-прежнему будут влиять на использование технологий и сохранять способность вызвать мировой пожар. Самые современные ядерные ракеты и «умные бомбы» могут быть использованы для разрешения богословских споров о средневековых текстах. Религии, обряды и ритуалы продолжат сохранять своё значение до тех пор, пока возможности человечества будут зависеть от сотрудничества масс, а сотрудничество масс — от веры в общие мифы.

К сожалению, всё это действительно делает традиционные религии частью проблемы, а не инструментом её решения. Религии по-прежнему обладают политическим влиянием, поскольку способны укреплять национальную идентичность и даже могут спровоцировать третью мировую войну. Но когда речь идёт о решении более чем актуальных глобальных проблем двадцать первого века, они не способны предложить практически ничего. Многие традиционные религии проповедуют универсальные ценности и претендуют на вселенское значение, однако сегодня они используются в основном в роли служанок современного национализма, будь то в Северной Корее, России, Иране или Израиле. И поэтому они ещё больше затрудняют преодоление национальных различий и поиски глобального ответа на

угрозы ядерной войны, экологической катастрофы и разрушительных технологий.

Например, когда речь заходит о глобальном потеплении или распространении ядерного оружия, шиитские священнослужители предлагают иранцам смотреть на эти проблемы с узкой, иранской точки зрения; израильские раввины убеждают израильтян думать только о том, что хорошо для Израиля, а православные священники твердят, что русским нужно прежде всего заботиться об интересах России. Каждый народ считает себя богоизбранным и верит: всё, что хорошо для него, угодно Богу. Конечно, есть религиозные мыслители, которые отвергают крайний национализм и исповедуют более универсальные взгляды. К сожалению, в наше время они не обладают политическим влиянием.

Выходит, мы оказались в ловушке. Человечество стало единой цивилизацией, и решение таких проблем, как ядерная война, экологическая катастрофа и разрушительные технологии, возможно только на глобальном уровне. С другой стороны, национализм и религия по-прежнему разделяют человеческую цивилизацию на разные, нередко враждебные лагеря. Это противоречие между глобальным характером проблем и локальным характером идентичностей породило кризис, в который погружается величайший мультикультурный эксперимент в мире — Европейский союз. Построенный на обещании универсальных либеральных ценностей, ЕС балансирует на грани распада из-за трудностей интеграции и иммиграции.

9
Иммиграция

Некоторые культуры могут быть лучше других

Глобализация значительно смягчила культурные различия на нашей планете, но вместе с тем увеличила частоту прямых встреч жителей разных стран, вызывающих друг у друга раздражение. Между Англией англосаксонского периода и индийской империей Пала было гораздо больше различий, чем между современными Великобританией и Индией, но во времена короля Альфреда Великого самолёты авиакомпании British Airways не совершали прямых рейсов между Дели и Лондоном.

По мере того как всё больше людей пересекает границы в поисках работы, безопасности и лучшего будущего, потребность противостоять чужакам, ассимилировать или изгонять их порождает кризис политических систем и коллективных идентичностей, сформировавшихся в прежние эпохи. Острее всего эта проблема стоит в Европе. Евросоюз был построен на обещании преодолеть культурные различия между французами, немцами, испанцами и греками. Однако он может развалиться из-за неспособности справиться с культурными различиями между европейцами и мигрантами из Африки и с Ближнего Востока. По иронии судьбы, именно успех Европы в построении процветающего мультикультурного сообщества привлекает сюда такое количество мигрантов. Сирийцы хотят эмигрировать в Германию — а не в Саудовскую Аравию, Иран, Россию или Японию — вовсе не потому, что Германия ближе или богаче, чем другие страны. Причина в том, что Германия накопила гораздо более успешный опыт приёма и устройства иммигрантов.

Растущая волна беженцев и иммигрантов вызывает у европейцев неоднозначную реакцию и ожесточённые споры об идентичности и будущем Европы. Некоторые европейцы требуют наглухо закрыть свои ворота. Предают ли они европейские идеалы мультикультурализма и толерантности — или просто принимают разумные меры для

предотвращения катастрофы? Другие, напротив, призывают распахнуть двери ещё шире. Они демонстрируют верность главным европейским ценностям — или легкомысленно возлагают на европейский проект нереалистичные надежды? Дискуссия об иммиграции часто переходит в перебранку, в которой стороны не слышат друг друга. Чтобы добраться до сути, полезно взглянуть на иммиграцию как на сделку с тремя базовыми условиями.

Условие 1. Принимающая страна впускает иммигрантов.

Условие 2. В ответ иммигранты принимают как минимум основные нормы и ценности принимающей страны, даже если это потребует отказа от некоторых собственных традиционных норм и ценностей.

Условие 3. Если иммигранты в достаточной степени ассимилируются, со временем они становятся полноправными гражданами принимающей страны. «Они» превращаются в «нас».

Эти три условия вызывают три разные дискуссии относительно смысла каждого из них. Четвёртая дискуссия касается выполнения условий. Когда люди спорят об иммиграции, они часто смешивают все четыре вопроса, так что никто не понимает, о чём на самом деле спор. Поэтому лучше рассмотреть каждый из спорных вопросов отдельно.

Дискуссия 1. Первое условие иммиграционной сделки гласит: принимающая страна впускает иммигрантов. Но считать ли это долгом страны или её любезностью? Обязана ли страна открыть ворота для всех или имеет право выбирать и даже прекращать иммиграцию? Сторонники иммиграции склонны считать, что у стран есть моральные обязательства принимать не только беженцев, но и людей из бедных регионов, приезжающих в поисках работы и лучшего будущего. В глобальном мире у каждого есть моральный долг перед всеми остальными людьми, а тот, кто от него уклоняется, — эгоист или даже расист.

Кроме того, многие сторонники иммиграции подчёркивают, что полностью остановить этот процесс невозможно, и сколько бы стен и заборов мы ни строили, отчаявшиеся люди всегда найдут способ их преодолеть. Поэтому лучше легализовать иммиграцию и заниматься решением связанных с ней проблем открыто, чем способствовать созданию гигантского подполья с торговлей людьми, нелегальной рабочей силой и детьми без документов.

Противники иммиграции возражают, что, если проявить достаточную жёсткость, можно полностью остановить приток иммигрантов, за исключением беженцев, спасающихся от гонений в соседней стране, и что государства не обязаны открывать двери для всех. Возможно, у Турции есть моральный долг впустить к себе несчастных сирийских беженцев. Но если эти беженцы попытаются переехать в Швецию, то шведы их принимать не обязаны. Что касается мигрантов, которые ищут работу и лучшую жизнь, то каждая страна вправе сама решать, хочет она их у себя видеть или нет, а если хочет, то на каких условиях.

Противники иммиграции подчёркивают, что одно из основных прав любого человеческого сообщества — защищать себя от любых вторжений, хоть со стороны чужой армии, хоть со стороны мигрантов. Шведы упорно трудились и шли на бесчисленные жертвы, чтобы построить процветающую либеральную демократию, и, если сирийцы не смогли этого сделать у себя дома, шведы не виноваты. Если граждане Швеции по какой бы то ни было причине больше не хотят видеть в своей стране иммигрантов из Сирии, они вправе им отказать. А если шведы принимают иммигрантов, ни у кого не должно быть сомнений, что они делают это по своей доброте, а вовсе не в силу каких-либо обязательств. Это значит, что иммигранты, которых впустили в Швецию, должны испытывать глубокую благодарность за всё, что им дают, а не предъявлять требования, словно они хозяева этой страны.

Более того, говорят противники иммиграции, страна может проводить любую иммиграционную политику, какую только пожелает, и руководствоваться не только отсутствием преступного прошлого или профессиональными навыками потенциальных иммигрантов, но и их религиозной принадлежностью. Если, например, Израиль согласится впускать к себе только евреев, а Польша — лишь тех беженцев с Ближнего Востока, которые исповедуют христианство, то эта позиция будет отражать волю израильских или польских избирателей, даже если со стороны она выглядит не слишком достойно.

Дело осложняется тем, что люди часто хотят совместить несовместимое. Многие страны сквозь пальцы смотрят на нелегальную иммиграцию или даже принимают иностранных рабочих на временной основе, поскольку хотят извлечь выгоду из энтузиазма и

профессиональных навыков иммигрантов, которым к тому же можно платить меньше. При этом они отказываются легализовать этих людей, заявляя, что иммиграция им не нужна. Не исключено, что в будущем такая политика приведёт к созданию иерархических обществ, в которых высший класс полноправных граждан будет эксплуатировать низший класс бесправных иностранцев, как это происходит сегодня в Катаре и ряде других стран Персидского залива.

Пока эта дискуссия не завершена, очень трудно ответить на все остальные вопросы, касающиеся иммиграции. Сторонники иммиграции считают, что люди имеют право переезжать в другие страны по своему желанию, а принимающие страны обязаны впускать их, и негодуют, когда видят, что право на иммиграцию нарушается, а государства не выполняют своих обязанностей. Противников иммиграции такой подход возмущает. Они рассматривают иммиграцию как привилегию, а включение иммигрантов в экономическую жизнь — как милость. Справедливо ли обвинять людей в расизме или фашизме лишь за то, что они закрывают въезд в свою собственную страну?

Конечно, даже если приём иммигрантов — это любезность, а не долг, у принимающей страны постепенно возникает множество обязанностей по отношению к иммигрантам и их потомкам. Сегодня нельзя оправдывать антисемитизм в США, заявляя: «Мы оказали вашей прабабушке любезность, впустив её в нашу страну в 1910 году, а потому имеем право обращаться с вами как нам угодно».

Дискуссия 2. Второе условие иммигрантской сделки требует от иммигрантов, которых впустили в страну, ассимилироваться и принять местную культуру. Но насколько глубокой должна быть ассимиляция? Если человек переезжает из патриархального общества в либеральное, должен ли он стать сторонником феминизма? А если он вырос в глубоко религиозном обществе, обязан ли перенять светский взгляд на мир? Должен ли он отказаться от традиционной одежды и пищевых запретов? Противники иммиграции склонны поднимать эту планку довольно высоко, тогда как условия, выдвигаемые сторонниками иммиграции, гораздо мягче.

Сторонники иммиграции напоминают, что сама Европа чрезвычайно разнообразна и для коренного населения характерен весьма широкий спектр мнений, привычек и ценностей. Именно это и

делает Европу сильной и жизнеспособной. Зачем заставлять иммигрантов перенимать какую-то воображаемую европейскую идентичность, которой в реальности соответствуют лишь немногие европейцы? Вы хотите, чтобы мусульмане, приехавшие в Великобританию, перешли в христианство, в то время как многие британские граждане не ходят в церковь? Хотите потребовать от иммигрантов из Пенджаба отказаться от традиционных карри и масалы и перейти на жареную рыбу с картошкой и йоркширский пудинг? Если у европейцев и есть истинные общие ценности, то это либеральные ценности толерантности и свободы, которые подразумевают, что нужно проявлять терпимость и к иммигрантам, позволить им соблюдать свои традиции, если только эти традиции не нарушают права и свободы других людей.

Противники иммиграции также признают толерантность и свободу главными европейскими ценностями, но обвиняют многие группы иммигрантов — особенно из мусульманских стран — в отсутствии толерантности, женоненавистничестве, гомофобии и антисемитизме. Именно потому, что Европа исповедует толерантность, она не может впустить слишком много нетолерантных людей. Толерантное общество способно справиться с нелиберальными меньшинствами, но если число людей с крайними взглядами превысит определённый порог, изменится само общество. Если Европа примет слишком много иммигрантов с Ближнего Востока, она рано или поздно сама превратится в Ближний Восток.

Другие противники иммиграции идут ещё дальше. Они указывают, что национальная общность — это нечто большее, чем просто объединение людей, толерантных друг к другу. Недостаточно добиться, чтобы иммигранты придерживались европейских стандартов толерантности. Иммигранты, по их мнению, должны принимать уникальные черты британской, немецкой или шведской культуры, какими бы они ни были. Пуская к себе иммигрантов, местная культура соглашается на большой риск и большие затраты. Но почему она должна разрушать себя? В конце концов, она предлагает полное равенство и поэтому требует полной ассимиляции. Если иммигрантам не нравятся какие-то странности британской, немецкой или шведской культуры, их здесь никто не держит.

Два ключевых вопроса этой дискуссии — это нетолерантность иммигрантов и европейская идентичность. Если иммигранты действительно отличаются неизлечимой нетерпимостью, многие либеральные европейцы, приветствующие иммиграцию, рано или поздно станут её яростными противниками. И наоборот: если большинство иммигрантов окажутся либеральными людьми широких взглядов по отношению к религии, гендеру и политике, это лишит противников иммиграции самых убедительных аргументов.

Но вопрос об уникальных национальных идентичностях в Европе остаётся открытым. Толерантность — это универсальная ценность. Но существуют ли уникальные французские нормы и ценности, которые должен принять каждый, кто переезжает во Францию? А уникальные датские нормы и ценности, обязательные для иммигранта в Дании? Пока среди европейцев остаются серьёзные разногласия по этому вопросу, чёткая иммиграционная политика невозможна. И наоборот, как только европейцы поймут, кто они, 500 миллионам жителей Европы не составит труда принять несколько миллионов беженцев — или отказать им.

Дискуссия 3. Третье условие иммиграционной сделки предполагает, что если иммигранты искренне стремятся ассимилироваться — и особенно принять такую ценность, как толерантность, — то принимающая страна обязана относиться к ним как к своим гражданам. Но сколько времени должно пройти, прежде чем иммигранты станут полноправными членами общества? Следует ли обижаться первому поколению иммигрантов из Алжира, если через двадцать лет жизни во Франции их всё ещё будут считать чужаками? А как насчёт третьего поколения иммигрантов, бабушки и дедушки которых приехали во Францию в 1970-х годах?

Сторонники иммиграции обычно требуют сокращения этого времени, тогда как противники выступают за гораздо более продолжительный «испытательный срок». По мнению сторонников иммиграции, если третье поколение иммигрантов не считают полноправными гражданами, это означает, что страна не выполняет своих обязательств. А если результатом такой политики становится социальная напряжённость, враждебность или даже насилие, этой стране некого винить, кроме себя. Противники иммиграции считают главной проблемой завышенные ожидания иммигрантов, которым, по

их мнению, следует набраться терпения. Если ваши бабушка и дедушка приехали в страну всего сорок лет назад, а вы устраиваете беспорядки на улицах из-за того, что к вам относятся не так, как к коренным жителям, вы не прошли тест.

Ключевая проблема этой дискуссии связана с разницей между личной и групповой временнóй шкалой. С точки зрения человеческих сообществ сорок лет — это немного. Трудно ожидать, что общество полностью абсорбирует иммигрантов всего за несколько десятков лет. В прошлом, когда цивилизации вроде Римской империи, китайских империй и США ассимилировали чужеземцев и делали их полноценными гражданами, этот процесс занимал не десятки, а сотни лет.

С точки зрения отдельного человека сорок лет — это вечность. Для девушки, родившейся во Франции через двадцать лет после того, как в страну приехали её бабушка и дедушка, их путешествие на корабле из Алжира в Марсель — это история Древнего мира. Она родилась здесь, все её друзья родились здесь, она говорит на французском, а не на арабском, и даже ни разу не была в Алжире. Франция — её дом, и другого у неё никогда не было. А теперь ей говорят, что здесь ей не место и что она должна «возвращаться» туда, где никогда не жила?

Это как если бы вы привезли из Австралии семечко эвкалипта и посадили его во Франции. С точки зрения экологии эвкалипт будет видом-колонистом, и пройдёт не одно поколение, прежде чем ботаники признают его европейским растением. Но с точки зрения конкретного дерева оно французское. Если вы не будете поливать его французской водой, оно засохнет. Если вы попытаетесь его выкопать, то обнаружите, что корнями оно глубоко проникло во французскую почву — точно так же, как местные дубы и сосны.

Дискуссия 4. Ко всем разногласиям по поводу определения иммиграционной сделки добавляется главный вопрос: действует ли вообще эта сделка? Выполняют ли стороны свои обязательства?

Противники иммиграции обычно говорят, что иммигранты не выполняют второе условие. Они не проявляют искреннего желания ассимилироваться, и слишком многие из них заражены нетерпимостью и фанатизмом. Поэтому у принимающих стран нет причин выполнять третье условие (относиться к ним как к полноправным гражданам) и

есть все основания пересмотреть первое (впускать их к себе). Если носители какой-либо культуры постоянно демонстрируют нежелание выполнять условия иммиграционной сделки, нужно ли и дальше принимать их, усугубляя проблему?

Сторонники иммиграции возражают, говоря, что свои обязательства не выполняют принимающие страны. Несмотря на искренние попытки ассимилироваться со стороны подавляющего числа иммигрантов, хозяева препятствуют этому процессу; более того, к тем, кто уже успешно ассимилировался, продолжают относиться как к гражданам второго сорта, даже если они принадлежат ко второму и третьему поколению иммигрантов. Разумеется, вполне возможно, что условия сделки не выполняют обе стороны, в результате чего возникает порочный круг взаимных подозрений и упрёков.

На этот четвёртый вопрос невозможно ответить, не определившись окончательно с тремя условиями. Пока мы не договорились, является ли приём иммигрантов долгом или любезностью, какой степени ассимиляции требовать от иммигрантов и через какой срок принимающие страны должны признавать их полноправными гражданами, невозможно судить о том, выполняют ли стороны свои обязательства. Кроме того, возникает проблема, связанная с подсчётами. Говоря об иммиграционной сделке, обе стороны уделяют больше внимания нарушению условий, чем их выполнению. Если миллион иммигрантов стали законопослушными гражданами, а сто человек присоединились к террористическим группировкам и нападают на принявшую их страну, какой из этого следует вывод: все иммигранты выполняют условия сделки или все нарушают их? Если иммигрант в третьем поколении тысячу раз выходит на улицу и не сталкивается с дискриминацией, а на тысячу первый слышит оскорбительные расистские выкрики, значит ли это, что коренное население принимает мигрантов? Или оно их отвергает?

Как бы то ни было, в основе всех этих дискуссий лежит более фундаментальный вопрос, связанный с нашим пониманием человеческой культуры. Мы обсуждаем проблему иммиграции, исходя из посылки, что все культуры равны по определению, или же считаем, что некоторые культуры выше других? Когда немцы возражают против приёма миллиона сирийских беженцев, может ли служить для них

оправданием идея о том, что немецкая культура в чём-то лучше сирийской?

От расизма к «культурализму»

Сто лет назад европейцы считали очевидным, что некоторые расы — прежде всего, белая раса — по своей природе выше других. После 1945 года такие взгляды стали осуждаться. Расизм считается не только неприемлемым с точки зрения морали, но и научно несостоятельным. Биологи, и в частности генетики, предоставили убедительные научные доказательства того, что биологические различия между европейцами, африканцами, китайцами и индейцами пренебрежимо малы.

В то же время антропологи, социологи, историки, специалисты в области поведенческой экономики и даже исследователи мозга накопили огромное количество данных, свидетельствующих о существенных различиях между человеческими культурами. Действительно, будь все культуры одинаковыми по своей сути, зачем были бы нужны антропологи и историки? Зачем в этом случае вкладывать средства в изучение ничего не значащих различий? Нужно по меньшей мере прекратить финансирование дорогостоящих экспедиций на острова Тихого океана или в пустыню Калахари и довольствоваться изучением людей в Оксфорде или Бостоне. Если культурные различия несущественны, то всё, что мы узнаем о студентах Гарварда, будет справедливо и для охотников и собирателей из Калахари.

Поразмыслив, большинство людей признают существование некоторых существенных различий между человеческими культурами, от отношений между полами до политических предпочтений. Но как относиться к этим различиям? Сторонники культурного релятивизма утверждают, что разница не означает иерархии и мы не должны ставить одну культуру выше другой. Люди могут мыслить и вести себя по-разному, и нужно приветствовать это разнообразие, в равной степени ценить все верования и практики. К сожалению, такая широта мышления не выдерживает проверки реальностью. Разнообразие — это прекрасно, когда речь идёт о кухне и поэзии, но мало кто готов считать сжигание ведьм, детоубийство или работорговлю милыми

культурными особенностями, которые следует защищать от агрессии глобального капитализма и от кока-колонизации.

Или вспомним, например, как разные культуры относятся к чужакам, иммигрантам и беженцам. Не везде их принимают одинаково. Немецкая культура начала двадцать первого века гораздо толерантнее к чужакам и доброжелательнее к иммигрантам, чем культура Саудовской Аравии. Мусульманину гораздо проще иммигрировать в Германию, чем христианину в Саудовскую Аравию. Даже беженцы из Сирии, исповедующие ислам, едут в Германию, а не в Саудовскую Аравию, и с 2011 года Германия приняла больше сирийских беженцев, чем Саудовская Аравия[130]. Мы также располагаем большим массивом данных, подтверждающих, что культура Калифорнии начала двадцать первого века более дружественна к иммигрантам, чем культура Японии. Итак, если вы считаете, что нужно проявлять терпимость к чужакам и принимать иммигрантов, должны ли вы также полагать, что, по крайней мере в этом отношении, немецкая культура превосходит культуру Саудовской Аравии, а калифорнийская культура лучше японской?

Более того, даже если в теории две культурные нормы обладают одинаковой ценностью, в практическом контексте иммиграции взгляд на культуру принимающей страны как на лучшую может быть вполне оправдан. Нормы и ценности, обычные для одной страны, не подходят для другой. Разберём конкретный пример. Чтобы не стать жертвами распространённых предрассудков, возьмём две вымышленных страны, Морозию и Тепландию. У этих стран много культурных различий, в том числе касающихся отношений между людьми и подходов к разрешению межличностных конфликтов. Морозийцев с детства учат, что конфликты в школе, на работе или в семье лучше сразу гасить. Не следует кричать, выплёскивать ярость или ругаться с другим человеком — вспышки гнева лишь ухудшат ситуацию. Рекомендуется обуздать свои чувства и подождать, пока страсти не остынут. А до той поры нужно ограничить контакты с другой стороной конфликта, а если это невозможно, быть сдержанным, но вежливым и избегать чувствительных тем.

Тепландцев, наоборот, с детства учат экстернализовать конфликт. Его не следует загонять внутрь или подавлять. При первой же возможности нужно открыто выразить свои эмоции. Допустимо

сердиться, кричать и говорить о своих чувствах. Это единственный способ всё уладить — честно и прямо. Один громкий скандал поможет разрешить конфликт, который иначе мог бы затянуться на годы, и, хотя открытое столкновение всегда неприятно, в конечном счёте оно принесёт облегчение.

У обоих методов есть свои достоинства и недостатки, и нельзя сказать, что во всех ситуациях один из них лучше другого. Но что произойдёт, если тепландец иммигрирует в Морозию и устроится на работу в местную фирму?

При возникновении конфликта с коллегой тепландец будет стучать по столу и громко кричать, полагая, что это привлечёт внимание к проблеме и поможет быстро её решить. Через несколько лет освободится должность начальника. Тепландец обладает необходимой квалификацией, но босс предпочтёт повысить другого работника, морозийца. Объяснение будет следующим: «Да, тепландец очень способный работник, но у него серьёзные проблемы в общении с людьми. Он вспыльчив, создаёт вокруг себя лишнее напряжение, нарушает корпоративную культуру». Та же судьба ждёт других тепландцев-иммигрантов. Большинство останутся на низших должностях или вообще не смогут найти работу, потому что руководители будут думать, что все тепландцы вспыльчивы и конфликтны. А поскольку тепландцы никогда не поднимутся до высших должностей, им будет трудно изменить корпоративную культуру в фирмах Морозии.

Примерно то же произойдёт с морозийцами, которые иммигрируют в Тепландию. Морозиец, устроившийся на работу в местную фирму, быстро приобретёт репутацию сноба или безразличного человека; друзей у него будет мало или не будет вообще. Окружающие будут считать его неискренним или не умеющим общаться с людьми. Он никогда не получит повышения — а значит, и возможности изменить корпоративную культуру. Местные руководители сделают вывод, что большинство морозийцев недружелюбны или стеснительны, и предпочтут не брать их на должности, требующие контакта с клиентами или тесного сотрудничества с другими работниками.

Может показаться, что от обеих историй веет расизмом. На самом деле расизм тут ни при чём. Это «культурализм». Люди продолжают

героически сражаться против традиционного расизма, не замечая, что линия фронта проходит уже в другом месте. Традиционный расизм исчезает, но в мире становится всё больше культуралистов.

Основой традиционного расизма служили биологические теории. В 1890-х или в 1930-х годах люди в таких странах, как Великобритания, Австралия и США, верили, что некие наследуемые биологические черты делают африканцев и китайцев менее умными, менее предприимчивыми и менее нравственными, чем европейцы. Всё дело в их крови. Такие взгляды считались абсолютно приличными и научно обоснованными. Сегодня у многих людей сохраняются расистские предрассудки, однако эти предрассудки потеряли научную основу и солидную политическую поддержку — если только не перефразировать их в терминах культуры. Утверждение, что чернокожие склонны к совершению преступлений из-за «неправильных» генов, неприемлемо — в отличие от тезиса, что их криминальные наклонности проистекают из неблагополучной субкультуры.

Например, в США некоторые партии и лидеры открыто поддерживают дискриминационную политику и часто уничижительно отзываются об афроамериканцах, выходцах из Латинской Америки и мусульманах, но крайне редко говорят (или вообще не говорят), что дело в ДНК этих людей. Они считают, что проблема в культуре. Когда президент Трамп называл Гаити, Сальвадор и некоторые регионы Африки «вонючими дырами», он имел в виду культуру этих стран, а не генетические особенности их граждан[131]. В другой речи Трамп так высказался о мексиканских иммигрантах в США: «Мексика отправляет нам своих людей, но они не отправляют лучших. Они отправляют нам людей с огромным количеством проблем. И они приносят нам эти проблемы. Они приносят наркотики, они приносят преступность. Они насильники. Ну и, надо полагать, что среди них попадаются и приличные люди». Это крайне оскорбительное заявление — но в него заложен не биологический, а социологический смысл. Трамп не говорит, что все мексиканцы плохие, — он намекает, что хорошие мексиканцы продолжают жить к югу от Рио-Гранде[132].

В центре этих споров по-прежнему остаётся человеческое тело — идёт ли речь об уроженце Латинской Америки, выходце из Африки или Китая. Очень многое зависит от цвета кожи. Если вы идёте по улице

Нью-Йорка и в вашей коже много меланина, то, куда бы вы ни направлялись, полиция будет относиться к вам с подозрением. Но и президент Трамп, и президент Обама объяснят вам значение цвета кожи в исторических и культурных терминах: причина подозрительного отношения полиции к вашему цвету кожи кроется не в биологии, а в истории. Вероятно, сторонники Обамы объяснят предрассудки полиции наследием исторических преступлений, таких как рабство, а сторонники Трампа скажут, что более высокий уровень преступности чернокожих — это печальное наследие исторических ошибок, совершённых белыми либералами и чёрными общинами. Даже если вы турист из Дели, ничего не знающий об истории Америки, вам всё равно придётся столкнуться с её последствиями.

Переход от биологии к культуре — это не просто малозначащая смена терминологии. Это глубокий сдвиг с далеко идущими практическими последствиями, как положительными, так и отрицательными. Во-первых, культура отличается гораздо большей гибкостью по сравнению с биологией. С одной стороны, это означает, что современные культуралисты могут быть более толерантными, чем традиционные расисты: если «другие» принимают нашу культуру, мы принимаем их как равных себе. С другой стороны, такая гибкость может привести к гораздо более сильному давлению на «других» с целью заставить их ассимилироваться и более жёсткой критике их неспособности это сделать.

Вряд ли вы осудите темнокожего человека за то, что он не осветляет кожу, но люди могут обвинить — и обвиняют — африканцев или мусульман в том, что они не способны принять нормы и ценности западной культуры. Нельзя сказать, что подобные обвинения всегда оправданны. Во многих случаях нет никакого смысла перенимать господствующую культуру, а иногда это просто невозможно. Афроамериканцы из бедных трущоб, которые искренне хотели бы влиться в американскую культуру, зачастую обнаруживают, что путь им преграждает институциональная дискриминация; а потом им же говорят, что они не прилагали должных усилий и поэтому в своих бедах им некого винить, кроме самих себя.

Второе ключевое различие между отсылками к биологии и апелляцией к культуре в том, что традиционный фанатичный расизм строится на предрассудках, а аргументы культуралистов иногда

бывают вполне разумными, как в примере с вымышленными странами Тепландией и Морозией. У тепландцев и морозийцев действительно разные культуры с разным стилем человеческих взаимоотношений. А поскольку отношения между людьми очень важны для многих профессий, можно ли обвинять в неэтичности тепландскую фирму, которая наказывает морозийцев за поведение, согласующееся с культурными традициями Морозии?

Антропологов, социологов и историков эта проблема ставит в тупик. С одной стороны, всё это очень похоже на расизм. С другой стороны, культурализм имеет гораздо более прочную научную основу, чем расизм, и специалисты в области гуманитарных и общественных наук не могут отрицать существования и важности культурных различий.

Разумеется, даже соглашаясь с разумностью некоторых утверждений культуралистов, мы не обязаны принимать их все. Многие из этих тезисов обладают тремя общими недостатками. Во-первых, культуралисты часто путают локальное превосходство с объективным превосходством. Так, в условиях Тепландии локальный метод разрешения конфликтов может быть эффективнее подхода морозийцев, и в этом случае у фирмы есть все основания дискриминировать работников-интровертов (что приведёт к непропорциональному наказанию иммигрантов-морозийцев). Но это не значит, что тепландский подход объективно лучше. Возможно, тепландцы могут чему-то научиться у морозийцев, а при изменении условий (например, если тепландская фирма выйдет на международный рынок и откроет отделения в других странах) разнообразие станет ценным активом.

Во-вторых, при чётком определении критериев, времени и места утверждения культуралистов начинают казаться эмпирически оправданными. Но люди слишком часто прибегают к культуралистским обобщениям, которые не имеют смысла. Например, утверждение «морозийская культура менее толерантна к публичным вспышкам гнева, чем тепландская» вполне разумно — в отличие от тезиса «исламская культура отличается крайней нетерпимостью». Последнее утверждение слишком расплывчато. Что мы подразумеваем под «нетерпимостью»? По отношению к кому или к чему? Та или иная культура может быть нетерпимой по отношению к религиозным

меньшинствам или каким-то политическим взглядам, но вместе с тем чрезвычайно толерантной к толстым людям или старикам. И что мы подразумеваем под «исламской культурой»? Мы имеем в виду Аравийский полуостров седьмого века? Османскую империю шестнадцатого века? Или Пакистан начала двадцать первого века? И наконец, каковы критерии? Если в дискуссии о толерантности к религиозным меньшинствам мы сравним Османскую империю шестнадцатого века с Западной Европой шестнадцатого века, то придём к выводу, что исламская культура чрезвычайно толерантна. А если сравним Афганистан под властью талибана с современной Данией, то вывод будет прямо противоположным.

Но самая большая проблема культуралистских тезисов в том, что, несмотря на их статистическую природу, они часто используются для скоропалительных выводов об *отдельных людях*. Если коренной тепландец и морозиец-иммигрант будут претендовать на одну и ту же должность в тепландской фирме, руководитель предпочтёт нанять тепландца, «потому что морозийцы холодны и необщительны». Даже если статистически это верно, вполне возможно, что этот конкретный морозиец гораздо дружелюбнее и общительнее, чем этот конкретный тепландец. Конечно, культура очень важна, но на личность человека существенно влияют также его гены и уникальный жизненный опыт. Люди часто не укладываются в статистические стереотипы. У фирмы есть причины набирать общительных работников, но нет никакого резона отдавать предпочтение тепландцам, а не морозийцам.

Все эти соображения касаются конкретных заявлений культуралистов, но не дискредитируют культурализм в целом. В отличие от расизма, который представляет собой опровергнутый наукой предрассудок, аргументы культурализма порой совершенно справедливы. Если мы посмотрим на статистику и выясним, что в тепландских фирмах на руководящих должностях мало морозийцев, причина может быть не в расистской дискриминации, а в здравом смысле. Должны ли иммигранты-морозийцы возмущаться такой ситуацией и обвинять Тепландию в невыполнении условий иммигрантской сделки? Следует ли принять закон о «позитивной дискриминации» и заставить тепландские фирмы нанимать больше морозийцев на руководящие посты, чтобы немного охладить свою эмоциональную деловую культуру? Или во всём виноваты

иммигранты-морозийцы, неспособные принять местную культуру, и нужно принять меры и в принудительном порядке знакомить их детей с нормами и ценностями Тепландии?

Возвращаясь из выдуманного мира в реальный, важно помнить, что европейские дискуссии по вопросам иммиграции — это вовсе не битва добра со злом. Защитники иммиграции ошибаются, изображая другую сторону «фашистами», а противники иммиграции напрасно обвиняют оппонентов в намерении «убить собственную культуру». Дискуссия об иммиграции не должна превращаться в бескомпромиссную борьбу по поводу некоего непреложного морального императива. Споры об иммиграции — это споры носителей двух легитимных точек зрения, и их можно и нужно разрешать путём нормальных демократических процедур.

Сегодня совсем не очевидно, что Европа сумеет найти средний путь, который позволит принимать иммигрантов и при этом избежать опасности дестабилизации общества со стороны людей, не разделяющих европейские ценности. Если Европе удастся найти такой путь, её опыт можно будет использовать на глобальном уровне. Если же европейский проект потерпит неудачу, это станет доказательством того, что одних либеральных ценностей свободы и толерантности недостаточно, чтобы разрешить конфликты между культурами и объединить человечество перед лицом угроз ядерной войны, экологической катастрофы и разрушительных технологий. Если греки и немцы окажутся неспособны договориться о своём общем будущем и если 500 миллионов богатых европейцев не пожелают принять несколько миллионов бедных иммигрантов, каковы шансы, что люди справятся с гораздо более серьёзными конфликтами, угрожающими нашей глобальной цивилизации?

Есть один способ помочь Европе и всему миру объединиться и держать границы открытыми. Нужно приглушить истерию по поводу терроризма. Будет очень печально, если европейский эксперимент свободы и толерантности окончится неудачей из-за преувеличенного страха перед террористами. В этом случае террористы достигнут своих целей, а горстка фанатиков получит решающий голос при определении будущего всех людей. Терроризм — это орудие маргинального и слабого сегмента человечества. Как случилось, что он стал доминировать в мировой политике?

Часть III
Отчаяние и надежда

Несмотря на беспрецедентные вызовы и серьёзные разногласия, человечество сможет показать себя с наилучшей стороны, если обуздает страхи и будет сдержаннее в высказывании своих взглядов.

10
Терроризм

Без паники

Террористы — мастера манипулировать сознанием. Количество их жертв не так велико, но они умудряются запугивать миллиарды людей и сотрясать такие громадные политические конструкции, как Евросоюз и США. С 11 сентября 2001 года террористы ежегодно убивают приблизительно 50 человек в Евросоюзе, 10 человек в США, 7 человек в Китае и до 25 000 человек во всём остальном мире (преимущественно в Ираке, Афганистане, Пакистане, Нигерии и Сирии)[133]. Для сравнения: в дорожно-транспортных происшествиях каждый год гибнет приблизительно 80 000 европейцев, 40 000 американцев, 270 000 китайцев и ещё 1,25 миллиона человек в других странах[134]. От диабета в мире ежегодно умирают до 3,5 миллиона человек, а от последствий загрязнения воздуха — 7 миллионов человек[135]. Почему же мы боимся терроризма больше, чем сахара, и почему правительства теряют голоса избирателей из-за спорадических атак террористов, а не из-за постоянного загрязнения воздуха?

Как указывают словари, терроризм — это военная стратегия, нацеленная на изменение политической ситуации путём распространения страха, а не нанесения материального ущерба. Эту стратегию почти всегда берёт на вооружение самая слабая сторона конфликта, неспособная нанести врагу серьёзный материальный ущерб. Конечно, любые военные действия вызывают страх. Но в обычной войне страх — побочный продукт материальных потерь, и он, как правило, пропорционален силе, вызвавшей эти потери. Для терроризма страх — главное оружие, и мы наблюдаем поразительное несоответствие между реальной силой террористов и страхом, который им удаётся вызывать.

Насилием не всегда легко изменить политическую ситуацию. В первый день битвы на Сомме, 1 июля 1916 года, погибли 19 000 британских солдат и ещё 40 000 получили ранения. Битва закончилась в ноябре, и к этому времени потери обеих сторон превысили миллион

человек, в том числе около 300 000 убитыми[136]. Но эта ужасная бойня никак не изменила политического соотношения сил в Европе. Потребовалось ещё два года и миллионы жертв, чтобы ситуация сдвинулась с мёртвой точки.

По сравнению с наступлением на Сомме терроризм выглядит жалко. Во время теракта в Париже в ноябре 2015 года погибло 130 человек; бомба, взорвавшаяся в Брюсселе в марте 2016-го, убила 32 человека, а взрыв в Манчестере в мае 2017-го унёс жизни 22 человек. В 2002 году, в самый разгар палестинского террора против Израиля, когда взрывались автобусы и рестораны, погиб 451 израильтянин[137]. В том же году в автомобильных авариях погибли 542 жителя страны[138]. Лишь немногие теракты, такие как взрыв рейса 103 компании Pan American над Локерби в 1988 году, уносят жизни сотен людей[139]. Террористическая атака 11 сентября установила печальный рекорд — в ней погибли почти 3000 человек[140]. Но даже эти цифры меркнут перед ценой, которую платит человечество за обычные войны. Если вы сложите число всех убитых и раненых в Европе в результате терактов после 1945 года, — включая жертв националистических, религиозных, леворадикальных и крайне правых группировок, — суммарный итог будет гораздо меньше, чем число жертв малоизвестных сражений Первой мировой войны, таких как третья битва на Эне (250 000 жертв) или десятая битва при Изонцо (225 000)[141].

На что же надеются террористы? После теракта количество солдат, танков и кораблей врага не уменьшается. Сеть коммуникаций, автомобильные и железные дороги остаются, как правило, целыми и невредимыми. Заводы и порты работают в обычном режиме. Террористы надеются, что, несмотря на незначительный материальный ущерб, страх и растерянность вынудят врага, сила которого нисколько не уменьшилась, на непропорционально резкую реакцию. Они рассчитывают, что, когда разъярённый враг обрушит на них всю свою мощь, поднимется такая мощная военная и политическая буря, какую сами террористы вызвать не в состоянии. А во время бури случается множество непредвиденных вещей. Возможны ошибки, военные преступления — и тогда общественное мнение меняется, колеблющиеся принимают чью-то сторону и соотношение сил становится иным.

Террористов можно сравнить с мухой, которая хочет разгромить посудную лавку. Муха настолько слаба, что не сдвинет с места и чайную чашку. Как же ей добиться своей цели? Она находит быка, забирается к нему в ухо и начинает жужжать. Испуганный и взбешённый бык вдребезги разносит посудную лавку. Именно это и произошло после 11 сентября 2001 года, когда исламские фундаменталисты спровоцировали американского быка и он разгромил ближневосточную посудную лавку. Теперь они благоденствуют на развалинах. А в мире нет недостатка в раздражительных быках.

Перетасовать карты

Терроризм — чрезвычайно непривлекательная военная стратегия, поскольку она оставляет все важные решения на усмотрение врага. Все варианты действий, какими противник располагал до террористической атаки, сохраняются в неприкосновенности, и он может свободно выбирать любой из них. Обычно воюющие армии любой ценой стараются избежать подобной ситуации. Атакуя, они не стремятся разыграть устрашающий спектакль, который разозлит врага и спровоцирует ответный удар. Они хотят нанести противнику серьёзный материальный ущерб и ограничить его возможности дать отпор. В частности, они стремятся уничтожить его самое грозное оружие и предотвратить самые опасные сценарии развития событий.

Именно таковы были цели Японии в декабре 1941 года, когда она неожиданно напала на США и потопила американский тихоокеанский флот в Перл-Харборе. Это был не терроризм, а война. Японцы не знали, как Америка ответит на атаку. Ясно было только одно: что бы ни решил предпринять противник, в 1942 году он уже не сможет отправить свои корабли на Филиппины или в Гонконг.

Провоцировать врага на ответные действия, не лишив его оружия или возможностей, — это акт отчаяния, к которому прибегают только в тех случаях, когда других средств не остаётся. Если есть шанс нанести серьёзный материальный ущерб, никто не откажется от него в пользу терроризма. Если бы в декабре 1941 года японцы торпедировали пассажирское судно, чтобы спровоцировать США, но при этом оставили бы целым и невредимым тихоокеанский флот врага в Перл-Харборе, это было бы безумием.

Но у террористов нет выбора. Они настолько слабы, что не в состоянии начать войну. Поэтому они устраивают театрализованную постановку, надеясь, что она спровоцирует врага и вызовет чрезмерно острую реакцию. Террористы ставят жестокий устрашающий спектакль, захватывающий наше воображение, которое затем начинает работать против нас. Убив нескольких человек, террористы заставляют миллионы людей бояться за свою жизнь. Чтобы обуздать эти страхи, правительства отвечают на террористическое шоу своим спектаклем безопасности и демонстрации силы — наказывают всё население или вторгаются на территорию другого государства. В большинстве случаев чрезмерная реакция на терроризм представляет собой бóльшую угрозу нашей безопасности, чем сами террористы.

Террористы мыслят не как генералы, а скорее как театральные продюсеры. Воспоминания общества об атаках 11 сентября свидетельствуют, что интуитивно это понимают все. Если спросить людей, что произошло 11 сентября 2001 года, они, скорее всего, ответят, что «Аль-Каида» разрушила башни-близнецы Всемирного торгового центра. Но целью террористической атаки были не только башни, но и два других объекта, в том числе Пентагон. Почему об этом помнит так мало людей?

Будь события 11 сентября 2001 года обычной военной кампанией, наибольшее внимание общества привлекло бы нападение на Пентагон. В результате этой атаки «Аль-Каида» смогла уничтожить часть главной штаб-квартиры врага, убив и ранив членов высшего командования и аналитиков. Почему же для общества гораздо более важным оказалось разрушение двух гражданских зданий и убийство брокеров, бухгалтеров и клерков?

Дело в том, что Пентагон — относительно невысокое и ничем не примечательное здание, тогда как башни Всемирного торгового центра были известным символом, разрушение которого произвело сильнейший аудиовизуальный эффект. Кто видел картину рушащихся небоскрёбов, едва ли когда-нибудь её забудет. В глубине души мы понимаем, что терроризм — это театр, и поэтому в первую очередь оцениваем его эмоциональное, а не материальное воздействие.

Тот, кто борется с терроризмом, должен, подобно самим террористам, мыслить как театральный продюсер, а не как генерал. Если мы хотим эффективно противостоять террору, в первую очередь

нам следует понять, что террористы не могут победить. Однако мы можем нанести себе поражение сами — в результате чрезмерной и необоснованной реакции на их провокации.

Террористы ставят перед собой невыполнимую задачу: не имея армии, путём насилия изменить политическое соотношение сил. Для достижения цели они вынуждают государство также ставить перед собой невыполнимую задачу: защитить всех граждан от политического насилия, в любое время и в любом месте. Террористы надеются, что, когда государство попытается выполнить своё обещание, это смешает политические карты и у них в руках неожиданно окажется козырь.

Конечно, когда государства принимают вызов, чаще всего им удаётся справиться с террористами. В последние несколько десятилетий были уничтожены сотни террористических организаций в самых разных странах. В 2002–2004 годах Израиль доказал, что даже самые жестокие террористические кампании можно подавить грубой силой[142]. Террористы прекрасно понимают, что в открытом противостоянии у них нет шансов. Но поскольку они очень слабы, а других вариантов действий у них нет, то и терять им нечего, а приобрести они могут очень много. Время от времени политические бури, вызванные антитеррористическими кампаниями, действительно идут на пользу террористам, и именно поэтому они считают риск оправданным. Террорист похож на игрока в покер с очень плохой рукой, который пытается убедить соперников перетасовать карты. Он ничего не теряет, а выиграть может всё.

Маленькая монетка в большом пустом кувшине

Но почему государство должно соглашаться на перетасовку карт? Материальный ущерб от терроризма незначителен, и теоретически правительство может вообще никак не реагировать на теракты или принимать серьёзные, но тайные меры вдали от камер и микрофонов. Зачастую власти именно так и поступают. Но время от времени они теряют самообладание и реагируют слишком резко и публично, тем самым играя на руку террористам. В чём причина такой чувствительности к провокациям террористов?

Власти не могут мириться с провокациями, поскольку легитимность современного государства основана на обязательстве

защищать публичную сферу от политического насилия. Политический режим способен пережить ужасные природные катастрофы и даже игнорировать их, если его легитимность не строится на обещании их предотвратить. С другой стороны, режим может рухнуть из-за незначительной проблемы, если она подрывает его легитимность. В четырнадцатом веке чума уничтожила от четверти до половины населения Европы, но ни один король не лишился трона — и ни один не принимал серьёзных мер по борьбе с эпидемией. Тогда никто не считал, что предотвращение чумы — это обязанность короля. В то же время правители, допускавшие в своих владениях распространение религиозной ереси, рисковали лишиться не только короны, но и головы.

Современные правительства относятся к домашнему и сексуальному насилию терпимее, чем к терроризму. Несмотря на общественный резонанс от таких движений, как #MeToo, случаи изнасилования не подрывают легитимность властей. Например, во Франции регистрируется более 10 000 изнасилований в год, а ещё десятки тысяч, по всей видимости, не попадают в полицейские сводки[143]. Однако насильники и жестокие мужья не считаются угрозой существованию французского государства, поскольку исторически государство не строилось на обещании избавить граждан от сексуального насилия. А вот теракты, которые случаются гораздо реже, воспринимаются как смертельная угроза Французской Республике, потому что на протяжении нескольких последних столетий западные государства основывали свою легитимность на громком обещании не допустить политического насилия в своих границах.

В Средние века в публичной сфере политическое насилие было обычным делом. Способность к насилию была пропуском в политическую игру, и не обладавшие такой способностью не имели голоса в политике. Собственную армию содержали все — многочисленные семьи аристократов, города, гильдии, церкви и монастыри. Когда умирал аббат и возникал спор из-за наследства, для разрешения конфликта соперничающие группировки, состоящие из монахов, местных лидеров и соседей, часто прибегали к помощи вооружённой силы.

В таком мире не было места терроризму. Каждый, кто был недостаточно силён для нанесения врагу серьёзного материального ущерба, выбывал из игры. Если бы в 1150 году горстка исламских фанатиков убила нескольких мирных жителей в Иерусалиме, требуя, чтобы крестоносцы покинули Святую землю, это вызвало бы удивление, а не страх. Если вы хотите, чтобы вас принимали всерьёз, у вас должен быть как минимум один укреплённый замок — а лучше два. Терроризм не занимал умы наших предков в Средние века, поскольку им приходилось решать более серьёзные проблемы.

В Новейшее время централизованные государства постепенно снижали градус политического насилия на своих территориях, и в последние десятилетия западные страны сумели почти полностью от него избавиться. Граждане Франции, Великобритании или США могут бороться за контроль над городами, корпорациями, организациями или даже правительствами, не прибегая к оружию. Власть над триллионами долларов, миллионами солдат, тысячами кораблей, самолётов и ядерных ракет переходит от одной группы политиков к другой без единого выстрела. Люди быстро привыкли к этому и считают такой порядок естественным. Вот почему спорадические акты политического насилия, уносящие жизни нескольких десятков людей, воспринимаются как смертельная угроза легитимности и даже самому существованию государства. Маленькая монетка в большом пустом кувшине производит много шума.

Именно поэтому террористический театр так успешен. Государство создало большое пустое пространство, свободное от политического насилия, и это пространство, подобно резонатору, усиливает эффект любого вооружённого нападения, даже самого незначительного. Чем меньше политического насилия в государстве, тем сильнее шок, который переживает общество после теракта. Убийство нескольких людей в Бельгии привлекает больше внимания, чем гибель сотен человек в Нигерии или Ираке. Парадоксально, но именно успех современных государств в предотвращении политического насилия делает их особенно уязвимыми перед лицом терроризма.

Государство неоднократно подчёркивает, что не потерпит политического насилия внутри своих границ. Граждане, со своей стороны, привыкают к отсутствию политического насилия. Поэтому

террористический театр вызывает подсознательный страх перед анархией; люди боятся, что общественный порядок вот-вот рухнет. После многих столетий кровавых войн мы наконец выползли из чёрной дыры насилия, но чувствуем, что эта дыра никуда не делась — она терпеливо ждёт подходящего случая, чтобы снова нас поглотить. Несколько случаев шокирующих зверств — и нам уже кажется, что мы снова проваливаемся в эту дыру.

Чтобы развеять людские страхи, государство реагирует на театр терроризма собственным театром безопасности. Самый эффективный ответ на терроризм — хорошая разведка и тайные действия против финансовых сетей, подпитывающих терроризм. Но граждане хотят видеть по телевизору совсем не это. Граждане наблюдали драматические кадры разрушения башен Всемирного торгового центра. Государство считает своим долгом предложить им не менее зрелищную драму, с ещё бóльшим количеством огня и дыма. Поэтому вместо тихих и эффективных действий власти отвечают мощной бурей, нередко исполняя самые заветные мечты террористов.

Какой должна быть реакция государства на терроризм? Борьбу с ним нужно вести на трёх фронтах. Во-первых, власти должны сосредоточиться на тайных операциях против террористических сетей. Во-вторых, средствам массовой информации следует рассматривать события в перспективе и воздерживаться от истерики. Театр террора не будет иметь успеха без широкой огласки. К сожалению, СМИ слишком часто предоставляют террористам бесплатную рекламу. Они постоянно сообщают о террористических атаках, значительно преувеличивая их опасность, — ведь такие репортажи продаются куда лучше, чем статьи о диабете или загрязнении воздуха.

Третий фронт — это наше воображение. Террористы захватывают власть над ним, а затем используют его против нас. Мы вновь и вновь мысленно воспроизводим сцены террористической атаки, вспоминая 11 сентября 2001 года или последние взрывы смертников. Террористы убивают сто человек — и заставляют 100 миллионов представлять, что за каждым деревом прячется убийца. Обязанность каждого гражданина — освободить своё воображение от террористов и напомнить себе об истинном масштабе этой угрозы. Именно наш внутренний страх побуждает СМИ постоянно муссировать тему

терроризма, а правительство — слишком бурно реагировать на теракты.

Таким образом, успех или провал терроризма зависит от нас самих. Если мы позволим террористам захватить наше воображение, а затем начнём неадекватно реагировать на собственные страхи, терроризм победит. Если мы освободим своё воображение от террористов и будем отвечать на их атаки сдержанно и хладнокровно, терроризм проиграет.

Ядерный терроризм

Сказанное выше относится к тому терроризму, какой мы знали на протяжении двух последних веков и какой сегодня заявляет о себе на улицах Нью-Йорка, Лондона, Парижа и Тель-Авива. Но если террористы завладеют оружием массового уничтожения, коренным образом изменится не только природа терроризма, но и глобальная политика. Когда крошечные организации, представляющие горстку фанатиков, получат возможность разрушать целые города и убивать миллионы людей, в публичную сферу вернётся политическое насилие.

Если современный терроризм — это в основном театр, то ядерный терроризм, кибертерроризм или биотерроризм станут гораздо более серьёзной угрозой и потребуют более жёсткой реакции со стороны правительств. Именно поэтому нужно чётко отделять такие гипотетические сценарии будущего от реальных террористических атак, с которыми мы сталкивались до сих пор. Опасения, что в руки террористов однажды попадёт ядерная бомба и они уничтожат Нью-Йорк или Лондон, не оправдывают чрезмерно истерическую реакцию на террориста, который убивает десять случайных людей с помощью автомата или грузовика. Власти должны проявлять ещё бóльшую осторожность и не преследовать всех инакомыслящих под предлогом того, что однажды у них может появиться ядерное оружие или что они взломают наши беспилотные автомобили и превратят их в армию роботов-убийц.

Аналогичным образом, наряду с мониторингом радикальных групп и мерами по предотвращению их доступа к оружию массового уничтожения, правительства обязаны соотносить страх перед ядерным терроризмом с другими угрозами. В последние два десятилетия США

впустую потратили триллионы долларов и значительную часть своего политического капитала на «войну с террором». Джордж Буш — младший, Тони Блэр, Барак Обама и их администрации не без оснований утверждали, что, преследуя террористов, они заставляют их думать о выживании, а не о том, как заполучить ядерную бомбу. И поэтому они, возможно, спасли мир от повторения событий 11 сентября 2001 года, но уже с ядерным оружием. Это утверждение («если бы мы не начали войну с террором, “Аль-Каида” могла бы получить ядерное оружие») гипотетическое, и установить его истинность невозможно.

Однако мы уверены, что результатом «войны с террором», которую вели американцы и их союзники, стали не только огромные разрушения на всей планете, но и, как выражаются экономисты, «скрытые издержки». Деньги, время и политический капитал, потраченные на противостояние терроризму, не вкладывались в борьбу с глобальным потеплением, СПИДом и бедностью, в усилия по установлению мира и процветания в Центральной Африке, в улучшение отношений с Россией и Китаем. Если Нью-Йорк или Лондон будут затоплены водами Атлантического океана или если разногласия с Россией перерастут в открытую войну, люди вполне могут обвинить Буша, Блэра и Обаму в том, что они выбрали ложную цель.

Расставлять приоритеты в режиме реального времени — очень сложная задача; гораздо легче критиковать задним числом. Мы обвиняем лидеров в том, что они не предотвратили случившиеся катастрофы, но ничего не знаем о катастрофах, которые так и не произошли. Например, люди вспоминают действия администрации Клинтона в 1990-е и винят её в том, что она упустила из виду угрозу со стороны «Аль-Каиды». Но в те годы почти никому не приходило в голову, что исламские террористы способны спровоцировать глобальный конфликт, направив пассажирские самолёты на небоскрёбы в Нью-Йорке. Тогда многие опасались полного краха России, в результате которого она могла потерять контроль не только над своей огромной территорией, но и над тысячами единиц ядерного и биологического оружия. Люди также боялись, что кровавые войны на территории бывшей Югославии могут распространиться на остальную часть Восточной Европы, что приведёт к конфликтам

между Венгрией и Румынией, Болгарией и Турцией, или Польшей и Украиной.

Многих беспокоило объединение Германии. Всего через четыре с половиной десятилетия после падения Третьего рейха люди всё ещё инстинктивно опасались усиления Германии. А что, если Германия, освободившись от советской угрозы, превратится в сверхдержаву и станет доминирующей силой в Европе? А как насчёт Китая? Встревоженный распадом советского блока, Китай может отказаться от реформ, вернуться к жёсткой маоистской политике и превратиться в увеличенную версию Северной Кореи.

Сегодня эти опасения кажутся смешными, потому что мы знаем, что они не сбылись. Ситуация в России стабилизировалась, большинство стран Восточной Европы мирно вошли в состав ЕС, объединённая Германия стала лидером свободного мира, а Китай превратился в локомотив экономики всей планеты. Всё это было достигнуто — по крайней мере отчасти — благодаря конструктивной политике США и ЕС. А может, в 1990-е для США и ЕС было бы разумнее сосредоточиться на исламских экстремистах, а не на ситуации в бывшем Восточном блоке или в Китае?

Невозможно всегда быть готовыми ко всему. Предотвращение ядерного терроризма — важная задача, но она не может значиться первым пунктом в мировой повестке. И мы совершенно точно не должны использовать теоретическую угрозу ядерного терроризма в качестве оправдания чрезмерной реакции на обычный терроризм. Это разные проблемы, требующие разных решений.

Если, несмотря на наши усилия, террористические группировки всё же получат доступ к оружию массового уничтожения, грядущие политические битвы предсказать невозможно, но они явно будут отличаться от кампаний террора и антитеррора начала двадцать первого века. Если в 2050 году в мире будет множество ядерных террористов и биотеррористов, их потенциальные жертвы будут оглядываться на 2018 год с завистью и удивлением: почему так волновались люди, жизнь которых была столь безопасной?

Конечно, наше сегодняшнее чувство опасности связано не только с терроризмом. Многие учёные и обычные люди боятся, что приближается третья мировая война, напоминая, что похожая ситуация уже была в нашей истории сто лет назад. Сегодня, как и в 1914 году,

растущая напряжённость между великими державами в сочетании с неразрешимыми глобальными проблемами, похоже, толкает нас к мировой войне. Является ли эта тревога более оправданной, чем наш постоянно раздуваемый страх перед терроризмом?

11
Война

Нельзя недооценивать человеческую глупость

Последние несколько десятилетий стали самым мирным периодом в истории человечества. Если в древних аграрных обществах насилие было причиной 15 % смертей, а в двадцатом веке — 5 %, то сегодня насильственной смертью умирает всего 1 % людей[144]. Тем не менее после мирового финансового кризиса 2008 года ситуация быстро ухудшается: милитаризм снова вошёл в моду, а военные расходы стремительно растут[145]. И обычные люди, и эксперты опасаются, что подобно тому, как в 1914 году убийство австрийского эрцгерцога спровоцировало Первую мировую войну, так и в 2018-м какой-нибудь инцидент в Сирийской пустыне или неразумные действия на Корейском полуострове станут причиной глобального конфликта.

Учитывая растущее напряжение в мире и личности руководителей, сидящих в Вашингтоне, Пхеньяне и некоторых других столицах, наше беспокойство вполне обоснованно. Однако между 1914-м и 2018-м есть несколько существенных различий. В частности, в 1914 году войну приветствовали элиты всего мира, потому что у них перед глазами было множество примеров того, как успешные войны способствовали экономическому процветанию и политическому могуществу. В 2018 году успешная война — это исчезающий вид.

С древних времён великие государства, от Ассирии до китайской империи Цинь, строились путём насильственных завоеваний. Все великие державы, существовавшие в 1914 году, также приобрели свой статус в результате успешных войн. Так, императорская Япония превратилась в ведущую региональную державу благодаря победам над Китаем и Россией, Германия стала главной силой в Европе после разгрома Австро-Венгрии и Франции, а Британия создала самую обширную и процветающую империю благодаря маленьким победоносным войнам во всех уголках земли. Так, в 1882 году Британия вторглась в Египет и оккупировала его, потеряв в решающей

битве при Тель-эль-Кебире всего 57 солдат[146]. В наши дни оккупация мусульманской страны — это сюжет для ночных кошмаров на Западе, но после Тель-эль-Кебира британские войска почти не встретили вооружённого сопротивления, а затем более шести десятилетий контролировали долину Нила и стратегически важный Суэцкий канал. Другие европейские державы брали пример с Британии. Когда правительства в Париже, Риме или Брюсселе строили планы захвата Вьетнама, Ливии или Конго, они опасались лишь того, что их кто-нибудь опередит.

Даже США обрели статус великой державы благодаря не только экономической предприимчивости, но и военным действиям. В 1846 году войска США вторглись в Мексику и захватили Калифорнию, Неваду, Юту, Аризону, Нью-Мексико, часть Колорадо, Канзаса, Вайоминга и Оклахомы. Мирный договор также закрепил аннексию Техаса. На этой войне погибли около 13 000 американских солдат, а страна увеличила свою территорию на 2,3 миллиона квадратных километров (это больше общей площади Франции, Великобритании, Германии, Испании и Италии)[147]. Это была сделка тысячелетия.

Поэтому в 1914 году элиты в Вашингтоне, Лондоне и Берлине точно знали, как выглядит успешная война и чего можно добиться с её помощью. Но в 2018 году у глобальных элит есть веские основания полагать, что войны такого типа остались в прошлом. Конечно, некоторые диктаторы третьего мира и негосударственные акторы всё ещё извлекают пользу из войн, но ведущие державы, похоже, уже утратили это умение.

Величайшая победа на памяти нынешнего поколения — Соединённых Штатов над Советским Союзом — была достигнута без военного столкновения. Затем США вновь ощутили забытый вкус военной победы во время Первой войны в Персидском заливе, но это привело лишь к бесполезной трате триллионов долларов и унизительным военным поражениям в Ираке и Афганистане. Китай, стремительно усиливавшийся в начале двадцать первого века, тщательно избегал любых вооружённых конфликтов после неудачного вторжения во Вьетнам в 1979 году, и на его подъём повлияли чисто экономические факторы. Китай брал пример не с японской, немецкой или итальянской империй до 1914 года, а скорее с японского, немецкого и итальянского экономического чуда после 1945 года. Во

всех этих случаях экономическое процветание и геополитическое влияние были достигнуты без единого выстрела.

Даже на Ближнем Востоке — в самой горячей точке мира — региональные державы не умеют вести успешные войны. Иран ничего не получил в результате долгой и кровавой Ирано-иракской войны, а после неё старательно избегал прямых военных столкновений. Иранцы финансируют и вооружают местные группировки в разных странах, от Ирака до Йемена, и отправили свой Корпус Стражей Исламской революции в помощь союзникам в Сирии и Ливане, но до сих пор соблюдают осторожность и не вторгаются в другие страны. Иран превратился в ведущую региональную державу не благодаря блестящей победе на поле боя, а вследствие чужих ошибок. Два его главных противника, США и Ирак, вступили в войну, которая уничтожила Ирак и отбила у американцев желание влезать в ближневосточную трясину, что было на руку Ирану.

То же можно сказать и об Израиле. Последнюю успешную войну страна вела в 1967 году. После этого Израиль процветал не благодаря многочисленным войнам, а вопреки им. Большинство оккупированных территорий оказались для страны тяжким экономическим бременем и наложили на неё непосильные политические обязательства. Как и Иран, Израиль в последнее время улучшил своё геополитическое положение не победой в войне, а отказом от военных авантюр. Злейшие враги Израиля развязали войну в Ираке, Сирии и Ливии, но Израиль сохранял хладнокровие. Вероятно, главное политическое достижение Нетаньяху (на март 2018 года) состоит в том, что он не позволил втянуть страну в гражданскую войну в Сирии. При желании Армия обороны Израиля уже через неделю взяла бы Дамаск — но зачем? Ещё проще израильской армии захватить сектор Газа и свергнуть режим ХАМАС, но Израиль раз за разом отказывается от этого шага. Несмотря на свою военную мощь и жёсткую риторику агрессивно настроенных политиков, Израиль прекрасно понимает, что война ничего не даст. Подобно США, Китаю, Германии, Японии и Ирану, Израиль знает, что в двадцать первом веке самая успешная стратегия — занять выжидательную позицию и позволить другим сражаться за твои интересы.

Взгляд из Кремля

Пока единственным успешным вторжением, осуществлённым ведущей державой в двадцать первом веке, стало российское завоевание Крыма. В феврале 2014 года российские войска вторглись в соседнюю Украину и оккупировали Крымский полуостров, который был впоследствии аннексирован Россией. Почти без какой-либо борьбы Россия заняла стратегически важную территорию, посеяла страх в соседях и восстановила себя в качестве мировой державы. Однако завоевание закончилось успешно благодаря экстраординарному стечению обстоятельств. Ни украинская армия, ни местное население не оказали большого сопротивления россиянам, тогда как остальные державы воздержались от прямого вмешательства в конфликт. Эти обстоятельства будет сложно воспроизвести где-нибудь в мире. Если предпосылка для успешной войны — отсутствие врагов, желающих сопротивляться агрессору, то это серьёзно ограничивает доступные возможности.

В самом деле, когда Россия пыталась повторить крымский успех в других частях Украины, она наталкивалась на значительно более жёсткое сопротивление, и война в восточной Украине зашла в тупик. Даже хуже (с российской точки зрения), война разожгла антироссийские настроения в Украине и превратила эту страну из союзника в заклятого врага. Так же, как успех в Первой войне в Персидском заливе подтолкнул США перехитрить самих себя в Ираке, успех в Крыму, возможно, подтолкнул Россию перехитрить себя в Украине.

Все войны России на Кавказе и Украине начала двадцать первого века вряд ли можно назвать очень успешными. Хотя они способствовали закреплению за Россией статуса великой державы, они также способствовали увеличению недоверия и враждебности по отношению к России, и в экономическом плане они принесли только убытки. Доходы туристических курортов Крыма и ветхих заводов советской эпохи в Луганске и Донецке едва ли могут сравниться с затратами на финансирование войны, и они уж точно не компенсируют потери от бегства капитала из России и международных санкций. Чтобы понять ограниченность российской политики, достаточно сравнить огромный экономический прогресс мирного Китая за последние двадцать лет с экономической стагнацией «победоносной» России за тот же период[148].

Несмотря на бравадные речи из Москвы, российская элита, вероятно, хорошо осведомлена о реальных выгодах и издержках своих военных авантюр, поэтому она ведёт себя очень осторожно и старается не обострять военные конфликты. Россия всегда придерживалась принципа хулигана на школьной площадке: «выбирай самого слабого ребёнка и бей его не слишком сильно, чтобы в конфликт не вмешался учитель». Если бы Путин вёл свои войны в духе Сталина, Петра Великого или Чингисхана, то русские танки давно бы уже пошли на Тбилиси и Киев, а возможно даже на Варшаву или Берлин. Но Путин — это не Чингисхан и не Сталин. Он, возможно, лучше, чем кто-либо другой, знает, что в двадцать первом веке на военной мощи далеко не уедешь, и что успешная война — это локальная война. Даже в Сирии, несмотря на безжалостность российских воздушных бомбардировок, Путин был осторожен и минимизировал российское вмешательство, позволяя другим участвовать в серьёзных боевых действиях и не допуская распространения войны на соседние страны.

С точки зрения самой России все её якобы агрессивные действия в последние годы продиктованы не началом новой кампании по захвату мира, а стремлением укрепить собственную оборону. Русские справедливо указывают на то, что после мирного отступления в конце 1980-х и начале 1990-х к ним относились как к поверженному врагу. США и НАТО воспользовались слабостью России и вопреки своим обещаниям расширили НАТО на восток, приняв в альянс страны Восточной Европы и даже несколько бывших советских республик. Запад игнорировал интересы России на Ближнем Востоке, под сомнительными предлогами вторгся в Сербию и Ирак и в целом ясно давал понять, что России, если она хочет защитить сферу своего влияния от посягательств Запада, следует рассчитывать только на военную силу. С этой точки зрения в недавних военных операциях России можно винить не только Владимира Путина, но и Билла Клинтона, и Джорджа Буша — младшего.

Конечно, военные действия России в Грузии, на Украине и в Сирии могут оказаться предвестниками гораздо более дерзких имперских претензий. Даже если до сих пор Путин не вынашивал серьёзных планов глобальных завоеваний, успех часто подстёгивает человеческие амбиции. Однако не стоит забывать, что путинская Россия гораздо слабее сталинского СССР, и, если к ней не

присоединятся другие страны, например Китай, она не сможет вести новую холодную войну, не говоря уже о полномасштабном мировом конфликте. Население России составляет 150 миллионов человек, а ВВП — 4 триллиона долларов. И по населению, и по объёму ВВП она значительно уступает США (325 миллионов человек и 19 триллионов долларов) и Европейскому союзу (500 миллионов человек и 21 триллион долларов)[149]. Совокупная численность населения США и ЕС превышает численность населения России в пять раз, а их общий ВВП в десять раз больше ВВП России.

Новейшие технологические достижения ещё больше увеличили этот разрыв. Расцвет СССР пришёлся на середину двадцатого века, когда локомотивом глобальной экономики была тяжёлая промышленность, а советская централизованная система управления наладила успешное массовое производство тракторов, грузовиков, танков и межконтинентальных баллистических ракет. Сегодня место тяжёлой промышленности заняли информационные технологии и биотехнологии, а в этих областях Россия не очень преуспела. Несмотря на впечатляющие возможности ведения кибервойны, в стране слабо развит сектор гражданских информационных технологий, а основой экономики служат природные ресурсы, в первую очередь нефть и газ. Этого может быть достаточно для обогащения нескольких олигархов и удержания Путина у власти, но недостаточно для победы в цифровой или биотехнологической гонке вооружений.

Что ещё более важно, путинской России не хватает универсальной идеологии. СССР во времена холодной войны опирался на универсальные всемирные идеи коммунизма (а так же на всемирную подконтрольную зону влияния Красной Армии). Путинизм, напротив, мало что может предложить кубинским, вьетнамским или французским интеллектуалам. Авторитарный национализм действительно может распространяться по миру, но по самой своей природе он не способствует созданию сплочённых международных блоков. В то время как и польский коммунизм, и русский коммунизм были привержены, по крайней мере теоретически, общим интересам рабочего класса во всём мире, польский национализм и русский национализм по определению привержены противоположным интересам. Возвышение Путина вызывает всплеск польского

национализма, что делает Польшу ещё более антироссийской, чем раньше.

Поэтому, несмотря на глобальную кампанию по дезинформации и подрывной деятельности, предпринятую Россией с целью расколоть НАТО и ЕС, кажется маловероятным, что Россия решится на глобальную кампанию вооружённых завоеваний. Можно надеяться (и тому есть основания), что захват Крыма и российские вторжения в Грузию и восточную Украину останутся отдельными инцидентами и не станут предвестниками новой эпохи войн.

Утраченное искусство выигрывать войны

Почему в двадцать первом веке ведущим державам так трудно вести успешные войны? Одна из причин в том, что изменилась природа экономики. В прошлом экономические активы были преимущественно материальными, и завоевание считалось достаточно очевидным методом обогащения. Разгромив врагов на поле боя, вы могли неплохо заработать, разграбив их города, продав население на невольничьих рынках, забрав себе ценные поля пшеницы и золотые прииски. В древности римляне продавали пленных греков и галлов, а в девятнадцатом веке американцы обогатились, оккупировав золотые прииски Калифорнии и скотоводческие фермы Техаса.

Но в двадцать первом веке таким способом можно получить лишь ничтожную прибыль. Сегодня основные экономические активы состоят не из полей пшеницы, золотых приисков или нефтяных месторождений, а из институтов и технических знаний. Но знания завоевать невозможно. Такие группировки, как «Исламское государство», могут благоденствовать, грабя города и захватывая нефтяные скважины на Ближнем Востоке (они похитили более 500 миллионов долларов из иракских банков, а в 2015 году получили ещё 500 миллионов от продажи нефти)[150], но для больших стран, например Китая или США, это смешные суммы. Имея ВВП более 20 триллионов долларов, Китай вряд ли начнёт войну ради жалкого миллиарда. А если тратить триллионы долларов на войну с США, то как Китай возместит эти расходы и компенсирует потери от войны и сокращения товарооборота? Может быть, Народная армия Китая захватит в случае победы богатства Кремниевой долины? Да, такие

корпорации, как Apple, Facebook и Google, оцениваются в сотни миллиардов долларов, но этими богатствами нельзя овладеть с помощью силы. В Кремниевой долине нет кремниевых приисков.

Теоретически большая война всё ещё способна принести громадную прибыль, если победитель перестроит систему международной торговли в свою пользу, как Британия после победы над Наполеоном или США после победы над Гитлером. Но в двадцать первом веке изменения в военных технологиях серьёзно осложняют повторение этого сценария. Атомная бомба превратила победу в мировой войне в коллективное самоубийство. Это не совпадение, что после Хиросимы сверхдержавы ни разу не воевали друг с другом напрямую, а лишь участвовали в относительно безопасных (для них) конфликтах, где искушение использовать ядерное оружие, чтобы избежать поражения, было невелико. Идея нападения на ядерную державу даже второго ряда, вроде Северной Кореи, ни у кого не вызывает энтузиазма. Страшно подумать, на что может решиться династия Кимов, столкнувшись с угрозой военного поражения.

Кибервойна ещё больше осложняет задачу потенциальным империалистам. В старые добрые времена королевы Виктории и пулемёта «Максим» британская армия могла уничтожать чернокожих воинов в далёкой пустыне, не подвергая опасности Манчестер и Бирмингем. Даже при Джордже Буше — младшем США сеяли хаос в Багдаде и Фаллудже, в то время как у иракской армии не было возможностей нанести ответный удар по Сан-Франциско или Чикаго. Но если сегодня США нападут на страну, обладающую даже средними возможностями ведения кибервойны, уже через несколько минут война может прийти в Калифорнию или Иллинойс. Вредоносные программы и логические бомбы способны парализовать авиасообщение в Далласе, вызвать столкновение поездов в Филадельфии, отключить электрические сети в Мичигане.

В эпоху великих завоеваний ущерб от войны был невелик, а прибыль огромна. Победив в битве при Гастингсе в 1066 году, Вильгельм Завоеватель за один день приобрёл всю Англию, потеряв несколько тысяч человек убитыми. Ядерное оружие и кибервойна, напротив, причиняют огромный ущерб, но не приносят существенной выгоды. Этими средствами можно уничтожить целые страны, но не построить прибыльную империю.

Поэтому в мире, где страны всё чаще бряцают оружием, а атмосфера становится всё более напряжённой, лучшей гарантией безопасности, вероятно, служит тот факт, что у великих держав нет недавних примеров успешных войн. Если Чингисхан или Юлий Цезарь не задумываясь вторгались в соседнюю страну, то сегодняшние националистические лидеры — Эрдоган, Моди и Нетаньяху — делают громкие заявления, но опасаются развязывать войну. Конечно, если кто-то найдёт формулу успешной войны в условиях двадцать первого века, то путь в ад будет открыт. Вот почему успех России в Крыму не предвещает ничего хорошего. Будем надеяться, что этот успех так и останется исключением.

Парад глупости

Увы, даже если в двадцать первом веке война будет неприбыльным бизнесом, это не даст нам абсолютных гарантий мира. Не следует недооценивать человеческую глупость. Люди склонны к самоубийственным действиям — как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Вероятно, в 1939 году для стран гитлеровской коалиции война была контрпродуктивным шагом — но это не спасло мир. Одна из удивительных особенностей Второй мировой войны заключается в том, что после неё проигравшие страны стали преуспевать так, как никогда прежде. Через двадцать лет после полного разгрома их армий и развала империй немцы, итальянцы и японцы достигли беспрецедентного уровня благосостояния. Зачем же они начинали войну? Зачем принесли смерть и разрушения миллионам людей? Это был глупый просчёт. В 1930-е годы японские генералы, адмиралы, экономисты и журналисты сошлись во мнении, что без контроля над Кореей, Маньчжурией и побережьем Китая Япония обречена на экономическую стагнацию[151]. Все они ошибались. На самом деле японское экономическое чудо началось только после того, как Япония потеряла все свои колонии на материке.

Человеческая глупость — один из самых мощных двигателей истории, но мы часто её не учитываем. Политики, генералы и учёные относятся к миру как к шахматной игре, где каждому ходу предшествуют рациональные расчёты. Это верно, но только отчасти.

Лишь немногие исторические лидеры были в прямом смысле безумцами, случайным образом передвигавшими слонов и пешек. У каждого хода, сделанного генералом Тодзио, Саддамом Хусейном и Ким Чен Иром, имелись рациональные обоснования. Но проблема в том, что мир гораздо сложнее шахматной доски и человеческая логика просто не в состоянии его объять. Поэтому даже рациональные лидеры часто совершают глупости.

Как сильно мы должны бояться мировой войны? Здесь желательно избегать двух крайностей. С одной стороны, войну ни в коем случае нельзя считать неизбежной. Мирное завершение холодной войны доказывает: когда люди принимают правильные решения, это приводит к бескровному разрешению конфликта даже между сверхдержавами. Более того, очень опасно предполагать, что мировая война неотвратима. Это может стать самосбывающимся пророчеством. Исходя из гипотезы о неизбежности войны, страны наращивают свои армии, втягиваются в порочный круг гонки вооружений, в случае конфликта отказываются идти на компромисс, а в каждом жесте доброй воли подозревают ловушку. При таком развитии событий война гарантирована.

С другой стороны, было бы наивностью считать, что война невозможна. Никакой бог и никакие законы природы не могут защитить нас от человеческой глупости — даже если это приведёт к всеобщей катастрофе.

Одно из возможных лекарств от человеческой глупости — это разумная доза скромности. Национальные, религиозные и культурные противоречия усугубляются убеждением каждого отдельного индивида, что его народ, его религия и его культура лучшие в мире — а потому его интересы выше интересов других людей и всего человечества в целом. Но как привить народам, религиям и культурам чуть более реалистичный и скромный взгляд на их истинное положение в мире?

12
Скромность

Вы не пуп земли

Большинство людей склонны считать себя центром мироздания, а свою культуру — краеугольным камнем человеческой истории. Многие греки убеждены, что история человечества началась с Гомера, Софокла и Платона и что все главные идеи и изобретения появились в Афинах, Спарте, Александрии и Константинополе. Китайские националисты возразят, что на самом деле история началась с Жёлтого императора и династий Ся и Шан, а все достижения европейцев, мусульман и индусов — всего лишь бледные копии оригинальных китайских изобретений.

Индийские нативисты отвергнут китайские претензии и скажут, что даже самолёт и ядерную бомбу изобрели мудрецы с Индостана — задолго до Конфуция или Платона, не говоря уже об Эйнштейне и братьях Райт. Например, знаете ли вы, что ракеты и аэропланы изобрёл Махариши Бхарадваджа, что Вишвамитра не только изобрёл, но и применял реактивные снаряды, что отцом атомной теории был Ачарья Канада, а в Махабхарате есть точное описание ядерного оружия?[152]

Правоверные мусульмане считают, что вся история до пророка Мухаммеда не имеет особого значения, а вся история после появления Корана вращается вокруг исламской уммы. Исключением здесь станут, пожалуй, турецкие, иранские и египетские националисты, утверждающие, что ещё до пророка Мухаммеда их народ породил все достижения человечества, а после появления Корана именно они сохраняли чистоту ислама и распространяли его влияние.

Нет нужды говорить, что британцы, французы, немцы, американцы, русские, японцы и многие другие точно так же убеждены, что человечество пребывало бы в варварском состоянии и нравственном невежестве, если бы не выдающиеся достижения их народа. Некоторые идут ещё дальше, воображая, что их политическим институтам и религиозным практикам подчиняются даже законы

физики. Ацтеки, например, твёрдо верили, что без их ежегодных жертвоприношений солнце не взойдёт, а вселенная распадётся.

Всё это ложные притязания. В них упрямое отрицание истории сочетается с немалой дозой расизма. Когда люди расселялись по миру, одомашнивали растения и животных, строили первые города, изобретали письменность и деньги, не существовало ни современных религий, ни современных народов. Мораль, искусство, духовность и творчество — это универсальные человеческие способности, которые заложены у нас в ДНК. Их истоки следует искать в Африке каменного века. Поэтому было бы откровенным эгоизмом связывать их с другими регионами и эпохами — будь то Китай при Жёлтом императоре, Греция времён Платона или Аравия в период жизни пророка Мухаммеда.

Лично я хорошо знаком с таким самомнением, потому что мой народ, евреи, тоже считает, что он важнее всех в мире. Назовите любое человеческое изобретение или достижение — и евреи тут же присвоят его себе. Зная их близко, я не сомневаюсь, что они искренне убеждены в своей правоте. Однажды я записался на курсы йоги в Израиле, и на первом занятии преподаватель со всей серьёзностью утверждал, что йогу изобрёл Авраам, а все основные позы повторяют формы букв еврейского алфавита! (Так, поза триконасана имитирует букву алеф, туладандасана — букву далет и так далее.) Авраам обучил этим позам сына одной из своих наложниц, который отправился в Индию и познакомил с йогой индусов. Когда я поинтересовался доказательствами, преподаватель процитировал Библию: «Сыновьям наложниц он ещё при жизни дал подарки и отослал их от своего сына Исаака на восток, в восточную землю» (Книга Бытия 25:6). Ну какие же ещё это могли быть подарки? Вот видите, даже йогу придумали евреи.

Конечно, утверждение о том, что Авраам изобрёл йогу, — это крайность. Но главное течение иудаизма вполне серьёзно настаивает на том, что космос существует только для того, чтобы еврейские раввины могли изучать священные тексты, а если евреи прекратят эту практику, вселенной придёт конец. Китай, Индия, Австралия и даже далёкие галактики будут уничтожены, если раввины в Иерусалиме и Бруклине перестанут обсуждать Талмуд. Это главный догмат веры ортодоксальных иудеев, и всякий, кто решит в нём усомниться, —

невежественный глупец. Нерелигиозные евреи выражают по поводу этого громкого заявления некоторый скепсис, но и они считают еврейский народ главным действующим лицом истории и источником человеческой нравственности, духовности и знания.

Немногочисленность моего народа и его скромное влияние на историю с лихвой компенсируется его нахальством. А поскольку критиковать иностранцев считается невежливым, я буду критиковать свой народ и использовать иудаизм как пример смехотворности напыщенных нарративов подобного рода. Читатели в разных странах мира пусть сами проткнут мыльные пузыри, надутые их народами.

Мать Фрейда

Моя книга «Sapiens. Краткая история человечества» изначально была написана на иврите, для израильтян. После выхода первого издания в 2011 году израильские читатели чаще всего спрашивали меня, почему в рассказе об истории человеческого рода я почти не упоминаю иудаизм. Почему я много внимания уделяю христианству, исламу и буддизму, а еврейский народ и его религия удостоились лишь нескольких слов? Неужели я намеренно игнорировал огромный вклад евреев в историю человечества? Может быть, я преследую некие зловещие политические цели?

Такие вопросы естественны для израильских евреев, которым с детского сада внушают, что иудаизм — путеводная звезда в истории человечества. После 12 лет обучения в школе израильские дети, как правило, не имеют ясного представления о мировых исторических процессах. Им почти ничего не рассказывают о Китае, Индии или Африке, и, хотя они знакомятся с историей Римской империи, Французской революции и Второй мировой войне, разрозненные фрагменты пазла не соединяются в единый нарратив. Единственная связная история, которую предлагает израильская система образования, начинается с Ветхого Завета, продолжается периодом Второго храма, кратко описывает еврейские общины диаспоры и заканчивается расцветом сионизма, холокостом и образованием государства Израиль. Большинство учеников заканчивают школу в убеждении, что это и есть основная сюжетная линия всей истории человечества. Даже когда школьникам рассказывают о Римской

империи или Французской революции, обсуждение темы в классе, как правило, строится вокруг отношения римлян к евреям или юридического и политического статуса евреев во Французской республике. Люди, которых держали на такой исторической диете, не готовы усвоить идею, что влияние иудаизма на мир в целом относительно невелико.

В действительности иудаизм играл весьма скромную роль в истории нашего вида. В отличие от универсальных религий, таких как христианство, ислам и буддизм, иудаизм всегда был этническим вероучением. Он сфокусирован на судьбе одного немногочисленного народа и одного крошечного уголка земли и не проявляет интереса к другим народам и странам. Ему безразличны, например, события в Японии или народы Индостана. Поэтому не стоит удивляться его ограниченной роли в истории человечества.

Несомненно, именно иудаизм породил христианство и повлиял на рождение ислама — двух главных религий в истории. Тем не менее основные заслуги христианства и ислама (как и вина за их многочисленные преступления) принадлежат самим христианам и мусульманам, а не евреям. Несправедливо винить иудаизм в массовых убийствах во время Крестовых походов (вина за них полностью лежит на христианах), и точно так же нет никаких оснований приписывать иудаизму важную христианскую идею, что все человеческие существа равны перед Богом (эта идея прямо противоречит ортодоксальному иудаизму, который даже сегодня строится на том, что евреи изначально превосходят все прочие народы).

Роль иудаизма в истории человечества можно сравнить с ролью матери Фрейда в новейшей истории Запада. Хорошо это или плохо, но Зигмунд Фрейд оказал огромное влияние на науку, культуру, искусство и народную мудрость современного Запада. Не подлежит сомнению, что без матери Фрейда не было бы самого Фрейда, а его личность, стремления и мировоззрение, по всей видимости, в значительной степени сформировались под влиянием взаимоотношений с матерью — он бы первым это подтвердил. Но при составлении новейшей истории Запада никто не станет посвящать целую главу матери Фрейда. Да, без иудаизма не было бы христианства, но эта заслуга не делает иудаизм более влиятельным в контексте истории всего мира.

Главный вопрос заключается в том, как христианство воспользовалось наследием своей еврейской матери.

Совершенно очевидно, что евреи — уникальный народ с удивительной историей (хотя это утверждение справедливо для большинства народов). Не менее очевидно, что еврейская традиция изобилует глубокими прозрениями и благородными ценностями (наряду с сомнительными идеями, а также расистскими, женоненавистническими и гомофобными предрассудками). Не подлежит сомнению, что в последние 2000 лет вклад еврейского народа в историю был непропорционально велик по отношению к его численности. Но если взглянуть на всю историю нашего вида с момента появления *Homo sapiens* более 100 000 лет назад, станет понятно, что вклад евреев в историю совсем невелик. Люди расселились по планете, освоили сельское хозяйство, построили первые города, изобрели письменность и деньги за тысячи лет до появления иудаизма.

С точки зрения китайцев или американских индейцев, еврейский народ не внёс существенного вклада в историю даже за последние два тысячелетия — разве что через христиан и мусульман. Так, еврейский Ветхий Завет стал краеугольным камнем глобальной человеческой культуры, поскольку был принят христианством и включён в Библию. А Талмуд, который для еврейской культуры гораздо значимее Ветхого Завета, был отвергнут христианством и остался малоизвестным текстом, о котором почти ничего не знают арабы, поляки и голландцы, не говоря уже о японцах и майя. (И очень жаль, ведь Талмуд — куда более глубокая и гуманистическая книга, чем Ветхий Завет.)

Можете ли вы назвать великие произведения искусства, вдохновлённые Ветхим Заветом? Легко: «Давид» Микеланджело, «Набукко» Верди, «Десять заповедей» Сесила Демилля. А знаменитые работы, вдохновлённые Новым Заветом? Нет ничего проще: «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи, «Страсти по Матфею» Баха, «Житие Брайана» комик-группы «Монти Пайтон». Теперь задача посложнее: назовите несколько шедевров, вдохновлённых Талмудом.

Хотя еврейские общины, изучающие Талмуд, разбросаны по всему миру, они не играли существенной роли в формировании китайских империй, в организации европейских экспедиций эпохи Великих географических открытий, в построении демократических

систем или в развитии промышленной революции. Деньги, университеты, парламент, банк, компас, печатный станок, паровая машина — всё это изобрели не евреи.

Этика до Библии

Израильтяне часто используют термин «три великие религии», подразумевая под ними христианство (2,3 миллиарда верующих), ислам (1,8 миллиарда) и иудаизм (15 миллионов). Индуизм с миллиардом верующих и буддизм с 500 миллионами последователей — не говоря уже о синтоизме (50 миллионов) и сикхизме (25 миллионов) — не в счёт[153]. Это неверное представление о «трёх великих религиях» предполагает, что все главные религии и этические традиции вышли из лона иудаизма, который был первой религией, проповедовавшей универсальные этические нормы. Как будто люди до Авраама и Моисея жили в гоббсовском «естественном состоянии», без каких-либо моральных обязательств, а вся современная мораль уходит корнями в десять заповедей. Это необоснованное и высокомерное утверждение, пренебрегающее многими чрезвычайно важными этическими традициями мира.

В каменном веке, за десятки тысяч лет до Авраама, у охотников и собирателей уже был моральный кодекс. Когда в конце восемнадцатого века первые европейские поселенцы добрались до Австралии, они обнаружили у аборигенов развитую этическую систему — несмотря на то, что те ничего не знали о Моисее, Иисусе и Мухаммеде. Едва ли справедливо утверждение, что колонисты-христиане, безжалостно обиравшие местное население, обладали более высокой моралью.

Сегодня учёные отмечают, что мораль имеет глубокую эволюционную природу и что она на миллионы лет старше человечества. Все социальные млекопитающие — например, волки, дельфины и обезьяны — имеют этический кодекс, сформированный в процессе эволюции и призванный обеспечить групповое сотрудничество[154]. Например, когда волчата играют друг с другом, они соблюдают правила «честной игры». Если щенок кусается слишком сильно или продолжает кусаться после того, как противник перевернулся на спину, признав себя побеждённым, остальные волчата перестают с ним играть[155].

В стае шимпанзе доминантные самцы и самки обязаны уважать права собственности более слабых. Если самка, стоящая на низших ступенях иерархии, находит банан, даже альфа-самец обычно его не отбирает. Нарушив правила, он, скорее всего, лишится статуса[156]. Обезьяны не только не притесняют более слабых членов группы, но порой активно им помогают. Самец карликового шимпанзе по кличке Кидого, живший в зоопарке округа Милуоки, страдал от тяжёлого сердечного заболевания и поэтому был слабым и неуклюжим. Попав в зоопарк, он был дезориентирован и не мог понять, чего от него хотят люди, которые за ним ухаживают. Увидев растерянность Кидого, другие обезьяны стали ему помогать. Они часто брали его за руку и вели куда нужно. Если Кидого попадал в трудную ситуацию, он громко и жалобно кричал — и кто-то из сородичей обязательно спешил к нему на помощь.

Одним из главных опекунов Кидого стал самец по кличке Лоди, занимавший высокое положение в стае; он не только сопровождал Кидого, но и защищал его. Почти все члены стаи были доброжелательны по отношению к Кидого — кроме молодого самца Мерфа, который безжалостно его третировал. В таких ситуациях Лоди часто отгонял забияку или обнимал Кидого, защищая его[157].

Ещё более трогательный случай произошёл в джунглях Кот-д’Ивуара. Детёныш шимпанзе по кличке Оскар лишился матери, и ему пришлось выживать в одиночку. Никто из других самок не желал усыновлять малыша, поскольку им приходилось заботиться о своих детёнышах. Оскар похудел, его силы были на исходе. Казалось, что печальный конец неминуем, но тут его «усыновил» альфа-самец стаи, Фредди. Альфа-самец следил за тем, чтобы Оскар ел досыта, и даже носил его на спине. Генетический тест показал, что Оскар не был сыном Фредди[158]. Можно лишь догадываться, что заставило сурового старого вожака заботиться об осиротевшем малыше, но, по всей видимости, человекообразные обезьяны брали под защиту слабых, нуждающихся и осиротевших членов группы за миллионы лет до того, как Библия учила народ древнего Израиля: «Ни вдовы, ни сироты не притесняйте» (Книга Исход 22:21), а пророк Амос осуждал облечённых властью: «…вы, притесняющие бедных, угнетающие нищих» (Книга пророка Амоса 4:1).

Даже среди *Homo sapiens*, в древности живших на Ближнем Востоке, библейские пророки не были оригинальны в своих взглядах. Заповеди «не убий» и «не укради» присутствовали в правовых и этических кодексах шумерских городов-государств, Египта эпохи фараонов и Вавилонской империи. Еврейской субботе предшествовали периодические дни отдыха. За тысячу лет до того, как пророк Амос осуждал элиту израильтян за притеснение бедных, вавилонский царь Хаммурапи объяснял, что великие боги избрали его «для водворения в стране справедливости и истребления беззаконных и злых, чтобы сильный не притеснял слабого»[159].

А в Египте за несколько столетий до рождения Моисея писцы сочинили «Повесть о красноречивом крестьянине», рассказывающую о бедном крестьянине, собственность которого отобрал жадный землевладелец. Крестьянин обратился к продажным чиновникам, а не найдя у них поддержки, стал объяснять им, что те обязаны вершить справедливость — в частности, защищать бедных от богачей. Этот египетский крестьянин прибег к яркой аллегории, сравнив скудное имущество бедняка с дыханием: коррумпированные чиновники душат бедняков, затыкая им ноздри[160].

Многие библейские законы копируют нормы, которые были распространены в Месопотамии, Египте и Ханаане за несколько столетий и даже тысячелетий до основания Иудейского и Израильского царств. Если библейский иудаизм и придал им особый характер, то лишь потому, что превратил из универсальных норм, применимых ко всем людям, в этнический кодекс, предназначенный в основном для еврейского народа. Еврейская мораль изначально формировалась как исключительная, внутриплеменная — и в некоторой степени остаётся такой и сегодня. Основываясь на Ветхом Завете и Талмуде, многие раввины (хотя и не все) утверждают, что жизнь еврея ценнее жизни нееврея, и поэтому, например, евреям позволено нарушать святость субботы, чтобы спасти жизнь еврею, но запрещено делать то же самое ради спасения нееврея (Вавилонский Талмуд, Йома 84:2)[161].

Некоторые еврейские мудрецы утверждали, что даже знаменитая заповедь «возлюби ближнего своего, как самого себя» относится только к евреям и что не существует заповедей о любви к неевреям. И действительно, в книге Левит сказано: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя»

(Книга Левит 19:18). Возникает подозрение, что слово «ближний» относится только к «сынам народа твоего». Это подозрение серьёзно подкрепляется тем фактом, что Библия предписывает евреям уничтожить некоторые народы, например амаликитян и хананеев. «… Не оставляй в живых ни одной души, — требует священная книга, — но предай их заклятию: Хеттеев и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, [и Гергесеев,] как повелел тебе Господь Бог твой» (Второзаконие 20: 16–17). Это одно из первых в истории человечества письменных свидетельств того, что геноцид представлен как религиозный долг.

Христиане взяли некоторые фрагменты морального кодекса евреев, превратили их в универсальные заповеди и распространили по всему миру. Христианство откололось от иудаизма именно по этой причине. Если многие евреи до сих пор верят, что их так называемый «избранный народ» ближе к Богу, чем остальные, то основатель христианства апостол Павел в знаменитом послании к галатам утверждает: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Послание к галатам 3:28).

Следует ещё раз подчеркнуть: несмотря на огромное влияние христианства, это был не первый случай в истории, когда люди провозглашали универсальную этику. Библия не единственный источник человеческой морали (и это очень хорошо, учитывая множество расистских, женоненавистнических и гомофобных взглядов, которые в ней высказываются). Конфуций, Лао-цзы, Будда и Махавира — все они сформулировали этические кодексы задолго до Павла и Иисуса, ничего не зная о земле Ханаан и пророках Израиля. Конфуций учил, что человек должен любить других, как самого себя, за 500 лет до того, как рабби Гиллель Старший провозгласил этот принцип сутью Торы. А в те времена, когда иудаизм ещё предписывал приносить в жертву животных и систематически уничтожать целые народы, Будда и Махавира уже призывали своих последователей не причинять вреда не только людям, но и всем живым существам, включая насекомых. Так что нет никаких оснований приписывать создание человеческой морали иудаизму и его отпрыскам — христианству и исламу.

Рождение нетерпимости

А как насчёт монотеизма? Не заслуживает ли иудаизм отдельной похвалы за то, что стал первой религией, предполагавшей веру в единого Бога (даже если эта вера впоследствии была распространена по всей земле не евреями, а христианами и мусульманами)? Даже в этом есть сомнения, поскольку первые явные свидетельства существования монотеизма — в частности, религиозная революция фараона Эхнатона около 1350 года до н. э. и такие документы, как «стела Меши» (установленная моавитским царём Мешей), — указывают, что религия библейского Израиля ничем не отличалась от религии соседних царств, например Моавитского. Меша описывает своего великого бога Кемоша практически так же, как в Ветхом Завете описан Иегова. Но главная проблема гипотезы, что иудаизм способствовал распространению монотеизма, заключается в том, что здесь особенно нечем гордиться. С точки зрения этики монотеизм, вероятно, был одной из худших идей в истории человечества.

Монотеизм почти ничего не сделал для улучшения нравственности людей. Вы правда считаете, что мусульмане по определению более нравственны, чем индуисты, просто потому, что мусульмане верят в единого бога, а индуисты во многих богов? А этические нормы христианских конкистадоров выше этических норм коренных народов Америки? Если что и не подлежит сомнению, так это факт, что монотеизм сделал многих людей гораздо более нетерпимыми, чем прежде, тем самым поспособствовав распространению священных войн и преследований по религиозному признаку. Политеисты считали абсолютно нормальным, что разные люди поклоняются разным богам и исполняют разные обряды и ритуалы. Они редко (если вообще такое было) преследовали или убивали людей просто за их религиозные убеждения. Монотеисты, напротив, считали своего Бога единственным, а потому требующим всеобщего поклонения. Следовательно, по мере распространения христианства и ислама по миру их сопровождали Крестовые походы, джихад, инквизиция и религиозная дискриминация[162].

Сравните, например, точку зрения индийского императора Ашоки в третьем веке до нашей эры со взглядами христианских императоров на закате Римской империи. На подвластных Ашоке землях было

бесчисленное множество религий, сект и гуру. Он присвоил себе официальный титул «Угодный богам» и «Тот, кто относится ко всем с любовью». Приблизительно в 250 году до нашей эры он издал эдикт, посвящённый толерантности, в котором провозглашал:

Царь Пиядаси Угодный Богам почитает последователей всех вероучений, как членов монашеских общин, так и мирян-домохозяев… печётся… о продвижении последователей каждой веры на пути своего учения. Многообразно это продвижение, однако в основе его — контроль над речью, дабы не было ни восхваления своей веры, ни хулы чужой веры в неподобающих случаях… Ведь всякий, кто, почитая свою веру или хуля другую из-за приверженности к своей вере, думает: «Представлю её в лучшем свете!» — на самом деле ещё более вредит своей вере. Хорошо [людям] сходиться вместе, чтобы они могли друг от друга слушать дхарму и следовать ей. Ибо таково желание Угодного Богам, чтобы последователи всех вер были хорошо осведомлены о дхарме и склонны к [совершению] благих дел[163].

Пятьсот лет спустя Римская империя отличалась не меньшим разнообразием, чем Индия при Ашоке, но, когда в ней победило христианство, императоры стали совершенно иначе относиться к религии. Начиная с Константина Великого и его сына Константина II, римские императоры закрыли все храмы других религий и под страхом смерти запретили так называемые «языческие ритуалы». Преследования достигли апогея при императоре Феодосии (чьё имя означает «данный Богом»), который в 391 году издал эдикт, фактически поставивший вне закона все религии, за исключением христианства и иудаизма (иудеев всячески притесняли, но они не считались преступниками)[164]. По новым законам человека можно было казнить даже за то, что он молился Юпитеру или Митре в уединении собственного дома[165]. В ходе кампании по очистке империи от языческого наследия были отменены Олимпийские игры. Последняя Олимпиада древности — спортивные состязания, прославлявшиеся больше тысячи лет, — была проведена в конце четвёртого или в начале пятого века[166].

Конечно, не все правители, исповедовавшие монотеизм, были такими же нетерпимыми, как Феодосий, а многие, как Ашока, отвергали монотеизм, не разделяя его широты взглядов. Тем не менее монотеистическая идея о том, что «нет никаких богов, кроме нашего

Бога» поощряла нетерпимость. Впоследствии иудеи постараются приуменьшить свой вклад в распространение этой опасной концепции, переложив вину на христиан и мусульман, — и не без успеха.

Еврейская физика, христианская биология

Только в девятнадцатом и двадцатом веках евреи действительно внесли выдающийся вклад в развитие всего человечества — благодаря своей непропорционально большой роли в современной науке. Речь не только о таких гениях, как Эйнштейн и Фрейд; около 20 % всех нобелевских лауреатов в области науки были евреями, хотя доля евреев в мировом населении не превышает 0,2 %[167]. Однако следует подчеркнуть, что это вклад отдельных людей, а не иудаизма как религии или культуры. В последние 200 лет большинство ведущих еврейских учёных работали за пределами религиозной сферы иудаизма. Более того — евреи стали вносить неоценимый вклад в науку только после того, как перешли из иешив в лаборатории.

До 1800 года влияние евреев на развитие науки было незначительным. Естественно, евреи не играли существенной роли в прогрессе науки в Китае, Индии или в цивилизации майя. В Европе и на Ближнем Востоке некоторые еврейские мыслители, например Маймонид, оказали значительное влияние на своих христианских и мусульманских коллег, но в целом вклад евреев был более или менее пропорционален их демографической доле. В шестнадцатом, семнадцатом и восемнадцатом веках иудаизм едва ли мог дать толчок началу научной революции. За исключением Спинозы (который был изгнан еврейской общиной), вы вряд ли вспомните хоть одного еврея, который внёс решающий вклад в зарождение современной физики, химии, биологии или общественных наук. Мы не знаем, чем занимались предки Эйнштейна в эпоху Галилея и Ньютона, но скорее всего, они больше интересовались изучением Талмуда, чем природой света.

Серьёзные перемены начались только в девятнадцатом и двадцатом веках, когда секуляризация и еврейское Просвещение побудили многих евреев перенять взгляды и образ жизни соседей. Евреи стали поступать в университеты и исследовательские центры в Германии, Франции, США. Из гетто и местечек еврейские учёные

принесли с собой ценное культурное наследие. В еврейской культуре образование считалось одной из главных ценностей, и эта особенность была основной причиной необычайных успехов еврейских учёных. Среди других факторов — желание преследуемого меньшинства доказать свою полезность, а также барьеры, не дававшие талантливым евреям делать карьеру в сферах, в большей степени заражённых антисемитизмом: в армии и на государственной службе.

Еврейские учёные принесли из иешив строгую дисциплину и глубокую веру в ценность знаний, но у них не было никакого полезного багажа идей и догадок. Эйнштейн был евреем, но теория относительности не была «еврейской физикой». Какое отношение вера в святость Торы имеет к открытию того, что энергия равна произведению массы на квадрат скорости света? Для сравнения: Дарвин был христианином и даже учился в Кембридже на богословском факультете, собираясь стать англиканским священником. Но значит ли это, что теория эволюции — христианская теория? Абсурдно считать теорию относительности вкладом еврейского народа в развитие человечества — точно так же, как ставить теорию эволюции в заслугу христианству.

Так же трудно увидеть что-то характерное для евреев в изобретении процесса синтеза аммиака Фрицем Габером (Нобелевская премия по химии за 1918 год), в открытии антибиотика стрептомицина Зельманом Ваксманом (Нобелевская премия по физиологии и медицине за 1952 год) или в открытии квазикристаллов Дэном Шехтманом (Нобелевская премия по химии за 2011 год). Что касается учёных в области гуманитарных и общественных наук (таких, как Фрейд), то еврейское наследие, возможно, оказало более глубокое влияние на их идеи. Но даже в этих случаях отход от традиций гораздо заметнее сохранившихся связей. Взгляды Фрейда на психику человека коренным образом отличались от взглядов рабби Йосефа Каро или рабби Иоханана бен Заккая, и эдипов комплекс учёный открыл вовсе не в результате тщательного следования кодексу еврейских законов «Шулхан арух».

Подведём итог. То значение, которое придавалось образованию, вероятно, во многом обусловило небывалые успехи еврейских учёных, но основу достижений Эйнштейна, Габера и Фрейда заложили мыслители из числа нееврев. Научная революция не была еврейским

проектом, и евреи нашли в ней своё место лишь после того, как перебрались из иешив в университеты. Более того: еврейская привычка искать ответы на все вопросы в древних текстах была серьёзным препятствием для интеграции евреев в мир современной науки, где ответы принято получать путём наблюдений и экспериментов. Если в иудаизме есть нечто такое, что способствует научным прорывам, то почему в период с 1905 по 1933 год десять нерелигиозных немецких евреев были награждены Нобелевскими премиями по химии, медицине и физике, но за этот же период Нобелевскую премию не получил ни один ультраортодоксальный иудей или еврей из Болгарии или Йемена?

Чтобы отмести подозрения в антисемитизме или ненависти к собственному народу, подчеркну: я не утверждаю, что иудаизм — какая-то особенно аморальная или мракобесная религия. Я лишь говорю, что она не сыграла большой роли в истории человечества. На протяжении многих столетий иудаизм был скромной религией немногочисленного преследуемого меньшинства, которое предпочитало читать и размышлять, а не завоёвывать дальние страны и сжигать еретиков на костре.

Антисемиты обычно преувеличивают роль евреев. Антисемиты считают, что евреи управляют миром, банковской системой или, по меньшей мере, средствами массовой информации и что именно евреи виноваты во всех бедах, от глобального потепления до терактов 11 сентября 2001 года. Антисемитская паранойя так же нелепа, как еврейская мания величия. Конечно, евреи — очень интересный народ, но если вы посмотрите на общую картину, то поймёте, что их влияние на мир было довольно скромным.

За свою историю человечество создало сотни религий и сект. Но лишь немногие — христианство, ислам, индуизм, конфуцианство и буддизм — повлияли на жизни миллиардов людей (не всегда к лучшему). Подавляющее большинство — например, религия бон, религия народа йоруба и иудаизм — оставили куда меньший след в истории. Лично мне нравится, что я происхожу не от брутальных завоевателей мира, а от ничем не примечательных людей, которые редко совали свой нос в чужие дела. Многие религии уделяют особое внимание скромности — а затем изображают себя самыми важными персонами во вселенной. Призывы к личному смирению они

соединяют с откровенным коллективным высокомерием. Люди любой веры поступят правильно, если будут серьёзнее относиться к скромности.

А среди всех видов скромности, вероятно, самая важная — скромность перед Богом. Говоря о Боге, люди слишком часто выражают готовность к покорности и смирению, а затем используют имя Бога для подчинения своих собратьев.

13
Бог

Не произноси имени Господа всуе

Существует ли Бог? Ответ зависит от того, какого Бога вы имеете в виду. Тайну вселенной или житейского законодателя? Иногда, рассуждая о Боге, люди имеют в виду великую и ужасную тайну, о которой мы абсолютно ничего не знаем. Мы обращаемся к этому таинственному Богу, чтобы объяснить главные загадки космоса. Почему вообще существует вселенная? Что определяет фундаментальные законы физики? Что такое сознание и откуда оно берётся? Мы не знаем ответов на эти вопросы и называем своё невежество великим именем «Бог». Главная особенность этого таинственного Бога заключается в том, что о нём нельзя сказать ничего конкретного. Это Бог философов, Бог, о котором мы рассуждаем, когда сидим ночью у костра в лесу и пытаемся понять, в чём смысл жизни.

В других случаях люди представляют Бога как строгого житейского законодателя, с которым мы очень хорошо знакомы. Мы точно знаем, что он думает о моде, еде, сексе и политике, и мы обращаемся к разгневанному существу на небесах, чтобы оправдать миллион законов, указов и конфликтов. Он недоволен, когда женщины носят блузки с короткими рукавами, когда двое мужчин занимаются сексом друг с другом или когда подростки мастурбируют. Некоторые утверждают, что ему не нравится, когда мы пьём алкоголь, тогда как по мнению других он требует, чтобы мы пили вино в пятницу вечером или в воскресенье утром. Для объяснения мельчайших подробностей того, что он требует и что осуждает, написаны тысячи томов. Главная особенность этого житейского законодателя в том, что мы знаем о нём много подробностей. Это Бог крестоносцев и джихадистов, инквизиторов, женоненавистников и гомофобов. Об этом Боге мы говорим, когда собираемся вокруг костра, осыпая камнями и проклятиями еретиков, которых на нём сжигают.

Когда верующих людей спрашивают, существует ли Бог, они часто начинают рассуждать о загадках и тайнах вселенной и границах

человеческого знания. «Наука не в состоянии объяснить Большой взрыв, — восклицают они. — Значит, за ним должен стоять Бог». Но точно так же, как фокусник обманывает публику, незаметно подменяя одну карту другой, верующие быстро заменяют тайну космоса житейским законодателем. Присвоив имя «Бог» неразгаданным тайнам вселенной они используют это имя для осуждения бикини и разводов. «Мы не понимаем, что такое Большой взрыв, и поэтому вы должны покрывать голову, выходя из дома, и голосовать против однополых браков». Здесь нет никакой логической связи — более того, эти заявления противоречат друг другу. Чем глубже тайны вселенной, тем меньше вероятность, что тому, кто за них отвечает, есть дело до женской одежды или сексуального поведения людей.

Недостающая связь между космической тайной и житейским законодателем обычно устанавливается с помощью какой-нибудь священной книги. Такая книга изобилует малозначительными нормами и правилами, но в то же время её создание приписывается космической тайне. Её автор предположительно творец пространства и времени, однако он почему-то решил познакомить нас в основном с некоторыми тайными храмовыми обрядами и пищевыми запретами. На самом деле у нас нет никаких доказательств, что Библия, Коран, Книга Мормона, Веды или любой другой священный текст были написаны силой, которая определила, что энергия равняется массе, умноженной на квадрат скорости света, и что протон в 1837 раз тяжелее электрона. Насколько нам известно, все эти священные тексты были написаны *Homo sapiens*, обладающим богатым воображением. Это просто истории, придуманные нашими предками, чтобы узаконить социальные нормы и политические структуры.

Лично я не перестаю удивляться загадке существования. Но я никогда не понимал, какое отношение она имеет к мелочным законам иудаизма, христианства или индуизма. Эти законы, вне всякого сомнения, на протяжении нескольких тысяч лет были очень полезны для установления и поддержания порядка в обществе. Но в этом отношении у них нет фундаментальных отличий от законов, устанавливаемых светскими государствами и институтами.

Третья библейская заповедь призывает людей не злоупотреблять именем Бога. Многие понимают это по-детски, как запрет произносить имя Бога (как в знаменитой сцене из «Монти Пайтона» — «Если ты

скажешь Иегова…»). Возможно, более глубокий смысл этой заповеди в том, что мы не должны оправдывать именем Бога наши политические интересы, экономические амбиции или личную неприязнь. Люди ненавидят кого-нибудь и говорят: «Бог его ненавидит»; люди хотят завладеть участком земли и говорят: «Этого желает Бог». Мир был бы гораздо лучше, если бы мы строго соблюдали третью заповедь. Хотите пойти войной на соседей, чтобы захватить их землю? Оставьте Бога в покое и найдите какой-нибудь другой предлог.

В конечном счёте это вопрос семантики. Когда я использую слово «Бог», то думаю о Боге «Исламского государства», Крестовых походов, инквизиции и плакатов «Бог ненавидит педиков». Когда же речь идёт о тайне существования вселенной, я предпочитаю использовать другие слова, чтобы избежать путаницы. И в отличие от Бога «Исламского государства» и крестоносцев, чрезвычайно озабоченного именами и прежде всего своим священным именем, тайне существования вселенной абсолютно всё равно, как мы, обезьяны, её называем.

Безбожная этика

Конечно, тайна космоса не поможет нам поддерживать порядок в обществе. Люди часто утверждают, что мы должны верить в Бога, который дал нам такие законы; в противном случае мораль исчезнет и общество погрузится в первобытный хаос.

Несомненно, вера в богов была жизненно необходима разным сообществам и иногда давала положительный эффект. Одна и та же религия может возбуждать в одних людях ненависть и нетерпимость, а у других вызывать любовь и сострадание. Например, в начале 1960-х методистский священник, преподобный Тед Макилвенна, обратил внимание на тяжёлое положение геев и лесбиянок в своей общине. Он занялся изучением положения ЛГБТ-сообщества в целом и в мае 1964 года организовал первый трёхдневный диалог между священниками и активистами ЛГБТ в Белом мемориальном ретрит-центре в Калифорнии. Участники диалога впоследствии основали Совет по религии и гомосексуализму (CRH), в который, помимо активистов ЛГБТ, вошли священники методистской, епископальной и лютеранской церквей, а также Объединённой церкви Христа. Это была

первая американская организация, осмелившаяся использовать слово «гомосексуализм» в официальном названии.

В последующие годы CRH вёл самую разнообразную деятельность, от проведения костюмированных балов до подачи судебных исков против дискриминации и преследований геев. Совет стал основой движения за права геев в Калифорнии. Преподобный Макилвенна и примкнувшие к нему религиозные лидеры прекрасно знали, что Библия осуждает гомосексуализм. Но они считали, что истинное христианское сострадание важнее строгих библейских запретов[168].

И хотя боги могут будить в нас сострадание, религиозность не является обязательным условием нравственного поведения. Представление, будто мы нуждаемся в сверхъестественном существе, которое заставит нас соблюдать моральные нормы, предполагает неестественную природу нашей морали. Но почему? Мораль совершенно естественна. Все социальные млекопитающие, от шимпанзе до крыс, обладают этическим кодексом, пресекающим такие явления, как воровство и убийство. У людей мораль присутствует в любом обществе, даже если люди верят в разных богов или не верят ни в каких. Христиане проявляют милосердие, ничего не зная об индуистском пантеоне, мусульмане высоко ценят честность, отрицая при этом божественность Христа, а в светских странах, таких как Дания или Чехия, насилия не больше, чем в религиозных, например Иране или Пакистане.

Мораль не означает «соблюдение божественных заповедей». Она означает «уменьшение страданий». Поэтому для нравственного поведения нет необходимости верить в какой-либо миф или сказку. Нужно просто развить в себе чуткость к страданию. Если вы понимаете, что ваши действия причинят ненужные страдания вам или другим людям, то естественным образом постараетесь от них воздерживаться. Тем не менее люди убивают, насилуют и крадут, имея лишь поверхностное представление о страданиях, вызванных этими поступками. Они сосредоточены в первую очередь на удовлетворении своей похоти или жадности, не думая о последствиях для других — или отдалённых последствиях для себя. Даже инквизиторы, сознательно причинявшие боль жертве, обычно использовали разные

приёмы дегуманизации и понижения чувствительности, чтобы не принимать близко к сердцу то, что они творили[169].

Вы можете возразить, что каждый человек естественным образом стремится избежать страданий, но почему его должны волновать страдания других, если этого не требует какой-либо бог? Ответ довольно очевиден: если человек — общественное животное, то его благополучие в значительной степени зависит от отношений с другими людьми. Кто будет счастлив без любви, дружбы и ощущения общности? Если вы одиноки и эгоистичны, страдания вам почти гарантированы. Поэтому для счастья вам нужно по меньшей мере заботиться о семье, друзьях и членах своей общины.

А как насчёт чужаков? Почему бы не убить чужака и не забрать его имущество, обогатив и себя, и своё племя? Многие мыслители предлагали сложные социальные теории, объясняя, почему в долговременном плане такое поведение приводит к обратному результату. Вряд ли вам понравится жить в обществе, где принято грабить и убивать чужаков. И дело не только в постоянной опасности; вы будете лишены таких полезных вещей, как торговля, основу которой составляет доверие между незнакомыми людьми. Как правило, торговцы стараются держаться подальше от логова разбойников. Именно так светские теоретики, от Древнего Китая до современной Европы, обосновывали золотое правило: «Старайтесь поступать с другими так же, как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами».

На самом деле нам не нужны сложные теории отдалённых последствий, чтобы найти естественную основу универсального сострадания. На минуту забудем о торговле. Начнём с самого простого: причиняя страдания другим, я заставляю страдать самого себя. Каждое насильственное действие на земле начинается с желания насилия, возникающего в чьём-то мозгу, и это желание разрушает покой и счастье этого человека прежде, чем разрушить покой и счастье кого-то ещё. Люди редко крадут, если их сознание не переполнено жадностью и завистью. А убивают люди, как правило, под влиянием гнева и ненависти. Такие чувства, как жадность, зависть, гнев и ненависть, очень неприятны. Кипя от гнева или зависти, вы не в состоянии почувствовать радость или гармонию с окружающим

миром. Поэтому задолго до того, как вы кого-то убьёте, гнев убьёт ваше душевное спокойствие.

Разумеется, можно долгие годы кипеть от гнева, но так и не убить объект своей ненависти. В этом случае вы не причините страданий другим, но, безусловно, навредите себе. Поэтому вы естественным образом — а не по велению какого-то бога — заинтересованы побороть свой гнев. Полностью избавившись от гнева, вы почувствуете себя гораздо лучше, чем если убьёте мерзкого врага.

Некоторым справиться с гневом помогает глубокая вера в милосердного бога, который призывает нас подставить вторую щеку. Эти религиозные убеждения вносят огромный вклад в установление мира и гармонии. К сожалению, в случае с другими людьми вера лишь усиливает и оправдывает их гнев, особенно если кто-то осмеливается оскорбить их бога или не выполнить его заветов. Таким образом, ценность бога-законодателя полностью зависит от поведения его приверженцев. Пока они ведут себя достойно, пусть верят во всё, что пожелают. Точно так же ценность религиозных обрядов и священных мест зависит от чувств, которые они вызывают, и поведения, которое они предписывают. Прекрасно, если посещение храма приводит человека в состояние умиротворения и гармонии. Но зачем нужен храм, который становится источником насилия и конфликтов? Совершенно очевидно, что это дисфункциональный храм.

Один из вполне приемлемых вариантов — вообще не посещать храмы и не верить в какого-либо бога. Как показали несколько последних столетий, нам нет нужды обращаться к Богу, чтобы соблюдать нормы морали. Секуляризм даёт нам все необходимые для этого ценности.

14
Секуляризм

Признать свою тень

Что значит быть светским человеком? Иногда секуляризмом называют отрицание религии, а светских людей определяют через то, во что они не верят и чего не делают. Согласно этому определению, светские люди не верят в богов или ангелов, не посещают церкви и храмы, не исполняют религиозные обряды и ритуалы. Таким образом, светский мир выглядит лишённым смысла, нигилистичным и аморальным — пустой сосуд, ждущий, когда его чем-то наполнят.

Однако мало кто готов принять такую негативную идентичность. Сами светские люди определяют секуляризм иначе: для них это чрезвычайно позитивный и активный взгляд на мир, в основе которого лежит стройная система ценностей, общих для разных религиозных традиций. В отличие от некоторых сект, заявляющих о своей монополии на всю мудрость и добродетель, одна из главных черт светских людей — отсутствие подобных претензий. Они не считают, что мораль и мудрость посланы нам с небес в определённое время и в определённом месте. Скорее мораль и мудрость — это наследие всего человечества. Поэтому вполне логично предположить, что хотя бы некоторые ценности возникнут в разных обществах по всему миру независимо друг от друга и будут общими для мусульман, христиан, индуистов и атеистов.

Религиозные лидеры часто требуют от своих последователей однозначного выбора: либо ты, например, мусульманин, либо нет. А если ты мусульманин, то должен отвергать все остальные доктрины. Напротив, светские люди комфортно чувствуют себя в разных ролях. Что касается секуляризма, то вы можете называть себя мусульманином, молиться Аллаху, есть халяльную пищу, совершать хадж в Мекку и одновременно быть добропорядочным членом светского общества — при условии, что соблюдаете светский этический кодекс. Этот этический кодекс, который наряду с атеистами принимают миллионы мусульман, христиан и индуистов,

провозглашает такие ценности, как честность, сострадание, равенство, свобода, смелость и ответственность. Он лежит в основе современных научных и демократических институтов.

Подобно любому этическому кодексу, секулярный кодекс представляет собой не общественную реальность, а идеал, к которому нужно стремиться. Точно так же, как христианские общества и институты часто отклоняются от христианского идеала, светские общества и институты бывают далеки от светского идеала. Средневековая Франция сама себя называла христианским королевством, но многие её действия были несовместимы с христианскими принципами (вспомните об угнетении крестьян). Современная Франция считает себя светским государством, но ещё со времён Робеспьера весьма вольно трактует само понятие свободы (спросите женщин). Это не значит, что у светских людей во Франции или где-то ещё нет нравственного компаса или этических обязательств. Дело в том, что подняться до идеала не так легко.

Светский идеал

Каков же тогда светский идеал? Самая важная светская ценность — **истина**, основу которой составляют наблюдения и доказательства, а не вера. Светские люди стараются не смешивать истину с верой. Если вы глубоко верите в некую историю, это может многое сказать нам о вашей психологии, вашем детстве и о строении вашего мозга — но это не доказывает истинность истории. (Зачастую глубокая вера требуется именно в тех случаях, когда история далека от истины.)

Кроме того, светские люди не считают священными какую-либо группу, человека или книгу и не рассматривают их как единственный источник истины. Для светских людей священна сама истина, в любой её форме — в древних окаменелостях, в фотографиях далёких галактик, в статистических таблицах или в письменных памятниках разных человеческих культур. Эта преданность истине отличает современную науку, благодаря которой человечество расщепило атом, расшифровало геном, проследило эволюцию жизни и изучило собственную историю.

Другая ключевая ценность светских людей — **сострадание**. Светская этика основана не на следовании указам того или иного бога,

а на глубоком понимании страдания. Например, светские люди не убивают других не из-за запрета, содержащегося в какой-то древней книге, а потому, что убийство причиняет огромные страдания живым существам. Есть что-то подозрительное и опасное в людях, которые не убивают просто потому, что «такова воля Божья». Ими движет скорее покорность, а не сострадание. Что они будут делать, если поверят, что их бог предписывает убивать еретиков, ведьм, неверных жён или иностранцев?

Разумеется, в отсутствие неоспоримых божественных заповедей светская этика часто сталкивается со сложными дилеммами. Что делать, если некий поступок причинит вред одному человеку, но поможет другому? Этично ли облагать высокими налогами богатых, чтобы помочь бедным? А развязать кровавую войну ради устранения жестокого диктатора? Разрешить ли нашей стране принимать неограниченное количество беженцев? Сталкиваясь с подобными дилеммами, светские люди не спрашивают: «Какова воля Бога?». Они тщательно взвешивают чувства всех заинтересованных сторон, анализируют широкий диапазон наблюдений и возможностей, ищут компромиссный вариант, позволяющий минимизировать вред.

Возьмём, например, отношение к сексуальности. Как светские люди решают, одобрять или осуждать изнасилование, гомосексуализм, зоофилию и инцест? Анализируют чувства. Совершенно очевидно, что изнасилование неэтично не потому, что нарушает некую божественную заповедь, а потому, что причиняет вред людям. А вот любовные отношения между двумя мужчинами никому не вредят, и нет никакой причины их запрещать.

А как начёт зоофилии? Я участвовал во множестве частных и публичных споров о гомосексуальных браках, и периодически какой-нибудь умник спрашивал: «Если допустим брак между двумя мужчинами, почему бы не разрешить брак между мужчиной и козлом?». Для светского человека ответ очевиден. Здоровые взаимоотношения отличаются эмоциональной, интеллектуальной и духовной глубиной. Брак, в котором такой глубины нет, сделает вас несчастным, одиноким, психологически подавленным. Двое мужчин способны удовлетворить эмоциональные, интеллектуальные и духовные потребности друг друга — чего нельзя сказать об отношениях с козлом. Если вы рассматриваете брак в качестве

института, повышающего благополучие людей (а именно так относятся к браку светские люди), вам и в голову не придёт задать такой странный вопрос. Это могут сделать только люди, считающие брак неким чудотворным ритуалом.

А сексуальные отношения отца с дочерью? Что с этим не так — ведь они оба люди? Многочисленные исследования психологов показали, что подобные отношения наносят огромный и, как правило, непоправимый ущерб ребёнку. Кроме того, они отражают и усиливают деструктивные наклонности родителя. Эволюция сформировала психику сапиенсов таким образом, что романтические и родительские связи не смешиваются друг с другом. Поэтому, чтобы осудить инцест, не нужен Бог или Библия — достаточно соответствующих исследований по психологии[170].

Это и есть главная причина, по которой светские люди ценят научную истину. Она нужна не для того, чтобы просто удовлетворить своё любопытство, а для того, чтобы понять, как уменьшить уровень страданий в мире. Без ориентира, который дают научные исследования, наше сострадание зачастую слепо.

Из приверженности истине и состраданию естественным образом вытекает приверженность **равенству**. Светский человек может придерживаться самых разных взглядов на экономическое и политическое равенство, но он с большим подозрением относится ко всякой априорной иерархии. Страдание есть страдание, независимо от того, кто его испытывает, а знание остаётся знанием независимо от первооткрывателя. Превознося достижения или открытия, совершённые представителями какого-то одного народа, класса или пола, мы, скорее всего, демонстрируем бесчувственность и неблагодарность. Да, светский человек гордится уникальностью своего народа, страны и культуры — но он не путает уникальность с превосходством. Поэтому, признавая свои особые обязательства по отношению к своему народу и стране, светский человек не считает их эксклюзивными и наряду с ними признаёт свои обязательства перед всем человечеством.

Мы не можем искать истину и способы избавления от страданий без **свободы** мысли, исследований и экспериментов. Поэтому светские люди ценят свободу и стараются не наделять высшим авторитетом какой-либо текст, институт или лидера и не давать им эксклюзивного

права решать, что истинно или правильно. У людей всегда должна оставаться возможность для сомнения, перепроверки, эксперимента, знакомства с другим мнением. Светские люди восхищаются Галилео Галилеем, который осмелился оспорить догму о том, что Земля неподвижна и находится в центре Вселенной; они восхищаются простыми людьми, которые в 1789 году штурмовали Бастилию и свергли деспотический режим Людовика XVI; они восхищаются Розой Паркс, которая имела мужество занять в автобусе место, предназначенное для белых.

Требуется немало **смелости**, чтобы сражаться с предрассудками и деспотическими режимами, но ещё больше — чтобы признать своё невежество и ступить на неизведанную территорию. Светское образование учит, что если мы чего-то не знаем, нужно признать своё незнание или сомнение и поискать новые факты и доказательства. Многие боятся неизвестного и хотят получить однозначные ответы на все вопросы. Страх перед неизвестным может парализовать сильнее, чем любой тиран. На протяжении всей истории люди боялись, что без веры в однозначные ответы человеческое общество распадётся. На деле же современная история показала, что общество смелых людей, готовых признать своё невежество и поставить трудные вопросы, не просто процветает, но и отличается бóльшим миролюбием, чем общества, где все обязаны беспрекословно довольствоваться одним-единственным ответом. Люди, которые боятся утратить истину, больше склонны к насилию, чем те, кто привык смотреть на мир с разных точек зрения. Вопросы, на которые вы не знаете ответа, гораздо лучше ответов, в которых вам не дозволено сомневаться.

И наконец, светские люди ценят **ответственность**. Они не верят в высшую силу, которая заботится о мире, наказывает злых, воздаёт справедливым и защищает от голода, эпидемий или войн. Поэтому именно мы, смертные люди из плоти и крови, должны нести полную ответственность за свои действия или бездействие. Если мир полон страданий, наш долг — найти решение. Светские люди гордятся огромными достижениями современного общества, которое победило эпидемии, избавилось от голода и принесло мир на бóльшую часть планеты. Нет нужды приписывать эти достижения божественному покровителю, поскольку все они — результат того, что люди изучали мир и учились сострадать. Но по той же причине мы должны нести

полную ответственность за все преступления и ошибки современного общества, от геноцида до ухудшения экологии. Вместо того чтобы молить о чуде, мы обязаны спросить себя, чем мы можем помочь миру.

Таковы главные ценности светского общества. Как отмечалось выше, ни одна из них не является исключительно светской. Иудеи особенно ценят истину, христиане — сострадание, мусульмане — равенство, индуисты — ответственность и так далее. Светские общества и институты с готовностью признают эти связи и принимают религиозных евреев, христиан и индуистов, но при одном условии: когда светские нормы вступят в противоречие с религиозной доктриной, последняя должна уступить. Например, чтобы влиться в светское общество, ортодоксальные иудеи должны относиться к неевреям как к равным, христиане — не жечь еретиков на костре, мусульмане — уважать свободу слова, а индуисты — отказаться от кастовой дискриминации.

Но никто не ждёт от религиозных людей, что они начнут отрицать существование Бога или откажутся от традиционных обрядов и ритуалов. Светский мир судит о людях по их делам, а не по одежде или традициям. Человек может носить самое странное сектантское платье и практиковать самые необычные религиозные обряды, одновременно проявляя глубокую приверженность главным светским ценностям. В мире есть много еврейских учёных, экологов из числа христиан, исповедующих ислам феминисток и индусов, защищающих права человека. Если они признают научную истину, сострадание, равенство и свободу, то являются полноценными членами светского общества, и нет никаких оснований требовать, чтобы они сняли ермолку, нательный крест, хиджаб или стёрли тилак.

По той же причине светское образование не означает негативного воспитания, когда детей учат не верить в Бога и не участвовать в религиозных церемониях. Светское образование учит детей отличать истину от веры, развивать в себе способность сострадать всем живым существам, ценить мудрость и опыт всех жителей Земли, свободно мыслить, не боясь неизвестного, и отвечать за свои действия и за мир в целом.

Был ли Сталин светским человеком?

Таким образом, нет никаких оснований критиковать секуляризм за отсутствие этических ценностей или социальной ответственности. Главную проблему секуляризма следует искать на противоположном конце спектра. По всей видимости, он слишком высоко поднимает этическую планку. Большинство людей не в состоянии соблюдать такие жёсткие нормы, а большим обществом невозможно управлять, основываясь на сострадании и поисках истины с неизвестным результатом. Общество должно действовать быстро и решительно (особенно в опасных ситуациях, таких как война или экономический кризис), даже если оно не знает точно, что есть истина и какие действия причинят меньше вреда. Требуются чёткие указания, запоминающийся девиз и вдохновляющий боевой клич. Очень трудно посылать солдат в бой или проводить радикальные экономические реформы во имя сомнительных гипотез, а потому светские движения то и дело превращаются в догматические религии.

Например, Карл Маркс начинал с заявления, что все религии — это обман с целью угнетения людей, и призывал сторонников исследовать истинную природу мирового порядка. В последующие десятилетия из-за тягот революции и войны марксизм утратил гибкость, и уже при Сталине официальная линия Коммунистической партии СССР изменилась: мировой порядок слишком сложен для понимания обычного человека, и поэтому лучше всегда доверять мудрости партии и следовать её указаниям, даже если она репрессирует и убивает десятки миллионов невинных людей. Да, это отвратительно, но партийные идеологи не уставали объяснять, что революция не пикник и что нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц.

Следует ли считать Сталина светским руководителем? Ответ зависит от нашего определения секуляризма. Если мы используем минималистское негативное определение — «светские люди не верят в Бога» — то Сталин, вне всякого сомнения, был светским человеком. А согласно позитивному определению («светские люди отвергают все ненаучные догмы и ценят истину, сострадание и свободу»), Маркс был светским деятелем, а Сталин — нет. Сталин был пророком безбожной, но в высшей степени догматичной религии — сталинизма.

Сталинизм — не единичный пример. Капитализм также начинался как непредвзятая научная теория, но постепенно

превратился в догму. Многие капиталисты всё ещё повторяют мантру о свободном рынке и экономическом росте, не обращая внимания на реальный мир. К каким бы ужасным последствиям ни приводили модернизация, индустриализация или приватизация, адепты капитализма списывают эти последствия на «болезни роста» и обещают, что дальнейший экономический подъём всё исправит.

Либеральные демократы с умеренными взглядами хранили верность светским идеалам сострадания и поиска истины — но даже они порой отрекались от них ради удобных догм. Так, при столкновении с жестокими диктатурами и несостоятельными государствами либералы часто превращают свою непоколебимую веру в свободу в священный ритуал всеобщих выборов. Они начинают войны и тратят миллиарды долларов в Ираке, Афганистане и Конго, будучи твёрдо убеждены, что проведение всеобщих выборов волшебным образом превратит эти страны в нечто вроде Дании, только с более тёплым климатом. И всё это — несмотря на постоянные неудачи и тот факт, что даже в странах с устоявшейся традицией всеобщих выборов эти ритуалы время от времени приводят к власти авторитарных популистов, и результатом становится диктатура большинства. Если вы попытаетесь усомниться в предполагаемой мудрости всеобщих выборов, вас не отправят в ГУЛАГ, но холодного душа догматических оскорблений вам, скорее всего, не избежать.

Конечно, не все догмы одинаково вредны. Совершенно очевидно, что некоторые религиозные убеждения принесли человечеству пользу, и то же относится к некоторым светским догмам. В частности, это справедливо для доктрины прав человека. Права существуют только в историях, которые люди придумывают и рассказывают друг другу. Эти истории бережно хранились как самоочевидная догма в эпоху борьбы с религиозным фанатизмом и автократическими правительствами. Люди не обладают естественным правом на жизнь и свободу, но вера в эту историю помогала ограничить власть авторитарных режимов, защищала меньшинства и оберегала миллиарды людей от худших последствий бедности и насилия. То есть эта вера способствовала счастью и благополучию человечества в большей степени, чем любая другая доктрина в истории.

Тем не менее это догма. Так, статья 19 Декларации прав человека, принятой ООН, гласит: «Каждый человек имеет право на свободу

убеждений и свободное выражение их». Если мы рассматриваем эту фразу как политическое требование («каждый *должен* иметь право на свободу убеждений и свободное выражение их»), это абсолютно разумный подход. Но если мы станем утверждать, что каждый сапиенс наделён естественным «правом на свободу убеждений», а потому цензура нарушает закон природы, то создадим неверное представление о человечестве. Считая себя «индивидом, который обладает неотъемлемыми естественными правами», вы не поймёте, кто вы на самом деле, и не разберётесь в исторических процессах, которые сформировали ваше общество и ваше мышление (в том числе веру в «естественные права»).

Подобное заблуждение, вероятно, не имело большого значения в двадцатом веке, когда люди были заняты борьбой с Гитлером и Сталиным. Однако оно может стать фатальным в двадцать первом веке, потому что теперь биотехнологии и искусственный интеллект готовы изменить саму суть человечества. Если мы верим в право на жизнь, означает ли это, что мы должны использовать биотехнологии для преодоления смерти? Если мы верим в право на свободу, должны ли мы давать власть алгоритмам, которые расшифровывают и исполняют наши тайные желания? Если у всех людей равные права, должны ли сверхлюди получить сверхправа? Светским людям будет трудно ответить на подобные вопросы, если они верят в догму «прав человека».

Догма прав человека сформировалась в предшествующие столетия как оружие против инквизиции, Старого режима, нацистов и ку-клукс-клана. Она не предназначена для взаимодействия с сверхчеловеками, киборгами и компьютерами с суперинтеллектом. Движения за права человека собрали впечатляющий арсенал аргументов и средств защиты от религиозных предрассудков и тиранов, но этот арсенал едва ли защитит нас от эксцессов консьюмеризма или технологических утопий.

Признавая свою тень

Секуляризм не следует приравнивать к сталинистскому догматизму или к горьким плодам западного империализма и безудержной индустриализации. Но и полностью снять с него

ответственность тоже не получится. Светские движения и научные институции заворожили миллиарды людей обещаниями усовершенствовать человечество и обратить изобилие планеты Земля на пользу нашему виду. Эти обещания привели не только к победе над эпидемиями и голодом, но и к ГУЛАГам и таянию полярных шапок. Вы можете возразить, что во всём виноваты люди, неверно понимавшие и искажавшие главные светские идеалы и научные факты. И будете абсолютно правы. Но это общая проблема для всех влиятельных движений.

Например, христианство несёт ответственность за ужасные злодеяния, в частности за инквизицию, Крестовые походы, уничтожение местных культур по всему миру и бесправие женщин. Но христианин обидится на такое обвинение и возразит, что всё это было результатом неверного понимания христианства. Иисус проповедовал только любовь, а инквизиция непозволительным образом исказила его учение. Мы можем с сочувствием отнестись к этим оправданиям, но было бы ошибкой позволить христианству так легко уйти от ответственности. Христиане, шокированные инквизицией и Крестовыми походами, не могут просто умыть руки и объявить себя непричастными к этим зверствам. Полезнее было бы задать себе несколько неприятных вопросов. Как получилось, что их «религия любви» позволила до такой степени исказить себя, причём не один раз, а многократно? Протестантам, которые пытаются свалить всё на фанатизм католиков, стоит прочесть книгу о поведении протестантских колонистов в Ирландии или Северной Америке. Точно так же марксисты должны спросить себя, что такого содержит учение Маркса, что оно проложило дорогу к ГУЛАГу? Учёным следует задуматься, почему наука с такой лёгкостью нарушила экологическое равновесие на нашей планете, а генетикам полезно помнить, как нацисты использовали теорию Дарвина.

Каждая религия, идеология или догма отбрасывает тень, и какой бы доктрины вы ни придерживались, важно признать существование этой тени и воздержаться от наивных заверений вроде «с нами этого не случится». Светская наука обладает по крайней мере одним существенным преимуществом перед традиционными религиями: она не боится своей тени и по определению готова признавать ошибки и пробелы в знаниях. Если вы верите в абсолютную истину, которую

открывает людям сверхъестественная сила, но не можете позволить себе признать ошибку — это обесценивает всю вашу историю. Но если вы верите, что истину могут искать и несовершенные люди, признание ошибок становится неотъемлемой частью процесса.

Это ещё одна причина, по которой недогматические светские движения обычно сдержанны в обещаниях. Осознавая своё несовершенство, они рассчитывают на небольшие постепенные изменения — поднять минимальную заработную плату на несколько долларов или снизить детскую смертность на несколько процентных пунктов. Характерная особенность догматических идеологий заключается в том, что из-за излишней самоуверенности они всё время сулят невозможное. Их лидеры слишком легко рассуждают о «вечности», «чистоте» и «искуплении», как будто одним своим действием — изданием закона, строительством храма или завоеванием территории — могут спасти мир.

Когда речь заходит о самых важных в истории решениях, лично я больше верю людям, которые признают своё незнание, чем тем, кто считает себя непогрешимым. Если вы претендуете на то, чтобы ваша религия, идеология или мировоззрение стали главными в мире, мой первый вопрос будет таким: «Какую самую большую ошибку совершила ваша религия, идеология или мировоззрение?». И если вы не сумеете ответить что-нибудь серьёзное, я не стану вам верить.

Часть IV
Истина

Если вас пугают опасности, с которыми сталкивается мир, и вы не знаете, что делать, — значит, вы на верном пути. Глобальные процессы стали слишком сложными, чтобы в них мог разобраться один человек. Но как в таком случае распознать истину и не стать жертвой пропаганды и дезинформации?

15
Невежество

Вы знаете меньше, чем вам кажется

В предыдущих главах мы рассмотрели некоторые из самых важных проблем и достижений нынешней эпохи, от преувеличенной угрозы терроризма до недооценённой опасности технологической революции. Если у вас по ходу чтения возникло неприятное чувство, что с вас хватит и что вы не в состоянии всё это переварить, вы абсолютно правы. Это никому не под силу.

В последние несколько веков либеральное мышление глубоко уверовало в рациональность человека. Описывая людей как независимых рациональных агентов, либерализм пришёл к выводу, что эти мифические существа и составляют основу современного общества. Демократия базируется на идее, что избиратель знает, что делает; рыночная экономика — на идее, что клиент всегда прав; либеральное образование — на идее, что студенты способны самостоятельно мыслить.

Между тем такая сильная вера в рационального индивида ошибочна. В эпоху постколониализма и феминизма некоторые мыслители обнаружили, что на деле этот «рациональный индивид» вполне может быть западной шовинистической фантазией, прославляющей независимость и власть белых мужчин из высших классов. Как уже отмечалось выше, учёные в области поведенческой экономики и эволюционной психологии доказали, что большинство решений люди принимают под воздействием эмоциональных реакций и эвристических догадок, а не в результате рационального анализа. И если в век кремневых ножей эмоции и эвристика, по всей видимости, помогали нам выживать, то в век кремниевых чипов их, к сожалению, недостаточно.

Мифом оказалась не только рациональность, но и индивидуальность мышления. Люди редко думают самостоятельно — нам больше свойственно групповое мышление. Быть членом племени необходимо не только для того, чтобы вырастить ребёнка, но и для

того, чтобы изобрести новое орудие, разрешить конфликт, исцелить болезнь. Ни один человек не обладает знаниями, достаточными, чтобы возвести собор, создать атомную бомбу или построить самолёт. *Homo sapiens* получили преимущество перед всеми прочими животными и стали хозяевами планеты не благодаря рациональности каждого индивида, а благодаря способности к групповому мышлению[171].

Отдельные люди на удивление мало знают о мире, и по мере исторического развития этих знаний у них становится всё меньше. Охотники и собиратели каменного века умели шить себе одежду, разжигать огонь, охотиться на кроликов, убегать от львов. Нам кажется, что современный человек знает гораздо больше, но на самом деле каждый отдельный представитель *Homo sapiens* обладает куда меньшим запасом знаний. В удовлетворении почти всех своих потребностей мы опираемся на опыт и знания других. В одном показательном эксперименте людей просили оценить, насколько хорошо они знают, как работает обыкновенная застёжка-молния. Большинство уверенно отвечали, что прекрасно понимают принцип её действия — ведь они пользуются ею каждый день. Но когда их попросили как можно подробнее описать все этапы работы застёжки-молнии, большинство не смогли сказать ничего вразумительного[172]. Такое явление Стивен Сломан и Филип Фернбах назвали «иллюзией знания». Нам кажется, что мы много знаем, хотя каждый отдельный человек знает очень мало; дело в том, что мы считаем знания других людей своими собственными.

Но это не обязательно плохо. Групповое мышление помогло нам стать хозяевами планеты, а иллюзия знания позволяет жить, не тратя время на непосильную задачу разобраться во всём самостоятельно. С точки зрения эволюции вера в знания других оказалась для *Homo sapiens* очень полезной.

Но иллюзия знания имеет и обратную сторону, подобно другим человеческим качествам, которые играли важную роль в прежние эпохи, но стали помехой в современном мире. Мир усложняется, и люди перестают понимать, насколько ничтожны их знания о происходящем вокруг. В результате те, кто почти ничего не знает о метеорологии или биологии, выступают с политическими инициативами в области климатических изменений или генетически модифицированных зерновых культур или подробно объясняют, что

именно нужно сделать в Ираке или Украине, но не способны показать эти страны на карте. Люди редко сознают своё невежество, поскольку склонны существовать в информационном пузыре, общаясь с друзьями, которые разделяют их взгляды, и читая только те новостные ленты, в которых их убеждения постоянно подкрепляются и редко оспариваются[173].

Даже если предложить людям больше качественной информации, это вряд ли поможет. Учёные надеются избавить людей от заблуждений, улучшая качество образования, а лидеры общественного мнения рассчитывают повлиять на соотечественников, знакомя их с точными фактами и докладами экспертов, например по поводу реформы здравоохранения Обамы или глобального потепления. Надеяться на это — значит не понимать, как устроено человеческое мышление. Наши взгляды во многом сформированы групповым мышлением, а не индивидуальной рациональностью, и мы придерживаемся этих взглядов в силу верности группе. Бомбардировка людей фактами и демонстрация их невежества чаще всего вызывает обратную реакцию. Большинству не нравится изобилие фактов, сбивающее с толку, и совершенно точно никто не любит чувствовать себя дураком. Не стоит рассчитывать, что вы убедите сторонников «Движения чаепития» в реальности глобального потепления, предъявив им таблицы со статистическими данными[174].

Сила группового мышления настолько велика, что из его объятий трудно вырваться даже в тех случаях, когда оно поддерживает необоснованные взгляды. Например, правые консерваторы в США уделяют гораздо меньше внимания проблемам загрязнения окружающей среды и исчезновения отдельных видов флоры и фауны, чем левые прогрессисты, и поэтому в Луизиане экологическое законодательство менее строгое, чем в Массачусетсе. Мы привыкли к такому положению вещей и считаем его естественным, хотя следовало бы удивиться. Казалось бы, консерваторы должны заботиться о сохранении прежнего экологического порядка, о защите земель, лесов и рек, которые достались нам от предков. И наоборот: от прогрессистов логично ожидать большего энтузиазма в отношении радикальных перемен в сельской местности, особенно если их цель — ускорить прогресс и улучшить условия жизни людей. Однако после того как в результате каких-то капризов истории сформировалась

позиция партии по этим вопросам, консерваторы, не задумываясь, отмахиваются от любых опасений по поводу загрязнения рек и исчезновения птиц, а левые прогрессисты склонны бояться каких бы то ни было нарушений старого экологического порядка[175].

Даже у учёных нет иммунитета против группового мышления. Учёные, которые верят, что факты способны изменить общественное мнение, сами оказываются жертвами группового мышления в науке. Научное сообщество верит в силу фактов, и те, кто хранит верность этому сообществу, продолжают верить в возможность победить в публичной дискуссии с помощью фактов, несмотря на убедительные эмпирические доказательства обратного.

Точно так же убеждение либералов в рациональности индивидов само может быть продуктом группового мышления в либеральной среде. В кульминационной сцене фильма «Житие Брайана по Монти Пайтону» огромная толпа восторженных людей принимает Брайана за Мессию. Тот говорит своим «ученикам»: «Вам не нужно следовать за мной! Не нужно вам ни за кем следовать! Вы должны думать сами! Все вы личности! Вы все разные!». Экзальтированная толпа вторит ему в унисон: «Да, да! Мы все личности! Да, да! Мы все разные!». «Монти Пайтон» пародировал догмы контркультуры 1960-х, но эта сатира справедлива и по отношению к вере в рациональный индивидуализм в целом. В современных демократиях толпы скандируют хором: «Да, да, избирателю виднее! Да, да, клиент всегда прав!».

Чёрная дыра власти

Проблема группового мышления и индивидуального невежества касается не только обычных избирателей и потребителей, но также президентов и глав компаний. У них может быть огромное число советников и сложные структуры разведки, но это ничего не гарантирует. Очень сложно найти истину, когда вы правите миром. Вы слишком заняты. Большинство политических лидеров и деловых магнатов вечно спешат. Но для глубокого изучения любой проблемы требуется много времени, а главное — возможность свободно распоряжаться этим временем. Вам нужно экспериментировать с неверными идеями, исследовать тупиковые варианты, оставлять место

для сомнений и скуки и позволять семенам открытия медленно всходить и превращаться в цветущее растение. Иначе до истины вам не добраться.

Хуже того, власть обычно искажает истину. Главная цель власти — не изучение реальности, а её изменение. Когда у вас в руке молоток, всё становится похожим на гвозди, а когда вы обладаете большой властью, всё выглядит как приглашение вмешаться. Даже если вы каким-то образом преодолеете это искушение, окружающие всегда будут помнить о гигантском молотке в ваших руках. У всякого, с кем вы разговариваете, есть тайные намерения, сознательные или подсознательные, а потому вы не можете полностью доверять его словам. Ни один султан не верил, что придворные и подданные говорят ему правду.

Таким образом, большая власть подобна чёрной дыре, которая искажает пространство вокруг себя. Чем ближе к ней, тем сильнее искажения. Каждое слово, попадающее в вашу орбиту, обретает вес, и каждый человек, с которым вы общаетесь, старается вам понравиться, польстить вам или что-то от вас получить. Они знают, что вы можете потратить на них не больше пары минут, и, боясь сказать что-то неуместное или непонятное, ограничиваются пустыми лозунгами и банальностями.

Пару лет назад меня пригласили на ужин с премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху. Друзья советовали отказаться, но я не устоял перед искушением. Я подумал, что, быть может, узнаю какие-то большие секреты, которые раскрываются только посвящённым. Какое разочарование! На ужине присутствовали почти три десятка гостей, и каждый старался завладеть вниманием Великого Человека, впечатлить его своим остроумием, подольститься к нему или что-то у него выпросить. Если кто-то из присутствующих и владел большими секретами, у них очень хорошо получалось их скрывать. И это не вина Нетаньяху или кого-то ещё. Всё дело в гравитации власти.

Если вам действительно нужна правда, вы должны отдалиться от чёрной дыры власти и не жалеть времени на странствия по периферии. Революционное знание редко возникает в центре — ведь центр опирается на общепринятые взгляды. Доступ к центру власти обычно защищают стражи старого порядка, склонные отсекать носителей необычных идей, вызывающих раздражение. Конечно, они

отфильтровывают и огромное количество мусора. Тот факт, что вас не пригласили на Всемирный экономический форум в Давосе, ещё не говорит о вашей мудрости. Именно поэтому нужно проводить много времени на периферии: там могут найтись блестящие революционные откровения — хотя больше всего там необоснованных догадок, неверных моделей, суеверий, догм и абсурдных конспирологических теорий.

Таким образом, любой руководитель оказывается в двойной ловушке. Если он останется в центре власти, его картина мира будет сильно искажена. Отважившись выйти на периферию, он потеряет слишком много драгоценного времени. И эта проблема будет лишь усугубляться. В грядущие десятилетия мир усложнится ещё больше. Отдельным людям — не важно, короли они или пешки — будет всё труднее разбираться в технологических новинках, экономических тенденциях и политических течениях, которые формируют мир. Как заметил Сократ ещё 2000 лет назад, лучшее, что мы можем сделать в таких обстоятельствах, — признать своё невежество.

А как же мораль и справедливость? Если мы не в состоянии понять мир, можно ли надеяться, что нам удастся отличить правильное от неправильного, справедливость от несправедливости?

16
Справедливость

Возможно, наше чувство справедливости устарело

Как и у прочих наших чувств, у чувства справедливости древние эволюционные корни. Человеческая мораль, формировавшаяся на протяжении миллионов лет эволюции, приспособлена для решения социальных и этических проблем, с которыми сталкивались маленькие группы охотников и собирателей. Если мы вместе отправляемся на охоту и я убиваю оленя, а вы возвращаетесь с пустыми руками, должен ли я делиться с вами добычей? Если вы идёте собирать грибы и приносите полную корзину, имею ли я право забрать все эти грибы себе только потому, что я физически сильнее? А если я знаю, что вы задумали меня убить, вправе ли я нанести упреждающий удар и ночью перерезать вам горло?[176]

С тех пор как мы переселились из африканской саванны в каменные джунгли, на первый взгляд, мало что изменилось. Кажется, что проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня — гражданская война в Сирии, глобальное неравенство, глобальное потепление — остались теми же, только обрели более серьёзный масштаб. Но это иллюзия. Конечно, размер имеет значение, но что касается справедливости (как многого другого), мы плохо приспособлены к миру, в котором живём.

И проблема не в ценностях. У живущих в двадцать первом веке людей, как светских, так и религиозных, немало ценностей. Проблема в применении этих ценностей в сложном глобальном мире. Во всём виноваты цифры. У охотников и собирателей чувство справедливости было сформировано таким образом, чтобы разрешать конфликты, возникающие в жизни нескольких десятков людей, живущих на площади в несколько десятков квадратных километров. Когда мы пытаемся разобраться во взаимоотношениях миллионов людей на разных континентах, нашего нравственного чувства уже недостаточно.

Справедливость требует не только набора абстрактных ценностей, но и понимания конкретных причинно-следственных связей. Если вы

собираете грибы, чтобы накормить своих детей, а я силой отнимаю у вас корзину, это значит, что ваша работа была напрасной, а ваши дети лягут спать голодными — и это несправедливо. Понять это не составляет труда, потому что причинно-следственные связи здесь очевидны. К сожалению, в современном глобальном мире причинно-следственные связи необычайно сложны и запутанны. Я могу мирно жить в своём доме, пальцем никого не трогать, но, по мнению левых активистов, всё равно должен полностью разделять ответственность за несправедливые действия израильских солдат и поселенцев на Западном берегу реки Иордан. Социалисты уверены, что комфортную жизнь мне обеспечивает детский труд на жутких фабриках стран третьего мира. Защитники прав животных напоминают мне, что моя жизнь связана с одним из тягчайших преступлений в истории человечества — жестокой эксплуатацией миллионов сельскохозяйственных животных.

Обоснованы ли эти обвинения? Трудно сказать. Моя жизнь зависит от невероятно запутанной сети экономических и политических отношений, а поскольку глобальные причинно-следственные связи настолько сложны, мне нелегко ответить даже на самые простые вопросы — откуда взялся мой обед, кто сделал мою обувь и как распоряжается моими деньгами пенсионный фонд[177].

Кража реки

Первобытный человек из племени охотников и собирателей всегда знал, откуда взялся его обед (он сам его собирал), кто сшил его мокасины (этот человек спит неподалёку) и чем занимается его пенсионный фонд (копошится в грязи; в те времена у людей был только один «пенсионный фонд» — их собственные дети). Я знаю гораздо меньше, чем этот охотник-собиратель. Потратив несколько лет на исследования, я могу выяснить, что правительство, за которое я голосовал, тайно продаёт оружие сомнительному диктатору в другой части планеты. Но, потратив на это время, я пройду мимо более важных открытий — касающихся, например, судьбы кур, яйца которых я ел за обедом.

Система устроена так, что всякий, кто не стремится что-то узнать, будет спокойно жить в счастливом неведении, а тому, кто потратит

силы и время, будет очень трудно добраться до истины. Как мне избежать воровства, если глобальная экономическая система непрерывно крадёт — от моего имени, но без моего ведома? Не имеет значения, оцениваете ли вы поступки по их последствиям (красть нехорошо, потому что жертвы страдают) или верите в групповые обязательства, которые необходимо соблюдать независимо от последствий (красть нехорошо, потому что так сказал Бог). Проблема в том, что нам всё труднее понять, что мы делаем.

Заповедь «не укради» появилась в те времена, когда кража подразумевала, что вы собственной рукой берёте то, что вам не принадлежит. Но сегодня значимые споры о воровстве связаны с совсем другими сценариями. Допустим, я вложил 10 000 долларов в акции большой нефтехимической корпорации, которая ежегодно выплачивает мне дивиденды в размере 5 %. Корпорация получает огромную прибыль за счёт того, что не компенсирует вред, который она наносит окружающей среде. Она сбрасывает токсичные отходы в ближайшую реку, не беспокоясь об уроне для местной системы водоснабжения, о вреде для здоровья населения или об ущербе для дикой природы. Она тратит свои деньги на содержание армии юристов, которые защитят её от любых требований компенсации, и платит лоббистам, блокирующим все попытки законодательно ужесточить экологические нормы.

Справедливо ли обвинять корпорацию в том, что она «крадёт реку»? А лично меня? Я никогда не забирался в чужой дом и не вытаскивал купюры из чужого кошелька. Я не знаю, за счёт чего эта конкретная корпорация получает прибыль. Возможно, я уже и забыл, что владею акциями этой корпорации. Виновен ли я в воровстве? Как соблюдать этические нормы, если мы не в состоянии узнать все факты, относящиеся к делу?

Можно попытаться обойти проблему с помощью понятия «этичности намерений». Важны мои намерения, а не действия или последствия действий. Но в мире, где всё так тесно переплетено, высшим нравственным императивом становится императив знания. Самые жестокие преступления в истории были следствием не столько ненависти и жадности, сколько невежества и безразличия. Очаровательные английские леди финансировали работорговлю в Атлантике, покупая акции и облигации на Лондонской фондовой

бирже, но сами не бывали ни в Африке, ни на Карибских островах. Просто во время традиционных чаепитий они опускали в чай белоснежные кубики сахара, привезённого с адских плантаций, о которых они ничего не знали.

В конце 1930-х годов в Германии начальник местной почты мог быть добропорядочным гражданином, который заботится о благополучии работников и лично помогает недовольным клиентам разыскивать пропавшие посылки. Он всегда приходил на работу первым, а уходил последним, и даже метель не мешала ему вовремя открыть двери почты. Увы, его эффективное и гостеприимное почтовое отделение было важным элементом нервной системы нацистского режима. Оно распространяло расистскую пропаганду, рассылало повестки призывникам и распоряжения местному отделу СС. Без искреннего стремления узнать правду добрые намерения нельзя считать полноценными.

Но что считать «искренним стремлением»? Должны ли начальники почтовых отделений всех стран вскрывать проходящую через них почту, а в случае обнаружения государственной пропаганды увольняться или бунтовать? Сегодня легко давать оценку политике Германии 1930-х годов с позиций абсолютной этики — мы знаем, к чему привела причинно-следственная цепочка. Часто отличить нравственное от безнравственного можно лишь задним числом. Горькая правда заключается в том, что мир стал слишком сложным для мозга охотников и собирателей.

Большинство несправедливостей в современном мире возникает не из-за предрассудков отдельных людей, а в результате масштабных структурных сдвигов, но наш мозг охотника-собирателя не эволюционировал для распознавания таких структурных перемен. Каждый из нас в той или иной мере вносит вклад в эти сдвиги, но у нас нет ни времени, ни сил, чтобы их осознать. Работа над этой книгой заставила меня осознать это на личном примере. Размышляя о глобальных проблемах, я всегда уделял больше внимания позициям международной элиты, чем тех или иных групп обездоленных людей. Элита задаёт тон дискуссии, и игнорировать её взгляды невозможно. Обездоленные, напротив, обычно молчат, и поэтому о них легко забыть — не по злому умыслу, а просто из-за незнания.

Например, я абсолютно ничего не знаю о мировоззрении и проблемах аборигенов Тасмании. Более того, моё невежество так велико, что в своей первой книге я предположил, что коренных тасманийцев больше не осталось — их всех уничтожили европейские колонисты. На самом деле сегодня на острове живёт несколько тысяч человек, считающих себя потомками аборигенов Тасмании, и они сталкиваются со многими проблемами, одна из которых состоит как раз в том, что остальной мир, в том числе учёные, отрицают самый факт их существования.

Даже если вы принадлежите к обездоленной группе, знаете и разделяете мнения этих людей, это не означает, что вы понимаете мнения всех остальных подобных групп. Каждая группа и подгруппа сталкивается с собственным клубком проблем: предрассудками, двойными стандартами, завуалированными оскорблениями и институциональной дискриминацией. Тридцатилетний афроамериканец по своему тридцатилетнему опыту знает, что значит быть мужчиной с чёрным цветом кожи. Но ему неизвестно, что значит быть чернокожей женщиной в США, цыганом в Болгарии, незрячим в России или лесбиянкой в Китае.

Уже в подростковом возрасте этого афроамериканца без всяких причин постоянно останавливала и обыскивала полиция — с таким обращением вряд ли приходилось сталкиваться лесбиянке, живущей в Китае. Однако мужчина, родившийся в афроамериканской семье в «чёрном» районе, с детства был окружён такими же людьми, которые научили его всему, что должен знать афроамериканец мужского пола для выживания и благополучия. Китайская лесбиянка не росла в семье лесбиянок, в районе, населённом лесбиянками, и ей, скорее всего, никто не преподал уроков выживания во враждебном мире. Поэтому детский опыт чернокожего мужчины из Балтимора никак не поможет ему понять, что значит расти лесбиянкой в Ханчжоу.

В прошлом это не имело особого значения — ведь вы не отвечали за страдания людей на другом краю земли. Как правило, было достаточно простого сочувствия менее удачливым соседям. Но сегодня серьёзные глобальные дискуссии по таким проблемам, как изменение климата и искусственный интеллект, касаются каждого — не важно, живёте ли вы в Тасмании, Ханчжоу или Балтиморе, — а потому необходимо учитывать все точки зрения. Но как это сделать? В

состоянии ли хоть кто-то понять всю сложную сеть взаимоотношений между тысячами групп людей во всех уголках мира?[178]

Преуменьшать или отрицать?

Даже при самом сильном желании большинство людей не способны понять главные этические проблемы мира. Мы можем разобраться в отношениях между двумя или двадцатью членами племени охотников и собирателей или между соседними кланами. Но мы не в состоянии осмыслить взаимоотношения между несколькими миллионами сирийцев, между 500 миллионами европейцев или между всеми пересекающимися группами и подгруппами людей на планете.

Пытаясь осознать и разрешить моральные дилеммы такого масштаба, люди часто прибегают к одному из четырёх методов. Первый заключается в преуменьшении проблемы. Чтобы разобраться в гражданской войне в Сирии, люди сравнивают её с конфликтом между двумя охотниками из каменного века: с одной стороны — Асад, с другой — повстанцы, одна сторона плохая, другая хорошая. Историческая сложность конфликта подменяется простым и ясным сценарием[179].

Второй метод — сосредоточиться на трогательной истории, которая якобы раскрывает суть конфликта. Бесполезно пытаться объяснить людям истинную сложность конфликта, прибегая к статистике и точным фактам, но история о судьбе одного ребёнка активирует слёзные железы, заставляет вскипать кровь и создаёт ложную внутреннюю уверенность[180]. Об этом давно знают многие благотворительные фонды. В одном примечательном эксперименте людей просили пожертвовать деньги для помощи бедной семилетней девочке из Мали по имени Рокия. Многие были тронуты её рассказом и открыли свои сердца и кошельки. Однако, когда в дополнение к личной истории Рокии людей знакомили со статистикой, отражающей общую проблему бедности в Африке, те неожиданно проявляли *меньшую* готовность помочь. В другом исследовании учёные просили помочь либо одному больному ребёнку, либо восьми больным детям. Люди жертвовали больше денег одному ребёнку, чем группе из восьми детей[181].

Третий подход к масштабным этическим дилеммам — выдвижение конспирологических теорий. Как работает глобальная экономика? Полезна она или вредна? Эти вопросы слишком сложны для понимания. Гораздо проще вообразить пару десятков мультимиллиардеров-кукловодов, которые тайно дёргают за ниточки, контролируя СМИ и ради личного обогащения развязывая войны. Подобные теории почти всегда представляют собой ни на чём не основанные фантазии. Современный мир слишком сложен не только для нашего чувства справедливости, но и для наших способностей к управлению. Никто — включая мультимиллиардеров, ЦРУ, масонов и «сионских мудрецов» — до конца не понимает происходящих в мире процессов. И поэтому никто не может эффективно дёргать за ниточки[182].

Эти три метода строятся на отрицании истинной сложности мира. Четвёртый, самый радикальный метод состоит в том, чтобы создать догму, заставить нас поверить в якобы универсальную теорию, надёжный институт или всемогущего лидера и идти туда, куда они нам укажут. Религиозные и идеологические догмы не утратили привлекательности в наш век науки именно потому, что они предлагают безопасное убежище от пугающей сложности мира. Как отмечалось выше, этого не избежали и светские движения. Даже если вы отрицаете все религиозные догмы и твёрдо привержены научной истине, рано или поздно сложность реального мира начнёт вас раздражать и вам захочется создать теорию, которая уже не будет подвергаться сомнению. Подобные доктрины обещают интеллектуальный комфорт и моральную уверенность — но могут ли они обеспечить справедливость? Сомнительно.

Что же нам тогда делать? Следует ли принять либеральную догму и довериться суммарной воле отдельных избирателей и потребителей? Или нужно отвергнуть индивидуалистский подход и, подобно многим культурам прошлого, поручить сообществам *совместно* осмыслить наше существование? Но такое решение лишь бросит нас из огня индивидуального невежества в полымя предвзятого группового мышления. Племена охотников и собирателей, деревенские общины и даже городские районы — все они способны осмыслить лишь те проблемы, с которыми сталкиваются непосредственно. Но сегодня мы должны отвечать на глобальные вызовы в отсутствие глобального

общества. Ни Facebook, ни национализм, ни религия даже близко не походят для создания такого общества. Все существующие группы людей заняты продвижением собственных интересов, а не постижением глобальной истины. Ни американцы, ни китайцы, ни мусульмане, ни индуисты не являются «глобальным обществом», и их интерпретацию происходящего вряд ли можно считать надёжной.

Значит ли это, что мы должны признать поражение и объявить, что попытки человечества найти истину и справедливость окончились неудачей? Неужели мы официально вступили в эпоху постправды?

17
Постправда

Некоторые фейковые новости живут вечно

Сегодня нам постоянно говорят, что мы живём в новую и пугающую эру «постправды», и что ложь и вымысел всюду окружают нас. За примерами далеко ходить не надо. В конце февраля 2014 года российские специальные войска без каких-либо опознавательных знаков, вторглись в Украину и оккупировали стратегические объекты в Крыму. Российское правительство и лично президент Путин неоднократно отрицали, что это были российские войска, и описывали их как стихийные «отряды самообороны», которые приобрели униформу, похожую на российскую, в местных магазинах[183]. Когда они делали такие довольно нелепые утверждения, Путин и его помощники прекрасно знали, что они врут.

Российские националисты могут найти оправдания этой лжи, заявив, что она служила высшей цели. Россия вступила в праведную войну, и если допустимо убивать ради праведной цели, то, конечно, допустимо и врать? Высшая цель, которая якобы оправдывала вторжение в Украину, — это сохранение священной российской нации. Согласно российским национальным мифам, Россия — это священное объединение, которое сохранялось на протяжении тысяч лет, несмотря на повторяющиеся попытки злобных врагов завоевать и разделить её на части. Следуя по стопам монголов, поляков, шведов, армии Наполеона и гитлеровского Вермахта, в 90-х НАТО, США и ЕС попытались уничтожить Россию, отрезав от неё части и создав из них «поддельные страны», в том числе Украину. Для многих российских националистов идея того, что Украина — отдельная от России страна, — это намного бóльшая ложь, чем всё, что сказал президент Путин во время своей священной миссии по восстановлению российской нации.

Украинские граждане, сторонние наблюдатели и профессиональные историки справедливо могут быть возмущены этой трактовкой и расценивать её как своеобразную «атомную бомбу» в

российском арсенале лжи. Утверждение о том, что Украина не существует как нация и как независимая страна, игнорирует длинный список исторических фактов — например, что в течение тысячи лет воображаемого русского единства Киев и Москва были частью единой страны всего около 300 лет. Это утверждение также нарушает многочисленные международные законы и договоры, которые Россия ранее приняла и которые гарантировали суверенитет и границы независимой Украины. И самое главное, это утверждение игнорирует мнение миллионов украинцев. Может стоит спросить у них самих, кто они такие?

Украинские националисты наверняка согласятся с русскими националистами, что вокруг них есть какие-то «поддельные страны». Но Украина к ним не относится. Скорее, эти поддельные страны — это «Луганская Народная Республика» и «Донецкая Народная Республика», которые были созданы Россией для скрытия своего ничем не спровоцированного вторжения в Украину[184].

Какую бы сторону вы ни поддерживали, всем кажется, что мы действительно живём в ужасающую эпоху постправды, когда не только отдельные военные инциденты, но и целые нации с их историей могут оказаться фейками. Если мы живём в эпоху постправды, когда же у нас была счастливая эпоха правды? В 1980-е годы? В 1950-е? В 1930-е? И что спровоцировало наш переход в эпоху постправды? Интернет? Социальные сети? Подъём Путина и Трампа?

Беглый взгляд на историю показывает, что пропаганда и дезинформация не являются чем-то новым, и даже привычка отрицать существование целых наций и создавать поддельные страны имеет длинную родословную. В 1931 году японская армия устроила инсценировку нападения на себя, чтобы оправдать своё вторжение в Китай, а затем создала поддельную страну Маньчжоу-го, чтобы узаконить свои завоевания. Сам Китай долгое время отрицал, что Тибет когда-либо существовал как независимое государство. Британская колонизация Австралии узаконивалась правовой доктриной *terra nullius* («ничьей земли»), которая фактически стёрла предшествующие 50 000 лет истории местных аборигенов.

В начале двадцатого века главный сионистский лозунг пропагандировал возвращение «народа без земли [евреев] в страну без народа [Палестину]». Существование местного арабского населения

было очень удобно проигнорировано. В 1969 году премьер-министр Израиля Голда Меир лихо заявила, что палестинского народа нет и никогда не было. Такие взгляды очень распространены в Израиле даже сегодня, несмотря на десятилетия вооружённых конфликтов с теми, кого не существует. Например, в феврале 2016 года депутат Анат Берко выступила в израильском парламенте с речью, в которой усомнилась в реальности и истории палестинского народа. Её доказательство? Буквы «п» даже не существует в арабском языке, так как же тогда может существовать палестинский народ? (В арабском языке вместо буквы «п» используется буква «ф», а арабское название Палестины — Фаластин.)

Биологический вид постправды

На самом деле человечество всегда жило в эпоху постправды. *Homo sapiens* — это биологический вид постправды, сила которого зависит от создания мифов и веры в них. Ещё в каменном веке самоподтверждающиеся мифы использовались для сплочения человеческих коллективов. *Homo sapiens* покорил всю планету в первую очередь благодаря умению создавать и распространять мифы. Мы единственные млекопитающие, способные сотрудничать с множеством чужаков, потому что только мы умеем придумывать сказки, распространять их и убеждать миллионы других людей поверить в эти сказки. Пока все верят в одни и те же мифы, мы подчиняемся одним законам и, таким образом, можем эффективно сотрудничать.

Так что, если у вас возникнет желание обвинить Facebook, Трампа или Путина в наступлении ужасной эпохи постправды, напомните себе, что ещё несколько веков назад миллионы христиан заперли себя внутри самоподтверждающегося мифологического пузыря, не решаясь усомниться в фактологической достоверности Библии, а миллионы мусульман безоговорочно уверовали в Коран. Не одно тысячелетие бóльшая часть того, что люди считали «новостями» и «фактами» в своём кругу общения, представляла собой истории о чудесах, ангелах, демонах и ведьмах — словно отважные репортёры вели прямой эфир из самых глубин ада. У нас нет никаких научных доказательств того, что змей соблазнил Еву, что после смерти души всех неверных горят в

аду или что творцу вселенной не нравится, когда брамин берёт в жёны неприкасаемую. И всё же миллиарды людей тысячелетиями верили в эти сказки. Некоторые фейковые новости живут вечно.

Я понимаю, что многие обидятся на моё сравнение религии с фейковыми новостями, но в этом вся суть. Когда тысяча человек один месяц верят в выдуманную историю — это фейковая новость. Когда миллиард человек верит в выдуманную историю на протяжении тысячи лет — это религия, и нам советуют не называть её «фейковой новостью», чтобы не оскорблять чувства верующих (и не навлекать на себя их гнев). Заметьте: я не отрицаю эффективности или потенциального блага религии. Наоборот. Хорошо это или плохо, но миф — один из самых эффективных инструментов, имеющихся в арсенале человечества. Объединяя людей, религиозные доктрины делают возможным широкомасштабное сотрудничество. Они побуждают людей строить больницы, школы и мосты, а не только казармы и тюрьмы. Адама и Евы никогда не существовало, но Шартрский собор прекрасен. Возможно, бóльшая часть Библии — миф, но эта книга по-прежнему приносит радость миллиардам людей и побуждает их к состраданию, мужеству и творчеству — точно так же, как другие великие книги, описывающие события и людей, которых никогда не было, — «Дон Кихот», «Война и мир» и «Гарри Поттер».

И снова найдутся те, кого оскорбит моё сравнение Библии с «Гарри Поттером». Христианину, который придерживается научного мышления, не составит труда объяснить все ошибки и мифы в Библии, заявив, что священную книгу следует считать не повествованием о реальных событиях, а скорее метафорой, содержащей глубокую мудрость. Но разве не то же самое относится к историям о Гарри Поттере?

Христианские фундаменталисты, скорее всего, будут настаивать, что каждое слово Библии — истина в буквальном смысле. Предположим на минуту, что они правы и что Библия действительно представляет собой непогрешимое слово единого и истинного Бога. А как быть с Кораном, Талмудом, Книгой Мормона, Ведами, Авестой и египетской Книгой мёртвых? Хотите сказать, что эти тексты — красивые мифы, созданные людьми из плоти и крови (или даже демонами)? А как вы отнесётесь к божественному статусу римских императоров, таких как Август и Клавдий? Римский сенат наделил

себя правом превращать людей в богов, а затем требовать, чтобы подданные империи поклонялись этим богам. Разве это не было мифом? У нас есть по меньшей мере один пример ложного бога, который сам опроверг миф о себе. Как отмечалось выше, японский милитаризм 1930-х — начала 1940-х годов был основан на фанатичной вере в божественность императора Хирохито. После поражения Японии император Хирохито публично объявил, что он не бог.

Даже если мы согласимся, что Библия — истинное слово Божие, у нас останутся миллиарды верующих индуистов, мусульман, евреев, египтян, римлян и японцев, которые на протяжении тысяч лет верили в мифы. Повторю: это не значит, что все мифы обязательно бесполезны или вредны. Они могут быть прекрасными и вдохновляющими.

Конечно, не все религиозные мифы одинаково полезны. 29 августа 1255 года в колодце неподалёку от города Линкольна нашли тело девятилетнего английского мальчика по имени Хью. Даже в отсутствие Facebook и Twitter по округе быстро разнеслись слухи о том, что это ритуальное убийство, совершённое местными евреями. В пересказах история обрастала жуткими подробностями, и один из самых известных английских хроникёров того времени Матвей Парижский предоставил подробное и кровавое описание того, как евреи со всей Англии собрались в Линкольне, чтобы жестоко пытать, а затем распять похищенного ребёнка. Девятнадцать евреев были арестованы по обвинению в убийстве, а затем казнены. Подобные кровавые наветы участились и в других городах Англии, что привело к серии погромов, в ходе которых вырезали целые еврейские общины. В результате в 1290 году все евреи были изгнаны из Англии[185].

Но на этом история не закончилась. Через сто лет после изгнания евреев из Англии основоположник английской литературы Джеффри Чосер включил в свои «Кентерберийские рассказы» историю о кровавом навете, источником которой послужил случай с Хью из Линкольна («Рассказ аббатисы»). Рассказ заканчивается повешением евреев. С подобных кровавых наветов впоследствии начинались антисемитские движения в самых разных странах, от средневековой Испании до современной России. Отдалённое эхо таких историй прозвучало даже в 2016 году, в фейковой новости о том, что Хиллари Клинтон якобы возглавляла сеть торговцев детьми, которая держала детей на положении секс-рабов в подвале популярной пиццерии.

Немало американцев поверили в эту историю, что негативно сказалось на предвыборной кампании Клинтон, а один человек даже взял винтовку, пришёл в пиццерию и потребовал, чтобы ему дали осмотреть подвал (выяснилось, что в здании вообще нет подвала)[186].

Что касается самого Хью из Линкольна, истинную причину смерти мальчика так и не установили, но похоронили его в Линкольнском соборе и почитали как святого. Считалось, что его мощи обладают чудотворной силой, и захоронение оставалось местом паломничества на протяжении нескольких столетий после изгнания евреев из Англии[187]. Только в 1955 году, через десять лет после холокоста, Линкольнский собор осудил кровавый навет, поместив рядом с могилой Хью памятную табличку с такой надписью:

Сфабрикованные истории о «ритуальных убийствах» христианских мальчиков общинами евреев были распространены по всей Англии в Средние века и даже позже. За эти выдумки многие невинные евреи заплатили жизнью. В Линкольне была своя легенда, и предполагаемую жертву похоронили в Линкольнском соборе в 1255 году. Подобные истории не делают чести христианскому миру[188].

Да, некоторые фейковые новости живут всего 700 лет.

Солгал сегодня, поверят завтра

Не только в древних религиях мифы использовались для сплочения людей. Уже в современной истории каждый народ создавал собственную национальную мифологию, а такие движения, как коммунизм, фашизм и либерализм, сформировали сложную самоподтверждающуюся идеологию. Йозеф Геббельс, мастер нацистской пропаганды и, возможно, самый успешный медиаволшебник Новейшего времени, якобы так коротко объяснял свой метод: «Ложь, сказанная один раз, остаётся ложью. Ложь, повторённая тысячу раз, становится правдой»[189]. Гитлер в книге «Моя борьба» писал, что «даже если бы содержание нашей пропаганды было совершенно гениальным, всё-таки она не могла бы иметь успеха, раз забыта главная, центральная предпосылка: всякая пропаганда обязательно должна ограничиваться лишь немногими

идеями, но зато повторять их бесконечно»[190]. Что может добавить к этому современный торговец фейковыми новостями?

Советская пропагандистская машина столь же вольно обращалась с правдой, переписывая историю войн и «редактируя» даже фотографии. 29 июня 1936 года печатный орган КПСС — газета «Правда» — поместила на первой странице фотографию улыбающегося Иосифа Сталина, который держит на руках семилетнюю девочку, Гелю Маркизову. Этот образ стал иконой сталинистов, прославляющих Сталина как «отца народов» и идеализирующих «счастливое советское детство». Типографии и фабрики по всей стране выпустили миллионы плакатов, скульптур и мозаик с изображением этой сцены — их выставляли в государственных учреждениях во всех уголках Советского Союза. Как ни одна православная церковь России не обходится без иконы Богородицы с младенцем Иисусом, так и в каждой советской школе обязательно была икона Сталина, держащего на руках маленькую Гелю.

Увы, в сталинской империи слава часто становилась предвестником катастрофы. Через год отца Гели арестовали по ложному обвинению в троцкизме и шпионаже в пользу Японии. В 1938 году его расстреляли, как и миллионы других жертв сталинского террора. Гелю с матерью отправили в ссылку в Казахстан, где мать девочки вскоре при загадочных обстоятельствах умерла. Что было делать с бесчисленными иконами, изображавшими «отца нации» с дочерью осуждённого «врага народа»? Никаких проблем. С этого момента Геля Маркизова исчезла, и «счастливый советский ребёнок» на знакомом каждому снимке превратился в Мамлакат Нахангову — тринадцатилетнюю таджикскую девочку, отличившуюся на сборе урожая хлопка и награждённую орденом Ленина (если кто-то думал, что девочке на фотографии явно не тринадцать лет, он понимал, что произносить вслух эту контрреволюционную ересь не стоит)[191].

Советская машина пропаганды была настолько эффективной, что ухитрялась скрывать чудовищные зверства внутри страны, одновременно создавая её утопический образ за границей. Сегодня украинцы жалуются, что Путин обманул многие западные СМИ о действиях России в Крыму и на Донбассе. Но в искусстве обмана он едва ли может сравниться со Сталиным. В начале 1930-х годов левые

западные журналисты и интеллектуалы прославляли СССР как идеальное общество, а в это время украинцы и другие советские граждане умирали миллионами от намеренного голода, организатором которого был Сталин. В век Facebook и Twitter иногда трудно разобраться, какой версии событий верить, но сегодня, по крайней мере, никакой режим не может уничтожить миллионы людей, чтобы об этом не узнал весь мир.

На вымысел и фейковые новости опираются не только религии и идеологии, но и бизнес. Брендирование предполагает бесконечное повторение одной вымышленной истории, пока люди в неё не поверят. Какая картина всплывает в вашем сознании, когда вы думаете о кока-коле? Здоровые молодые люди, занимающиеся спортом и весело проводящие время вместе? Или тучные диабетики на больничной койке? Употребление большого количества кока-колы не сделает вас ни молодым, ни здоровым, ни спортивным — скорее повысит вероятность ожирения и диабета. Тем не менее компания Coca-Cola за несколько десятилетий потратила миллиарды долларов на то, чтобы её ассоциировали с юностью, здоровьем и спортом, — и миллионы людей подсознательно верят в эту связь.

Дело в том, что для *Homo sapiens* истина никогда не была первым пунктом повестки. Многие люди предполагают, что, если та или иная религия или идеология неверно трактует действительность, её последователи рано или поздно это поймут, потому что не смогут конкурировать с более проницательными соперниками. Это очередной миф. На практике сила человеческого сотрудничества зависит от шаткого равновесия между правдой и вымыслом.

Если вы слишком сильно исказите реальность, это действительно ослабит вас, подтолкнув к абсурдным действиям. Например, в 1905 году медиум из Восточной Африки по имени Кинджикитиле Нгвале объявил, что в него вселился дух змея Хонго. Новый пророк сообщил коренным жителям немецкой колонии в Восточной Африке, что они должны объединиться и изгнать немцев со своих земель. Чтобы сделать своё послание более привлекательным, Нгвале снабдил последователей волшебным зельем, которое якобы превращало немецкие пули в воду («маджи» на языке суахили). Так началось восстание Маджи-Маджи. Оно было подавлено. На поле боя немецкие пули не превращались в воду, а безжалостно рвали тела плохо

вооружённых повстанцев[192]. За 2000 лет до этих событий 1-я Иудейская война против римлян тоже началась под влиянием твёрдого убеждения, что Бог будет сражаться на стороне евреев и поможет им сокрушить кажущуюся непобедимой Римскую империю. Восстание евреев окончилось неудачей, а результатом стало разрушение Иерусалима и изгнание евреев.

С другой стороны, без опоры на какую-либо мифологию невозможно эффективно сплотить массы людей. Если вы будете апеллировать к грубой реальности, за вами пойдут немногие. Без мифов было бы невозможно организовать не только неудачные бунты, такие как Маджи-Маджи и 1-я Иудейская война, но и гораздо более успешные акции — например, восстание Махди и восстание Маккавеев.

В сущности, когда речь идёт об объединении людей, вымышленные истории обладают преимуществом перед правдой жизни. Если вы хотите оценить лояльность группы людей, гораздо разумнее потребовать от них поверить в абсурд, а не в истину. Если великий вождь говорит, что солнце восходит на востоке и заходит на западе, для согласия с ним не требуется верности. Но если великий вождь объявит, что солнце восходит на западе и заходит на востоке, аплодировать ему будут только по-настоящему преданные люди. Аналогичным образом, если все ваши соседи верят в одну и ту же нелепую историю, вы можете рассчитывать на их сплочённость в трудные времена. А если они готовы верить только подтверждённым фактам, какие это даёт гарантии?

Мне возразят, что в некоторых случаях людей всё же можно эффективно организовать посредством договорённостей на основе консенсуса, а не выдумок и мифов. Так происходит в сфере экономики, где деньги и корпорации объединяют людей гораздо лучше, чем любой бог или священная книга, хотя все знают, что всё это лишь договорённости между людьми. По поводу священной книги истинно верующий скажет: «Я верю, что эта книга священна», а по поводу доллара истинно верующий скажет лишь: «Я верю, что *другие люди* верят в ценность доллара». Очевидно, что доллар — творение человека, хотя его почитают во всём мире. Тогда почему бы людям не отказаться от всех мифов и вымыслов и не организоваться на основе консенсусных договорённостей, таких как доллар?

Но такие договорённости не слишком отличаются от вымысла. Разница между священной книгой и деньгами меньше, чем может показаться на первый взгляд. При виде долларовой банкноты большинство людей забывает, что это всего лишь условность. Им кажется, что зелёный листок бумаги с портретом умершего белого мужчины обладает самостоятельной ценностью. Они вряд ли напоминают себе: «На самом деле это бесполезный клочок бумаги, но, поскольку другие люди считают его ценным, я могу им воспользоваться». Если с помощью магниторезонансного томографа понаблюдать за мозгом человека в тот момент, когда ему дают чемодан, набитый стодолларовыми купюрами, то можно увидеть, что возбуждаются не те участки мозга, которые отвечают за скепсис («Другие люди верят, что это ценность»), а те, что связаны с жадностью («Чёрт возьми! Я это хочу!»). Точно так же в подавляющем большинстве случаев человек начинает считать священной Библию, Веды или Книгу Мормона только после долгого регулярного общения с людьми, которые считают её священной. Мы учимся почитать священные книги аналогично тому, как учимся уважать денежные купюры.

Таким образом, на практике невозможно провести чёткую границу между двумя позициями — «знать, что это лишь договорённость между людьми» и «верить, что это обладает самостоятельной ценностью». Во многих случаях люди плохо понимают эту разницу или забывают о ней. Ещё пример. Если вы заведёте серьёзную философскую дискуссию на эту тему, почти все согласятся с тем, что корпорации — это вымышленные сущности, созданные людьми. Компания Microsoft — это не здания, которыми она владеет, не сотрудники и не акционеры, в интересах которых она действует. Скорее это сложная юридическая фикция, созданная законодателями и юристами. Однако мы не тратим 99 % своего времени на философские споры и относимся к корпорациям как к реальным сущностям вроде тигров или людей.

Граница между вымыслом и реальностью подвергается размыванию с самыми разными целями, начиная с развлечения и заканчивая выживанием. Вы не сможете читать романы или играть в игры, если хотя бы ненадолго не отбросите скепсис. Чтобы по-настоящему насладиться футболом, вы должны принять правила игры

и по меньшей мере на 90 минут забыть, что это всего лишь плод человеческой фантазии. В противном случае вы будете думать: какая глупость — двадцать два человека гоняются за одним мячом. Порой футбол, начинаясь как обычное развлечение, затем превращается в нечто более серьёзное, и это подтвердит вам любой английский хулиган или аргентинский националист. Футбол помогает в поиске идентичности, объединяет большие сообщества и даже становится предлогом для проявления насилия. Нации и религии — это накачанные стероидами футбольные клубы.

Люди обладают удивительной способностью одновременно знать и не знать. Или, если точнее, они способны узнать, если задумаются, но бóльшую часть времени они не задумываются, а потому не знают. Если вы по-настоящему задумаетесь, то поймёте, что деньги — это фикция. Но обычно вы слишком заняты, чтобы думать об этом. Если вас спросят, вы ответите, что футбол — человеческое изобретение. Но в разгар матча вас никто об этом не спросит. Приложив некоторые мыслительные усилия, вы обнаружите, что нация — не что иное, как искусно сплетённая фантазия. Но в разгар войны у вас не будет на это ни сил, ни времени. Если вы стремитесь к абсолютной истине, то поймёте, что история об Адаме и Еве — миф. Но как часто вам нужна абсолютная истина?

Истина и власть могут идти рука об руку, но лишь до поры до времени. Рано или поздно их пути разойдутся. Если вам нужна власть, в какой-то момент вам придётся распространять вымысел. Если вы хотите узнать правду о мире, в какой-то момент вам придётся отказаться от власти. Придётся признать факты (например, об источниках вашей власти), которые вызовут гнев у союзников, разочаруют сторонников или нарушат согласие в обществе. На протяжении всей истории философы сталкивались с этой дилеммой. Служить власти — или служить истине? Стремиться объединить людей, заставляя всех поверить в одну историю, — или позволить людям знать правду, даже ценой разобщённости? Самые могущественные общественные институты — христианские священники, мандарины времён Конфуция, идеологи коммунизма — ставили единство выше истины. В этом был секрет их могущества.

Человечество как вид предпочитает власть, а не истину. Мы тратим гораздо больше времени и сил на попытки управлять миром,

чем на попытки понять его, — и даже когда стараемся разобраться в мироустройстве, обычно делаем это в надежде, что понимание мира поможет нам его контролировать. Поэтому, если вы мечтаете об обществе, в котором правит истина, а не мифы, вам не стоит ждать слишком многого от *Homo sapiens*. Лучше попытать счастья с шимпанзе.

Выбраться из машины для промывки мозгов

Всё это не означает, что фейковые новости не такая уж серьёзная проблема или что политики и священники имеют полное право бесстыдно лгать. Абсолютно неверен и другой вывод: что всё вокруг — фейковые новости, что любая попытка добраться до истины обречена на неудачу и что между серьёзной журналистикой и пропагандой нет никакой разницы. За фейковыми новостями стоят реальные факты и реальные страдания. В Украине, например, российские солдаты действительно воюют, тысячи людей действительно погибли, и сотни тысяч действительно потеряли свои дома. Страдания людей зачастую бывают вызваны верой в вымысел, но сами страдания всегда реальны.

Поэтому, вместо того чтобы считать фейковые новости нормой, следует признать, что проблема гораздо сложнее, чем мы предполагали, и что нужно прилагать ещё больше усилий, чтобы отличить реальность от вымысла. Идеал недостижим. Одно из самых больших заблуждений состоит в отрицании сложности мира и стремлении мыслить в абсолютных категориях первозданной чистоты и сатанинского зла. Ни один политик не говорит всей правды, но некоторые всё же лучше остальных. Будь у меня выбор, я гораздо больше верил бы Черчиллю, чем Сталину, даже несмотря на то, что британский премьер-министр не стеснялся приукрашивать факты, когда это было ему выгодно. Точно так же не бывает газет без тенденциозности и ошибок, но некоторые искренне пытаются выяснить правду, тогда как другие представляют собой машину по промывке мозгов. Если бы я жил 1930-е годы, надеюсь, что у меня хватило бы здравого смысла верить New York Times, а не советской «Правде» или немецкому Der Stürmer.

Каждый из нас обязан тратить время и силы на борьбу против собственной предвзятости и проверку источников информации. Как отмечалось в предыдущих главах, мы не в состоянии всё исследовать сами. Но именно поэтому необходимо по меньшей мере тщательно проверять свои главные источники информации — будь то газета, сайт в интернете, телеканал или человек. В главе 20 мы подробнее остановимся на том, как защититься от промывки мозгов и как отличить реальность от вымысла. А пока я предложу два простых практических правила.

Во-первых, если вы хотите получать надёжную информацию, за неё придётся платить, и немало. Если вы ничего не платите за новости, то получаете продукт низкого качества и сами становитесь продуктом. Предположим, миллиардер с сомнительной репутацией предложил вам следующую сделку: «Я буду платить вам 30 долларов в месяц, а взамен вы позволите мне промывать вам мозги в течение часа каждый день, вбивая вам в голову любые политические и коммерческие убеждения, которые я хочу». Вы согласны на такую сделку? Только невменяемые люди на это согласятся. Поэтому миллиардер предлагает немного иную сделку: «Вы позволите мне промывать вам мозги в течение одного часа каждый день, а взамен я не буду ничего взимать с вас за эту услугу». Теперь эта сделка кажется заманчивой сотням миллионов людей. Не следуйте их примеру.

И второе практическое правило: если вас действительно интересует какой-то вопрос, сделайте над собой усилие и прочтите научную литературу. Под научной литературой я подразумеваю статьи в рецензируемых журналах, книги, опубликованные известными научными издательствами, работы профессоров из авторитетных институтов. Конечно, наука не всесильна и в прошлом много раз ошибалась. И всё же на протяжении столетий научное сообщество оставалось самым надёжным источником знания. Если вы решите, что научное сообщество в чём-то ошибается, не исключено, что вы окажетесь правы, — но вы должны по меньшей мере быть в курсе научных теорий, которые опровергаете, и найти фактические доказательства в пользу вашей точки зрения.

Учёным, со своей стороны, следует активнее участвовать в общественных дискуссиях. Они не должны бояться высказывать своё мнение, когда дискуссия затрагивает их область знания, будь то

медицина или история. Молчание не равнозначно нейтралитету; молчание — это поддержка существующего порядка вещей. Разумеется, очень важно продолжать научные исследования и публиковать результаты в журналах, которые читают лишь немногие специалисты. Но не менее важно рассказывать о новейших научных теориях обществу, причём не только в научно-популярной, но и в художественной литературе.

Означает ли это, что учёные должны заняться сочинением научной фантастики? На самом деле это не такая уж плохая идея. Искусство играет ключевую роль в формировании мировоззрения, а в двадцать первом веке научная фантастика, возможно, будет самым важным жанром, поскольку именно она определяет понимание большинством людей таких вещей, как искусственный интеллект, биоинженерия и изменение климата. Вне всякого сомнения, мы нуждаемся в хорошей науке, но с политической точки зрения увлекательный научно-фантастический фильм гораздо ценнее статьи в журналах Science или Nature.

18
Научная фантастика

Будущее — не то, что вы видите в кино

Люди обрели власть над миром потому, что лучше других животных умеют сотрудничать друг с другом, а способность к сотрудничеству основана на вере в вымысел. Поэтому поэты, художники и драматурги не менее важны, чем солдаты и инженеры. Люди отправляются воевать и строят соборы потому, что верят в Бога, а верят в Бога потому, что читали стихи о Боге, видели картины с изображением Бога, были очарованы театральными представлениями о Боге. Точно так же наша вера в современную мифологию капитализма основана на художественных творениях Голливуда и поп-индустрии. Мы верим, что если купим больше вещей, то станем счастливее, потому что собственными глазами видели капиталистический рай в телевизоре.

В начале двадцать первого века важнейшим художественным жанром, вероятно, стала научная фантастика. Мало кто читает новейшие научные статьи о машинном обучении или генной инженерии. Отношение людей к ключевым изменениям в технологии, обществе и экономике формируют фильмы, такие как «Матрица» и «Она», и сериалы вроде «Мира Дикого запада» и «Чёрного зеркала». Но это значит, что создатели научной фантастики должны более ответственно относиться к тому, как они изображают научную реальность; в противном случае они могут внушить людям неверные идеи или привлечь внимание к несуществующим проблемам.

Как отмечалось в предыдущей главе, самый большой грех современной научной фантастики, пожалуй, в том, что её авторы склонны путать интеллект с сознанием. В результате они слишком обеспокоены возможной войной между роботами и людьми, тогда как нам следует бояться конфликта между немногочисленной элитой сверхчеловеков, вооружённых алгоритмами, и огромным низшим классом бесправных *Homo sapiens*. Размышляя о будущем

искусственного интеллекта, пока что лучше обращаться к Карлу Марксу, чем к Стивену Спилбергу.

И действительно, многие фильмы на тему искусственного интеллекта чрезвычайно далеки от научной реальности, и возникает подозрение, что это лишь аллегории или что они отражают совсем другие проблемы. Так, снятый в 2015 году фильм «Из машины» вроде бы рассказывает о специалисте в области искусственного интеллекта, влюбившемся в женщину-робота, которая обманывает его и манипулирует им. Но в действительности фильм повествует не о страхе человека перед умными роботами, а о страхе мужчин перед умными женщинами — в частности, перед тем, что равноправие женщин может привести к их доминированию. Если вы смотрите фильм об искусственном интеллекте, в котором искусственный интеллект — женщина, а учёный — мужчина, скорее всего, это фильм о феминизме, а не о кибернетике. Зачем, в конце концов, искусственному интеллекту нужна гендерная идентичность и сексуальная ориентация? Секс — это привилегия органических многоклеточных существ. Какой в нём смысл для неорганической кибернетической сущности?

Жизнь в матрице

Одна из тем, в которых научная фантастика проявляет гораздо большую прозорливость, связана с опасностью использования технологии для манипуляции человеческими существами и контроля над ними. В фильме «Матрица» изображён мир, в котором почти все люди заперты в киберпространстве и все их переживания определяются управляющим алгоритмом. В «Шоу Трумана» показан человек, который, сам того не сознавая, стал звездой телевизионного реалити-шоу. Выясняется, что все окружающие его люди — в том числе мать, жена и лучший друг — на самом деле актёры. Всё, что с ним происходит, подчиняется искусно сочинённому сценарию, а всё, что он говорит или делает, снимается скрытыми камерами и транслируется на многомиллионную аудиторию поклонников.

Тем не менее оба фильма — несмотря на все их достоинства — не решаются рассказать о реальных последствиях, заданных сценарием. Они предполагают, что люди, запертые в матрице, обладают настоящей

личностью, которую не затронули технологические манипуляции, а за пределами матрицы есть настоящий мир, до которого герои, если очень постараются, могут добраться. Матрица — это лишь искусственный барьер, отделяющий настоящую внутреннюю личность от настоящего внешнего мира. Преодолев многочисленные препятствия и трудности, оба героя — Нео из «Матрицы» и Труман из «Шоу Трумана» — сумели одержать победу и вырваться из паутины манипуляций, обрести свою истинную личность, достичь настоящей «земли обетованной».

Довольно забавно, что эта настоящая «земля обетованная» в основных аспектах не отличается от вымышленной матрицы. Убегая из телевизионной студии, Труман хочет найти свою школьную любовь, которую директор шоу исключил из проекта. Но если романтическая фантазия Трумана сбудется, его жизнь будет выглядеть точно так же, как голливудская мечта, которую «Шоу Трумана» продавало миллионам зрителей в разных странах — плюс отпуск на Фиджи. Фильм не даёт нам даже намёка, какая жизнь может ждать Трумана в реальном мире.

Точно так же, когда Нео разрушает матрицу, проглотив знаменитую красную таблетку, выясняется, что мир снаружи не слишком отличается от мира внутри. В нём тоже есть жестокие конфликты, а люди движимы страхом, похотью, любовью и завистью. Фильм должен был бы закончиться тем, что Нео сообщают, что реальность, в которую он попал, всего лишь ещё более масштабная матрица, и, если он хочет вырваться в «настоящий реальный мир», ему снова нужно выбирать между синей и красной таблеткой.

Нынешняя революция в науке и технологиях даёт понять: дело не в том, что алгоритмы и телевизионные камеры способны манипулировать аутентичными индивидами и аутентичной реальностью, а в том, что аутентичность — миф. Люди боятся оказаться запертыми в матрице, но не понимают, что уже заперты в матрице своего сознания, которое, в свою очередь, заперто внутри ещё большей матрицы — человеческого общества с его бесчисленными вымыслами. Освобождаясь от матрицы, единственное, что вы можете обнаружить, это ещё более масштабную матрицу. Когда в 1917 году крестьяне и рабочие в России подняли восстание против царя, они в итоге получили Сталина; когда вы начинаете анализировать множество

способов, которыми мир вами манипулирует, то в конце концов понимаете, что ваша внутренняя идентичность — сложная иллюзия, созданная нейронными сетями.

Люди боятся, что, будучи запертыми в матрице, они не смогут видеть и осязать все чудеса мира. Пока Нео находится внутри компьютерной симуляции, а Труман — внутри телевизионной студии, они никогда не увидят Фиджи, Париж или Мачу-Пикчу. На самом деле все чувства и переживания находятся в вашем теле и вашем мозгу. Освобождение от матрицы или путешествие на Фиджи ничего не изменят. В вашем мозгу нет железного сейфа с большой красной надписью «Открыть только на Фиджи». Когда вы наконец доберётесь до южной части Тихого океана, вы не откроете сейф и не обнаружите особые эмоции и чувства, которые сможете испытать только там. И если вы никогда в жизни не побываете на Фиджи, эти особые чувства не останутся для вас недоступными. Ничего подобного. Всё, что вы можете испытать на Фиджи, вы можете почувствовать в любом другом месте — даже внутри матрицы.

Возможно, мы все живём внутри гигантской компьютерной симуляции, как в фильме «Матрица». Это противоречит всем нашим национальным, религиозным и идеологическим представлениям. Но наши ощущения остаются реальными. Если выяснится, что человеческая история — искусная симуляция, выполняемая на суперкомпьютере, который построили похожие на крыс учёные с планеты Циркон, это станет очень неприятной новостью для последователей Карла Маркса и «Исламского государства». Но эти крысы-учёные всё равно должны отвечать за геноцид армян и за Освенцим. Как они сумели провести свой проект через комитет по этике Цирконского университета? Даже если газовые камеры были всего лишь электрическими сигналами в кремниевых микросхемах, то боль, страх и отчаяние не стали от этого менее мучительными.

Боль остаётся болью, страх страхом, а любовь любовью — даже в матрице. Не имеет значения, чем вызван ваш страх — группой атомов во внешнем мире или электрическим сигналом, которым управляет компьютер. Страх всё равно реален. Поэтому если вы хотите исследовать реальность вашего разума, то можете сделать это как внутри матрицы, так и вне её.

На самом деле большинство научно-фантастических фильмов рассказывают очень старую историю о победе разума над материей. Тридцать тысяч лет назад эта история развивалась так: разум воображает каменный нож; руки изготавливают нож; человек убивает мамонта. Но люди завоевали мир не столько благодаря изобретению ножей и истреблению мамонтов, сколько благодаря манипуляции разумом других. Разум не субъект, который по своей воле формирует исторические события и биологическую реальность, а объект, который формируется под влиянием истории и биологии. Даже наши священные идеалы — свобода, любовь, творчество — подобны каменному ножу, который изготавливает кто-то другой, чтобы убить мамонта. Как свидетельствуют новейшие научные теории и самые современные технологические инструменты, разум постоянно подвергается манипуляциям. Нет никакой аутентичной личности, которая ждёт, пока её освободят от манипулятивной оболочки.

Вспомните, сколько вы посмотрели фильмов, прочли романов и стихов за все годы своей жизни и как эти артефакты формировали ваше представление о любви. Романтические комедии отвечают за любовь, порнография за секс, а Рэмбо за войну. А если вам кажется, что можно нажать клавишу Delete и стереть все следы Голливуда из своего подсознания и лимбической системы, то вы обманываете себя.

Все хотят изготавливать каменные ножи, но никому не нравится самому быть каменным ножом. Поэтому «матричный» вариант старой истории о мамонтах звучит приблизительно так: «Разум воображает робота — рука создаёт робота — робот убивает террористов, но также пытается контролировать разум — разум убивает робота». Это фальшивая история. Проблема не в том, что разум не сможет убить робота. Проблема в том, что разум, придумавший робота, сам уже является продуктом предыдущих манипуляций. Поэтому убийство робота не сделает нас свободными.

Дисней теряет веру в свободу воли

В 2015 году студии Pixar и Walt Disney Pictures выпустили гораздо более реалистичную и пугающую анимационную сагу о человеческой природе, которая быстро завоевала огромную популярность как у детей, так и у взрослых. Мультфильм «Головоломка» рассказывает об

одиннадцатилетней девочке Райли Андерсен, которая вместе с родителями переезжает из Миннесоты в Сан-Франциско. Она скучает по друзьям и старому дому, ей трудно привыкнуть к новой жизни, и она пытается сбежать в Миннесоту. Но незаметно для Райли у неё в мозгу разворачивается гораздо более масштабная драма. Райли не наивная звезда реалити-шоу, и она не заперта внутри матрицы. Скорее Райли сама является матрицей, и кое-что заперто у неё внутри.

Компания Disney построила свою империю, раз за разом пересказывая один и тот же миф. В её бесчисленных мультфильмах герои сталкиваются с трудностями и опасностями, но в конце концов побеждают, находя своё истинное «я» и делая свободный выбор. Фильм «Головоломка» жестоко развенчивает этот миф. Он придерживается самого современного нейробиологического взгляда на человека и приглашает зрителей в путешествие по мозгу Райли. При этом выясняется, что у девочки нет ни истинного «я», ни свободы выбора. На самом деле Райли — это сложный робот, управляемый рядом конфликтующих биохимических механизмов, которые в фильме изображаются в виде симпатичных мультяшных персонажей: жёлтой весёлой Радости, синей мрачной Печали, красного вспыльчивого Гнева и так далее. Манипулируя кнопками и рычагами в мозговом центре, эти персонажи наблюдают за каждым движением Райли на огромном телевизионном экране и управляют настроением, решениями и действиями девочки.

Неспособность Райли привыкнуть к новой жизни в Сан-Франциско — это результат неразберихи в мозговом центре, которая угрожает полностью нарушить работу всего мозга. Чтобы исправить положение, Радость и Печаль пускаются в эпическое путешествие по мозгу Райли; они едут на поезде мыслей, осматривают тюрьму подсознания, посещают внутреннюю студию, где творческие нейроны заняты производством снов. Погружаясь вместе с этими персонифицированными биохимическими механизмами в глубины мозга Райли, мы не встречаем там души, истинного «я» или свободной воли. Прозрение, на котором строится весь сюжет, происходит не в тот момент, когда девочка обнаруживает своё единственное «я», а когда становится понятно, что Райли невозможно идентифицировать с каким-то одним центром и что её благополучие зависит от взаимодействия множества разных механизмов.

Поначалу зрителей подталкивают к тому, чтобы они отождествляли Райли с главной героиней — жёлтой весёлой Радостью. Но в конце концов выясняется, что это было главной ошибкой, угрожающей разрушить жизнь Райли. Полагая, что она одна представляет суть Райли, Радость подавляет других персонажей, тем самым нарушая шаткое равновесие в мозгу девочки. Катарсис наступает после того, как Радость осознаёт свою ошибку и понимает — вместе со зрителями, — что Райли не Радость, не Печаль и не какой-то другой персонаж. Райли — это очень сложный конгломерат, результат конфликтов и сотрудничества всех биохимических персонажей.

По-настоящему удивляет даже не то, что компания Disney решилась вывести на рынок фильм с таким радикальным посланием, а то, что он стал мировым хитом. Возможно, успех во многом объясняется тем, что «Головоломка» — это комедия со счастливым концом, и большинство зрителей могли не уловить как неврологический контекст этой истории, так и её мрачный смысл.

Этого нельзя сказать о самой, пожалуй, пророческой из научно-фантастических книг двадцатого века. Её зловещую суть невозможно не заметить. Книга, изданная почти сто лет назад, с каждым годом становится всё более актуальной. Олдос Хаксли написал «О дивный новый мир» в 1931 году, когда в России и Италии укоренились коммунизм и фашизм, в Германии расцвёл нацизм, милитаристская Япония развязала захватническую войну в Китае, а мир был охвачен Великой депрессией. Но Хаксли смог заглянуть за эти чёрные тучи и представить будущее общество без войн, голода и эпидемий, с вечным миром, процветанием и здоровьем. Это общество потребления, в котором никак не ограничиваются секс, наркотики и рок-н-ролл, а главная его ценность — счастье. Основная идея книги в том, что человек представляет собой биохимический алгоритм, что наука может взломать этот алгоритм, а технология — манипулировать им.

В этом дивном новом мире государство использует передовые биотехнологии и социальную инженерию, чтобы все были довольны и ни у кого не было причин бунтовать. Как будто Радость, Печаль и другие персонажи в мозгу Райли стали верными агентами правительства. Этому обществу не нужны тайная полиция, концентрационные лагеря или министерство любви, как в романе

Оруэлла «1984». Гений Хаксли в том, что он показал: любовь и удовольствия куда более надёжные помощники в управлении людьми, чем страх и насилие.

После прочтения «1984» становится ясно, что Оруэлл описал жуткий мир, словно вышедший из ночного кошмара, и остаётся открытым только один вопрос: «Как нам не дойти до такого ужасного состояния?». «О дивный новый мир» оставляет читателя в некотором замешательстве, ведь ему предлагают самому понять, почему изображённый в книге мир кажется таким мрачным и безысходным. Это мирное и процветающее общество с довольными и счастливыми гражданами. Что же с ним не так?

Этот вопрос Хаксли поднимает в кульминационной сцене книги: разговоре между Мустафой Мондом, Главноуправителем Западной Европы, и Джоном Дикарём, который всю жизнь прожил в резервации в Нью-Мексико и который один во всём Лондоне что-то знает о Шекспире и Боге.

Когда Джон Дикарь пытается призвать жителей Лондона к восстанию против системы, которая их контролирует, люди не откликаются на его призывы, а полиция арестовывает его и приводит к Мустафе Монду. Главноуправитель мило беседует с Джоном и заявляет, что если ему не нужно общество, то он должен удалиться в какое-нибудь уединённое место и жить отшельником. Джон ставит под сомнение взгляды, лежащие в основе миропорядка, и обвиняет Мировое Государство в том, что в погоне за счастьем оно лишило жизнь не только истины и красоты, но и всего благородного и героического:

— Милый мой юноша, — сказал Мустафа Монд. — Цивилизация абсолютно не нуждается в благородстве или героизме. Благородство, героизм — это симптомы политической неумелости. В правильно, как у нас, организованном обществе никому не доводится проявлять эти качества. Для их проявления нужна обстановка полнейшей нестабильности. Там, где войны, где конфликт между долгом и верностью, где противление соблазнам, где защита тех, кого любишь, или борьба за них — там, очевидно, есть некий смысл в благородстве и героизме. Но теперь нет войн. Мы неусыпнейше предотвращаем всякую чрезмерную любовь. Конфликтов долга не возникает; люди так сформованы, что попросту не могут иначе поступать, чем от них

требуется. И то, что от них требуется, в общем и целом так приятно, стольким естественным импульсам даётся теперь простор, что, по сути, не приходится противиться соблазнам. А если всё же приключится в кои веки неприятность, так ведь у вас всегда есть сома, чтобы отдохнуть от реальности. И та же сома остудит ваш гнев, примирит с врагами, даст вам терпение и кротость. В прошлом, чтобы достичь этого, вам требовались огромные усилия, годы суровой нравственной выучки. Теперь же вы глотаете две-три таблетки — и готово дело. Ныне каждый может быть добродетелен. По меньшей мере половину вашей нравственности вы можете носить с собою во флакончике. Христианство без слёз — вот что такое сома.

— Но слёзы ведь необходимы. Вспомните, что сказал Отелло: «Если каждый шторм кончается такой небесной тишью, пусть сатанеют ветры, будя смерть». Старик индеец нам сказывал о Девушке из Мацаки. Парень, захотевший на ней жениться, должен был взять мотыгу и проработать утро в её огороде. Работа вроде бы лёгкая; но там летали мухи и комары; не простые, а волшебные. Женихи не могли снести их укусов и жал. Но один стерпел — и в награду получил ту девушку.

— Прелестно! — сказал Главноуправитель. — Но в цивилизованных странах девушек можно получать и не мотыжа огороды; и нет у нас жалящих комаров и мух. Мы всех их устранили столетия тому назад.

— Вот-вот, устранили, — кивнул насупленно Дикарь. — Это в вашем духе. Всё неприятное вы устраняете — вместо того чтобы научиться стойко его переносить. «Благородней ли терпеть судьбы свирепой стрелы и каменья или, схватив оружие, сразиться с безбрежным морем бедствий…» А вы и не терпите, и не сражаетесь. Вы просто устраняете стрелы и каменья. Слишком это лёгкий выход.

Он замолчал — вспомнил о матери. О том, как в комнате на тридцать восьмом этаже Линда дремотно плыла в море поющих огней и ароматных ласк — уплывала из времени и пространства, из тюрьмы своего прошлого, своих привычек, своего одрябшего, дряхлеющего тела. Да и её милый Томасик, бывший Директор Инкубатория и Воспитательного Центра, до сих пор ведь на сом-отдыхе — заглушил сомой унижение и боль и пребывает в мире, где не слышно ни тех ужасных слов, ни издевательского хохота, где нет перед ним мерзкого

лица, липнущих к шее дряблых влажных рук. Директор отдыхает в прекрасном мире…

— Вам бы именно слезами сдобрить вашу жизнь, — продолжал Дикарь. — А то здесь слишком дёшево всё стоит.

(«Двенадцать с половиной миллионов долларов, — возразил Генри Фостер, услышав ранее от Дикаря этот упрёк. — Двенадцать с половиной миллиончиков, и ни долларом меньше. Вот сколько стоит новый наш Воспитательный Центр».)

— «Смертного и хрупкого себя подставить гибели, грозе, судьбине за лоскуток земли». Разве не заманчиво? — спросил Дикарь, подняв глаза на Мустафу. — Если даже оставить Бога в стороне — хотя, конечно, за Бога подставлять себя грозе был бы особый резон. Разве нет смысла и радости в жизненных грозах?

— Смысл есть, и немалый, — ответил Главноуправитель. — Время от времени необходимо стимулировать у людей работу надпочечников.

— Работу чего? — переспросил непонимающе Дикарь.

— Надпочечных желёз. В этом одно из условий крепкого здоровья и мужчин и женщин. Потому мы и ввели обязательный приём ЗБС.

— Зебеэс?

— Заменителя бурной страсти. Регулярно, раз в месяц. Насыщаем организм адреналином. Даём людям полный физиологический эквивалент страха и ярости — ярости Отелло, убивающего Дездемону, и страха убиваемой Дездемоны. Даём весь тонизирующий эффект этого убийства — без всяких сопутствующих неудобств.

— Но мне любы неудобства.

— А нам — нет, — сказал Главноуправитель. — Мы предпочитаем жизнь с удобствами.

— Не хочу я удобств. Я хочу Бога, поэзию, настоящую опасность, хочу свободу, и добро, и грех.

— Иначе говоря, вы требуете права быть несчастным, — сказал Мустафа.

— Пусть так, — с вызовом ответил Дикарь. — Да, я требую.

— Прибавьте уж к этому — право на старость, уродство, бессилие; право на сифилис и рак; право на недоедание; право на вшивость и тиф; право жить в вечном страхе перед завтрашним днём; право мучиться всевозможными лютыми болями.

Длинная пауза.

— Да, это всё мои права, и я их требую.

— Что ж, пожалуйста, осуществляйте эти ваши права, — сказал Мустафа Монд, пожимая плечами[193].

Джон Дикарь удаляется в безлюдную пустыню и становится отшельником. Годы жизни в индейской резервации, религия и чтение Шекспира подготовили его к тому, чтобы отвергнуть все блага современного мира. Но слухи о необычном парне возбуждают любопытство и быстро распространяются по миру. В пустыню стекаются толпы людей, чтобы посмотреть на отшельника, и вскоре он становится знаменитостью. Глубоко опечаленный непрошеным вниманием, Дикарь бежит из матрицы цивилизации — он не глотает красную таблетку, а просто вешается.

В отличие от создателей «Матрицы» и «Шоу Трумана» Хаксли сомневался в возможности бегства, потому что считал, что бежать некуда. Поскольку ваш мозг и ваша «личность» — часть матрицы, для освобождения от матрицы вы должны освободиться от себя. Эту возможность стоит рассмотреть подробнее. В двадцать первом веке отказ от узкого определения личности вполне может стать необходимым средством выживания.

Часть V
Гибкость мышления

Как жить в век неопределённости, когда старые истории потерпели крах, а новые ещё не появились?

19
Образование

Единственная константа — перемены

Человечество сталкивается с беспрецедентными революционными переменами, и все наши старые истории рассыпаются, а новая, которая должна прийти им на смену, ещё не появилась. Как подготовить самих себя и своих детей к миру столь масштабных потрясений и фундаментальных неопределённостей? Ребёнку, рождённому сегодня, в 2050 году будет чуть больше 30 лет. Если с миром ничего не случится, этот ребёнок доживёт до 2100 года и может остаться активным членом общества даже в двадцать втором веке. Чему учить ребёнка, чтобы обеспечить ему достойную жизнь в том мире, каким он будет в 2050 году или в двадцать втором веке? Какие навыки ему понадобятся, чтобы найти работу, понимать происходящее и ориентироваться в жизненном лабиринте?

К сожалению, никто не знает, как будет выглядеть мир в 2050 году, не говоря уже о 2100-м, и поэтому мы не можем ответить на эти вопросы. Конечно, люди никогда не умели точно предсказывать будущее. Но сегодня сделать это гораздо труднее, чем прежде: ведь когда технология позволит нам конструировать своё тело, мозг и сознание, мы уже ни в чём не будем уверены — в том числе в тех вещах, которые раньше казались вечными и неизменными.

Тысячу лет назад, в 1018 году, люди не могли точно предсказать будущее, однако были убеждены, что основные черты человеческого общества не изменятся. Если в 1018 году вы жили в Китае, то знали, что к 1050 году империя Сун, возможно, рухнет, с севера вторгнутся кочевники кидани, а миллионы людей погибнут от эпидемий. И всё же было очевидно, что даже в 1050 году большинство жителей будут крестьянами и ткачами, правители по-прежнему будут набирать армию и чиновничий аппарат из людей, женщины будут подчиняться мужчинам, продолжительность жизни по-прежнему будет около сорока лет, а человеческое тело останется точно таким же. Поэтому в бедных семьях родители учили детей сажать рис и ткать шёлк, а

богачи учили мальчиков конфуцианской классической литературе, каллиграфии и боевым искусствам, а девочек — быть скромными и послушными домохозяйками. Никто не сомневался, что эти навыки будут востребованы в 1050 году.

Напротив, сегодня мы понятия не имеем, как в 2050 году будет выглядеть Китай или остальной мир. Мы не знаем, чем люди будут зарабатывать себе на жизнь, не знаем, как будут функционировать армии или бюрократия, не знаем, какими будут отношения между полами. Вероятно, люди будут жить гораздо дольше, чем в наши дни, а само человеческое тело может революционным образом измениться благодаря биоинженерии и интерфейсам «мозг — компьютер». Поэтому многое из того, чему дети учатся сегодня, в 2050 году станет ненужным.

Сегодня школы уделяют слишком много внимания зубрёжке информации. В прошлом это имело смысл, потому что информации было мало и даже этот слабый ручеёк постоянно перекрывала цензура. Если в 1800 году вы жили, скажем, в маленьком провинциальном городе в Мексике, то вряд ли много знали об остальном мире. Не было ни радио, ни телевидения, ни ежедневных газет, ни публичных библиотек[194]. Даже если вы владели грамотой и обладали доступом к частной библиотеке, читать в ней было нечего, кроме романов и религиозных трактатов. Испанская империя строго цензурировала все тексты, печатавшиеся на её территории, а извне допускала лишь небольшое число одобренных публикаций[195]. Примерно такой же была ситуация в провинциальных городах России, Индии, Турции и Китая. Школы Новейшего времени, в которых детей учили читать и писать и знакомили с основами географии, истории и биологии, знаменовали огромный шаг вперёд.

В двадцать первом веке мы, напротив, тонем в огромном потоке информации, остановить который не пытаются даже цензоры. Они заняты тем, что распространяют дезинформацию или отвлекают нас какой-нибудь чепухой. Если вы живёте в провинциальном мексиканском городе и у вас есть смартфон, то вам понадобится несколько жизней, чтобы просто читать Википедию, смотреть доклады с конференций TED и проходить бесплатные онлайн-курсы. Ни одно правительство не в состоянии скрыть всю информацию, которая ему не нравится. С другой стороны, появилась новая опасность — теперь

слишком легко запутать публику противоречивыми сообщениями и отвлекающими манёврами. Человеку из любого уголка мира достаточно кликнуть мышью, чтобы увидеть последние новости о бомбардировке Алеппо или о таянии льдов в Арктике, но противоречивых сообщений так много, что трудно понять, каким из них верить. Кроме того, доступность множества других вещей мешает сфокусировать внимание на чём-то одном, а когда политика и наука кажутся нам слишком сложными, возникает соблазн посмотреть смешное видео с котиками, почитать сплетни о знаменитостях или посмотреть порно.

В таком мире ученикам от учителя меньше всего нужна информация. Они и так ею перегружены. Люди нуждаются в умении понимать информацию, отличать важное от несущественного, а главное — соединять разрозненные фрагменты информации в целостную картину мира.

В сущности, именно таким был идеал западного либерального образования на протяжении нескольких веков, но до настоящего времени даже западной школе не удавалось его реализовать. Учителя позволяли себе ограничиваться сообщением информации, поощряя учеников «думать самостоятельно». Опасаясь авторитаризма, либеральные школы испытывали неподдельный ужас перед напыщенными нарративами. Они полагали, что, если дать ученикам много информации и немного свободы, они сами сформируют для себя картину мира, и даже если это поколение не сумеет объединить всю имеющуюся информацию в связную и осмысленную историю мира, впереди ещё много времени, чтобы выполнить такой синтез в будущем. Теперь время вышло. Решения, которые мы примем в следующие несколько десятилетий, определят будущее самой жизни, а принять эти решения мы можем только на основе сложившегося мировоззрения. Если у нынешнего поколения отсутствует целостный взгляд на мир, выбор будущего будет осуществляться случайным образом.

Становится жарко

Большинство школ стараются снабдить учеников не только информацией, но и набором определённых навыков, таких как умение

решать дифференциальные уравнения, программировать на C++, анализировать состав вещества в пробирке или говорить по-китайски. Но мы не представляем себе, как будет выглядеть мир и рынок труда в 2050 году, и поэтому не знаем, какие именно навыки понадобятся людям. Мы можем потратить много сил, обучая детей программированию на C++ или разговорному китайскому, но в 2050-м выяснится, что искусственный интеллект пишет программы лучше людей, а новое приложение Google Translate позволяет вести разговор на почти безупречном мандаринском, кантонском или хакка, даже если сами вы способны только поздороваться: «Ни Хао».

Чему же мы должны учить детей? Многие специалисты в области педагогики утверждают, что школы должны перейти к обучению четырём навыкам: критическому мышлению, коммуникации, сотрудничеству и творчеству[196]. В более широком смысле школы должны меньше внимания уделять техническим умениям и сосредоточиться на общих жизненных навыках. Самой важной будет способность приспосабливаться к переменам, учиться новому и сохранять хладнокровие в незнакомых ситуациях. Чтобы идти в ногу с миром образца 2050 года, потребуется не просто предлагать новые идеи и продукты — прежде всего нужно будет постоянно обновлять самих себя.

С ускорением темпа перемены изменится не только экономика, но и понимание того, что значит «быть человеком». Ещё в 1848 году «Манифест Коммунистической партии» провозгласил, что «всё сословное и застойное исчезает». Однако Маркс и Энгельс имели в виду в основном общественные и экономические структуры. К 2048 году материальные и когнитивные структуры также исчезнут, растворятся в воздухе — или в облаке из битов данных.

В 1848 году миллионы людей теряли работу на фермах и переселялись в большие города, чтобы работать на фабриках. Но, добравшись до большого города, они не меняли свой пол и не добавляли себе шестое чувство. А если бывшие крестьяне находили работу на текстильной фабрике, то надеялись, что сохранят новую профессию на всю оставшуюся жизнь.

В 2048 году людям, возможно, придётся иметь дело с миграцией в киберпространство, с меняющейся гендерной идентичностью и новым сенсорным опытом, генерируемым компьютерными имплантами. Если

человек найдёт работу и смысл жизни в проектировании ежеминутно меняющихся костюмов для трёхмерной игры в виртуальной реальности, то через десять лет не только эта профессия, но и все остальные, требующие сопоставимого уровня художественного творчества, могут быть вытеснены искусственным интеллектом. В двадцать пять лет вы опишете себя на сайте знакомств как «двадцатипятилетнюю гетеросексуальную женщину, живущую в Лондоне и работающую в ателье мод». В тридцать пять лет вы представитесь как «гендерно неопределённая личность в процессе возрастной перестройки, чья неокортикальная активность протекает преимущественно в виртуальном мире “Новый Космос” и чья жизненная миссия состоит в том, чтобы проникнуть туда, куда не добирался ещё ни один модельер». А когда вам исполнится сорок пять, не будет уже ни сайтов знакомств, ни самоопределений. Вы просто будете сидеть и ждать, когда алгоритм найдёт (или создаст) для вас идеальную пару. Что касается извлечения смысла из искусства модельера, то алгоритмы достигнут такого совершенства, что при взгляде на свои высшие достижения прошлого десятилетия вы будете испытывать скорее неловкость, чем гордость. И в сорок пять лет у вас впереди ещё много десятилетий радикальных перемен.

Не стоит воспринимать этот сценарий буквально. Никому не дано предугадать, свидетелями каких изменений мы станем. Любой сценарий, скорее всего, будет далёк от реальности. Если кто-то описывает вам мир середины двадцать первого века и это описание похоже на научную фантастику, то оно, скорее всего, неверное. Но если это описание *не* похоже на научную фантастику — оно точно неверное. Мы не в состоянии предвидеть конкретные детали, но единственное, что не вызывает сомнений, — это перемены.

Столь глубокие изменения трансформируют саму структуру человеческой жизни, сделав отсутствие непрерывности её главной характеристикой. С незапамятных времён жизнь делилась на две взаимодополняющие части: за периодом обучения следовал период работы. На первом жизненном этапе вы накапливали информацию, развивали навыки, у вас формировалось мировоззрение и стабильная личность. Даже если в пятнадцать лет вы бóльшую часть дня проводили на семейном рисовом поле (а не в школе), главным в вашей жизни всё равно было обучение: вы учились выращивать рис,

торговаться с жадными купцами из большого города, разрешать конфликты с односельчанами из-за земли и воды. Во второй половине жизни полученные навыки помогали вам ориентироваться в мире, зарабатывать и вносить вклад в жизнь общества. Конечно, даже в пятьдесят лет вы продолжали узнавать новое о рисе, торговцах и конфликтах, но это были лишь мелкие дополнения к доведённым почти до совершенства навыкам и умениям.

К середине двадцать первого века ускоряющиеся перемены и рост продолжительности жизни приведут к тому, что традиционная модель устареет. Жизнь разделится на периоды, связь между которыми будет всё больше ослабевать. Вопрос «Кто я?» станет ещё более актуальным и сложным[197].

Скорее всего, результатом станет сильнейший стресс. Перемены всегда неприятны, и, становясь старше, большинство людей не хотят меняться. Когда вам пятнадцать, вся ваша жизнь состоит из перемен. Тело растёт, мозг развивается, отношения с людьми становятся глубже. Всё в непрерывном движении, и всё в новинку. Вы всё время творите себя. Большинство подростков это пугает — и одновременно волнует. Перед вами открываются новые просторы, вам предстоит завоевать весь мир.

Но в пятьдесят вы уже не хотите меняться и, скорее всего, отбросили мысль о завоевании мира. Знакомые места, привычные занятия, любимая футболка. Вас гораздо больше привлекает стабильность. Вы столько вложили в свои навыки, карьеру, личность и мировоззрение, что не желаете начинать всё сначала. Чем упорнее вы трудились над созданием чего-либо, тем труднее от этого избавиться и освободить место для нового. Возможно, вы по-прежнему цените новый опыт и мелкие усовершенствования, но большинство людей старше пятидесяти лет не готовы перестраивать глубокие структуры своей идентичности и своего «я».

На это есть неврологические причины. Мозг взрослого человека гораздо гибче и податливее, чем считалось прежде, но всё же уступает в адаптивности мозгу подростка. Перестройка соединений нейронов и перепрограммирование синапсов — чертовски тяжёлая работа[198]. Однако в двадцать первом веке стабильность, по всей видимости, станет непозволительной роскошью. Если вы попытаетесь сохранить неизменной свою идентичность, профессию или мировоззрение, то

рискуете очень быстро отстать от мира. Если учесть вероятное увеличение продолжительности жизни, то вам грозит перспектива не один десяток лет прожить как бесполезное ископаемое. Чтобы идти в ногу со временем — не только в экономическом, но и в социальном плане, — вы должны быть способны постоянно учиться и перестраивать себя, по меньшей мере в таком юном возрасте, как пятьдесят лет.

Оригинальность будет постепенно превращаться в новую норму, и ваш прежний опыт, как и прежний опыт всего человечества, станет менее надёжным помощником. Людям как отдельным личностям и человечеству в целом всё чаще придётся иметь дело с тем, с чем никто никогда раньше не сталкивался: с компьютерным суперинтеллектом и сконструированными телами, с алгоритмами, которые с необыкновенной точностью научатся управлять вашими эмоциями, с рукотворными климатическими катаклизмами, а также с необходимостью каждые десять лет менять профессию. Как поступить, столкнувшись с абсолютно новыми условиями? Как действовать, когда на вас обрушивается лавина информации и нет никакой возможности осознать и проанализировать её? Как жить в мире, где фундаментальная неопределённость — это не сбой, а структурная особенность?

Чтобы выжить в таком мире и обеспечить себе достойную жизнь, вам понадобится недюжинная гибкость мышления и огромный запас эмоциональной стабильности. Вам придётся постоянно отказываться от того, что вы лучше всего знаете, и осваивать неизвестное. К сожалению, научить детей приветствовать новое и сохранять психологическое равновесие гораздо труднее, чем рассказать о законах физики или о причинах Первой мировой войны. Невозможно научиться гибкости мышления, читая книгу или слушая лекцию. Зачастую учителям не хватает гибкости, необходимой в двадцать первом веке, потому что они сами вышли из старой системы образования.

Промышленная революция оставила нам в наследство конвейерную теорию образования. В центре города стоит большое здание из стекла и бетона, разделённое на множество одинаковых комнат, в каждой из которых стоят ряды парт и стульев. По звонку вы вместе с тридцатью вашими сверстниками идёте в одну из этих комнат.

Каждый час к вам заходит кто-то из взрослых и начинает говорить. Всем этим людям платит государство. Один рассказывает о форме Земли, другой — о прошлом человечества, а третий объясняет устройство вашего тела. Эту модель легко высмеивать, и почти каждый согласится, что сегодня её несостоятельность очевидна — несмотря на все прошлые заслуги. Но мы до сих пор не создали жизнеспособной альтернативы. У нас нет такой гибкой системы образования, которую можно было бы внедрять не только в богатых калифорнийских пригородах, но и в сельских районах Мексики.

Взлом человека

Таким образом, лучший совет, который я могу дать пятнадцатилетнему подростку из морально устаревшей школы где-нибудь в Мексике, Индии или Алабаме, звучит так: не слишком полагайтесь на взрослых. Большинство из них желают вам добра, но они просто не понимают этот мир. В прошлом было относительно безопасно подражать взрослым, потому что они очень хорошо знали жизнь, а мир менялся медленно. Но в двадцать первом веке всё изменится. Из-за постоянно растущих темпов перемен вы не сможете с уверенностью определить, что передают вам взрослые: мудрость, неподвластную времени, или устаревшие предрассудки.

На что же тогда опираться? На технологию? Тут риск ещё выше. Технология может послужить хорошим подспорьем, но если вы отведёте ей слишком большую роль в вашей жизни, то станете её заложником. Много тысяч лет назад люди изобрели сельское хозяйство, однако новая технология обогатила лишь немногочисленную элиту, превратив почти всё население в рабов. Большинство людей трудились от зари до зари, пропалывая сорняки, таская воду и собирая урожай под палящими лучами солнца. Нечто подобное может произойти и с вами.

Технология — не зло. Если вы знаете, чего хотите от жизни, технология поможет вам этого достичь. Но если у вас нет определённых желаний, ей не составит труда ставить цели за вас и управлять вашей жизнью. Когда технология научится лучше понимать человека, вы вдруг обнаружите, что не она служит вам, а вы ей. Наверняка вам попадались зомби, идущие по улице, уткнувшись носом

в смартфон. Как думаете — это они управляют технологией или технология ими?

Значит, нужно искать опору в себе? Это отлично прозвучало бы в программе «Улица Сезам» или в старомодном диснеевском мультфильме, но не в реальной жизни. Понимать это начинает даже студия Disney. Подобно Райли Андерсен, большинство людей почти не знают себя, а пытаясь «прислушаться к себе», становятся удобным объектом для внешних манипуляций. Наш внутренний голос никогда не заслуживал доверия, потому что всегда был рупором государственной пропаганды, идеологической промывки мозгов и коммерческой рекламы, не говоря уже о биохимических сбоях.

С совершенствованием биотехнологий и машинного обучения появится больше возможностей для манипуляции самыми глубокими чувствами и желаниями человека, и следовать велению своего сердца станет гораздо опаснее, чем прежде. Когда Coca-Cola, Amazon, Baidu или правительство научатся играть на струнах вашего сердца и нажимать кнопки в вашем мозгу, сможете ли вы отличить себя от их специалистов по маркетингу?

Это очень сложная задача, и вам придётся приложить много усилий для изучения своей операционной системы, чтобы понять, кто вы и чего хотите от жизни. Конечно, всё это старо как мир. Не одну тысячу лет философы и пророки призывали людей познать себя. Но этот совет никогда не был так актуален, как в двадцать первом веке, потому что сейчас, в отличие от эпохи Лао-цзы или Сократа, у вас есть серьёзные конкуренты. Coca-Cola, Amazon, Baidu и правительство соревнуются между собой, кто раньше вас взломает. Не ваш смартфон, компьютер или банковский счёт — они стремятся взломать *вас* и вашу органическую операционную систему. Возможно, вам приходилось слышать, что мы живём в эпоху взлома компьютеров, но это лишь половина правды. На самом деле мы живём в эпоху взлома человека.

Алгоритмы уже следят за вами. Они знают, куда вы идёте, что покупаете, с кем встречаетесь. Вскоре они будут следить за каждым вашим шагом, за каждым вздохом, каждым сердцебиением. Благодаря алгоритмам Больших данных и машинному обучению они будут понимать вас всё лучше и лучше. А когда они узнают о вас больше, чем вы знаете о себе сами, то начнут вами управлять и манипулировать — и вы ничего не сможете с этим сделать. Вы будете жить в матрице

или в «Шоу Трумана». В конечном счёте это простой эмпирический вопрос: если алгоритмы действительно лучше понимают, что происходит внутри вас, власть перейдёт к ним.

Конечно, никто не запретит вам с радостью отдать всю власть алгоритмам, доверить им всё решать и за вас, и за остальной мир. В таком случае можете расслабиться и получать удовольствие. Не нужно ничего с этим делать. Алгоритмы обо всём позаботятся. Если же вы хотите сохранить хотя бы частичный контроль над своей жизнью и будущим мира, вы должны бежать быстрее алгоритмов, быстрее Amazon и правительств и познать себя раньше, чем это сделают они. Поэтому не берите с собой лишнего багажа. Отбросьте все иллюзии. Это очень тяжёлый груз.

20
Смысл

Жизнь — не вымысел

Кто я? Чем мне заняться в жизни? В чём смысл жизни? Люди с незапамятных времён задаются этими вопросами. Каждому поколению требуются новые ответы, поскольку то, что мы знаем и чего не знаем, продолжает меняться. Какой же наилучший ответ мы можем предложить сегодня — с учётом того, что знаем и чего не знаем о науке, Боге, политике и религии?

Но какого рода ответ хотят получить люди? Почти во всех случаях, спрашивая о смысле жизни, они ожидают какой-то истории. *Homo sapiens* можно определить как животное, придумывающее истории, и его мышление строится на историях, а не на цифрах и графиках. Даже саму вселенную люди представляют в виде истории, изобилующей героями и злодеями, конфликтами и примирениями, кульминациями и счастливыми концовками. Когда мы ищем смысл жизни, то хотим получить историю, которая объяснит, что представляет собой окружающая нас действительность и какова наша роль в космической драме. Эта роль определяет, кто я такой, и придаёт смысл моему опыту и выбору.

Одна популярная история, которую уже не одну тысячу лет рассказывают миллиардам озабоченных поиском смысла жизни людей, объясняет, что все мы часть вечного цикла, охватывающего и объединяющего всех существ. Каждому существу в этом цикле отведена определённая роль. Понять смысл жизни — значит понять своё уникальное предназначение, а прожить хорошую жизнь — выполнить это предназначение.

В индийском эпосе «Бхагават-гита» рассказывается, как в разгар жестокой гражданской войны великого воина, царевича Арджуну, охватывают сомнения. Увидев друзей и родственников в армии врага, он не знает, должен ли сражаться с ними и убить их. Он размышляет, что такое добро и зло и кто это определяет, а также в чём смысл человеческой жизни. Бог Кришна объясняет Арджуне, что в великом

космическом цикле у каждого существа есть уникальная «дхарма» — путь, по которому оно обязано идти, и долг, который оно обязано исполнить. Если человек осознает свою дхарму, то, независимо от тяжести предназначенного ему пути, обретёт душевное спокойствие и избавится от всех сомнений. Если же он откажется следовать своей дхарме и попытается выбрать чужой путь — или просто идти по жизни без всякой цели, — то нарушит космическое равновесие и никогда не познает умиротворения и радости. Не имеет значения, каков именно ваш путь; главное — не отступать от него. Прачка, которая неуклонно следует по своему пути прачки, лучше царевича, который отклоняется от пути царевича. Осознав, в чём смысл жизни, Арджуна продолжает следовать *своей* дхарме воина. Он убивает друзей и родственников, приводит свою армию к победе и становится одним из самых любимых и почитаемых героев в индуистском мире.

В 1994 году в мультфильме «Король Лев» студии Disney этот сюжет был пересказан для современной публики; роль царевича Арджуны перешла ко льву по имени Симба. Когда Симба спрашивает о смысле жизни, его отец, король-лев Муфаса, рассказывает ему о Великом Круге Жизни. Муфаса объясняет, что антилопы едят траву, львы едят антилоп, а когда львы умирают, их тела разлагаются и питают траву. Так жизнь продолжается из поколения в поколение, если каждое животное играет отведённую ему роль в этой великой драме. Всё взаимосвязано, каждый зависит от всех остальных, и даже если одна травинка не выполнит своего предназначения, может нарушиться весь Круг Жизни. Предназначение Симбы, по словам Муфасы, в том, чтобы править королевством львов после смерти Муфасы и поддерживать порядок в животном мире.

Но когда Муфасу убивает его злой брат Шрам, Симба винит в этой катастрофе себя и, терзаемый чувством вины, покидает прайд, отказывается от своей королевской судьбы и уходит в пустыню. Там он встречает двух других изгнанников, суриката и кабана, и вместе они проводят несколько беззаботных лет вдали от проторённых дорог. Их антисоциальная философия сводится к тому, чтобы на каждую проблему отвечать словами «акуна матата» — «никаких проблем».

Но Симба не может избежать своей дхармы. Взрослея, он всё больше беспокоится: львёнок не понимает, кто он и какова его роль в жизни. В кульминационный момент фильма Симбе является дух

Муфасы и напоминает о Круге Жизни и о том, что в Симбе течёт королевская кровь. Симба также узнаёт, что в его отсутствие злой Шрам захватил трон, и в результате его правления земли прайда страдают от голода и усобиц. Симба наконец понимает, кто он и что должен делать. Он возвращается в львиное королевство, убивает дядю, становится королём и восстанавливает гармонию и процветание. Фильм заканчивается тем, что гордый Симба представляет собравшимся зверям своего новорождённого наследника — подтверждение того, что Великий Круг Жизни не прервётся.

Круг Жизни представляет космическую драму в виде повторяющейся истории. Симба и Арджуна знали, что с незапамятных времён львы едят антилоп, а воины сражаются — и будут это делать снова и снова. Бесконечное повторение придаёт истории убедительность, подтверждая, что таков естественный порядок вещей и что, если Арджуна перестанет сражаться или Симба откажется от королевской власти, это будет восстанием против самих законов природы.

Если я верю в ту или иную версию Круга Жизни, это означает, что я обладаю неизменной и истинной идентичностью, которая определяет мои обязанности в этой жизни. Я могу много лет сомневаться в этой идентичности или не знать о ней. Но однажды настанет великий момент просветления: я осознаю свою роль в космической драме и, несмотря на многочисленные трудности и испытания, которые встретятся на моём пути, избавлюсь от сомнений и отчаяния.

Представители других религий и идеологий верят в линейную космическую драму, у которой есть хорошо известное начало, не слишком длинная середина и окончательный, не подлежащий пересмотру финал. Например, исламская история гласит, что вначале Аллах создал всю Вселенную и установил для неё законы. Затем он открыл эти законы людям — в Коране. К сожалению, невежественные и грешные люди восстали против Аллаха и попытались нарушить или утаить эти законы, и поэтому правоверные добродетельные мусульмане обязаны сохранять их и распространять знания о них. В Судный день Аллах оценит поведение всех и каждого. Праведные будут вознаграждены вечным блаженством в раю, а грешники — низвергнуты в огненную преисподнюю.

Эта впечатляющая исламская история предполагает, что моя маленькая, но важная роль в жизни заключается в исполнении приказов Аллаха, распространении знаний о его законах и покорности его воле. Если я верю в мусульманскую историю, то нахожу смысл в пятикратной ежедневной молитве, в жертвовании денег на новую мечеть и борьбе с отступниками и неверными. Даже самые обычные занятия — мытьё рук, употребление вина, занятия сексом — наполняются космическим смыслом.

Национализм — тоже линейная история. Так, сионистская история начинается с описанных в Библии приключений и достижений еврейского народа, затем повествует о 2000 лет изгнания и преследований, достигает кульминации в событиях холокоста и образования государства Израиль, а в будущем ждёт наступления дней, когда в Израиле воцарятся мир и процветание и страна станет моральным и духовным маяком для всего мира. Если я верю в сионистскую историю, то считаю целью своей жизни продвижение интересов еврейского народа — защищаю чистоту национального языка, сражаюсь за возвращение утраченных еврейских земель или, возможно, рожаю и воспитываю новое поколение израильских детей, которые будут хранить верность традициям.

В этом случае даже самые будничные события исполнены смысла. В День независимости израильские школьники поют хором популярную еврейскую песню, восхваляющую всё, что делается ради родины. Один ребёнок поёт: «Я построил дом на земле Израиля». «Я посадил дерево на земле Израиля», — продолжает второй. «Я написал стихи на земле Израиля», — вступает третий. И так далее, пока все голоса не сливаются в хоре: «Теперь у нас есть дом, дерево и стихи [и всё остальное, что вы пожелаете прибавить] на земле Израиля».

Коммунистическая идеология предлагает похожую историю, только фокусирует внимание на классе, а не на этносе. «Манифест Коммунистической партии» начинается так:

История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством

всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов[199].

Далее в манифесте объясняется, что в современную эпоху «общество всё более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат»[200]. Их борьба окончится победой пролетариата, что ознаменует конец истории и установление на земле коммунистического рая, в котором ни у кого не будет собственности, но все будут абсолютно свободны и счастливы.

Если я верю в коммунистическую историю, то прихожу к выводу, что моё жизненное предназначение — ускорить торжество мировой революции путём сочинения памфлетов, организации забастовок и демонстраций или даже убийства алчных капиталистов и борьбы с их лакеями. История придаёт смысл даже незначительным жестам, таким как бойкот фирмы, эксплуатирующей рабочих на текстильных фабриках в Бангладеш, или спор с тестем — капиталистической свиньёй — за рождественским ужином.

Если внимательно посмотреть на весь диапазон историй, которые помогают определить истинную идентичность и придать смысл нашим поступкам, то с удивлением обнаруживаешь, что масштаб почти не имеет значения. Некоторые истории, вроде Круга Жизни львёнка Симбы, растягиваются на целую вечность. Только на фоне всей вселенной я могу понять, кто я. По сравнению с ней другие истории, такие как большинство националистических и племенных мифов, кажутся ничтожными. Сионизм объявляет священными приключения 0,2 % человечества на клочке суши, занимающем 0,005 % поверхности Земли, в течение крошечного промежутка времени. Сионистская история не придаёт значения китайским империям, племенам Новой Гвинеи, галактике Андромеда, множеству эпох до рождения Моисея и Авраама, а также эволюции человекообразных обезьян.

Подобная близорукость может приводить к серьёзным последствиям. Например, одно из главных препятствий для заключения мирного договора между израильтянами и палестинцами состоит в том, что израильтяне не соглашаются делить Иерусалим. Они утверждают, что этот город — «вечная столица еврейского народа»; а разве можно поступиться чем-то вечным?[201] Что такое несколько убитых человек в сравнении с вечностью? Всё это, конечно,

полная чушь. Вечность началась как минимум 13,8 миллиарда лет назад — таков возраст вселенной. Планета Земля образовалась приблизительно 4,5 миллиарда лет назад, а возраст человечества оценивается в 2 миллиона лет. Для сравнения: Иерусалим был основан всего 5000 лет назад, а еврейский народ возник максимум 3000 лет назад. Едва ли такой срок можно назвать вечностью.

Что касается будущего, то физики предсказывают, что приблизительно через 7,5 миллиарда лет расширяющееся Солнце поглотит Землю[202], а наша Вселенная просуществует ещё как минимум 13 миллиардов лет. Неужели кто-то всерьёз верит, что еврейский народ, государство Израиль или город Иерусалим всё ещё будут существовать через 13 000 лет, не говоря уже о 13 миллиардах лет? Заглядывая в будущее, сионизм отодвигает горизонт не дальше чем на несколько столетий, но этого достаточно, чтобы поразить воображение большинства израильтян и убедить их считать это «вечностью». Люди готовы идти ради «вечного города» на те жертвы, на которые они, вероятно, не пошли бы ради какого-то бренного скопления домов.

Когда я был подростком, меня тоже увлекало обещание националистов стать частью чего-то большего, чем я сам. Мне хотелось верить, что если я отдам жизнь за свой народ, то буду жить вечно — в народе. Но я не мог понять, что значит «жить вечно в народе». Казалось, что эта фраза исполнена глубокого смысла, но что она означала на самом деле? Я помню церемонию в День памяти, когда мне было тринадцать или четырнадцать лет. В США День памяти отмечается в основном магазинными распродажами, но в Израиле это очень серьёзное и важное событие. В этот день в школах проводят траурные церемонии, вспоминая солдат, павших во всех многочисленных войнах, которые вёл Израиль. Дети, одетые в белое, читают стихи, поют песни, возлагают венки и поднимают флаги. Во время церемонии, между поднятием флага и декламацией стихов, я — тоже в белом костюме — вдруг подумал, что хотел бы, когда вырасту, стать павшим солдатом. Будь я героем, отдавшим жизнь за Израиль, все эти дети читали бы стихи и поднимали флаги в мою честь.

Но потом мне в голову пришла мысль: «Стоп. Если я буду мёртв, то как я узнаю, что дети читают стихи в мою честь?». Я попытался представить себя мёртвым. Вообразил, как лежу под белой надгробной

плитой на ухоженном воинском кладбище и слушаю стихи, которые доносятся до меня с поверхности земли. Затем я подумал: «Мёртвый я не смогу услышать стихов, потому что у меня не будет ушей, у меня не будет мозга и я не смогу ничего слышать и чувствовать. Какой в этом смысл?».

Хуже того: в тринадцать лет я уже знал, что вселенной несколько миллиардов лет и что она, вероятно, просуществует ещё несколько миллиардов лет. Мог ли я надеяться, что Израиль просуществует так же долго? Неужели через 200 миллионов лет дети *Homo sapiens* всё ещё будут читать стихи в мою честь? Что-то здесь не так.

Если вы родились палестинцем, у вас тоже нет причин для особой гордости. Маловероятно, что через 200 миллионов лет на земле будут жить палестинцы. Скорее всего, на нашей планете вообще не будет млекопитающих. Другие национальные движения страдают той же ограниченностью. Сербских националистов не заботят события юрского периода, а корейские убеждены, что маленький полуостров на восточном побережье Азии — единственная часть космоса, которая действительно важна для общего устройства мира.

Конечно, даже Симба, несмотря на веру в вечный Круг Жизни, не размышляет о том, что львы, антилопы и трава на самом деле не вечны. Симба не задумывается, какой была вселенная до эволюции млекопитающих и какая судьба ждёт его любимую африканскую саванну после того, как люди убьют всех львов и закатают пастбища в асфальт и бетон. Делает ли это жизнь Симбы абсолютно бессмысленной?

Все истории неполны. Но чтобы сконструировать для себя жизнеспособную идентичность и найти смысл жизни, мне не нужна идеальная история, лишённая белых пятен и внутренних противоречий. Чтобы придать моей жизни смысл, история должна отвечать всего двум условиям. Во-первых, *я* должен получить роль. Коренной житель Новой Гвинеи вряд ли примет сионизм или сербский национализм, поскольку эти истории не имеют никакого отношения к Новой Гвинее и её народу. Люди подобны кинозвёздам — им нравятся только те сценарии, где у них главная роль.

Во-вторых, хорошая история должна выходить за пределы моего кругозора, хотя и не обязательно в бесконечность. История даёт мне идентичность и вносит смысл в мою жизнь, делая меня частью чего-то

большего, чем я сам. Но всегда есть опасность, что я задумаюсь: а что придаёт смысл этому «большему»? Если смысл моей жизни в помощи пролетариату или польскому народу, что придаёт смысл пролетариату или польскому народу? Герой одного анекдота утверждал, что мир держится на спине огромного слона. Когда у него спросили, на чём стоит слон, он ответил, что на спине большой черепахи. А черепаха? На спине ещё большей черепахи. А эта огромная черепаха? Усмехнувшись, тот ответил: «Можете не беспокоиться. Там дальше одни черепахи».

Самые успешные истории — это истории с открытым концом. В них нет нужды объяснять, откуда берётся изначальный смысл, потому что они привлекают внимание людей и удерживают его в безопасной зоне. Объясняя, что мир стоит на спине огромного слона, вы должны предупредить любые неудобные вопросы подробным рассказом о том, что ураганы возникают от движения гигантских ушей слона, а когда слон дрожит от гнева, происходят землетрясения. Если ваша история будет достаточно хороша, никому не придёт в голову спросить, на чём стоит слон. Точно так же национализм завораживает нас историями о героизме, трогает до слёз рассказами о катастрофах прошлого и возбуждает ярость, описывая несправедливости, которые пришлось пережить вашему народу. Мы так увлечены этим национальным эпосом, что начинаем оценивать всё происходящее в мире с точки зрения последствий для нашего народа и не задаёмся вопросом, что делает наш народ таким значимым по сравнению с остальными.

Если вы верите в какую-то историю, она заставляет вас живо интересоваться мельчайшими подробностями и не обращать внимания на то, что выходит за её рамки. Убеждённые коммунисты могут часами спорить, допустим ли альянс с социал-демократами на первом этапе революции, но редко задумываются о месте пролетариата в эволюции млекопитающих на планете Земля или о том, насколько распространена органическая жизнь в космосе. Подобную пустую болтовню они сочли бы контрреволюционной тратой времени.

В некоторых историях делаются попытки предложить полную картину пространства и времени, но уникальное свойство завладевать вниманием людей позволяет многим другим успешным историям ограничиваться куда более скромными сюжетами. Ключевой закон сочинения историй гласит: после того как история выходит за пределы

кругозора аудитории, её окончательные рамки уже не так важны. Фанатики могут устроить кровавую резню как во имя тысячелетнего народа, так и во имя бога, которому миллион лет. Люди плохо разбираются в больших числах: в большинстве случаев нужно совсем немного, чтобы поразить наше воображение.

С учётом того, что мы знаем о вселенной, ни один вменяемый человек никак не должен был бы верить, что абсолютная истина о Вселенной — это история израильского, немецкого или русского национализма. Или национализма вообще. История, игнорирующая почти всё пространство и время, Большой взрыв, квантовую физику и эволюцию жизни, — это всего лишь крошечный фрагмент истины. Но люди как-то умудряются не замечать ничего за пределами этого фрагмента.

Действительно, на протяжении всей истории человечества миллиарды людей верили, что для того, чтобы их жизнь имела смысл, не обязательно даже участвовать в национальных или больших идеологических движениях. Достаточно просто «оставить что-то после себя», и тогда их личная история продолжится и после смерти. В идеале этим «чем-то» должна быть душа или сущность. Если после смерти моего нынешнего тела моя душа перейдёт в новое, то смерть — это не конец. Это просто пустая страница между двумя главами, и сюжет, начавшийся в одной главе, продолжится в следующей. Многие хотя бы отчасти верят в эту теорию, даже если не связывают её с какой-то конкретной религией. Им не нужны тщательно разработанные догматы — достаточно обнадёживающего чувства, что их история продолжится за горизонтом смерти.

Теория жизни как бесконечного эпоса чрезвычайно привлекательна и популярна, но у неё есть два серьёзных изъяна. Во-первых, продлевая мою личную историю, я не делаю её более важной — она просто становится более длинной. Две великие религии, проповедующие идею бесконечного цикла рождений и смертей, — индуизм и буддизм — разделяют страх перед бессмысленностью всего сущего. Миллионы и миллионы раз я учусь ходить, расту, ругаюсь с тёщей, болею, умираю — а затем всё это повторяется снова. В чём смысл? Если бы я собрал все слёзы, пролитые в прежних жизнях, их хватило бы, чтобы заполнить Тихий океан; если бы я собрал в кучу все потерянные зубы и волосы, эта гора возвышалась бы над Гималаями.

И что я получил взамен? Неудивительно, что индуистские и буддийские мудрецы тратили столько сил на поиск пути к избавлению от этой карусели, а не к её продлению.

Вторая проблема этой теории — скудость доказательств. Где доказательства, что в прошлой жизни я был средневековым крестьянином, неандертальским охотником, тираннозавром или амёбой (если я действительно прожил миллион жизней, то должен был успеть побывать динозавром и амёбой, поскольку человек появился лишь около 2,5 миллиона лет назад)? И в каком облике я получу в будущем новую жизнь: киборга, исследователя других галактик или лягушки? Строить свою жизнь на таком обещании — всё равно что продавать дом в обмен на просроченный чек, выданный банком, находящимся где-то за облаками.

Поэтому люди, сомневающиеся в том, что их душа или сущность продолжит существовать после смерти, пытаются оставить после себя что-то более осязаемое. Это «осязаемое» может принимать одну из двух форм: культурную или биологическую. Я могу оставить после себя, скажем, стихи или некоторые из моих ценных генов. Моя жизнь обладает смыслом, потому что через сто лет люди будут читать мои стихи или потому что на земле будут жить мои дети и внуки. В чём смысл их жизни? Ну, это уже их проблема, а не моя. Поиск смысла жизни напоминает игру с ручной гранатой с выдернутой чекой. Как только вы передали её другому, вы в безопасности.

Увы, даже скромная надежда просто «оставить что-то после себя» сбывается редко. Большинство существовавших на нашей планете организмов вымерли, не оставив генетического наследства. Например, все динозавры. Или неандертальцы, исчезнувшие после появления сапиенсов. Или польские родственники моей бабушки. В 1934 году моя бабушка Фанни вместе с родителями и двумя сёстрами иммигрировала в Иерусалим, но большинство их родных остались в польских городах Хмельник и Ченстохова. Через несколько лет нацисты убили всех, даже детей.

Попытки оставить после себя культурное наследие также редко бывают успешными. От польских родственников моей бабушки осталось лишь несколько выцветших фотографий в семейном альбоме, и даже бабушка, которой исполнилось девяносто шесть лет, не может вспомнить их имён. Насколько мне известно, они не оставили после

себя никаких культурных артефактов — ни стихов, ни дневника, ни даже списка покупок. Вы можете возразить, что они внесли вклад в коллективное наследие еврейского народа или сионистского движения, но это вряд ли придаст смысл жизни каждого из них. Более того: откуда вы знаете, что все они гордились своей еврейской идентичностью или поддерживали сионистское движение? Может, один из них был убеждённым коммунистом и пожертвовал жизнью, работая на СССР? А другой больше всего хотел ассимилироваться в польском обществе, сделать карьеру в польской армии, но был убит Советами в Катыни? А вдруг одна из женщин семьи была радикальной феминисткой, полностью отвергающей религиозную и национальную идентичность? От них ничего не осталось, и поэтому очень легко посмертно приписать их к той или иной группе — они не смогут возразить.

Если мы не в состоянии оставить после себя что-то осязаемое — генетический код или стихи, — возможно, будет достаточно сделать мир хоть немного лучше? Вы поможете человеку, а он потом поможет кому-то ещё, и таким образом вы внесёте вклад в улучшение этого мира и станете маленьким звеном в великой цепи доброты. Может быть, вы станете наставником для трудного, но талантливого ребёнка, который выучится на врача и спасёт сотни жизней? Может быть, вы переведёте через дорогу старушку, подарив ей радость хотя бы на час? Да, это достойные поступки, но великая цепь доброты немного похожа на пирамиду из черепах — совершенно непонятно, откуда исходит её смысл. Однажды мудрого старика спросили, что он понял о смысле жизни. «Знаете, — ответил он, — я понял, что пришёл на эту землю, чтобы помогать другим людям. Но не могу понять, зачем здесь другие люди».

Те, кто не верит в великие цепи, будущее наследие и коллективный эпос, могут обратиться, возможно, к самой приземлённой и самой прагматичной истории — романтике. Она не стремится выйти за пределы существования здесь и сейчас. Как свидетельствуют бесчисленные любовные поэмы, когда вы влюблены, вся вселенная сводится для вас к мочке уха, реснице или соску любимого человека. Глядя на Джульетту, прижавшую ладонь к щеке, Ромео восклицает: «О, если бы я был её перчаткой, чтобы коснуться

мне её щеки!». В единении всего лишь с одним телом здесь и сейчас вы чувствуете связь со всем космосом.

Но, откровенно говоря, ваш возлюбленный — обычный человек, ничем особенным не отличающийся от множества людей, на которых вы не обращаете внимания в транспорте или супермаркете. Но для вас он бесконечно важен, и вы счастливы потеряться в этой бесконечности. В каждой культуре поэты-мистики часто объединяли романтическую любовь с космическим слиянием, писали о Боге как о возлюбленном. А поэты-романтики приравнивали своих возлюбленных к богам. Если вы действительно любите кого-то, вас не беспокоят вопросы смысла жизни.

А если вы не влюблены? Конечно, если вы верите в романтическую историю, но не влюблены, то по меньшей мере знаете цель своей жизни: найти настоящую любовь. Вы видели её во множестве фильмов, читали о ней в самых разных книгах. Вы знаете, что однажды встретите особенного человека, увидите бесконечность в двух сияющих глазах и вся ваша жизнь вдруг обретёт смысл, а на все вопросы будет получен ответ — бесконечное повторение одного имени. Так было с Тони из «Вестсайдской истории» и с Ромео, увидевшим стоящую на балконе Джульетту.

Тяжесть крыши

Хорошая история должна давать мне роль и выходить за пределы моего кругозора, но ей не обязательно быть правдивой. Даже чистая выдумка способна помочь мне понять, кто я, и почувствовать, что моя жизнь имеет смысл. С точки зрения науки ни одна из тысяч историй, которые с незапамятных времён появлялись в самых разных культурах, религиях и племенах, не была правдой. Все они придуманы людьми. Если вы спросите кого-то о смысле жизни, а в ответ услышите историю, можете не сомневаться — ответ неверен. Точность деталей не имеет значения. *Любая* история неверна — просто потому, что это история. А происходящее во вселенной не похоже на историю.

Почему же люди верят в вымысел? Во-первых, на таких историях строится идентичность людей. Нас с раннего детства учат верить в истории. Их рассказывают родители, учителя, соседи и вся окружающая культура — задолго до того, как мы обретаем

интеллектуальную и эмоциональную независимость, необходимую, чтобы ставить под сомнение и проверять услышанное. К тому времени, как у человека созревает интеллект, он успевает столько вложить в эту историю, что использует свои интеллектуальные способности скорее для обоснования этой истории, чем для её опровержения. Большинство из тех, кто пытаются понять себя, похожи на детей, отправившихся на поиски сокровищ. Они найдут только то, что заранее припрятали для них родители.

Во-вторых, на историях строится не только идентичность, но и коллективные институты. Поэтому сомневаться в истории очень страшно. Во многих обществах каждый, кто на это осмелится, подвергается остракизму или преследованиям. Но и без этого нужно обладать железными нервами, чтобы подвергнуть сомнению саму основу общества. Ведь если признать историю ложью, то весь привычный мир потеряет смысл. Государственные законы, социальные нормы, экономические институты — всё это может рухнуть.

Большинство историй не разваливаются благодаря тяжести крыши, а не прочности фундамента. Возьмём, например, христианскую историю. Фундамент у неё очень слабый. Какие у нас есть доказательства, что сын творца вселенной был рождён как углеродная форма жизни в галактике Млечный Путь приблизительно 2000 лет назад? Какие у нас есть доказательства, что это случилось в Галилее и что его мать была девственницей? Тем не менее на основе этой истории были созданы гигантские институты, охватившие весь мир, и их вес настолько велик, что скрепляет и сохраняет саму историю. Из-за изменения всего-лишь одного слова в этом повествовании начинались войны. Тысячелетний раскол между Западной и Восточной христианскими церквями, который не так давно вылился в кровавую резню между хорватами и сербами, начался из-за одного слова «филиокве» («и от сына» на латыни). Западные христиане хотели вставить это слово в Символ веры, тогда как восточные решительно противились этому. (Богословские тонкости, связанные с добавлением этого слова, настолько мудрёны, что доступно объяснить их здесь не представляется возможным. Если вам интересно, спросите Google.)

После того как на основе той или иной истории формируется идентичность многих людей и строятся целые общественные системы,

сомнения в ней становятся немыслимыми — не в силу весомых доказательств, а потому, что её опровержение вызовет личную и социальную катастрофу. В человеческой истории крыша порой важнее фундамента.

Фокус-покус и индустрия веры

Истории, предлагающие нам идентичность и смысл жизни, — вымысел, но у людей есть потребность в них верить. Как же добиться того, чтобы история *выглядела* правдивой? Всем понятно, *почему* люди хотят верить в эту историю, но *как* выражать свою веру? Жрецы и шаманы ещё много тысяч лет назад нашли решение: ритуалы. Ритуал — это магический акт, который превращает абстрактное в конкретное, а вымысел в реальность. Суть ритуала в волшебном заклинании: «Фокус-покус, X — это Y!»[203].

Как же добиться того, чтобы Христос стал реальным для его последователей? Во время церковной службы священник берёт ломоть хлеба и чашу вина и объявляет, что хлеб — плоть Христа, а вино — кровь Христа, и поэтому, вкусив хлеба и вина, верующий в таинство причастия соединяется с Христом. Что может быть реальнее, чем почувствовать вкус Христа во рту? В прежние времена священник делал это смелое заявление на латыни, древнем языке религии, закона и тайн жизни. На глазах у изумлённых крестьян священник высоко поднимал хлеб и восклицал: «Hoc est corpus!» — «Сие есть тело!» — и хлеб якобы превращался в плоть Христа. Неграмотным крестьянам, не знавшим латыни, в словах «Hoc est corpus!» слышалось что-то вроде «фокус-покус» — так и появилось могущественное заклинание, способное превратить лягушку в принцессу, а тыкву в карету[204].

За тысячу лет до зарождения христианства древние индусы использовали тот же трюк. «Брихадараньяка-упанишада» интерпретирует ритуальную жертву коня как воплощение всей истории космоса. В священном тексте применяется тот же принцип: «Фокус-покус, X — это Y!». «Поистине, утренняя заря — это голова жертвенного коня, солнце — его глаз, ветер — его дыхание, его раскрытая пасть — это огонь Вайшванара; год — это тело жертвенного коня… времена года — его члены, месяцы и половины месяца — его сочленения, дни и ночи — его ноги, звёзды — его кости, облака — его

мясо… Когда он оскаливает пасть, сверкает молния; когда он содрогается, гремит гром; когда он испускает мочу, льётся дождь; голос — это его голос»[205].

Практически всё можно превратить в ритуал, придавая религиозный смысл обычным действиям: зажигать свечи, звонить в колокола, перебирать чётки. То же самое можно проделать с жестами: наклонить голову, пасть ниц или сложить ладони вместе. Самые разные головные уборы, от тюрбана сикхов до мусульманского хиджаба, были настолько отягощены смыслами, что на протяжении столетий вызывали ожесточённые споры.

Пище тоже можно придать духовный смысл, не имеющий никакого отношения к её питательной ценности, будь то пасхальные яйца, символизирующие новую жизнь и воскрешение Христа, или пресный хлеб и горькие травы, которые евреи едят на Пасху, вспоминая рабство в Египте и своё чудесное спасение. Едва ли найдётся на земле блюдо, которое люди не наделяли бы тем или иным смыслом. Так, в Новый год религиозные евреи едят мёд, чтобы наступающий год был сладким, рыбные головы, чтобы быть плодовитым, как рыба, и двигаться вперёд, а не назад, и гранаты, дабы заслуги умножались, словно зёрнышки граната.

Похожие ритуалы использовались и в политических целях. Не одну тысячу лет короны, троны и скипетры служили символами королевств и целых империй, а миллионы людей погибали в жестоких войнах, которые велись за обладание «троном» или «короной». Этикет королевских дворов по своей сложности и пышности соперничал с религиозными церемониями. В армии дисциплина и ритуал были неразделимы, и солдаты со времён Древнего Рима и до наших дней тратят огромное количество времени на то, чтобы научиться маршировать строем, приветствовать старших по званию и чистить ботинки до блеска. Наполеон как-то заметил, что может заставить людей пожертвовать жизнью ради цветной ленты.

Вероятно, никто не понимал политического значения ритуалов лучше, чем Конфуций, который видел в строгом соблюдении церемоний («ли») ключ к социальной гармонии и политической стабильности. В классике конфуцианства — трактатах «Книга церемоний», «Обряды Чжоу» и «Книга этикета и церемоний» — в мельчайших подробностях описано, какая церемония должна

проводиться в случае того или иного события государственной важности, вплоть до количества ритуальных сосудов, типа музыкальных инструментов и цвета одежд присутствующих. Когда на Китай обрушивался очередной кризис, конфуцианские учёные тут же объявляли его причиной пренебрежение церемониями — подобно сержанту, который винит в проигранном сражении ленивых солдат, не отполировавших сапоги должным образом[206].

Современному Западу конфуцианская одержимость ритуалами казалась признаком ограниченности и архаики. На самом же деле она, вероятно, свидетельствует о глубоком понимании Конфуцием человеческой природы, которая неподвластна времени. Вряд ли можно считать совпадением, что конфуцианские культуры — Китай, а также соседние Корея, Вьетнам и Япония — создали чрезвычайно долговечные социальные и политические структуры. Если вы хотите узнать правду жизни, то обряды и ритуалы будут огромным препятствием. Но если вы, как Конфуций, заинтересованы в социальной стабильности и гармонии, то правда станет тяжким бременем, а обряды и ритуалы будут вашими верными союзниками.

В двадцать первом веке это справедливо не меньше, чем в Древнем Китае. «Фокусы-покусы» живут и процветают и в нашем современном индустриальном мире. В 2018 году для многих людей две скреплённые гвоздями деревянные палочки — это Бог, цветной плакат на стене — Революция, а кусок ткани, развевающийся на ветру, — Нация. Невозможно увидеть или услышать Францию, потому что она существует только в нашем воображении, но можно увидеть триколор и услышать «Марсельезу». Размахивая разноцветным флагом и распевая гимн, вы превращаете абстрактную страну из абстрактной истории в осязаемую реальность.

Тысячи лет назад верующие индусы приносили в жертву бесценных коней, а ныне не жалеют денег на пошив флагов. Государственный флаг Индии называется «тиранга» (в буквальном переводе «триколор»), поскольку состоит из трёх полос: шафрановой, белой и зелёной. Закон об индийском флаге 2002 года гласит, что флаг «символизирует надежды и чаяния народа Индии. Это символ нашей национальной гордости. За последние пять десятилетий ряд людей, включая военнослужащих, отдали свои жизни, чтобы флаг развевался во всём своём величии»[207]. Затем в законе приводятся слова

Сарвепалли Радхакришнана, второго президента Индии, который объяснял:

Цвет шафрана служит признаком самоотречения и бескорыстия. Наши вожди должны забыть о материальных интересах и целиком посвятить себя работе. Белый в центре флага — это свет, путь истины, по которому мы должны идти. Зелёный показывает нашу связь с землёй, нашу связь с растениями, от которых зависит вся остальная жизнь. Колесо Ашоки в центре белого поля — это колесо закона дхармы. Правдивость, или сатья, дхарма, или добродетель, должны быть руководящими принципами всех, кто трудится под этим флагом[208].

В 2017 году националистическое правительство Индии установило на индо-пакистанской границе один из самых больших в мире флагов — жест, призванный вызвать со стороны Пакистана вовсе не дружеские чувства, а зависть. «Тирангу» длиной 36 метров и шириной 24 метра прикрепили к 110-метровому флагштоку (что сказал бы об этом Фрейд?). Флаг виден даже из пакистанского города Лахор. К сожалению, сильные ветры рвут флаг на части, и национальную гордость приходится всё время латать, что недёшево обходится индийским налогоплательщикам[209]. Почему индийское правительство тратит свои ограниченные ресурсы на пошив гигантских флагов, а не на строительство канализации в трущобах Дели? Потому что флаг, в отличие от канализации, делает Индию реальной.

На самом деле сама дороговизна флага повышает эффективность ритуала. Из всех ритуалов самый сильнодействующий — жертвоприношение, потому что самое сильное чувство в мире — это страдание. Его невозможно игнорировать, в нём невозможно сомневаться. Если вы хотите, чтобы люди по-настоящему поверили в тот или иной вымысел, уговорите их принести этому вымыслу жертву. Страданий ради какой-то истории обычно достаточно, чтобы убедить человека в её реальности. Если вы поститесь, потому что так велел Бог, ощутимое чувство голода делает Бога более реальным, чем любая статуя или икона. Если вы лишитесь ног, сражаясь за родину, ваши культи и инвалидное кресло сделают вашу страну более реальной, чем любое стихотворение или гимн. Спустимся на бытовой уровень: покупая вместо высококачественной итальянской пасты отечественные

макароны, вы ежедневно приносите маленькую жертву, которая делает вашу страну реальной даже в супермаркете.

Конечно, здесь есть логический изъян. Если вы страдаете во имя веры в Бога или страну, это не доказывает, что ваша вера истинна. Может, вы просто расплачиваетесь за легковерие? Однако большинство людей не любят признавать себя дураками. Поэтому чем больше они жертвуют во имя веры, тем сильнее становится их вера. Такова загадочная алхимия жертвоприношения. Чтобы получить власть над нами, священнику даже не нужно ничего нам давать — ни дождя, ни денег, ни победы в войне. Наоборот: он должен что-то забрать. Как только он убедит нас принести болезненную жертву, мы оказываемся в ловушке.

Этот принцип работает и в мире коммерции. Если вы купите подержанный автомобиль Fiat за 2000 долларов, то, скорее всего, будете жаловаться на машину всем подряд. Но купив новенький Ferrari за 200 000 долларов, вы будете расхваливать его всем и каждому — не потому, что это такой хороший автомобиль, а потому, что, расставшись с такой суммой, вы обязаны верить, что приобрели самую замечательную вещь в мире. В том, что касается любовных отношений, каждый Ромео или Вертер знает: без жертвы не бывает настоящей любви. Жертва — это не только средство убедить возлюбленного в серьёзности своих намерений, но и способ убедить себя, что вы действительно влюблены. Как вы думаете, почему некоторые женщины просят у возлюбленных кольцо с бриллиантом? После такой огромной финансовой жертвы он обязан убедить себя, что оно того стоило.

Самопожертвование чрезвычайно убедительно воздействует не только на самих мучеников, но и на сторонних наблюдателей. Немного найдётся богов, стран или революций, которые могут существовать без мучеников. Если вы осмелитесь подвергнуть сомнению божественную драму, националистический миф или революционную сагу, на вас тут же набросятся с обвинениями: «Но за это отдали жизнь святые мученики! Хотите сказать, что их смерть была напрасной? Думаете, все эти герои — глупцы?».

Для мусульман-шиитов космическая драма достигла кульминации в день Ашуры, десятый день месяца мухаррам, 61-го года хиджры (10 октября 680 года по христианскому календарю). В этот день в

иракском городе Кербела воины халифа Язида убили Хусейна ибн Али, внука пророка Мухаммеда, и небольшую группу его сторонников. Для шиитов мученичество Хусейна стало символом вечной борьбы добра со злом, угнетённых против угнетателей. Подобно христианам, которые постоянно воспроизводят драму распятия и имитируют страдания Христа, шииты воспроизводят драму Ашуры и имитируют страдания Хусейна. Миллионы шиитов ежегодно собираются у святилища в Кербеле, установленного на месте мучений Хусейна, и в день Ашуры шииты всего мира проводят траурные церемонии, причём некоторые бичуют себя цепями и режут ножом.

Однако значение Ашуры не ограничивается одним местом и одним днём. Аятолла Рухолла Хомейни и многие другие лидеры шиитов постоянно повторяли своим последователям, что «каждый день — Ашура, и каждое место — Кербела»[210]. Таким образом, мученическая смерть Хусейна в Кербеле придаёт смысл каждому событию, в любое время и в любом месте, и даже самые обычные дела должны восприниматься как вклад в великую космическую битву добра со злом. Если вы осмелитесь усомниться в этой истории, вам тут же напомнят о Кербеле — скепсис по поводу Хусейна или насмешка над ним будут расценены как самое тяжкое оскорбление.

Если же мучеников мало и люди не желают жертвовать собой, священник может заставить их пожертвовать кем-то другим. Можно принести человеческую жертву мстительному богу Баалу, сжечь на костре еретика во славу Христа, казнить неверных жён, потому что так повелел Аллах, или отправить классовых врагов в ГУЛАГ. После этого тоже начинает действовать магия жертвоприношения, но уже другая. Когда во имя той или иной истории вы причиняете страдания себе, у вас есть выбор: либо эта история правдива, либо вы легковерный глупец. Когда же вы причиняете страдания другим людям, выбор у вас другой: либо эта история правдива, либо вы жестокий злодей. Мы не хотим признавать себя ни глупцами, ни злодеями, а потому предпочитаем верить в правдивость истории.

В марте 1839 года в иранском городе Мешхеде еврейской женщине, страдавшей от какой-то болезни, местный знахарь-шарлатан сказал, что она исцелится, если убьёт собаку и омоет руки её кровью. Шииты считают Мешхед священным городом, и по случайному совпадению женщина решилась на неприятную процедуру в

священный день Ашуры. Её заметили несколько шиитов, которые подумали (или заявили, что подумали), что женщина убила собаку в насмешку над мучениками Кербелы. Слухи о немыслимом святотатстве быстро разнеслись по улицам Мешхеда. Разъярённая толпа, подстрекаемая местным имамом, ворвалась в еврейский квартал; шииты сожгли синагогу и убили тридцать шесть евреев. Всем выжившим евреям Мешхеда был предложен нелёгкий выбор: немедленно принять ислам или распрощаться с жизнью. Этот мрачный эпизод в истории города нисколько не испортил репутацию Мешхеда как «духовной столицы Ирана»[211].

Размышляя о человеческих жертвоприношениях, мы обычно вспоминаем отвратительные ритуалы ханаанских или ацтекских храмов и часто говорим, что монотеизм положил конец этой ужасной практике. На самом деле монотеизм практиковал гораздо более масштабные человеческие жертвы, чем большинство политеистических культов. Христианство и ислам убили больше людей во имя Бога, чем те, кто поклонялся Баалу или Уицилопочтли. Когда испанцы запретили человеческие жертвоприношения богам ацтеков и инков, в их родной Испании инквизиция сжигала еретиков целыми повозками.

Форма и масштаб жертвоприношений могут быть самыми разными. Это не всегда размахивающие ножами жрецы или кровавые погромы. Иудаизм, например, запрещает работать и путешествовать в священный день отдыха — Шаббат (в буквальном переводе «покоиться» или «отдыхать»). Шаббат начинается с заходом солнца в пятницу и длится до захода солнца в субботу; в этот день ортодоксальные иудеи воздерживаются от любой работы — им нельзя даже отрывать туалетную бумагу. (По этому поводу среди учёных раввинов разгорелась дискуссия, и в итоге они решили, что отрывание туалетной бумаги нарушит запрет на работу в Шаббат, так что благочестивый еврей, желающий подтереть свой зад в священный день, должен заранее приготовить пачку оторванных листков)[212].

В Израиле религиозные евреи нередко пытаются заставить соблюдать эти запреты прочих граждан, включая атеистов. Ортодоксальные партии обладают весом в израильской политике и за долгие годы сумели провести множество законов, запрещающих в Шаббат многие виды деятельности. Они не смогли объявить вне

закона использование личных автомобилей, но успешно ограничили работу общественного транспорта. Такая общенациональная религиозная жертва больно бьёт в первую очередь по самым слабым слоям общества, особенно если учесть, что суббота — единственный день недели, когда наёмные работники могут путешествовать, навещать родственников и друзей, посещать туристические достопримечательности. Богатая бабушка может сесть за руль новенькой машины и поехать к внукам в другой город, а бедная лишена такой возможности, потому что в субботу не ходят ни автобусы, ни поезда.

Создавая подобные трудности сотням тысяч граждан, религиозные партии доказывают и укрепляют свою непоколебимую веру в иудаизм. Никто не проливает кровь, но в жертву приносится благополучие многих людей. Если иудаизм — всего лишь выдуманная история, то жестоко и бессердечно лишать бабушку возможности повидаться с внуками, а бедного студента — удовольствия позагорать на пляже. Но такими действиями религиозные партии сообщают всем и самим себе, что они действительно верят в еврейскую историю. Думаете, им нравится без всяких причин доставлять людям неудобства?

Жертвоприношение не только укрепляет веру в ту или иную историю, но зачастую заменяет все прочие обязательства по отношению к ней. Большинство великих историй человечества описывают идеал, достижение которого невозможно. Сколько христиан буквально соблюдают десять заповедей, не лгут и не желают чужого? Сколько буддистов смогли избавиться от своего эго? Сколько социалистов работают с полной отдачей, а берут лишь то, что им действительно необходимо?

Невозможность достичь идеала заставляет людей прибегать к жертвоприношению. Индуист может уклоняться от уплаты налогов, время от времени пользоваться услугами проститутки и не заботиться о престарелых родителях, но он убедит себя в своём благочестии тем, что поддержал разрушение мечети Бабри в Айодхье и пожертвовал деньги на строительство на её месте индуистского храма. И в древности, и в двадцать первом веке поиски смысла часто заканчиваются чередой жертвоприношений.

Портфель идентичностей

Древние египтяне, жители Ханаана и греки страховали свои жертвоприношения. У них было много богов, и если один оказывался не в состоянии им помочь, они надеялись, что на выручку придёт другой. Поэтому утром они приносили жертву богу солнца, днём — богине земли, а вечером — многочисленным духам и демонам. С тех пор мало что изменилось. Все истории и боги, в которых сегодня верят люди, — Иегова, Мамона, Нация или Революция — несовершенны и полны дыр и противоречий. Поэтому люди редко верят только в одну историю. Они предпочитают собрать «инвестиционный портфель» из нескольких историй и нескольких идентичностей и при необходимости переключаются с одной на другую. Такой когнитивный диссонанс характерен почти для всех сообществ и движений.

Возьмём, например, типичного сторонника «Движения чаепития», который каким-то образом соединяет пылкую веру в Христа с решительным неодобрением социальной политики правительства и твёрдой поддержкой Национальной стрелковой ассоциации. Но ведь Иисус призывал помогать бедным, а не вооружаться до зубов! Эти взгляды могут казаться несовместимыми, но у человека в голове много отделений и «ящичков», и некоторые нейроны просто не общаются друг с другом. Точно так же вы найдёте множество сторонников Бенни Сандерса, которые вроде бы верят в какую-то будущую революцию, но при этом верят и в то, что следует разумно инвестировать деньги. Они с лёгкостью переключаются с разговора о несправедливом распределении богатства в мире на дискуссию о прибыльности своих вложений на Уолл-стрит.

Трудно найти человека, у которого только одна идентичность. Никто не может сказать, что он только мусульманин, только итальянец или только капиталист. Но время от времени появляется очередная фанатичная доктрина, призывающая людей верить только в одну историю и обладать только одной идентичностью. В прошлом самой фанатичной из таких доктрин был фашизм. Фашисты настаивали, что люди не должны верить ни в какую историю, кроме националистической, и не должны иметь никакой идентичности, кроме национальной идентичности. Но не все националисты являются фашистами. Большинство твёрдо верят в историю своей нации и

подчёркивают её уникальные достоинства, а также свои уникальные обязательства по отношению к ней, но в то же время признают, что мир гораздо шире и разнообразнее. Я могу быть верноподданным итальянцем с особыми обязательствами в отношении Италии, но не считать эту свою роль единственной. Я могу также быть социалистом, католиком, мужем, отцом, учёным и вегетарианцем, и каждая из этих ролей предполагает дополнительные обязательства. Иногда разные роли тянут меня в разные стороны, а обязательства противоречат друг другу. Но кто сказал, что жизнь — это легко?

Национализм превращается в фашизм, когда хочет сделать жизнь слишком простой, отрицая все прочие идентичности и обязательства. В последнее время происходит серьёзная путаница с точным значением слова «фашизм». Люди называют фашистом всякого, кто им не нравится. Есть опасность, что этот термин станет просто универсальным оскорблением. Что же он на самом деле значит? В двух словах его можно объяснить так: если национализм утверждает, что моя нация уникальна и что у меня есть по отношению к ней особые обязательства, то фашизм гласит, что моя нация лучше всех и что мои обязательства перед ней безраздельны. Вне зависимости от обстоятельств я не должен ставить личные или групповые интересы выше интересов своей нации. Даже если моя нация готова ради сомнительной выгоды причинить страдания миллионам людей в далёких землях, я должен без колебаний поддержать её. В противном случае я буду жалким предателем.

Если моя нация требует, чтобы я убил миллионы людей, я должен убить миллионы. Если моя нация требует, чтобы я пожертвовал своей семьёй, я должен пожертвовать своей семьёй. Если моя нация требует, чтобы я предал истину и красоту, я предам истину и красоту.

Как фашист оценивает искусство? Как фашист определяет, хорош фильм или плох? Очень просто. Есть только один критерий: если фильм служит интересам нации, это хороший фильм; если фильм не служит интересам нации, это плохой фильм. А как фашист решает, чему учить детей в школе? С помощью того же критерия. Учить детей нужно тому, что служит интересам нации; истина не имеет значения[213].

Поклонение нации очень привлекательно — и не только потому, что упрощает многие трудные дилеммы. Люди приходят к убеждению,

что принадлежат к самой важной и прекрасной общности на земле — нации. Ужасы Второй мировой войны и холокоста указывают на губительные последствия такой логики. Рассказывая о грехах фашизма, многие, к сожалению, забывают о другой стороне медали, изображая фашизм отвратительным монстром, но не объясняя его привлекательности. Вот почему некоторые исповедуют фашистские взгляды, не осознавая этого. Человек думает: «Меня учили, что фашизм отвратителен, а я, глядя в зеркало, вижу кого-то красивого. Я не могу быть фашистом».

Подобную ошибку совершают создатели голливудских фильмов, изображая «плохих парней» — Волан-де-Морта, Саурона, Дарта Вейдера — мерзкими и противными. Жестокие и злобные, они не щадят даже своих преданных сторонников. Для меня всегда оставалось загадкой, почему кто-то хочет служить такому отвратительному ублюдку, как Волан-де-Морт.

Беда в том, что в реальной жизни зло не обязательно уродливо. Оно может выглядеть очень красивым. В христианстве это понимают лучше, чем в Голливуде, и поэтому обычно изображают Сатану неотразимым красавцем. Вот почему так трудно устоять перед соблазном. Противостоять искушениям фашизма ничуть не легче. Глядя в зеркало фашизма, вы не видите в отражении ничего уродливого. В 1930-х годах в этом зеркале немцы видели Германию самой прекрасной на земле. Если сегодня русские поставят перед собой такое зеркало, то увидят Россию самой прекрасной на земле. А израильтяне в зеркале фашизма увидят Израиль самым прекрасным на земле. А потом им захочется раствориться в этом прекрасном коллективном чувстве.

Слово «фашизм» происходит от латинского слова «fascis» — «пучок прутьев». Казалось бы, это не слишком привлекательный символ для одной из самых жестоких и опасных идеологий в мировой истории. Но у него есть глубокий и зловещий смысл. Один прутик очень тонок, и его легко переломить пополам. Но если вы свяжете несколько прутьев в пучок, сломать их будет практически невозможно. Подразумевается, что отдельный человек слаб, но в коллективе люди обретают огромную силу[214]. Фашисты ставят интересы коллектива выше интересов отдельного человека, и требуют, чтобы ни один прутик не отделялся от пучка.

Разумеется, невозможно точно определить, где заканчивается один человеческий «пучок» и начинается другой. Почему я должен считать Италию пучком прутьев, к которому я принадлежу? Почему не свою семью, не город Флоренцию, не провинцию Тоскана, не Европу и не всё человечество? Более умеренные формы национализма допускают, что у меня могут быть обязательства перед семьёй, Флоренцией, Европой и всем человечеством — в дополнение к особым обязательствам в отношении Италии. Итальянские фашисты потребуют абсолютной преданности исключительно Италии.

Несмотря на все усилия Муссолини и его фашистской партии, большинство итальянцев довольно прохладно отнеслись к идее поставить Италию выше семьи. В Германии нацистская пропаганда добилась гораздо большего, но даже Гитлеру не удалось заставить людей забыть об альтернативных историях. В самые мрачные периоды нацистского правления люди всегда хранили запасные истории в дополнение к официальной. Это стало ясно в 1945 году. Логично было бы предположить, что после двенадцати лет промывки мозгов нацистами многие немцы окажутся абсолютно неспособными найти смысл в послевоенной жизни. Они вложили всю веру в одну грандиозную историю, и что им было делать, когда эта история потерпела крах? Тем не менее большинство немцев очень быстро оправились от потрясения. Где-то в глубинах сознания они сохраняли и другие истории о нашем мире, и как только Гитлер пустил себе пулю в голову, граждане Берлина, Гамбурга и Мюнхена переключились на новые роли и нашли новый смысл жизни.

Да, около 20 % нацистских гауляйтеров (руководителей региональных отделений партии) и 10 % генералов покончили жизнь самоубийством[215]. Но это значит, что 80 % гауляйтеров и 90 % генералов были готовы принять новую жизнь. Подавляющее большинство влиятельных нацистов и даже членов СС не сошли с ума и не наложили на себя руки. Они стали мирными фермерами, учителями, врачами и страховыми агентами.

На самом деле даже самоубийство не может служить доказательством абсолютной верности какой-то одной истории. 13 ноября 2015 года «Исламское государство» организовало в Париже несколько атак смертников, в результате которых погибли 130 человек. Экстремистская группа заявила, что это месть за бомбардировки

французской авиацией бойцов «Исламского государства» в Сирии и Ираке, а также предупреждение Франции воздерживаться от подобных действий в будущем[216]. Вместе с тем «Исламское государство» объявило всех мусульман, убитых французской авиацией, мучениками, которым уготовано вечное блаженство в раю.

Здесь что-то не сходится. Если мученики, погибшие от французских бомб, действительно в раю, почему за них нужно мстить? За что именно мстить — за то, что людей отправили в рай? Узнав, что ваш любимый брат выиграл миллион долларов в лотерею, начнёте ли вы в отместку громить лотерейные киоски? Нужно ли сеять смерть в Париже в отместку за то, что французская авиация выдала вашим братьям билеты в рай? Было бы хуже, если бы вам действительно удалось остановить удары французской авиации в Сирии: тогда меньше мусульман попало бы в рай.

Возникает соблазн сделать вывод, что активисты «Исламского государства» на самом деле не верят, что мученики попадают в рай. Именно поэтому они злятся, когда их бомбят и убивают. Но тогда почему некоторые из них надевают «пояс смертника» и с готовностью себя взрывают? По всей вероятности, они одновременно верят в две противоречащие друг другу истории, не задумываясь об их несовместимости. Как уже отмечалось выше, некоторые нейроны не общаются между собой.

За восемь столетий до того, как французская авиация бомбила позиции «Исламского государства» в Сирии и Ираке, другая французская армия вторглась на Ближний Восток — эту кампанию впоследствии стали называть Седьмым крестовым походом. Крестоносцы во главе с королём Людовиком IX рассчитывали завоевать долину Нила и превратить Египет в оплот христианства. Но в сражении при Эль-Мансуре французы были разбиты, и большинство крестоносцев попали в плен. Рыцарь Жан де Жуанвиль в своих мемуарах писал, что, когда битва была проиграна и крестоносцы решили сдаться, один из его людей воскликнул: «Я не согласен с этим решением. Лучше позволить им убить нас, и тогда мы попадём в рай». Жуанвиль сухо отмечает: «Никто из нас не прислушался к его совету»[217].

Жуанвиль не объясняет, почему рыцари отказались умирать. В конце концов, эти люди покинули свои уютные замки во Франции ради

долгого и опасного приключения на Ближнем Востоке в основном потому, что верили в спасение души. Но почему в тот момент, когда вечное блаженство в раю было так близко, они предпочли оказаться в плену у мусульман? Вероятно, крестоносцы искренне верили в спасение души и в рай, но, когда наступил момент истины, предпочли подстраховаться.

Супермаркет в Эльсиноре

Испокон веков люди верили одновременно в несколько историй и не были абсолютно убеждены в правдивости какой-то одной. Эта неопределённость беспокоила многие религии, и по этой причине они считали веру главной добродетелью, а сомнение — одним из тяжких грехов. Как будто верить без доказательств — это по определению хорошо. Но с появлением современной культуры возникла обратная ситуация. Вера теперь рассматривается как интеллектуальное рабство, а сомнение считается непременным условием свободы.

Где-то между 1599 и 1602 годами Шекспир написал свою версию «Короля Льва», известную как «Гамлет». Но в отличие от Симбы, Гамлет не завершает Круг Жизни. Он не расстаётся со скепсисом и сомнениями до самого конца, так и не найдя смысл жизни и не ответив на вопрос: быть или не быть. В этом отношении Гамлет ведёт себя как прагматичный современный герой. Современность не отвергает изобилие историй, унаследованных от прошлого, а открывает для них супермаркет. Современный человек может попробовать всё, выбирая и сочетая истории на свой вкус.

Некоторым не по душе такая свобода и неопределённость. Современные тоталитарные движения, такие как фашизм, крайне резко отреагировали на открытие супермаркета сомнительных идей и в требовании абсолютной веры в одну историю превзошли даже традиционные религии. Однако большинство современников полюбили супермаркет. Что делать, если вы не можете понять, в чём смысл жизни и какой истории верить? Поклоняться самой возможности выбора. Вы бродите между полками супермаркета, имея свободу и возможность выбрать всё, что пожелаете, рассматриваете разложенные перед вами товары… И всё. Конец. Титры.

Согласно либеральной мифологии, если стоять в этом гигантском супермаркете достаточно долго, то рано или поздно на вас снизойдёт либеральная благодать и вы поймёте смысл жизни. Все истории на полках супермаркета — это обман. Смысл жизни не готовый продукт. Божественного сценария не существует, и ничто внешнее не может придать нашей жизни смысл. Это мы придаём всему смысл — своим свободным выбором и своими чувствами.

Один из героев фантастического фильма «Уиллоу», очередной волшебной сказки Джорджа Лукаса, — обычный гном по имени Уиллоу, который мечтает стать великим волшебником и проникнуть в тайны бытия. Однажды через деревню гномов проезжает волшебник, который ищет себе ученика. Уиллоу и два других гнома предлагают ему свои услуги, и волшебник подвергает их простому испытанию. Он протягивает правую руку и спрашивает голосом магистра Йоды: «В каком пальце власть над миром?». Каждый из трёх гномов выбирает палец, но все они ошибаются. Тем не менее волшебник что-то углядел в Уиллоу и спросил его: «Какая мысль первой пришла тебе в голову, когда я протянул руку?» — «Это было глупо, — смущённо ответил Уиллоу, — но мне захотелось указать на свой палец». — «Ага, — торжествующе воскликнул волшебник. — Это и есть правильный ответ! Тебе не хватает веры в себя». Либеральная мифология не устаёт повторять этот урок.

Именно наши пальцы написали Библию, Коран и Веды, а наш разум придал этим историям силу. Вне всякого сомнения, это прекрасные истории, но их красота исключительно в глазах смотрящего. Иерусалим, Мекка, Варанаси и Бодх-Гая — священные места, но таковыми их делают чувства, которые испытывают люди, попадая туда. Сама по себе вселенная — это бессмысленное нагромождение атомов. В ней нет ничего красивого, священного или сексуального; всё это порождение наших чувств. Только человеческие чувства делают красное яблоко соблазнительным, а фекалии — мерзкими. Уберите человеческие чувства — и останется лишь совокупность молекул.

Мы надеемся найти смысл, встроившись в некую готовую историю о вселенной, но согласно либеральной интерпретации мира, истина как раз в обратном. Вселенная не открывает мне смысл. Это *я* придаю смысл вселенной. Таково моё космическое предназначение. У

меня нет определённой судьбы или дхармы. Окажись я на месте Симбы или Арджуны, я мог бы выбрать борьбу за корону — но не обязан это делать. С тем же успехом я могу присоединиться к бродячему цирку, отправиться на Бродвей, чтобы петь в мюзикле, или переехать в Кремниевую долину и основать стартап. Я свободен и могу создавать собственную дхарму.

Таким образом, подобно прочим космическим историям, либеральная история начинается с создания нарратива. Утверждается, что творение происходит в каждый момент, и творец — это я. Но какова тогда цель моей жизни? Создавать смысл своими чувствами, мыслями, желаниями и творчеством. Всё, что ограничивает свободу человека чувствовать, думать, желать и изобретать, ограничивает смысл вселенной. Поэтому свобода от таких ограничений — высший идеал.

В практическом смысле те, кто верит в либеральную историю, соблюдают две заповеди: творить и бороться за свободу. Творчество может проявляться в сочинении стихов, исследовании своей сексуальности, создании компьютерных программ или открытии новых химических веществ. Борьба за свободу подразумевает всё, что помогает людям избавиться от социальных, биологических и физических ограничений, будь то демонстрации против жестоких диктаторов, обучение девочек грамоте, поиск лекарства от рака или проектирование космического корабля. В либеральном пантеоне героев Роза Паркс и Пабло Пикассо соседствуют с Луи Пастером и братьями Райт.

В теории это звучит волнующе и глубоко. К сожалению, человеческая свобода и творчество совсем не таковы, какими рисует их либеральная история. Современная наука утверждает, что за выбором и творчеством нет никакой магии: они всего лишь результат обмена биохимическими сигналами между миллиардами нейронов, и даже если вы освобождаете человечество от ярма католической церкви или давления Советского Союза, выбор людям будут диктовать биохимические алгоритмы, столь же безжалостные, как инквизиция и КГБ.

Либеральная история призывает меня искать свободу самовыражения и самореализации. Но и «личность», и «свобода» — мифологические химеры, позаимствованные из волшебных сказок

древности. Больше всего путаницы либерализм вносит в понятие «свободы воли». Совершенно очевидно, что у человека есть воля и желания — а порой и возможность исполнять эти желания. Если под «свободой воли» вы понимаете свободу делать то, что хотите, то да, люди обладают свободой воли. Но если под «свободой воли» подразумевается свобода выбирать, чего желать, то такой свободы у человека нет.

Если меня сексуально привлекают мужчины, я волен реализовывать свои фантазии, но не свободен чувствовать влечение не к мужчинам, а к женщинам. Я мог бы решить, что буду сдерживать свои сексуальные желания, или даже попытаться пройти репаративную терапию, но даже само желание изменить сексуальную ориентацию будет результатом взаимодействия нейронов — возможно, под влиянием культурных и религиозных предрассудков. Почему один человек стыдится своей сексуальной ориентации и хочет изменить её, а другой радуется той же ориентации, совсем не испытывая чувства вины? Вы можете сказать, что у первого более сильно религиозное чувство. Но разве люди выбирают, какими религиозными чувствами обладать, сильными или слабыми? Опять же, человек может решить, что каждое воскресенье будет ходить в церковь, чтобы укрепить свои слабые религиозные чувства, — но почему один стремится стать более религиозным, а другого вполне устраивает атеизм? Причиной могут быть самые разные культурные и генетические факторы — но никак не «свободная воля».

То, что справедливо в отношении сексуального влечения, справедливо и для любого другого желания — а также для всех чувств и мыслей. Возьмём, к примеру, любую мысль, возникающую в вашей голове. Откуда она взялась? Вы сами выбрали эту мысль, а затем начали её развивать? Очевидно, нет. Процесс самоанализа начинается с простых вещей и постепенно усложняется. Сначала мы осознаём, что не контролируем мир вокруг нас. Не я решаю, когда пойдёт дождь. Затем мы понимаем, что не контролируем происходящее внутри нашего тела. Я не могу управлять своим кровяным давлением. После приходит понимание, что мы не властны даже над своим мозгом. Не я указываю нейронам, когда возбуждаться. И наконец, приходится признать: мы не контролируем не только свои желания, но и реакцию на эти желания.

Это понимание может сделать нас менее зацикленными на своём мнении, чувствах и желаниях. У нас нет свободной воли, но мы можем стать более свободными от тирании нашей воли. Люди обычно придают так много значения своим желаниям, что пытаются контролировать и формировать весь мир в соответствии с этими желаниями. В погоне за своими желаниями люди летают на Луну, ведут мировые войны и дестабилизируют всю экосистему. Если мы поймём, что наши желания не являются магическими проявлениями свободного выбора, а скорее являются продуктом биохимических процессов (под влиянием культурных факторов, которые также находятся вне нашего контроля), то сможем меньше патокать этим желаниям. Лучше понять себя, свой ум и свои желания, чем пытаться реализовать любую фантазию, которая всплывает в нашей голове.

Первый шаг в этом путешествии состоит в том, чтобы признать: «я» — это выдуманная история, которую постоянно сочиняют, дополняют и переписывают сложные механизмы моего мозга. В моём сознании есть рассказчик, который объясняет, кто я, откуда я, куда иду и что происходит прямо сейчас. Подобно провластному политологу, комментирующему последние события, внутренний рассказчик постоянно лукавит, но почти никогда (или вообще никогда) в этом не признаётся. И точно так же, как государство формирует национальный миф с помощью флагов, символов и парадов, наша внутренняя машина пропаганды создаёт персональный миф с помощью драгоценных воспоминаний и лелеемых травм, которые зачастую весьма далеки от истины.

В эпоху Facebook и Instagram этот процесс мифотворчества стал заметнее, чем когда-либо, поскольку частично перенёсся из головы в компьютер. Это зрелище завораживает и пугает: люди тратят огромное количество времени, конструируя и украшая идеального себя в сети, привязываются к собственному творению и ошибочно принимают его за правду о себе[218]. Так, семейный отпуск, испорченный автомобильными пробками, мелочными ссорами и напряжённым молчанием, превращается в коллекцию живописных панорам, шикарных ужинов и улыбающихся лиц; 99 % опыта и переживаний не попадает в историю нашего «я».

Примечательно, что наше выдуманное «я» обычно носит визуальный характер, тогда как настоящие ощущения — телесный. В

своей фантазии вы как бы наблюдаете происходящее внутренним взором или видите на экране компьютера. Вы созерцаете себя на тропическом пляже: за спиной синее море, на лице широкая улыбка, в одной руке коктейль, другая обвивает талию любимого человека. Рай. Но на фотографии нет назойливой мухи, которая кусает вас в ногу, спазмов в животе после несвежего рыбного супа, напряжения лицевых мышц в попытке изобразить радостную улыбку, а также безобразной ссоры между счастливыми супругами, случившейся пять минут назад. Жаль, что мы не можем ощутить, что чувствуют люди на снимках в тот момент, когда их фотографируют!

Поэтому, если вы действительно хотите понять, кто вы, не стоит отождествлять себя с учётной записью в Facebook или с внутренней историей своего «я». Вам стоит присмотреться к реальному потоку чувств и сознания. И тогда вы увидите, как мысли, эмоции и желания появляются и исчезают без видимых причин и без вашей команды, подобно тому, как ветер дует с разных сторон и ерошит ваши волосы. Вы, конечно, не ветер — но и не клубок мыслей, эмоций и желаний, существующих в вашем сознании, и не прилизанная история, которую вы рассказываете о них задним числом. Вы их чувствуете и переживаете, но не контролируете, и вы — не они. Люди спрашивают: «Кто я?» — и ждут в ответ историю. Главное, что вам нужно знать о себе: вы — не история.

Никаких историй

Либерализм сделал радикальный шаг, отринув все космические драмы, но затем воссоздал драму внутри человека: у вселенной нет замысла, а потому этот замысел должны создать мы, люди. Таково наше предназначение и таков смысл нашей жизни. За тысячи лет до современной либеральной эпохи буддизм пошёл ещё дальше, отринув не только космические драмы, но и внутреннюю драму человека. У вселенной нет смысла, и человеческие чувства тоже не являются частью великой космической истории. Они просто эфемерные вибрации, появляющиеся и исчезающие без какой-либо цели. Такова правда — и её нужно принять.

«Брихадараньяка-упанишада» гласит, что «утренняя заря — это голова жертвенного коня, солнце — его глаз… времена года — его

члены, месяцы и половины месяца — его сочленения, дни и ночи — его ноги, звёзды — его кости, облака — его мясо». А вот ключевой буддистский текст «Махасатипаттхана сутта» объясняет, что при медитации человек просто созерцает своё тело. «В этом теле есть волосы на голове, волосы на теле, зубы, кожа, мясо, сухожилия, кости, костный мозг, почки, сердце… слюна, носовая слизь, суставная жидкость, моча… Так, находясь внутри тела, пребывает он в созерцании тела… “Вот тело” — так его внимание устремлено к настоящему…»[219] Волосы, кости и моча — это всего лишь волосы, кости и моча. И ничего больше.

В тексте много раз повторяется: независимо от того, что именно медитирующий созерцает в своём теле или сознании, он знает только то, что видит. Например, в процессе дыхания: «Делая долгий вдох, знает он: я делаю долгий вдох; делая долгий выдох, знает он: я делаю долгий выдох. Делая короткий вдох, знает он: я делаю короткий вдох. Делая короткий выдох, знает он: я делаю короткий выдох»[220]. Долгий вдох не олицетворяет времена года, а короткий вдох — дни. Это всего лишь вибрации тела.

Будда учил, что реальность обладает тремя главными свойствами: это непостоянство, неудовлетворённость и отсутствие неизменной сущности. Вы можете исследовать самые дальние уголки Галактики, своё тело или разум, но нигде не найдёте вещи, которая не меняется, обладает неизменной сущностью и полностью вас удовлетворяет.

Страдание возникает потому, что люди не осознают, какова реальность. Они верят, что где-то есть некая вечная сущность, и если они смогут её найти и соединиться с ней, то будут полностью удовлетворены. Эта вечная сущность иногда называется Богом, иногда нацией, иногда душой, иногда истинным «я», а иногда настоящей любовью — и чем сильнее люди привязаны к ней, тем сильнее их разочарование, и тем сильнее они страдают, когда не могут её найти. Хуже того: чем сильнее привязанность, тем сильнее ненависть, которые люди испытывают к человеку, группе или институту, которые якобы стоят между ними и их заветной целью.

Таким образом, Будда учит, что у жизни нет смысла и человеку не нужно его создавать. Люди просто должны понять, что смысла нет, и таким образом избавиться от страданий, обусловленных привязанностью и отождествлением себя с пустым явлением. «Что нам

делать?» — спрашивают люди, и Будда советует им: «Ничего не делайте. Совсем ничего». Вся беда в том, что мы постоянно что-то делаем. Не обязательно в буквальном смысле — можно просто часами сидеть неподвижно с закрытыми глазами. Но наше сознание постоянно занято сочинением историй и поиском идентичности; оно ведёт битвы и одерживает победы. Ничегонеделание предполагает, что сознание тоже должно ничего не делать и ничего не создавать.

К сожалению, и это очень легко превратить в героический эпос. Даже если вы сидите с закрытыми глазами и сосредоточены на том, как воздух втягивается в ноздри, а затем выходит из них, вы можете сочинять об этом истории. «Моё дыхание слегка напряжённое, и если я буду дышать спокойнее, то моё здоровье улучшится»; или: «Если я сконцентрируюсь на дыхании и не буду ничего делать, то достигну просветления и стану самым мудрым и счастливым человеком в мире». Затем эпос расширяется, и люди хотят не только освободиться от собственных привязанностей, но и убедить других последовать их примеру. Признав, что смысла жизни не существует, я нахожу смысл в объяснении этого другим, в спорах с неверующими, в чтении лекций скептикам, в пожертвованиях на строительство монастырей и так далее. Призыв «никаких историй» может легко превратиться в очередную историю.

В истории буддизма можно найти тысячи примеров того, как люди, верящие в бессмысленность и пустоту всего сущего и в необходимость освободиться от привязанностей, ссорятся и сражаются за власть, за дом или даже из-за значения какого-то слова. Сражаться с другими потому, что веришь в вечного Бога, — прискорбно и объяснимо; сражаться из-за того, что веришь в бессмысленность и пустоту всего сущего, — довольно странно, но очень по-человечески.

В восемнадцатом веке королевские династии Бирмы и соседнего Сиама гордились преданностью Будде и черпали свою легитимность в поддержке буддизма. Короли жертвовали монастырям, строили пагоды и каждую неделю приглашали учёных монахов, которые читали яркие проповеди о пяти главных моральных обязательствах каждого человека: воздерживаться от убийства, воровства, сексуального насилия, обмана и алкоголя. Тем не менее два королевства постоянно воевали друг с другом. 7 апреля 1767 года армия бирманского короля Синбьюшина после долгой осады взяла штурмом столицу Сиама.

Победители убивали, грабили, насиловали и, вероятно, не брезговали алкоголем. Затем они сожгли почти весь город — вместе с дворцами, монастырями и пагодами — и увезли с собой тысячи рабов и огромное количество золота и драгоценных камней.

Нельзя сказать, что король Синбьюшин не принимал буддийское учение всерьёз. Через семь лет после своей великой победы он совершил королевское путешествие по великой реке Ировади, посещая по пути все известные пагоды и прося Будду благословить его армию на дальнейшие победы. Когда Синбьюшин добрался до Рангуна, он восстановил и расширил главную святыню Бирмы — пагоду Шведагон. Затем он приказал покрыть обновлённое здание позолотой (пожертвовав золото из своей казны), а на вершине пагоды установить золотой шпиль, украшенный драгоценными камнями (по всей видимости, вывезенными из Сиама). Он также воспользовался случаем, чтобы казнить пленного короля Пегу вместе с братом и сыном[221].

В 1930-е годы в Японии люди нашли оригинальный способ соединить буддийские доктрины с национализмом, милитаризмом и фашизмом. Радикальные буддийские мыслители, такие как Ниссё Иноэ, Икки Кита и Танака Тигаку, утверждали, что для избавления от эгоистических привязанностей люди должны полностью посвятить себя императору, отбросить личные мысли и проявлять абсолютную преданность нации. Этими идеями вдохновлялись многочисленные ультранационалистические организации, в том числе группа фанатичных военных, которые стремились путём убийств разрушить консервативную политическую систему Японии. Они убили бывшего министра финансов, генерального директора корпорации Mitsui, а затем премьер-министра Инукаи Цуёси. Своими действиями эта группа ускорила превращение Японии в военную диктатуру. Когда военные развязали войну, буддистские священники и мастера дзен-медитации призывали к полному подчинению властям и самопожертвованию ради нации. Буддийское учение о сострадании и отказе от насилия было благополучно забыто и не оказало ощутимого влияния на действия японских войск в Нанкине, Маниле и Сеуле[222].

Сегодня ситуация с правами человека в буддийской Мьянме считается одной из худших в мире, а буддийский монах Ашин Виратху возглавляет в стране антиисламское движение. Он заявляет, что хочет

лишь защитить Мьянму и буддизм от исламских заговорщиков-джихадистов, но его проповеди и статьи носят явный провокационный характер, и в феврале 2018 года Facebook удалил его страницу за распространение ненависти. В 2017 году в интервью газете Guardian монах призывал сочувствовать пролетающему мимо комару, но на обвинения, что военные Мьянмы насиловали мусульманок, со смехом ответил: «Это невозможно. Их тела вызывают слишком сильное отвращение»[223].

Вероятность того, что, когда 8 миллиардов человек начнут регулярно медитировать, на всей планете наступит мир и гармония, очень мала. Узнавать правду о себе так тяжело! Даже если вам удастся убедить большинство людей попробовать, многие очень быстро исказят найденную истину, превратив её в некую историю с героями, злодеями и врагами, а затем найдут веские основания начать войну.

Испытание реальностью

Несмотря на то что все эти грандиозные истории — плод нашего воображения, повода для отчаяния нет. Реальность никуда не исчезла. Невозможно играть роль в воображаемой драме — так почему мы хотим играть в ней главную роль? Ключевой вопрос, стоящий перед людьми, не «в чём смысл жизни?», а, скорее, «как избавиться от страданий?». Отбросив вымышленные истории, вы увидите реальность гораздо яснее, чем прежде, а если вы действительно узнаете правду о себе и о мире, ничто не заставит вас страдать. Конечно, это гораздо проще сказать, чем сделать.

Мы, люди, завоевали мир благодаря умению придумывать истории и верить в них. Поэтому мы с трудом отличаем вымысел от реальности. Неспособность видеть разницу была для нас вопросом выживания. Но если вы всё же хотите её увидеть, лучше всего начать со страдания. Потому что самое реальное явление в мире — это страдание.

Если, столкнувшись с некоей захватывающей воображение историей, вы захотите понять, правда это или вымысел, ключом к ответу должен стать вопрос, может ли главный герой истории страдать. Например, если кто-то рассказывает вам историю о польском народе, задумайтесь, может ли Польша страдать. Адам Мицкевич,

великий польский поэт-романтик и основоположник современного польского национализма, называл Польшу «Христом народов». В 1832 году, через несколько десятилетий после раздела Польши между Россией, Пруссией и Австрией и вскоре после восстания 1830 года, жестоко подавленного русскими, Мицкевич объяснял, что ужасающие страдания Польши были жертвой во имя всего человечества, сравнимой с жертвой Христа, и что подобно Христу Польша воскреснет из мёртвых.

В знаменитой «Книге польского народа» Мицкевич писал:

И вымолвила в завершение Польша [людям Европы]: «Кто придёт ко мне, будет свободен и равен, потому что я есть ВОЛЬНОСТЬ». Но короли, услышав о том, встревожились в сердцах своих и вымолвили: «Мы выгнали из земли Вольность». Поскольку польский народ не умер… На третий день душа вернётся в тело своё, и народ восстанет из мёртвых и все народы выведет из неволи[224].

Может ли народ страдать? Есть ли у народа глаза, руки, чувства, привязанности и страсти? Если народ уколоть, потечёт ли у него кровь? Совершенно очевидно, что нет. Проиграв войну, народ может потерять провинцию или даже независимость, но не испытает боли, печали или любых других страданий, потому что у него нет тела, разума и чувств. В сущности, это просто метафора. И только в воображении некоторых поляков она превращается в реальную сущность, способную страдать. Польша существует потому, что эти люди предоставляют ей свои тела — не просто служат солдатами в польской армии, но и облекают в плоть и кровь страдания народа. Когда в мае 1831 года пришли новости о поражении польской армии при Остроленке, сердца людей разрывались от горя, а глаза наполнялись слезами.

Конечно, всё это не оправдывает вторжение русских и не отрицает право поляков основать независимое государство и самим устанавливать себе законы и обычаи. Но это значит, что в конечном счёте история о польском народе не может быть реальной, поскольку само существование Польши зависит от образов в сознании людей.

А теперь подумайте о судьбе женщины из Варшавы, ограбленной и изнасилованной вторгшимися русскими войсками. В отличие от метафорических страданий польского народа страдания этой женщины более чем реальны. Вполне возможно, что они стали результатом веры

людей в разного рода вымысел, вроде русского национализма, православия и мужественности, вдохновлявших многих государственных деятелей и солдат Российской империи. Но страдания, порождённые этим вымыслом, оказались абсолютно реальными.

Будьте бдительны, когда политики делают заявления в мистическом духе. Возможно, они пытаются скрыть и оправдать реальные страдания, заворачивая их в обёртку высокопарных и туманных слов. Особую настороженность должны вызывать четыре слова: «жертва», «вечность», «чистота» и «искупление». На каждое из них в вашей голове должен срабатывать сигнал тревоги. А если вы живёте в стране, лидер которой постоянно твердит: «Их жертва станет искуплением и сохранит чистоту нашего бессмертного народа», — знайте: у вас серьёзные неприятности. Чтобы не утратить здравомыслие, всегда пытайтесь переводить подобную чушь на язык реальности: кричащий от боли солдат, избитая и изнасилованная женщина, дрожащий от страха ребёнок.

Итак: если вы хотите знать правду о вселенной, о смысле жизни и о том, кто вы, лучше всего начать с наблюдения и анализа страданий.

Ответом вам будет вовсе не вымышленная история.

21
Медитация

Просто наблюдайте

После критики на многих страницах религий, историй и идеологий, будет справедливо, если я сам выйду на линию огня и объясню, как такой скептически настроенный человек умудряется проснуться утром в хорошем настроении. Это решение далось мне непросто — отчасти из-за боязни потакания своим желаниям, а отчасти потому, что я не хотел бы создать у читателей ложное впечатление, что путь, который подходит мне, подойдёт и всем остальным. Я хорошо понимаю, что особенности моих генов, нейронов, личной истории и дхармы присущи не всем. Но, возможно, читателям будет полезно узнать, через какую оптику я смотрю на мир и как она преломляет моё восприятие и мои книги.

В юности я был беспокойным и вечно тревожащимся. Мир казался мне бессмысленным, я не получал ответов на главные вопросы о жизни. В частности, не понимал, почему в мире и в моей жизни так много страданий и что с этим можно сделать. От окружавших меня людей и из прочитанных книг я получал только тщательно сконструированный вымысел: религиозные мифы о богах и небесах, националистические мифы о родине и её исторической миссии, романтические мифы о любви и приключениях, капиталистические мифы об экономическом росте и о том, что покупка и потребление товаров сделают меня счастливым. Мне хватило здравого смысла понять, что всё это, очевидно, вымысел, — но я не знал, где искать истину.

Начав учёбу в университете, я решил, что это идеальное место для поиска ответов. Но испытал разочарование. Мир науки снабдил меня мощными инструментами для развенчания мифов, созданных людьми, но не предложил удовлетворительных ответов на главные жизненные вопросы. Более того, он подталкивал меня концентрироваться на всё более узких вопросах. В итоге я начал работать над докторской диссертацией об автобиографических текстах средневековых солдат.

Для собственного удовольствия я читал много книг по философии и участвовал в разных философских дискуссиях; это доставляло огромное интеллектуальное удовольствие, но не приносило настоящих откровений. Что разочаровывало.

В конце концов мой друг Рон Мером предложил мне на несколько дней отложить все книги и интеллектуальные споры и пройти курс медитации Випассаны. (На древнеиндийском языке пали «випассана» означает «самоанализ».) Я подумал, что это какая-то эзотерическая ерунда, и, не испытывая интереса к очередной мифологии, отказался. Но после года терпеливых уговоров Рона, в апреле 2000 года, я отправился на десятидневный выездной семинар по Випассане[225].

До этого я почти ничего не знал о медитации и предполагал, что она должна включать разного рода сложные мистические теории. И был поражён, до какой степени прагматичным всё оказалось. Учитель, Шри Сатья Нарайян Гоенка, попросил учеников сесть, скрестив ноги, закрыть глаза и сосредоточиться на дыхании, входящем в ноздри и выходящем из них. «Ничего не делайте, — всё время повторял он. — Не пытайтесь контролировать дыхание или дышать определённым образом. Созерцайте реальность настоящего момента, какой бы она ни была. Делая вдох, вы просто знаете, что вдыхаете воздух. На выдохе вы просто осознаёте, что воздух выходит из вас. А когда отвлекаетесь, и мысль начинает перебирать воспоминания и фантазии, вы просто осознаёте: теперь мои мысли отвлеклись от дыхания». Это было самым важным, что мне кто-либо когда-либо говорил.

Когда люди задают серьёзные вопросы о смысле жизни, им не интересно знать, когда воздух втягивается в их ноздри, а когда выходит. Они хотят знать, что будет после смерти. Но главная загадка жизни не в том, что происходит после смерти, а в том, что происходит до того, как вы умрёте. Чтобы понять смерть, нужно понять жизнь.

Люди спрашивают: «Неужели после смерти я полностью исчезну? Или попаду на небеса? А может, начну новую жизнь в другом теле?». В основе этих вопросов лежит допущение о каком-то «я», которое существует от рождения до смерти, и вопрос на самом деле звучит так: «Что произойдёт с этим “я” после смерти?». Но что может существовать от рождения до смерти? Тело меняется каждую секунду, мозг меняется каждую секунду, сознание меняется каждую секунду. Чем внимательнее вы за собой наблюдаете, тем более очевидным

становится факт, что всё меняется даже от секунды к секунде. Чем тогда скрепляется вся жизнь? Если вы не знаете ответа, вы не понимаете жизни и у вас явно нет шансов понять смерть. Когда — и если — вы поймёте, что именно скрепляет жизнь, ответ на большой вопрос о смерти также станет очевидным.

Люди говорят: «Душа существует от рождения до смерти и поэтому скрепляет жизнь». Но это всего лишь очередная история. Вы когда-нибудь видели душу? Проверить это можно когда угодно, а не только в момент смерти. Если вы в состоянии понять, что происходит, когда заканчивается эта секунда и начинается следующая, вы также поймёте, что произойдёт с вами в момент смерти. Если вы действительно сумеете созерцать себя на протяжении одного вдоха, то поймёте всё.

Первое, что я узнал о себе, следя за дыханием: несмотря на все прочитанные книги и пройденные в университете курсы, я почти ничего не знал о своём сознании и не мог его контролировать. Как я ни старался, у меня не получалось созерцать реальность вдохов и выдохов более десяти секунд — затем мысли отвлекались на что-то другое. Многие годы я жил в уверенности, что я хозяин своей жизни и могу распоряжаться собой, как хочу. Но нескольких часов медитации оказалось достаточно, чтобы понять: я почти не управляю собой. Я не хозяин — в лучшем случае привратник. Меня лишь попросили стоять у ворот моего тела (ноздрей) и просто наблюдать за тем, что входит и выходит. Тем не менее всего через несколько секунд я утратил концентрацию и покинул пост. Это стало для меня откровением.

На следующих занятиях нас учили созерцать не только дыхание, но и ощущения. Не особые ощущения блаженства и экстаза, а самые земные и обыкновенные: тепло, давление, боль и так далее. Техника Випассаны основана на понимании, что поток сознания тесно взаимосвязан с ощущениями тела. Между мной и миром всегда стоят телесные ощущения. Я всегда реагирую не на внешние события, а на ощущения в своём теле. Неприятное вызывает у меня отвращение. В ответ на приятное ощущение у меня возникает желание его повторить. Даже когда нам кажется, что мы реагируем на поступок другого человека — последний твит Трампа, воспоминание далёкого детства, — на самом деле это реакция на непосредственные телесные ощущения. Если мы приходим в ярость, когда кто-то оскорбляет наш

народ или нашего бога, невыносимым это оскорбление делает жжение в животе и железный обруч боли, сдавливающий сердце. Народ ничего не чувствует — но тело болит по-настоящему.

Хотите знать, что такое гнев? Тогда просто понаблюдайте за ощущениями, которые возникают и исчезают в вашем теле, когда вы злитесь. Мне было двадцать четыре года, когда я записался на эти курсы. К этому времени я злился, наверное, десять тысяч раз, но ни разу не удосужился понаблюдать, как на самом деле ощущается гнев. Я сосредотачивался на объекте своего гнева — на чём-то, что сделали или сказали другие, — а не на сенсорной реальности этого чувства.

Мне кажется, что за те десять дней, которые я провёл на курсах, созерцая свои ощущения, я узнал о себе и обо всём человечестве гораздо больше, чем за всю предыдущую жизнь. И для этого мне не потребовалось принять какую-либо историю, теорию или мифологию. Я просто должен был наблюдать реальность такой, какая она есть. И я понял главное: источник моих страданий лежит в глубинах моего сознания. Когда я чего-нибудь желаю, но не получаю, моё сознание реагирует страданием. Страдание — это не объективное состояние во внешнем мире. Это психическая реакция, генерируемая сознанием. Осознать это — значит сделать первый шаг к тому, чтобы перестать генерировать страдание.

После того первого курса обучения в 2000 году я начал медитировать по два часа в день, и каждый год на месяц или два уезжаю на практический семинар по медитации. И это не бегство от реальности — это связь с реальностью. Как минимум два часа в день я наблюдаю за реальностью, какая она есть, а остальные двадцать два часа меня отвлекают электронные письма, твиты и видео с милыми щенками. Без сосредоточенности и ясности, которые даёт эта практика, я не написал бы «Sapiens» или «Homo Deus». Медитация, по крайней мере для меня, никогда не вступает в конфликт с научными исследованиями. Скорее, это ещё один ценный инструмент в научном арсенале, особенно полезный для понимания человеческого сознания.

Копать с двух сторон

Науке трудно расшифровывать загадки сознания в основном из-за отсутствия подходящих инструментов. Многие, в том числе сами

учёные, путают сознание с мозгом, хотя это разные вещи. Мозг — это материальная сеть из нейронов, синапсов и биохимических соединений. Сознание представляет собой поток субъективных ощущений, таких как боль, удовольствие, гнев и любовь. Биологи полагают, что мозг каким-то образом порождает сознание и что биохимические реакции в миллиардах нейронов порождают ощущения — такие, как боль и любовь. Однако до сих пор мы совершенно не понимаем, как в мозгу возникает сознание. Как получается, что, когда миллиарды нейронов посылают электрические сигналы по одной цепи, я чувствую боль, а когда по другой — любовь? Никто этого не знает. Поэтому, даже если сознание действительно рождается в мозгу, изучение сознания и изучение мозга — это разные науки (по крайней мере, пока).

Наука о мозге стремительно развивается благодаря микроскопам, сканерам мозговой активности и мощным компьютерам. Но ни микроскоп, ни сканер не позволяют увидеть сознание. Эти приборы дают возможность изучить биохимическую и электрическую активность мозга, но не открывают доступ к субъективным ощущениям, связанным с этими процессами. В 2018 году единственным сознанием, к которому я мог получить непосредственный доступ, было моё собственное. Если я хочу узнать, что чувствуют другие разумные существа, то могу полагаться только на чужие слова, со всеми неизбежными искажениями и ограничениями.

Конечно, мы можем собрать множество рассказов разных людей и попытаться выявить в них статистические закономерности. Подобные методы позволили психологам и нейробиологам не только лучше понять, как работает сознание, но улучшить и даже спасти жизни миллионов людей. Однако, опираясь лишь на косвенные данные, трудно продвинуться дальше определённой черты. В науке при исследовании конкретного явления принято наблюдать за ним напрямую. Так, антропологи активно используют вторичные источники информации, но, если вы хотите как следует изучить самоанскую культуру, рано или поздно вам придётся собрать чемодан и отправиться на Самоа.

Конечно, будет недостаточно просто приехать туда. Блог туриста, который пешком путешествует по Самоа, не будет научным

антропологическим исследованием, поскольку у большинства туристов нет подготовки и соответствующих инструментов. Их наблюдения случайны и тенденциозны. Чтобы стать авторитетным антропологом, нужно научиться наблюдать за человеческой культурой методично и объективно, отбросив предвзятость и предрассудки. Именно этому учат на факультете антропологии, именно это позволяет антропологам играть важную роль в наведении мостов между культурами.

Учёные, изучающие сознание, редко используют модель, принятую в антропологии. Антропологи регулярно описывают свои визиты на далёкие острова и в загадочные страны, но нейробиологи не часто предпринимают подобные путешествия в глубины сознания. Дело в том, что мы можем непосредственно наблюдать лишь своё собственное сознание, а описывать его объективно очень трудно — гораздо труднее, чем без стереотипов и предвзятости описывать самоанскую культуру. После ста лет упорного труда современные антропологи выработали надёжные методы объективного наблюдения. Нейробиологи, напротив, создали множество инструментов для сбора и анализа вторичных данных, но в деле наблюдения за собственным сознанием мы едва сделали первые шаги.

В отсутствие современных методов прямого наблюдения за сознанием мы можем попытаться использовать инструменты, разработанные культурами прежних эпох. Некоторые древние культуры уделяли большое внимание изучению сознания, причём не опирались на вторичные данные, а обучали людей систематически наблюдать за собственным сознанием. Разработанные ими методы известны под общим названием «медитация». Сегодня этот термин часто ассоциируют с религией и мистикой, но в принципе медитация — это любой метод прямого наблюдения за своим сознанием. Да, во многих религиях широко используются разные техники медитации, но это не значит, что медитация всегда должна быть религиозной. Во многих религиях также широко используются книги, но это не значит, что чтение книг — исключительно религиозная практика.

За несколько тысячелетий люди придумали сотни медитативных техник, различающихся и по своим принципам, и по эффективности. Сам я пользовался только одной техникой, Випассаной, и только о ней могу говорить со знанием дела. Считается, что Випассана, подобно

другим медитативным техникам, была разработана Буддой в Древней Индии. За прошедшие столетия с Буддой связывали самые разные истории и теории, зачастую без каких-либо доказательств. Но для медитации нет необходимости верить в какую-то из них. Учитель, от которого я узнал о Випассане, — Гоенка — придерживался практического подхода. Он постоянно напоминал ученикам, что в процессе созерцания сознания им необходимо отбросить все вторичные описания, религиозные догмы и философские построения и сосредоточиться на своих ощущениях и на реальности, которую они в данный момент наблюдают. Каждый день множество студентов приходило к нему в комнату за наставлениями и ответами на вопросы. На входе висел плакат: «Просьба избегать теоретических и философских дискуссий и задавать вопросы о том, что связано с вашей практикой».

Практика означает наблюдение за ощущениями тела и реакцией сознания на эти ощущения — методичное, непрерывное и объективное, позволяющее раскрыть основные закономерности сознания. Люди иногда превращают медитацию в погоню за особыми ощущениями блаженства и экстаза. На самом деле сознание — величайшая загадка вселенной, и обычные ощущения тепла и зуда не менее таинственны, чем чувство экстаза или единения с космосом. Практикующих Випассану предупреждают, чтобы они не стремились к особым ощущениям, а концентрировались на понимании реальности своего сознания, какой бы она ни была.

В последние годы исследователи мозга и сознания проявляют всё больший интерес к подобным медитативным техникам, но до сих пор большинство учёных использовали этот инструмент лишь косвенно[226]. Типичный учёный, как правило, не медитирует сам. Чаще всего он приглашает в лабораторию людей с большим опытом медитации, устанавливает на голову испытуемого электроды, просит медитировать и наблюдает за активностью мозга. Этот метод помогает узнать много интересного о мозге, но если цель заключается в изучении сознания, то мы упускаем самые важные открытия. Это похоже на попытку понять строение материи, рассматривая камень через увеличительное стекло. Вы подходите к человеку, даёте ему микроскоп и говорите: «Попробуй это. Так гораздо лучше». Он берёт прибор, достаёт проверенное увеличительное стекло и внимательно

рассматривает через него материал, из которого сделан микроскоп… Медитация — это инструмент для непосредственного наблюдения за сознанием. Вы не используете бóльшую часть возможностей инструмента, если не медитируете сами, а следите за электрической активностью мозга медитирующего человека.

Разумеется, я не предлагаю отказаться от современных инструментов и методов исследования мозга. Медитация не заменяет их — но может дополнить. Здесь уместна аналогия с инженерами, прокладывающими туннель сквозь огромную гору: зачем копать только с одной стороны, если можно начать одновременно с двух? Если мозг и сознание действительно едины, два «туннеля» должны будут «встретиться». А если это разные сущности? Тогда ещё важнее исследовать тайны сознания, а не только мозга.

В некоторых университетах и лабораториях уже начали использовать медитацию как инструмент исследования сознания, а не только как объект изучения науки о мозге. Но этот процесс всё ещё находится в начальной стадии — отчасти потому, что требует огромных усилий со стороны исследователей. Серьёзная медитация невозможна без железной дисциплины. Если вы попытаетесь объективно регистрировать свои ощущения, то сразу заметите необузданность и нетерпеливость сознания. Даже если сконцентрируетесь на наблюдении за более или менее определённым ощущением, например дыханием, ваше сознание будет удерживаться на нём лишь несколько секунд, после чего утратит концентрацию и поплывёт по морю из мыслей, воспоминаний и грёз.

Если у вашего микроскопа сбился фокус, достаточно лишь повернуть маленькое колёсико. Если сломалось колёсико, его отремонтирует приглашённый техник. Расфокусированное сознание так просто не починишь. Нужно много тренироваться, чтобы обрести способность успокаиваться и сосредоточиваться, позволяя сознанию методично и объективно наблюдать за собой. Возможно, в будущем мы изобретём таблетку, которая позволит нам мгновенно фокусировать внимание. Но поскольку цель медитации заключается в исследовании сознания, а не просто в фокусировке, этот обходной путь может оказаться контрпродуктивным. Таблетка сделает нас внимательными и сосредоточенными, но в то же время помешает исследовать весь спектр сознания. В конце концов, даже сегодня мы легко

концентрируем внимание, когда смотрим захватывающий триллер, — но в такие моменты сознание до такой степени сфокусировано на фильме, что уже не в состоянии наблюдать за собой.

Даже если не приходится рассчитывать на подобные технологические ухищрения, отступать не стоит. Примером для нас могут стать антропологи, зоологи и астронавты. Антропологи и зоологи годами живут на далёких островах, преодолевая самые разные трудности и препятствия. Астронавты много лет упорно тренируются, готовясь к полёту и опасному выходу в открытый космос. Мы прилагаем огромные усилия в изучении других культур, неизвестных видов животных и далёких планет. Очевидно, стоит не менее упорно работать над исследованием собственного сознания. Мы должны научиться лучше понимать своё сознание, пока алгоритмы не начали думать за нас.

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить всех, кто помогал мне писать. А также вычёркивать:

Михаль Шавит, моего издателя в Penguin Random House в Великобритании, которая предложила мне идею этой книги и направляла меня в процессе работы над ней, а также Беа Хемминг и весь коллектив Penguin Random House за упорный труд и поддержку.

Дэвида Милнера, который, как всегда, великолепно отредактировал мою рукопись. Иногда мне достаточно было представить себе, что скажет Дэвид, чтобы работать над текстом с удвоенным усердием.

Прину Гадер и её коллег из Riot Communications за организацию блестящей пиар-кампании.

Синди Шпигель из Spiegel & Grau за помощь по ту сторону Атлантики.

Себастьяна Ульрих и Джонатана Бек из Verlag C. H. Beck за их тщательную вычитку рукописи и за ценные комментарии и идеи.

Всем моим издателям на всех континентах мира (кроме Антарктиды) за их доверие, преданность и профессиональную работу.

Моего научного ассистента Идана Шерера, тщательно проверявшего информацию обо всём, от древних синагог до искусственного интеллекта.

Шмуэля Рознера за постоянную поддержку и добрые советы.

Игаля Бороховски и Сару Аарони, которые прочли рукопись и не пожалели времени и сил на то, чтобы исправить мои ошибки и помочь мне взглянуть на вещи с иных точек зрения.

Дэнни Орбаха, Ури Сабаха, Йорама Йовеля и Рона Мерома за глубокие мысли о камикадзе, слежке, психологии и алгоритмах.

Всех моих друзей и родных — за их терпение и любовь.

Мою верную команду — Идо Айяль, Майю Орбах, Нааму Вартенберг и Эйлону Ариэль — которая ради меня провела много дней в аду электронной почты.

Мою мать Пнину и мою тёщу Ханну, не жалевших для меня ни времени, ни душевных сил.

Моего супруга и менеджера Ицика, без которого не было бы этой книги. Я умею только писать книги. Он делает всё остальное.

И наконец, всех моих читателей — за их интерес, потраченное время и замечания. Если книга просто стоит на полке и её никто не читает, какой смысл было писать её?

*** * ***

Как отмечалось во введении, эта книга была написана в диалоге с публикой. Многие главы содержат ответы на вопросы, которые мне задавали читатели, журналисты и коллеги. Ранние версии некоторых разделов уже публиковались в виде очерков и статей, что позволило мне получить на них отклик и скорректировать свои аргументы. Предыдущие версии содержатся в следующих очерках и статьях:

If We Know Meat Is Murder, Why Is It So Hard For Us to Change and Become Moral? // *Haaretz.* — 21 June 2012.

The Theatre of Terror // *Guardian.* — 31 January 2015.

Judaism Is Not a Major Player in the History of Humankind // *Haaretz.* — 31 July 2016.

Yuval Noah Harari on Big Data, Google and the End of Free Will // *Financial Times.* — 26 August 2016.

Isis is as much an offshoot of our global civilisation as Google // *Guardian.* — 9 September 2016.

Salvation by Algorithm: God, Technology and New 21st Century Religion // *New Statesman.* — 9 September 2016.

Does Trump’s Rise Mean Liberalism’s End? // *New Yorker.* — 7 October 2016.

Yuval Noah Harari Challenges the Future According to Facebook // *Financial Times.* — 23 March 2017.

Humankind: The Post-Truth Species // *Bloomberg.* — 13 April 2017.

People Have Limited Knowledge. What’s the Remedy? Nobody Knows // *New York Times.* — 18 April 2017.

The Meaning of Life in a World Without Work // *Guardian.* — 8 May 2017.

In Big Data vs. Bach, Computers Might Win // *Bloomberg View.* — 13 May 2017.

Are We About to Witness the Most Unequal Societies in History? // *Guardian.* — 24 May 2017.

Universal Basic Income is Neither Universal Nor Basic // *Bloomberg View.* — 4 June 2017.

Why It’s No Longer Possible For Any Country to Win a War // *Time.* — 23 June 2017.

The Age of Disorder: Why Technology is the Greatest Threat to Humankind // *New Statesman.* — 25 July 2017.

Reboot for the AI Revolution // *Nature News.* — 17 October 2017.

---

notes

Примечания

1

См., например, инаугурационную речь Джорджа Буша — младшего в 2005 году, в которой он сказал: «Исходя из последних событий и руководствуясь здравым смыслом, мы пришли к заключению: сохранение свободы в нашей стране в значительной степени зависит от успеха свободы в других странах. Самую большую надежду на мир даёт распространение свободы по всей планете». Bush Pledges to Spread Democracy // CNN. — 20 January 2005. — http://edition.cnn.com/2005/ALLPOLITICS/01/20/bush.speech/. Что касается Обамы, см., например, его последнюю речь в ООН: Katie Reilly. Read Barack Obama's Final Speech to the United Nations as President // Time. — 20 September 2016. — http://time.com/4501910/president-obama-united-nations-speech-transcript/.

2

William Neikirk, David S. Cloud. Clinton: Abuses Put China «On Wrong Side of History» // Chicago Tribune. — 30 October 1997. — http://articles.chicagotribune.com/1997-10-30/news/9710300304_1_human-rights-jiang-zemin-chinese-leader.

3

Eric Bradner. Hillary Clinton’s Email Controversy, Explained // *CNN*. — 28 October 2016. — http://edition.cnn.com/2015/09/03/politics/hillary-clinton-email-controversy-explained-2016/index.html.

4

Chris Graham, Robert Midgley. Mexico Border Wall: What is Donald Trump Planning, How Much Will It Cost and Who Will Pay for It? // Telegraph. — 23 August 2017. — http://www.telegraph.co.uk/news/0/mexico-border-wall-donald-trump-planning-much-will-cost-will/; Michael Schuman. Is China Stealing Jobs? It May Be Losing Them, Instead // New York Times. — 22 July 2016. — https://www.nytimes.com/2016/07/23/business/international/china-jobs-donald-trump.html.

5

Несколько примеров из девятнадцатого и начала двадцатого века см. в Evgeny Dobrenko, Eric Naiman (eds.). The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. — Seattle: University of Washington Press, 2003; W. L. Guttsman. Art for the Workers: Ideology and the Visual Arts in Weimar Germany. — New York: Manchester University Press, 1997. Общую дискуссию см., например, в Nicholas John Cull. Propaganda and Mass Persuasion: A Historical Encyclopedia, 1500 to the Present. — Santa Barbara: ABC–CLIO, 2003.

6

Эту интерпретацию см.: *Ishaan Tharoor.* Brexit: A modern-day Peasants' Revolt? // *Washington Post.* — 25 June 2016. — https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/06/25/the-brexit-a-modern-day-peasants-revolt/?utm_term=.9b8e81bd5306; *John Curtice.* US election 2016: The Trump — Brexit voter revolt // *BBC.* — 11 November 2016. — http://www.bbc.com/news/election-us-2016-37943072.

7

Самой известной работой, конечно, остаётся Francis Fukuyama. The End of History and the Last Man. — London: Penguin, 1992.

8

Karen Dawisha. Putin’s Kleptocracy. — New York: Simon & Schuster, 2014; Timothy Snyder. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. — New York: Tim Duggan Books, 2018; Anne Garrels. Putin Country: A Journey Into the Real Russia. — New York: Farrar, Straus & Giroux, 2016; Steven Lee Myers. The New Tsar: The Rise and Reign of Vladimir Putin. — New York: Knopf Doubleday, 2016.

9

Credit Suisse. Global Wealth Report 2015. — P. 53; Filip Novokmet, Thomas Piketty, Gabriel Zucman. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // WID.world Working Paper. — № 2017/09. — https://wid.world/document/soviets-oligarchs-inequality-property-russia-1905-2016/; Shaun Walker. Unequal Russia // Guardian. — 25 April 2017.

10

Ayelet Shani. The Israelis Who Take Rebuilding the Third Temple Very Seriously // Haaretz. — 10 August 2017. — https://www.haaretz.com/israel-news/.premium-1.805977; Israeli Minister: We Should Rebuild Jerusalem Temple // Israel Today. — 7 July 2013. — http://www.israeltoday.co.il/Default.aspx?tabid=178&nid=23964; Yuri Yanover. Dep. Minister Hotovely: The Solution Is Greater Israel without Gaza // Jewish Press. — 25 August 2013. — http://www.jewishpress.com/news/breaking-news/dep-minister-hotovely-the-solution-is-greater-israel-without-gaza/2013/08/25/; Israeli Minister: The Bible Says West Bank Is Ours // Al Jazeera. — 24 February 2017. — http://www.aljazeera.com/programmes/upfront/2017/02/israeli-minister-bible-west-bank-170224082827910.html.

11

Katie Reilly. Read Barack Obama's Final Speech to the United Nations as President // *Time.* — 20 September 2016. — http://time.com/4501910/president-obama-united-nations-speech-transcript/.

12

Gregory R. Woirol. The Technological Unemployment and Structural Unemployment Debates. — Westport: Greenwood Press, 1996. — P. 18–20; Amy Sue Bix. Inventing Ourselves out of Jobs? America's Debate over Technological Unemployment, 1929–1981. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000. — P. 1–8; Joel Mokyr, Chris Vickers, Nicolas L. Ziebarth. The History of Technological Anxiety and the Future of Economic Growth: Is This Time Different? // Journal of Economic Perspectives. — 2015. — Vol. 29:3. — P. 33–42; Joe Mokyr. The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. — Princeton: Princeton University Press, 2002. — P. 255–257; David H. Autor. Why Are There Still So Many Jobs? The History and the Future of Workplace Automation // Journal of Economic Perspectives. — 2015. — Vol. 29:3. — P. 3–30; Melanie Arntz, Terry Gregory, Ulrich Zierahn. The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. — 2016. — Vol. 89; Mariacristina Piva, Marco Vivarelli. Technological Change and Employment: Were Ricardo and Marx Right? // IZA Institute of Labor Economics, Discussion Paper. — 2017. — № 10471.

13

См., например, как искусственный интеллект побеждает людей в авиационных симуляторах, и особенно в воздушном бое: Nicholas Ernest et al. Genetic Fuzzy based Artificial Intelligence for Unmanned Combat Aerial Vehicle Control in Simulated Air Combat Missions // Journal of Defense Management. — 2016. — Vol. 6:1. — P. 1–7; интеллектуальные обучающие системы: Kurt VanLehn. The Relative Effectiveness of Human Tutoring, Intelligent Tutoring Systems, and Other Tutoring Systems // Educational Psychologist. — 2011. — Vol. 46:4. — P. 197–221; алгоритмический трейдинг: Giuseppe Nuti et al. Algorithmic Trading // Computer. — 2011. — Vol. 44:11. — P. 61–69; финансовое планирование, управление портфелем ценных бумаг и т. д.: Arash Baharammirzaee. A comparative Survey of Artificial Intelligence Applications in Finance: Artificial Neural Networks, Expert System and Hybrid Intelligent Systems // Neural Computing and Applications. — 2010. — Vol. 19:8. — P. 1165–1195; анализ сложных данных в медицинских системах, постановка диагноза и назначение лечения: Marjorie Glass Zauderer et al. Piloting IBM Watson Oncology within Memorial Sloan Kettering's Regional Network // Journal of Clinical Oncology. — 2014. — Vol. 32:15. — e17653; создание оригинальных текстов на естественном языке из большого объёма данных: Jean-Sébastien Vayre et al. Communication Mediated through Natural Language Generation in Big Data Environments: The Case of Nomao // Journal of Computer and Communication. — 2017. — Vol. 5. — P. 125–148; распознавание лиц: Florian Schroff, Dmitry Kalenichenko, James Philbin. FaceNet: A Unified Embedding for Face Recognition and Clustering // IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR). — 2015. — P. 815–823; управление автомобилем: Cristiano Premebida. A Lidar and Vision-based Approach for Pedestrian and Vehicle Detection and Tracking // 2007 IEEE Intelligent Transportation Systems Conference. — 2007.

14

Daniel Kahneman. Thinking, Fast and Slow. — New York: Farrar, Straus & Giroux, 2011; Dan Ariely. Predictably Irrational. — New York: Harper, 2009; Brian D. Ripley. Pattern Recognition and Neural Networks. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007; Christopher M. Bishop. Pattern Recognition and Machine Learning. — New York: Springer, 2007.

15

Seyed Azimi et al. Vehicular Networks for Collision Avoidance at Intersections // SAE International Journal of Passenger Cars — Mechanical Systems. — 2011. — Vol. 4. — P. 406–416; Swarun Kumar et al. CarSpeak: A Content-Centric Network for Autonomous Driving // SIGCOM Computer Communication Review. — 2012. — Vol. 42. — P. 259–270; Mihail L. Sichitiu, Maria Kihl. Inter-Vehicle Communication Systems: A Survey // IEEE Communications Surveys & Tutorials. — 2008. — P. 10; Mario Gerla, Eun-Kyu Lee, Giovanni Pau. Internet of Vehicles: From Intelligent Grid to Autonomous Cars and Vehicular Clouds // 2014 IEEE World Forum on Internet of Things (WF-IoT). — 2014. — P. 241–246.

16

David D. Luxton et al. mHealth for Mental Health: Integrating Smartphone Technology in Behavioural Healthcare // Professional Psychology: Research and Practice. — 2011. — Vol. 42:6. — P. 505–512; Abu Saleh Mohammad Mosa, Illhoi Yoo, Lincoln Sheets. A Systematic Review of Healthcare Application for Smartphones // BMC Medical Informatics and Decision Making. — 2012. — Vol. 12:1. — P. 67; Karl Frederick Braekkan Payne, Heather Wharrad, Kim Watts. Smartphone and Medical Related App Use among Medical Students and Junior Doctors in the United Kingdom (UK): A Regional Survey // BMC Medical Informatics and Decision Making. — 2012. — Vol. 12:1. — P. 121; Sandeep Kumar Vashist, E. Marion Schneider, John H. T. Loung. Commercial Smartphone-Based Devices and Smart Applications for Personalised Healthcare Monitoring and Management // Diagnostics. — 2014. — Vol. 4:3. — P. 104–128; Maged N. Kamel Bouls et al. How Smartphones Are Changing the Face of Mobile and Participatory Healthcare: An Overview, with Example from eCAALYX // BioMedical Engineering OnLine. — 2011. — Vol. 10:24. — https://doi.org/10.1186/1475-925X-10-24; Paul J. F. White, Blake W. Podaima, Marcia R. Friesen. Algorithms for Smartphone and Tablet Image Analysis for Healthcare Applications // IEEE Access. — 2014. — Vol. 2. — P. 831–840.

17

World Health Organization, Global status report on road safety 2015 (2016); Estimates for 2000–2015, Cause-Specific Mortality. — http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/estimates/en/index1.html.

18

Анализ причин автомобильных аварий в США см.: Daniel J. Fagnant, Kara Kockelman. Preparing a Nation for Autonomous Vehicles: Opportunities, Barriers and Policy Recommendations // Transportation Research Part A: Policy and Practice. — 2015. — Vol. 77. — P. 167–181; анализ данных по всему миру см., например: OECD/ITF, Road Safety Annual Report 2016. — Paris: OECD Publishing, 2016. — http://dx.doi.org/10.1787/irtad-2016-en.

19

Kristofer D. Kusano, Hampton C. Gabler. Safety Benefits of Forward Collision Warning, Brake Assist, and Autonomous Braking Systems in Rear-End Collisions // IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems. — 2012. — Vol. 13:4. — P. 1546–1555; James M. Anderson et al. Autonomous Vehicle Technology: A Guide for Policymakers. — Santa Monica: RAND Corporation, 2014. — esp. 13–15; Daniel J. Fagnant, Kara Kockelman. Preparing a Nation for Autonomous Vehicles: Opportunities, Barriers and Policy Recommendations // Transportation Research Part A: Policy and Practice. — 2015. — Vol. 77. — P. 167–181; Jean-Francois Bonnefon, Azim Shariff, Iyad Rahwan. Autonomous Vehicles Need Experimental Ethics: Are We Ready for Utilitarian Cars? // arXiv. — 2015. — P. 1–15. О предложениях по созданию межтранспортных сетей для предотвращения аварий см.: Seyed R. Azimi et al. Vehicular Networks for Collision Avoidance at Intersections // SAE International Journal of Passenger Cars — Mechanical Systems. — 2011. — Vol. 4:1. — P. 406–416; Swarun Kumar et al. CarSpeak: A Content-Centric Network for Autonomous Driving // SIGCOM Computer Communication Review. — 2012. — Vol. 42:4. — P. 259–270; Mihail L. Sichitiu, Maria Kihl. Inter-Vehicle Communication Systems: A Survey // IEEE Communications Surveys & Tutorials. — 2008. — Vol. 10:2; Mario Gerla et al. Internet of Vehicles: From Intelligent Grid to Autonomous Cars and Vehicular Clouds // 2014 IEEE World Forum on Internet of Things (WF-IoT). — 2014. — P. 241–246.

20

Michael Chui, James Manyika, Mehdi Miremadi. Where Machines Could Replace Humans — and Where They Can’t (Yet) // McKinsey Quarterly. — 2016. — http://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/where-machines-could-replace-humans-and-where-they-cant-yet.

21

Wu Youyou, Michal Kosinski, David Stillwell. Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans // PANS. — 2014. — Vol. 112. — P. 1036–1038.

22

Stuart Dredge. AI and music: will we be slaves to the algorithm? // Guardian. — 6 August 2017. — https://www.theguardian.com/technology/2017/aug/06/artificial-intelligence-and-will-we-be-slaves-to-the-algorithm. Обзорный анализ методов см.: Jose David Fernández, Francisco Vico. AI Methods in Algorithmic Composition: A Comprehensive Survey // Journal of Artificial Intelligence Research. — 2013. — Vol. 48. — P. 513–582.

23

Eric Topol. The Patient Will See You Now: The Future of Medicine is in Your Hands. — New York: Basic Books, 2015; Robert Wachter. The Digital Doctor: Hope, Hype and Harm at the Dawn of Medicine's Computer Age. — New York: McGraw-Hill Education, 2015; Simon Parkin. The Artificially Intelligent Doctor Will Hear You Now // MIT Technology Review. — 2016. — https://www.technologyreview.com/s/600868/the-artificially-intelligent-doctor-will-hear-you-now/; James Gallagher. Artificial intelligence «as good as cancer doctors» // BBC. — 26 January 2017. — http://www.bbc.com/news/health-38717928.

24

Kate Brannen. Air Force’s lack of drone pilots reaching «crisis» levels // Foreign Policy. — 15 January 2015. — http://foreignpolicy.com/2015/01/15/air-forces-lack-of-drone-pilots-reaching-crisis-levels/.

25

Tyler Cowen. Average is Over: Powering America Beyond the Age of the Great Stagnation. — New York: Dutton, 2013; Brad Bush. How combined human and computer intelligence will redefine jobs // TechCrunch. — 2016. — https://techcrunch.com/2016/11/01/how-combined-human-and-computer-intelligence-will-redefine-jobs/.

26

Ulrich Raulff. Farewell to the Horse: The Final Century of Our Relationship. — London: Allen Lane, 2017; Gregory Clark. A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World. — Princeton: Princeton University Press, 2008. — P. 286; Margo DeMello. Animals and Society: An Introduction to Human-Animal Studies. — New York: Columbia University Press, 2012. — P. 197; Clay McShane, Joel Tarr. The Decline of the Urban Horse in American Cities // Journal of Transport History. — 2003. — Vol. 24:2. — P. 177–198.

27

Lawrence F. Katz, Alan B. Krueger. The Rise and Nature of Alternative Work Arrangements in the United States, 1995–2015 // National Bureau of Economic Research. — 2016; Peter H. Cappelli, J. R. Keller. A Study of the Extent and Potential Causes of Alternative Employment Arrangements // ILR Review. — 2013. — Vol. 66:4. — P. 874–901; Gretchen M. Spreitzer, Lindsey Cameron, Lyndon Garrett. Alternative Work Arrangements: Two Images of the New World of Work // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. — 2017. — Vol. 4. — P. 473–499; Sarah A. Donovan, David H. Bradley, Jon O. Shimabukuru. What Does the Gig Economy Mean for Workers? // Washington DC: Congressional Research Service. — 2016. — https://fas.org/sgp/crs/misc/R44365.pdf; More Workers Are in Alternative Employment Arrangements // Pew Research Center. — 28 September 2016. — http://www.pewsocialtrends.org/2016/10/06/the-state-of-american-jobs/st_2016-10-06_jobs-26/.

28

David Ferrucci et al. Watson: Beyond Jeopardy! // Artificial Intelligence. — 2013. — Vol. 199–200. — P. 93–105.

29

Google’s AlphaZero Destroys Stockfish in 100-Game Match // Chess.com. — 6 December 2017. — https://www.chess.com/news/view/google-s-alphazero-destroys-stockfish-in-100-game-match; David Silver et al. Mastering Chess and Shogi by Self-Play with a General Reinforcement Learning Algorithm // arXiv. — 2017. — https://arxiv.org/pdf/1712.01815.pdf; см. также: Sarah Knapton. Entire Human Chess Knowledge Learned and Surpassed by DeepMind’s AlphaZero in Four Hours // Telegraph. — 6 December 2017. — http://www.telegraph.co.uk/science/2017/12/06/entire-human-chess-knowledge-learned-surpassed-deepminds-alphazero/.

30

Tyler Cowen. Average is Over: Powering America Beyond the Age of the Great Stagnation. — New York: Dutton, 2013; Tyler Cowen. What are humans still good for? The turning point in freestyle chess may be approaching. — 2013. — http://marginalrevolution.com/marginalrevolution/2013/11/what-are-humans-still-good-for-the-turning-point-in-freestyle-chess-may-be-approaching.html.

31

Maddalaine Ansell. Jobs for Life Are a Thing of the Past. Bring On Lifelong Learning // Guardian. — 31 May 2016. — https://www.theguardian.com/higher-education-network/2016/may/31/jobs-for-life-are-a-thing-of-the-past-bring-on-lifelong-learning.

32

Alex Williams. Prozac Nation Is Now the United States of Xanax // New York Times. — 10 June 2017. — https://www.nytimes.com/2017/06/10/style/anxiety-is-the-new-depression-xanax.html.

33

Simon Rippon. Imposing Options on People in Poverty: The Harm of a Live Donor Organ Market // Journal of Medical Ethics. — 2014. — Vol. 40. — P. 145–150; I. Glenn Cohen. Regulating the Organ Market: Normative Foundations for Market Regulation // Law and Contemporary Problems. — 2014. — Vol. 77; Alexandra K. Glazier. The Principles of Gift Law and the Regulation of Organ Donation // Transplant International. — 2011. — Vol. 24. — P. 368–372; Megan McAndrews, Walter E. Block. Legalizing Saving Lives: A Proposition for the Organ Market // Insights to A Changing World Journal. — 2015. — P. 1–17.

34

James J. Hughes. A Strategic Opening for a Basic Income Guarantee in the Global Crisis Being Created by AI, Robots, Desktop Manufacturing and BioMedicine // Journal of Evolution & Technology. — 2014. — Vol. 24. — P. 45–61; Alan Cottey. Technologies, Culture, Work, Basic Income and Maximum Income // AI & Society. — 2014. — Vol. 29. — P. 249–257.

35

Jon Henley. Finland Trials Basic Income for Unemployed // Guardian. — 3 January 2017. — https://www.theguardian.com/world/2017/jan/03/finland-trials-basic-income-for-unemployed.

36

Swiss Voters Reject Proposal to Give Basic Income to Every Adult and Child // Guardian. — 5 June 2017. — https://www.theguardian.com/world/2016/jun/05/swiss-vote-give-basic-income-every-adult-child-marxist-dream.

37

Isabel Hunter. Crammed into squalid factories to produce clothes for the West on just 20p a day, the children forced to work in horrific unregulated workshops of Bangladesh // Daily Mail. — 1 December 2015. — http://www.dailymail.co.uk/news/article-3339578/Crammed-squalid-factories-produce-clothes-West-just-20p-day-children-forced-work-horrific-unregulated-workshops-Bangladesh.html; Chris Walker, Morgan Hartley The Culture Shock of India's Call Centers // Forbes. — 16 December 2012. — https://www.forbes.com/sites/morganhartley/2012/12/16/the-culture-shock-of-indias-call-centres/#17bb61d372f5.

38

Klaus Schwab, Nicholas Davis. Shaping the Fourth Industrial Revolution // World Economic Forum. — 2018. — P. 54. О долгосрочных стратегиях развития см.: Ha-Joon Chang. Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective. — London: Anthem Press, 2003.

39

Lauren Gambini. Trump Pans Immigration Proposal as Bringing People from «Shithole Countries» // Guardian. — 12 January 2018. — https://www.theguardian.com/us-news/2018/jan/11/trump-pans-immigration-proposal-as-bringing-people-from-shithole-countries.

40

Мысль о том, что абсолютное улучшение условий может сочетаться с относительным усилением неравенства, см., в частности, в Thomas Piketty. Capital in the Twenty-First Century. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.

41

2017 Statistical Report on Ultra-Orthodox Society in Israel // Israel Democracy Institute and Jerusalem Institute for Israel Studies. — 2017. — https://en.idi.org.il/articles/20439; Melanie Lidman. As ultra-Orthodox women bring home the bacon, don’t say the F-word // Times of Israel. — 1 January 2016. — https://www.timesofisrael.com/as-ultra-orthodox-women-bring-home-the-bacon-dont-say-the-f-word/.

42

Melanie Lidman. As ultra-Orthodox women bring home the bacon, don’t say the F-word // Times of Israel. — 1 January 2016. — https://www.timesofisrael.com/as-ultra-Orthodox-women-bring-home-the-bacon-dont-say-the-f-word/; Statistical Report on Ultra-Orthodox Society in Israel // Israel Democracy Institute and Jerusalem Institute for Israel Studies. — 2016. — P. 18. — https://en.idi.org.il/media/4240/shnaton-e_8-9-16_web.pdf. Что касается счастья, не так давно Израиль занял 11-е место по уровню удовлетворённости жизнью среди 38 стран ОЭСР: Life Satisfaction // OECD Better Life Index. — http://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/life-satisfaction/.

43

2017 Statistical Report on Ultra-Orthodox Society in Israel // Israel Democracy Institute and Jerusalem Institute for Israel Studies. — 2017. — https://en.idi.org.il/articles/20439.

44

Margaret Thatcher. Interview for Woman’s Own («no such thing as society») // Margaret Thatcher Foundation. — 23 September 1987. — https://www.margaretthatcher.org/document/106689.

45

Keith Stanovich. Who Is Rational? Studies of Individual Differences in Reasoning. — New York: Psychology Press, 1999.

46

Richard Dawkins. Richard Dawkins: We Need a New Party — the European Party // NewStatesman. — 29 March 2017. — https://www.newstatesman.com/politics/uk/2017/03/richard-dawkins-we-need-new-party-european-party.

47

Steven Swinford. Boris Johnson’s allies accuse Michael Gove of «systematic and calculated plot» to destroy his leadership hopes // Telegraph. — 30 June 2016. — http://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/30/boris-johnsons-allies-accuse-michael-gove-of-systematic-and-calc/; Rowena Mason, Heather Stewart. Gove’s thunderbolt and Boris’s breaking point: a shocking Tory morning // Guardian. — 30 June 2016. — https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/30/goves-thunderbolt-boris-johnson-tory-morning.

48

James Tapsfield. Gove presents himself as the integrity candidate for Downing Street job but sticks the knife into Boris AGAIN // Daily Mail. — 1 July 2016. — http://www.dailymail.co.uk/news/article-3669702/I-m-not-great-heart-s-right-place-Gove-makes-bizarre-pitch-Downing-Street-admitting-no-charisma-doesn-t-really-want-job.html.

49

В 2017 году исследователи из Стэнфорда разработали алгоритм, который якобы определяет сексуальную ориентацию человека с точностью 91 % только на основе нескольких фотографий его лица (https://osf.io/zn79k/). Но алгоритм разрабатывался на основе фотографий, которые люди выбирали сами для загрузки на сайты знакомств, и поэтому он мог идентифицировать различия в культурных идеалах. Это не значит, что выражение лица геев обязательно отличается от выражения лица у людей традиционной ориентации. Скорее геи, размещающие свои фото на сайте знакомств для геев, пытают соответствовать другому культурному идеалу, чем люди традиционной сексуальной ориентации, публикующие свои фотографии на соответствующих сайтах знакомств.

50

David Chan. So Why Ask Me? Are Self-Report Data Really That Bad? // Charles E. Lance, Robert J. Vandenberg (eds.). Statistical and Methodological Myths and Urban Legends. — New York, London: Routledge, 2009. — P. 309–336; Delroy L. Paulhus, Simine Vazire. The Self-Report Method // Richard W. Robins, R. Chris Farley, Robert F. Krueger (eds.). Handbook of Research Methods in Personality Psychology. — London, New York: The Guilford Press, 2007. — P. 228–233.

51

Elizabeth Dwoskin, Evelyn M. Rusli. The Technology that Unmasks Your Hidden Emotions // Wall Street Journal. — 28 January 2015. — https://www.wsj.com/articles/startups-see-your-face-unmask-your-emotions-1422472398.

52

Norberto Andrade. Computers Are Getting Better Than Humans at Facial Recognition // Atlantic. — 9 June 2014. — https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/06/bad-news-computers-are-getting-better-than-we-are-at-facial-recognition/372377/; Elizabeth Dwoskin, Evelyn M. Rusli. The Technology That Unmasks Your Hidden Emotions // Wall Street Journal. — 28 June 2015. — https://www.wsj.com/articles/startups-see-your-face-unmask-your-emotions-1422472398; Sophie K. Scott, Nadine Lavan, Sinead Chen, Carolyn McGettigan. The Social Life of Laughter // Trends in Cognitive Sciences. — 2014. — Vol. 18:12. — P. 618–620.

53

Daniel First. Will big data algorithms dismantle the foundations of liberalism? // AI & Society. — 10.1007/s00146-017-0733-4.

54

Carole Cadwalladr. Google, Democracy and the Truth about Internet Search // Guardian. — 4 December 2016. — https://www.theguardian.com/technology/2016/dec/04/google-democracy-truth-internet-search-facebook.

55

Jeff Freak, Shannon Holloway. How Not to Get to Straddie // Red Land City Bulletin. — 15 March 2012. — http://www.redlandcitybulletin.com.au/story/104929/how-not-to-get-to-straddie/.

56

Michelle McQuigge. Woman Follows GPS; Ends Up in Ontario Lake // Toronto Sun. — 13 May 2016. — http://torontosun.com/2016/05/13/woman-follows-gps-ends-up-in-ontario-lake/wcm/fddda6d6-6b6e-41c7-88e8-aecc501faaa5; Woman Follows GPS into Lake // News.com.au. — 16 May 2016. — http://www.news.com.au/technology/gadgets/woman-follows-gps-into-lake/news-story/a7d362dfc4634fd094651afc63f853a1.

57

Henry Grabar. Navigation Apps Are Killing Our Sense of Direction. What if They Could Help Us Remember Places Instead? // Slate. — http://www.slate.com/blogs/moneybox/2017/07/10/google_and_waze_are_killing_out_sense_of_direction_what_if_they_could_help.html.

58

Joel Delman. Are Amazon, Netflix, Google Making Too Many Decisions For Us? // Forbes. — 24 November 2010. — https://www.forbes.com/2010/11/24/amazon-netflix-google-technology-cio-network-decisions.html; Cecilia Mazanec. Will Algorithms Erode Our Decision-Making Skills? // NPR. — 8 February 2017. — http://www.npr.org/sections/alltechconsidered/2017/02/08/514120713/will-algorithms-erode-our-decision-making-skills.

59

Jean-Francois Bonnefon, Azim Shariff, Iyad Rawhan. The Social Dilemma of Autonomous Vehicles // Science. — 2016. — Vol. 352:6293. — P. 1573–1576.

60

Christopher W. Bauman et al. Revisiting External Validity: Concerns about Trolley Problems and Other Sacrificial Dilemmas in Moral Psychology // Social and Personality Psychology Compass. — 2014. — Vol. 8:9. — P. 536–554.

61

John M. Darley, Daniel C. Batson. «From Jerusalem to Jericho»: A Study of Situational and Dispositional Variables in Helping Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. — 1973. — Vol. 27:1. — P. 100–108.

62

Kristofer D. Kusano, Hampton C. Gabler. Safety Benefits of Forward Collision Warning, Brake Assist, and Autonomous Braking Systems in Rear-End Collisions // IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems. — 2012. — Vol. 13:4. — P. 1546–1555; James M. Anderson et al. Autonomous Vehicle Technology: A Guide for Policymakers. — Santa Monica: RAND Corporation, 2014. — esp. 13–15; Daniel J. Fagnant, Kara Kockelman. Preparing a Nation for Autonomous Vehicles: Opportunities, Barriers and Policy Recommendations // Transportation Research Part A: Policy and Practice. — 2015. — Vol. 77. — P. 167–181.

63

Tim Adams. Job Hunting Is a Matter of Big Data, Not How You Perform at an Interview // Guardian. — 10 May 2014. — https://www.theguardian.com/technology/2014/may/10/job-hunting-big-data-interview-algorithms-employees.

64

Необычайно глубокую дискуссию на эту тему см. в: Cathy O’Neil. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. — New York: Crown, 2016. Эту работу обязательно следует прочесть тем, кого интересует потенциальное влияние алгоритмов на общество и политику.

65

Jean-Francois Bonnefon, Azim Shariff, Iyad Rawhan. The Social Dilemma of Autonomous Vehicles // Science. — 2016. — Vol. 352:6293. — P. 1573–1576.

66

Vincent C. Müller, Thomas W. Simpson. Autonomous Killer Robots Are Probably Good News // University of Oxford, Blavatnik School of Government Policy Memo. — November 2014; Ronald Arkin. Governing Lethal Behaviour: Embedding Ethics in a Hybrid Deliberative/Reactive Robot Architecture. — Georgia Institute of Technology, Mobile Robot Lab, 2007. — P. 1–13.

67

Bernd Greiner. War without Fronts: The USA in Vietnam, trans. Anne Wyburd and Victoria Fern. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. — P. 16. По меньшей мере одно свидетельство эмоционального состояния солдат см. в: Herbert Kelman, V. Lee Hamilton. The My Lai Massacre: A Military Crime of Obedience // Jodi O'Brien, David M. Newman (eds.). Sociology: Exploring the Architecture of Everyday Life Reading. — Los Angeles: Pine Forge Press, 2010. — P. 13–25.

68

Robert J. Donia. Radovan Karadzic: Architect of the Bosnian Genocide. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015. См. также: Isabella Delpla, Xavier Bougarel, Jean-Louis Fournel. Investigating Srebrenica: Institutions, Facts, and Responsibilities. — New York, Oxford: Berghahn Books, 2012.

69

Noel E. Sharkey. The Evitability of Autonomous Robot Warfare // International Rev. Red Cross. — 2012. — Vol. 94 (886). — P. 787–799.

70

Ben Schiller. Algorithms Control Our Lives: Are They Benevolent Rulers or Evil Dictators? // Fast Company. — 21 February 2017. — https://www.fastcompany.com/3068167/algorithms-control-our-lives-are-they-benevolent-rulers-or-evil-dictators.

71

Elia Zureik, David Lyon, Yasmeen Abu-Laban (eds.). Surveillance and Control in Israel/Palestine: Population, Territory and Power. — London: Routledge, 2011; Elia Zureik. Israel's Colonial Project in Palestine. — London: Routledge, 2015; Torin Monahan (ed.). Surveillance and Security: Technological Politics and Power in Everyday Life. — London: Routledge, 2006; Nadera Shalhoub-Kevorkian. E-Resistance and Technological In/Security in Everyday Life: The Palestinian case // British Journal of Criminology. — 2012. — Vol. 52:1. — P. 55–72; Or Hirschauge, Hagar Sheizaf. Targeted Prevention: Exposing the New System for Dealing with Individual Terrorism // Haaretz. — 26 May 2017. — https://www.haaretz.co.il/magazine/.premium-1.4124379; Amos Harel. The IDF Accelerates the Crisscrossing of the West Bank with Cameras and Plans to Surveille all Junctions // Haaretz. — 18 June 2017. — https://www.haaretz.co.il/news/politics/.premium-1.4179886; Neta Alexander. This is How Israel Controls the Digital and Cellular Space in the Territories // Haaretz. — 31 March 2016, https://www.haaretz.co.il/magazine/.premium-MAGAZINE-1.2899665; Amos Harel. Israel Arrested Hundreds of Palestinians as Suspected Terrorists Due to Publications on the Internet // Haaretz. — 16 April 2017. — https://www.haaretz.co.il/news/politics/.premium-1.4024578; Alex Fishman. The Argaman Era // Yediot Aharonot, Weekend Supplement. — 28 April 2017. — P. 6.

72

Yotam Berger. Police Arrested a Palestinian Based on an Erroneous Translation of «Good Morning» in His Facebook Page // Haaretz. — 22 October 2017. — https://www.haaretz.co.il/.premium-1.4528980.

73

William Beik. Louis XIV and Absolutism: A Brief Study with Documents. — Boston, MA: Bedford/St Martin’s, 2000.

74

Cathy O’Neil. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. — New York: Crown, 2016; Penny Crosman. Can AI Be Programmed to Make Fair Lending Decisions? // American Banker. — 27 September 2016. — https://www.americanbanker.com/news/can-ai-be-programmed-to-make-fair-lending-decisions.

75

Matt Reynolds. Bias Test to Prevent Algorithms Discriminating Unfairly // New Scientist. — 29 May 2017. — https://www.newscientist.com/article/mg23431195—300-bias-test-to-prevent-algorithms-discriminating-unfairly/; Claire Cain Miller. When Algorithms Discriminate // New York Times. — 9 July 2015. — https://www.nytimes.com/2015/07/10/upshot/when-algorithms-discriminate.html; Hannah Devlin. Discrimination by Algorithm: Scientists Devise Test to Detect AI Bias // Guardian. — 19 December 2016. — https://www.theguardian.com/technology/2016/dec/19/discrimination-by-algorithm-scientists-devise-test-to-detect-ai-bias.

76

Timothy Snyder. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. — New York: Tim Duggan Books, 2018.

77

Anna Lisa Peterson. Being Animal: Beasts and Boundaries in Nature Ethics. — New York: Columbia University Press, 2013. — P. 100.

78

Richest 1 Percent Bagged 82 Percent of Wealth Created Last Year — Poorest Half of Humanity Got Nothing // Oxfam. — 22 January 2018. — https://www.oxfam.org/en/pressroom/pressreleases/2018-01-22/richest-1-percent-bagged-82-percent-wealth-created-last-year; Josh Lowe. The 1 Percent Now Have Half the World's Wealth // Newsweek. — 14 November 2017. — http://www.newsweek.com/1-wealth-money-half-world-global-710714; Adam Withnall. All the World’s Most Unequal Countries Revealed in One Chart // Independent. — 23 November 2016. — http://www.independent.co.uk/news/world/politics/credit-suisse-global-wealth-world-most-unequal-countries-revealed-a7434431.html.

79

Tim Wu. The Attention Merchants. — New York: Alfred A. Knopf, 2016.

80

Cara McGoogan. How to See All the Terrifying Things Google Knows about You // Telegraph. — 18 August 2017. — http://www.telegraph.co.uk/technology/0/see-terrifying-things-google-knows/; Caitlin Dewey. Everything Google Knows about You (and How It Knows It) // Washington Post. — 19 November 2014. — https://www.washingtonpost.com/news/the-intersect/wp/2014/11/19/everything-google-knows-about-you-and-how-it-knows-it/?utm_term=.b81c3ce3ddd6.

81

Dan Bates. YouTube Is Losing Money Even Though It Has More Than 1 Billion Viewers // Daily Mail. — 26 February 2015. — http://www.dailymail.co.uk/news/article-2970777/YouTube-roughly-breaking-nine-years-purchased-Google-billion-viewers.html; Olivia Solon. Google's Bad Week: YouTube Loses Millions As Advertising Row Reaches US // Guardian. — 25 March 2017. — https://www.theguardian.com/technology/2017/mar/25/google-youtube-advertising-extremist-content-att-verizon; Seth Fiegerman. Twitter Is Now Losing Users in the US // CNN. — 27 July 2017. — http://money.cnn.com/2017/07/27/technology/business/twitter-earnings/index.html.

82

Mark Zuckerberg. Building Global Community. — 16 February 2017. — https://www.facebook.com/notes/mark-zuckerberg/building-global-community/10154544292806634/.

83

John Shinal. Mark Zuckerberg: Facebook can play a role that churches and Little League once filled // CNBC. — 26 June 2017. — https://www.cnbc.com/2017/06/26/mark-zuckerberg-compares-facebook-to-church-little-league.html.

84

http://www.cnbc.com/2017/06/26/mark-zuckerberg-compares-facebook-to-church-little-league.html; http://www.cnbc.com/2017/06/22/facebook-has-a-new-mission-following-fake-news-crisis-zuckerberg-says.html.

85

Robin Dunbar. Grooming, Gossip, and the Evolution of Language. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.

86

См., например: Pankaj Mishra. Age of Anger: A History of the Present. — London: Penguin, 2017.

87

Общий обзор и критику см. в: Derek Y. Darves, Michael C. Dreiling. Agents of Neoliberal Globalization: Corporate Networks, State Structures and Trade Policy. — Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

88

Lisa Eadicicco. Americans Check Their Phones 8 Billion Times a Day // Time. — 15 December 2015. — http://time.com/4147614/smartphone-usage-us-2015/; Julie Beck. Ignoring People for Phones Is the New Normal // Atlantic. — 14 June 2016. — https://www.theatlantic.com/technology/archive/2016/06/ignoring-people-for-phones-is-the-new-normal-phubbing-study/486845/.

89

Mark Zuckerberg. Building Global Community. — 16 February 2017. — https://www.facebook.com/notes/mark-zuckerberg/building-global-community/10154544292806634/.

90

Time Well Spent — http://www.timewellspent.io/.

91

Mark Zuckerberg. Building Global Community. — 16 February 2017. — https://www.facebook.com/notes/mark-zuckerberg/building-global-community/10154544292806634/.

92

https://www.theguardian.com/technology/2017/oct/04/facebook-uk-corporation-tax-profit; https://www.theguardian.com/business/2017/sep/21/tech-firms-tax-eu-turnover-google-amazon-apple; http://www.wired.co.uk/article/facebook-apple-tax-loopholes-deals.

93

Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. — New York: Simon & Schuster, 1996; David Lauter, Brian Bennett. Trump Frames Anti-Terrorism Fight As a Clash of Civilizations, Defending Western Culture against Enemies // Los Angeles Times. — 6 July 2017. — http://www.latimes.com/politics/la-na-pol-trump-clash-20170706-story.html. Naomi O'Leary. The Man Who Invented Trumpism: Geert Wilders' Radical Path to the Pinnacle of Dutch Politics // Politico. — 23 February 2017. — https://www.politico.eu/article/the-man-who-invented-trumpism-geert-wilders-netherlands-pvv-vvd-populist/.

94

Pankaj Mishra. From the Ruins of Empire: The Revolt Against the West and the Remaking of Asia. — London: Penguin, 2013; Pankaj Mishra. Age of Anger: A History of the Present. — London: Penguin, 2017; Christopher de Bellaigue. The Muslim Enlightenment: The Modern Struggle Between Faith and Reason. — London: The Bodley Head, 2017.

95

Treaty Establishing A Constitution for Europe // European Union. — https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_establishing_a_constitution_for_europe_en.pdf.

96

Phoebe Greenwood. Jerusalem Mayor Battles Ultra-Orthodox Groups over Women-Free Billboards // Guardian. — 15 November 2011. — https://www.theguardian.com/world/2011/nov/15/jerusalem-mayor-battle-orthodox-billboards.

97

http://nypost.com/2015/10/01/orthodox-publications-wont-show-hillary-clintons-photo/.

98

Simon Schama. The Story of the Jews: Finding the Words 1000 BC — 1492 AD. — New York: Ecco, 2014. — P. 190–197; Hannah Wortzman. Jewish Women in Ancient Synagogues: Archaeological Reality vs. Rabbinical Legislation // Women in Judaism. — 2008. — Vol. 5:2. — http://wjudaism.library.utoronto.ca/index.php/wjudaism/article/view/3537; Ross S. Kraemer. Jewish Women in the Diaspora World of Late Antiquity // Judith R. Baskin (ed.). Jewish Women in Historical Perspective. — Detroit: Wayne State University Press, 1991. — esp. 49; Hachlili Rachel. Ancient Synagogues — Archaeology and Art: New Discoveries and Current Research. — Leiden: Brill, 2014. — P. 578–581; Zeev Weiss. The Sepphoris Synagogue Mosaic: Abraham, the Temple and the Sun God — They're All in There // Biblical Archeology Society. — 2000. — Vol. 26:5. — P. 48–61; David Milson. Art and Architecture of the Synagogue in Late Antique Palestine. — Leiden: Brill, 2007. — P. 48.

99

Ivan Watson, Pamela Boykoff. World’s Largest Muslim Group Denounces Islamist Extremism // CNN. — 10 May 2016. — http://edition.cnn.com/2016/05/10/asia/indonesia-extremism/index.html; Lauren Markoe. Muslim Scholars Release Open Letter To Islamic State Meticulously Blasting Its Ideology // Huffington Post. — 25 September 2014. — https://www.huffingtonpost.com/2014/09/24/muslim-scholars-islamic-state_n_5878038.html; о письме см.: Open Letter to Al-Baghdadi — http://www.lettertobaghdadi.com/.

100

Chris Perez. Obama Defends the «True Peaceful Nature of Islam» // New York Post. — 18 February 2015. — http://nypost.com/2015/02/18/obama-defends-the-true-peaceful-nature-of-islam/; Dave Boyer. Obama Says Terrorists Not Motivated By True Islam // Washington Times. — 1 February 2015. — http://www.washingtontimes.com/news/2015/feb/1/obama-says-terrorists-not-motivated-true-islam/.

101

Christopher de Bellaigue. The Muslim Enlightenment: The Modern Struggle Between Faith and Reason. — London: The Bodley Head, 2017.

102

Christopher McIntosh. The Swan King: Ludwig II of Bavaria. — London: I. B. Tauris, 2012. — P. 100.

103

Robert Mitchell Stern. Globalization and International Trade Policies. — Hackensack: World Scientific, 2009. — P. 23.

104

John K. Thornton. A Cultural History of the Atlantic World, 1250–1820. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — P. 110.

105

Susannah Cullinane, Hamdi Alkhshali, Mohammed Tawfeeq. Tracking a Trail of Historical Obliteration: ISIS Trumpets Destruction of Nimrud // *CNN*. — 14 April 2015. — http://edition.cnn.com/2015/03/09/world/iraq-isis-heritage/index.html.

106

Kenneth Pomeranz. The Great Divergence: China, Europe and the Making of the Modern World Economy. — Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. — P. 36–38.

107

ISIS Leader Calls for Muslims to Help Build Islamic State in Iraq // CBCNEWS. — 1 July 2014. — http://www.cbc.ca/news/world/isis-leader-calls-for-muslims-to-help-build-islamic-state-in-iraq-1.2693353; Mark Townsend. What Happened to the British Medics Who Went to Work for ISIS? // Guardian. — 12 July 2015. — https://www.theguardian.com/world/2015/jul/12/british-medics-isis-turkey-islamic-state.

108

Francis Fukuyama. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. — New York: Farrar, Straus & Giroux, 2014.

109

Ashley Killough. Lyndon Johnson’s «Daisy» Ad, Which Changed the World of Politics, Turns 50 // CNN. — 8 September 2014. — http://edition.cnn.com/2014/09/07/politics/daisy-ad-turns-50/index.html.

110

Cause-Specific Mortality: Estimates for 2000–2015. — World Health Organization. — http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/estimates/en/index1.html.

111

David E. Sanger, William J. Broad. To counter Russia, US signals nuclear arms are back in a big way // New York Times. — 4 February 2018. — https://www.nytimes.com/2018/02/04/us/politics/trump-nuclear-russia.html; Nuclear Posture Review 2018. — US Department of Defense. — https://www.defense.gov/News/Special-Reports/0218_npr/; Jennifer Hansler. Trump Says He Wants Nuclear Arsenal in «Tip-Top Shape», Denies Desire to Increase Stockpile // CNN. — 12 October 2017. — http://edition.cnn.com/2017/10/11/politics/nuclear-arsenal-trump/index.html; Jim Garamone. DoD Official: National Defense Strategy Will Enhance Deterrence // Department of Defense News, Defense Media Activity. — 19 January 2018. — https://www.defense.gov/News/Article/Article/1419045/dod-official-national-defense-strategy-will-rebuild-dominance-enhance-deterrence/.

112

Michael Mandelbaum. Mission Failure: America and the World in the Post-Cold War Era. — New York: Oxford University Press, 2016.

113

Elizabeth Kolbert. Field Notes from a Catastrophe. — London: Bloomsbury, 2006; Elizabeth Kolbert. The Sixth Extinction: An Unnatural History. — London: Bloomsbury, 2014; Will Steffen et al. Planetary Boundaries: Guiding Human Development on a Changing Planet // Science. — 13 February 2015. — Vol. 347:6223. — DOI: 10.1126/science.1259855.

114

John Cook et al. Quantifying the Consensus on Anthropogenic Global Warming in the Scientific Literature // Environmental Research Letters. — 2013. — Vol. 8:2; John Cook et al. Consensus on Consensus: A Synthesis of Consensus Estimates on Human-Caused Global Warming // Environmental Research Letters. — 2016. — Vol. 11:4; Andrew Griffin 15,000 Scientists Give Catastrophic Warning about the Fate of the World in New «Letter to Humanity» // Independent. — 13 November 2017. — http://www.independent.co.uk/environment/letter-to-humanity-warning-climate-change-global-warming-scientists-union-concerned-a8052481.html; Justin Worland. Climate Change Is Already Wreaking Havoc on Our Weather, Scientists Find // Time. — 15 December 2017. — http://time.com/5064577/climate-change-arctic/.

115

Richard J. Millar et al. Emission Budgets and Pathways Consistent with Limiting Warming to 1.5 C // Nature Geoscience. — 2017. — Vol. 10. — P. 741–747; Joeri Rogelj et al. Differences between Carbon Budget Estimates Unraveled // Nature Climate Change. — 2016. — Vol. 6. — P. 245–252; Akshat Rathi. Did We Just Buy Decades More Time to Hit Climate Goals // Quartz. — 21 September 2017. — https://qz.com/1080883/the-breathtaking-new-climate-change-study-hasnt-changed-the-urgency-with-which-we-must-reduce-emissions/; Roz Pidcock. Carbon Briefing: Making Sense of the IPCC's New Carbon Budget // Carbon Brief. — 23 October 2013. — https://www.carbonbrief.org/carbon-briefing-making-sense-of-the-ipccs-new-carbon-budget.

116

Jianping Huang et al. Accelerated Dryland Expansion under Climate Change // Nature Climate Change. — 2016. — Vol. 6. — P. 166–171; Thomas R. Knutson. Tropical Cyclones and Climate Change // Nature Geoscience. — 2010. — Vol. 3. — P. 157–163; Edward Hanna et al. Ice-Sheet Mass Balance and Climate Change // Nature. — 2013. — Vol. 498. — P. 51–59; Tim Wheeler, Joachim von Braun. Climate Change Impacts on Global Food Security // Science. — 2013. — Vol. 341:6145. — P. 508–513; A. J. Challinor et al. A Meta-Analysis of Crop Yield under Climate Change and Adaptation // Nature Climate Change. — 2014. — Vol. 4. — P. 287–291; Elisabeth Lingren et al. Monitoring EU Emerging Infectious Disease Risk Due to Climate Change // Science. — 2012. — Vol. 336:6080. — P. 418–419; Frank Biermann, Ingrid Boas. Preparing for a Warmer World: Towards a Global Governance System to Protect Climate Change // Global Environmental Politics. — 2010. — Vol. 10:1. — P. 60–88; Jeff Goodell. The Water Will Come: Rising Seas, Sinking Cities and the Remaking of the Civilized World. — New York: Little, Brown and Company, 2017; Mark Lynas. Six Degrees: Our Future on a Hotter Planet. — Washington: National Geographic, 2008; Naomi Klein. This Changes Everything: Capitalism vs. Climate. — New York: Simon & Schuster, 2014; Elizabeth Kolbert. The Sixth Extinction: An Unnatural History. — London: Bloomsbury, 2014.

117

Johan Rockström et al. A Roadmap for Rapid Decarbonization // Science. — 23 March 2017. — Vol. 355:6331.

118

Global Food: Waste Not, Want Not. — London: Institution of Mechanical Engineers, 2013. — P. 12.

119

Paul Shapiro. Clean Meat: How Growing Meat Without Animals Will Revolutionize Dinner and the World. — New York: Gallery Books, 2018.

120

Russia's Putin Says Climate Change in Arctic Good for Economy // CBS News. — 30 March 2017. — http://www.cbc.ca/news/technology/russia-putin-climate-change-beneficial-economy-1.4048430; Neela Banerjee. Russia and the US Could be Partners in Climate Change Inaction // Inside Climate News. — 7 February 2017. — https://insideclimatenews.org/news/06022017/russia-vladimir-putin-donald-trump-climate-change-paris-climate-agreement; Noah Smith. Russia Wins in a Retreat on Climate Change // Bloomberg View. — 15 December 2016. — https://www.bloomberg.com/view/articles/2016—1215/russia-wins-in-a-retreat-on-climate-change; Gregg Easterbrook. Global Warming: Who Loses — and Who Wins? // Atlantic. — April 2007. — https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2007/04/global-warming-who-loses-and-who-wins/305698/; Quentin Buckholz. Russia and Climate Change: A Looming Threat // Diplomat. — 4 February 2016. — https://thediplomat.com/2016/02/russia-and-climate-change-a-looming-threat/.

121

Brian Eckhouse, Ari Natter and Christopher Martin. President Trump slaps tariffs on solar panels in major blow to renewable energy // Time. — 22 January 2018. — http://time.com/5113472/donald-trump-solar-panel-tariff.

122

Miranda Green, Rene Marsh. Trump Administration Doesn’t Want to Talk about Climate Change // CNN. — 13 September 2017. — http://edition.cnn.com/2017/09/12/politics/trump-climate-change-silence/index.html; Lydia Smith. Trump Administration Deletes Mention of «Climate Change» from Environmental Protection Agency’s Website // Independent. — 22 October 2017. — http://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/donald-trump-administration-climate-change-deleted-environmental-protection-agency-website-a8012581.html; Alana Abramson. No, Trump Still Hasn’t Changed His Mind About Climate Change After Hurricane Irma and Harvey // Time. — 11 September 2017. — http://time.com/4936507/donald-trump-climate-change-hurricane-irma-hurricane-harvey/.

123

Treaty Establishing A Constitution for Europe. — European Union. — https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_establishing_a_constitution_for_europe_en.pdf.

124

Bernard S. Cohn. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. — Princeton: Princeton University Press, 1996. — P. 148.

125

Encyclical Letter Laudato Si’ of the Holy Father Francis on Care for Our Common Home // The Holy See. — http://w2.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_enciclica-laudato-si.html.

126

Впервые упоминается Фрейдом в работе «Цивилизация и её тяготы»: Sigmund Freud. Civilization and Its Discontents / trans. James Strachey. — New York: W. W. Norton, 1961. — P. 61.

127

Ian Buruma. Inventing Japan, 1853–1964. — New York: Modern Library, 2003.

128

Robert Axell. Kamikaze: Japan’s Suicide Gods. — London: Longman, 2002.

129

Charles K. Armstrong. Familism, Socialism and Political Religion in North Korea // Totalitarian Movements and Political Religions. — 2005. — Vol. 6:3. — P. 383–394; Daniel Byman, Jennifer Lind. Pyongyang's Survival Strategy: Tools of Authoritarian Control in North Korea // International Security. — 2010. — Vol. 35:1. — P. 44–74; Paul French. North Korea: The Paranoid Peninsula / 2nd edn. — London, New York: Zed Books, 2007; Andrei Lankov. The Real North Korea: Life and Politics in the Failed Stalinist Utopia. — Oxford: Oxford University Press, 2015; Young Whan Kihl. Staying Power of the Socialist «Hermit Kingdom» // Hong Nack Kim, Young Whan Kihl (eds.). North Korea: The Politics of Regime Survival. — New York: Routledge, 2006. — P. 3–36.

130

Global Trends: Forced Displacement in 2016 // UNHCR. — http://www.unhcr.org/5943e8a34.pdf.

131

Lauren Gambini. Trump Pans Immigration Proposal as Bringing People from «Shithole Countries» // Guardian. — 12 January 2018. — https://www.theguardian.com/us-news/2018/jan/11/trump-pans-immigration-proposal-as-bringing-people-from-shithole-countries.

132

Tal Kopan. What Donald Trump Has Said about Mexico and Vice Versa // CNN. — 31 August 2016. — https://edition.cnn.com/2016/08/31/politics/donald-trump-mexico-statements/index.html.

133

Ashley Kirk. How Many People Are Killed by Terrorist Attacks in the UK? // Telegraph. — 17 October 2017. — http://www.telegraph.co.uk/news/0/many-people-killed-terrorist-attacks-uk/; Global Terrorism Database // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). — 2016. — https://www.start.umd.edu/gtd; Susan Jones. 11,774 Terror Attacks Worldwide in 2915; 28,328 Deaths Due to Terror Attacks // CNS News. — 3 June 2016. — http://www.cnsnews.com/news/article/susan-jones/11774-number-terror-attacks-worldwide-dropped-13—2015; People Killed by Terrorism per Year in Western Europe // Datagraver. — 22 March 2016. — http://www.datagraver.com/case/people-killed-by-terrorism-per-year-in-western-europe-1970-2015; Reports on International Terrorism: Statistics on Incidents of Terror Worldwide // Jewish Virtual Library. — http://www.jewishvirtuallibrary.org/statistics-on-incidents-of-terrorism-worldwide; Gary LaFree, Laura Dugan, Erin Miller. Putting Terrorism in Context: Lessons from the Global Terrorism Database. — London: Routledge, 2015; Gary LaFree. Using open source data to counter common myths about terrorism // Brian Forst, Jack Greene, Jim Lynch (eds.). Criminologists on Terrorism and Homeland Security. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — P. 411–442; Gary LaFree. The Global Terrorism Database: Accomplishments and challenges // Perspectives on Terrorism. — 2010. — Vol. 4. — P. 24–46; Gary LaFree, Laura Dugan. Research on terrorism and countering terrorism // M. Tonry (ed.). Crime and Justice: A Review of Research. — Chicago: University of Chicago Press, 2009. — P. 413–477; Gary LaFree, Laura Dugan. Introducing the global terrorism database // Political Violence and Terrorism. — 2007. — Vol. 19. — P. 181–204.

134

Deaths on the roads: Based on the WHO Global Status Report on Road Safety 2015 // World Health Organization; About Multiple Cause of Death, 1999–2016 // Centers for Disease Control and Prevention. — https://wonder.cdc.gov/mcd-icd10.html; Global Status Report on Road Safety 2013 // World Health Organization; Road Safety: Estimated Number of Traffic Deaths, 2013. — http://gamapserver.who.int/gho/interactive_charts/road_safety/road_traffic_deaths/atlas.html; Stav Ziv. 2015 Brought Biggest Percent Increase in U.S. Traffic Deaths in 50 Years // Newsweek. — 17 February 2016. — http://www.newsweek.com/2015-brought-biggest-us-traffic-death-increase-50-years-427759.

135

The Challenge of Diabetes // World Health Organization, Regional Office for Europe. — http://www.euro.who.int/en/health-topics/noncommunicable-diseases/diabetes/data-and-statistics; Global Report on Diabetes. — Geneva: World Health Organization, 2016; Adam Vaughan. China Tops WHO List for Deadly Outdoor Air Pollution // Guardian. — 27 September 2016. — https://www.theguardian.com/environment/2016/sep/27/more-than-million-died-due-air-pollution-china-one-year.

136

О битве см.: Gary Sheffield. Forgotten Victory: The First World War. Myths and Reality. — London: Headline, 2001. — P. 137–164.

137

Victims of Palestinian Violence and Terrorism since September 2000 // Israel Ministry of Foreign Affairs. — http://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Terrorism/Palestinian/Pages/Victims%20of%20Palestinian%20Violence%20and%20Terrorism%20sinc.aspx.

138

Car Accidents with Casualties, 2002 // Central Bureau of Statistics. — http://www.cbs.gov.il/www/publications/acci02/acci02h.pdf.

139

Pan Am Flight 103 Fast Facts // CNN. — 16 December 2016. — http://edition.cnn.com/2013/09/26/world/pan-am-flight-103-fast-facts/index.html.

140

Tom Templeton, Tom Lumley. 9/11 in Numbers // Guardian. — 18 August 2002. — https://www.theguardian.com/world/2002/aug/18/usa.terrorism.

141

Ian Westwell, Dennis Cove (eds.). History of World War I, vol. 2. — New York: Marshall Cavendish, 2002. — P. 431. О битве при Изонцо см.: John R. Schindler. Isonzo: The Forgotten Sacrifice of the Great War. — Westport: Praeger, 2001. — P. 217–218.

142

Sergio Catignani. Israeli Counter-Insurgency and the Intifadas: Dilemmas of a Conventional Army. — London: Routledge, 2008.

143

Reported Rapes in France Jump 18 % in Five Years // France 24. — 11 August 2015. — http://www.france24.com/en/20150811-reported-rapes-france-jump-18-five-years.

144

Yuval Noah Harari. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. — New York: HarperCollins, 2017. — P. 14–19; Global Health Observatory Data Repository, 2012 // World Health Organization. — http://apps.who.int/gho/data/node.main.RCODWORLD?lang=en; Global Study on Homicide, 2013 // UNDOC. — http://www.unodc.org/documents/gsh/pdfs/2014_GLOBAL_HOMICIDE_BOOK_web.pdf; Disease Burden and Mortality Estimates: Cause-Specific Mortality, 2000–2015 // UNDOC, World Health Organization. — http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/estimates/en/index1.html.

145

World Military Spending: Increases in the USA and Europe, Decreases in Oil-Exporting Countries // Stockholm International Peace Research Institute. — 24 April 2017. — https://www.sipri.org/media/press-release/2017/world-military-spending-increases-usa-and-europe.

146

Report on the Battle of Tal-el-Kebir // National Archives, 4. — http://www.nationalarchives.gov.uk/battles/egypt/popup/telel4.htm.

147

Spencer C. Tucker (ed.). The Encyclopedia of the Mexican-American War: A Political, Social and Military History. — Santa Barbara: ABC–CLIO, 2013. — P. 131.

148

Ivana Kottasova. Putin Meets Xi: Two Economies, Only One to Envy // CNN. — 2 July 2017.

149

ВВП рассчитывался на основе статистики МВФ по паритету покупательной способности: Report for Selected Countries and Subjects, 2017 // International Monetary Fund. — https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx.

150

Hamza Hendawi, Qassim Abdul-Zahra. Isis is making up to $50 million a month from oil sales // Business Insider. — 23 October 2015. — http://www.businessinsider.com/isis-making-50-million-a-month-from-oil-sales-2015—10.

151

Ian Buruma. Inventing Japan. — London: Weidenfeld & Nicolson, 2003; Eri Hotta. Japan 1941: Countdown to Infamy. — London: Vintage, 2014.

10 Remarkable Ancient Indian Sages Familiar with Advanced Technology and Science Long Before Modern Era // AncientPages.com. — 19 October 2015. — http://www.ancientpages.com/2015/10/19/10-remarkable-ancient-indian-sages-familiar-with-advanced-technology-science-long-before-modern-era/; Great Indian Hindu Sages Who Revolutionised the Field of Science // Hindu Janajagruti Samiti. — 2014. — https://www.hindujagruti.org/articles/31.html; Shocking Secrets of the Vedic Science Revealed! // The Most Confidential Knowledge. — http://mcknowledge.info/about-vedas/what-is-vedic-science.

153

Эти цифры и соотношения видны на следующей диаграмме: Conrad Hackett, David McClendon. Christians Remain World’s Largest Religious Group, but They Are Declining in Europe // Pew Research Center. — 5 April 2017. — http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/04/05/christians-remain-worlds-largest-religious-group-but-they-are-declining-in-europe/.

154

Jonathan Haidt. The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion. — New York: Pantheon, 2012; Joshua Greene. Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap Between Us and Them. — New York: Penguin Press, 2013.

155

Marc Bekoff, Jessica Pierce. Wild Justice — Honor and Fairness among Beasts at Play // American Journal of Play. — 2009. — Vol. 1:4. — P. 451–475.

156

Frans de Waal. Our Inner Ape. — London: Granta, 2005. — Ch. 5.

157

Frans de Waal. Bonobo: The Forgotten Ape. — Berkeley: University of California Press, 1997. — P. 157.

158

Эта история легла в основу документального фильма «Шимпанзе», выпущенного Disneynature в 2010 году.

159

M. E. J. Richardson. Hammurabi’s Laws. — London, New York: T&T Clark International, 2000. — P. 29–31.

160

Loren R. Fisher. The Eloquent Peasant / 2nd edn. — Eugene: Wipf & Stock Publishers, 2015.

161

Некоторые раввины, оригинальным образом интерпретируя Талмуд, считают допустимым нарушать святость субботы ради спасения жизни нееврея. Они утверждают, что, если евреи не будут спасать неевреев, неевреи разгневаются и станут нападать на евреев и убивать их. Поэтому, спасая нееврея, вы косвенным образом спасаете еврея. Тем не менее даже этот аргумент показывает, что жизнь еврея и жизнь нееврея наделяются разной ценностью.

162

Catherine Nixey. The Darkening Age: The Christian Destruction of the Classical World. — London: Macmillan, 2017.

163

Charles Allen. Ashoka: The Search for India’s Lost Emperor. — London: Little, Brown, 2012. — P. 412–413.

164

Clyde Pharr et al. (eds.). The Theodosian Code and Novels, and the Sirmondian Constitutions. — Princeton: Princeton University Press, 1952. — P. 440, 467–471.

165

Clyde Pharr et al. (eds.). The Theodosian Code and Novels, and the Sirmondian Constitutions. — Princeton: Princeton University Press, 1952. — P. 472–473.

166

Sofie Remijsen. The End of Greek Athletics in Late Antiquity. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015. — P. 45–51.

167

Ruth Schuster. Why Do Jews Win So Many Nobels? // Haaretz. — 9 October 2013. — https://www.haaretz.com/jewish/news/1.551520.

168

Lillian Faderman. The Gay Revolution: The Story of the Struggle. — New York: Simon & Schuster, 2015.

169

Elaine Scarry. The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World. — New York: Oxford University Press, 1985.

170

Jonathan H. Turner. Incest: Origins of the Taboo. — Boulder: Paradigm Publishers, 2005; Robert J. Kelly et al. Effects of Mother-Son Incest and Positive Perceptions of Sexual Abuse Experiences on the Psychosocial Adjustment of Clinic-Referred Men // Child Abuse & Neglect. — 2002. — Vol. 26:4. — P. 425–441; Mireille Cyr et al. Intrafamilial Sexual Abuse: Brother-Sister Incest Does Not Differ from Father-Daughter and Stepfather-Stepdaughter Incest // Child Abuse & Neglect. — 2002. — Vol. 26:9. — P. 957–973; Sandra S. Stroebel. Father — Daughter Incest: Data from an Anonymous Computerized Survey // Journal of Child Sexual Abuse. — 2010. — Vol. 21:2. — P. 176–199.

171

Steven A. Sloman, Philip Fernbach. The Knowledge Illusion: Why We Never Think Alone. — New York: Riverhead Books, 2017; Joshua Greene. Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap Between Us and Them. — New York: Penguin Press, 2013.

172

Steven A. Sloman, Philip Fernbach. The Knowledge Illusion: Why We Never Think Alone. — New York: Riverhead Books, 2017. — P. 20.

173

Eli Pariser. The Filter Bubble. — London: Penguin Books, 2012; Joshua Greene. Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap Between Us and Them. — New York: Penguin Press, 2013.

174

Joshua Greene. Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap Between Us and Them. — New York: Penguin Press, 2013; Dan M. Kahan. The Polarizing Impact of Science Literacy and Numeracy on Perceived Climate Change Risks // Nature Climate Change. — 2012. — Vol. 2. — P. 732–735. Противоположную точку зрения см.: Sophie Guy et al. Investigating the Effects of Knowledge and Ideology on Climate Change Beliefs // European Journal of Social Psychology. — 2014. — Vol. 44:5. — P. 421–429.

175

Arlie Russell Hochschild. Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right. — New York: The New Press, 2016.

176

Joshua Greene. Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap Between Us and Them. — New York: Penguin Press, 2013; Robert Wright. The Moral Animal. — New York: Pantheon, 1994.

177

Kelsey Timmerman. Where Am I Wearing?: A Global Tour of the Countries, Factories, and People That Make Our Clothes. — Hoboken: Wiley, 2012; Kelsey Timmerman. Where Am I Eating?: An Adventure Through the Global Food Economy. — Hoboken: Wiley, 2013.

178

Reni Eddo-Lodge. Why I Am No Longer Talking to White People About Race. — London: Bloomsbury, 2017; Ta-Nehisi Coates. Between the World and Me. — Melbourne: Text Publishing Company, 2015.

179

Josie Ensor. «Everyone in Syria Is Bad Now», Says UN War Crimes Prosecutor as She Quits Post // Telegraph. — 7 August 2017. — http://www.telegraph.co.uk/news/2017/08/07/everyone-syria-bad-now-says-un-war-crimes-prosecutor-quits-post/.

180

Например, Helena Smith. Shocking Images of Drowned Syrian Boy Show Tragic Plight of Refugees // Guardian. — 2 September 2015. — https://www.theguardian.com/world/2015/sep/02/shocking-image-of-drowned-syrian-boy-shows-tragic-plight-of-refugees.

181

T. Kogut, I. Ritov. The singularity effect of identified victims in separate and joint evaluations // Organizational Behavior and Human Decision Processes. — 2005. — Vol. 97:2. — P. 106–116; D. A. Small, G. Loewenstein. Helping a victim or helping the victim: Altruism and identifiability // Journal of Risk and Uncertainty. — 2003. — Vol. 26:1. — P. 5–16; Joshua Greene. Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap Between Us and Them. — New York: Penguin Press, 2013. — P. 264.

182

Russ Alan Prince. Who Rules the World? // Forbes. — 22 July 2013. — https://www.forbes.com/sites/russalanprince/2013/07/22/who-rules-the-world/#63c9e31d7625.

183

Julian Borger. Putin Offers Ukraine Olive Branches Delivered by Russian Tanks // Guardian. — 4 March 2014.

184

Serhii Plokhy. Lost Kingdom: The Quest for Empire and the Making of the Russian Nation. — New York: Basic Books, 2017; Timothy Snyder. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. — New York: Tim Duggan Books, 2018.

185

Matthew Paris. Matthew Paris' English History / trans. J. A. Gyles, vol. 3. — London: Henry G. Bohn, 1854. — P. 138–141; Patricia Healy. Wasyliw, Martyrdom, Murder and Magic: Child Saints and Their Cults in Medieval Europe. — New York: Peter Lang, 2008. — P. 123–125.

186

Cecilia Kang, Adam Goldman. In Washington Pizzeria Attack, Fake News Brought Real Guns // New York Times. — 5 December 2016. — https://www.nytimes.com/2016/12/05/business/media/comet-ping-pong-pizza-shooting-fake-news-consequences.html.

187

Leonard B. Glick. Abraham’s Heirs: Jews and Christians in Medieval Europe. — Syracuse: Syracuse University Press, 1999. — P. 228–229.

188

Anthony Bale. Afterword: Violence, Memory and the Traumatic Middle Ages // Sarah Rees Jones, Sethina Watson (eds.). Christians and Jews in Angevin England: The York Massacre of 1190, Narrative and Contexts. — York: York Medieval Press, 2013. — P. 297.

189

Фразу часто приписывают Геббельсу, но ни я, ни мой верный помощник не смогли найти подтверждения, что Геббельс когда-либо писал или произносил эти слова.

190

Hilmar Hoffman. The Triumph of Propaganda: Film and National Socialism, 1933–1945. — Providence: Berghahn Books, 1997. — P. 140.

191

Lee Hockstader. From A Ruler’s Embrace To A Life In Disgrace // Washington Post. — 10 March 1995.

192

Thomas Pakenham. The Scramble for Africa. — London: Weidenfeld & Nicolson, 1991. — P. 616–617.

193

Олдос Хаксли. О дивный новый мир / пер. О. Сороки, В. Бабкова. — СПб.: Амфора, 1999. — Гл. 17.

194

Wayne A. Wiegand and Donald G. Davis (eds.). Encyclopedia of Library History. — New York, London: Garland Publishing, 1994. — P. 432–433.

195

Verity Smith (ed.). Concise Encyclopedia of Latin American Literature. — London, New York: Routledge, 2013. — P. 142, 180.

196

Cathy N. Davidson. The New Education: How to Revolutionize the University to Prepare Students for a World in Flux. — New York: Basic Books, 2017; Bernie Trilling. 21st Century Skills: Learning for Life in Our Times. — San Francisco: Jossey-Bass, 2009; Charles Kivunja. Teaching Students to Learn and to Work Well with 21st Century Skills: Unpacking the Career and Life Skills Domain of the New Learning Paradigm // International Journal of Higher Education. — 2015. — Vol. 4:1. Вебсайт P21: P21 Partnership for 21st Century Learning — http://www.p21.org/our-work/4cs-research-series. О применении новых педагогических методов см., например, в публикации Национальной ассоциации образования США: Preparing 21st Century Students for a Global Society // NEA. — http://www.nea.org/assets/docs/A-Guide-to-Four-Cs.pdf.

197

Maddalaine Ansell. Jobs for Life Are a Thing of the Past. Bring On Lifelong Learning // Guardian. — 31 May 2016. — https://www.theguardian.com/higher-education-network/2016/may/31/jobs-for-life-are-a-thing-of-the-past-bring-on-lifelong-learning.

198

Erik B. Bloss et al. Evidence for Reduced Experience-Dependent Dendritic Spine Plasticity in the Aging Prefrontal Cortex // Journal of Neuroscience. — 2011. — Vol. 31:21. — P. 7831–7839; Miriam Matamales et al. Aging-Related Dysfunction of Striatal Cholinergic Interneurons Produces Conflict in Action Selection // Neuron. — 2016. — Vol. 90:2. — P. 362–372; Mo Costandi. Does your brain produce new cells? A skeptical view of human adult neurogenesis // Guardian. — 23 February 2012. — https://www.theguardian.com/science/neurophilosophy/2012/feb/23/brain-new-cells-adult-neurogenesis; Gianluigi Mongillo, Simon Rumpel, Yonatan Loewenstein. Intrinsic volatility of synaptic connections — a challenge to the synaptic trace theory of memory // Current Opinion in Neurobiology. — 2017. — Vol. 46. — P. 7–13.

199

К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения / том 4. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — С. 424.

200

К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения / том 4. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — С. 425.

201

Raoul Wootlif. Netanyahu Welcomes Envoy Friedman to «Jerusalem, Our Eternal Capital» // Times of Israel. — 16 May 2017. — https://www.timesofisrael.com/netanyahu-welcomes-envoy-friedman-to-jerusalem-our-eternal-capital/; Peter Beaumont. Israeli Minister's Jerusalem Dress Proves Controversial in Cannes // Guardian. — 18 May 2017. — https://www.theguardian.com/world/2017/may/18/israeli-minister-miri-regev-jerusalem-dress-controversial-cannes; Lahav Harkov. New 80—Majority Jerusalem Bill Has Loophole Enabling City to Be Divided // Jerusalem Post. — 2 January 2018. — http://www.jpost.com/Israel-News/Right-wing-coalition-passes-law-allowing-Jerusalem-to-be-divided-522627.

202

K. P. Schroder, Robert Connon Smith. Distant Future of the Sun and Earth Revisited // Monthly Notices of the Royal Astronomical Society. — 2008. — Vol. 386:1. — P. 155–163.

203

См., в частности: Roy A. Rappaport. Ritual and Religion in the Making of Humanity. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999; Graham Harvey. Ritual and Religious Belief: A Reader. — New York: Routledge, 2005.

204

Это самая распространённая, но не единственная версия происхождения выражения «фокус-покус»: Leslie K. Arnovick. Written Reliquaries. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. — P. 250. — n. 30.

205

Joseph Campbell. The Hero with a Thousand Faces. — London: Fontana Press, 1993. — P. 235.

206

Xinzhong Yao. An Introduction to Confucianism. — Cambridge: Cambridge University Press, 2000. — P. 190–199.

207

Flag Code of India, 2002 // Press Information Bureau, Government of India. — http://pib.nic.in/feature/feyr2002/fapr2002/f030420021.html.

208

Flag Code of India, 2002 // Press Information Bureau, Government of India. — http://pib.nic.in/feature/feyr2002/fapr2002/f030420021.html.

209

Here’s Why India’s «Tallest» Flag Cannot be Hoisted at Pakistan’s Border // The News International (Pakistan). — 30 March 2017. — https://www.thenews.com.pk/latest/195493-Heres-why-Indias-tallest-flag-cannot-be-hoisted-at-Pakistan-border.

210

Stephen C. Poulson. Social Movements in Twentieth-Century Iran: Culture, Ideology and Mobilizing Frameworks. — Lanham: Lexington Books, 2006. — P. 44.

211

Houman Sharshar (ed.). The Jews of Iran: The History, Religion and Culture of a Community in the Islamic World. — New York: Palgrave Macmillan, 2014. — P. 52–55; Houman M. Sarshar. Jewish Communities of Iran. — New York: Encyclopedia Iranica Foundation, 2011. — P. 158–160.

212

Gersion Appel. The Concise Code of Jewish Law / 2nd edn. — New York: KTAV Publishing House, 1991. — P. 191.

213

См., например: Robert O. Paxton. The Anatomy of Fascism. — New York: Vintage Books, 2005.

214

Richard Griffiths. Fascism. — London, New York: Continuum, 2005. — P. 33.

215

Christian Goeschel. Suicide in the Third Reich. — Oxford: Oxford University Press, 2009.

216

Paris attacks: What happened on the night // BBC. — 9 December 2015. — http://www.bbc.com/news/world-europe-34818994; Anna Cara. ISIS expresses fury over French airstrikes in Syria; France says they will continue // CTV News. — 14 November 2015. — http://www.ctvnews.ca/world/isis-expresses-fury-over-french-airstrikes-in-syria-france-says-they-will-continue-1.2658642.

217

Jean de Joinville. The Life of Saint Louis // M. R. B. Shaw (ed.). Chronicles of the Crusades. — London: Penguin, 1963. — P. 243; Jean de Joinville. Vie de saint Louis, ed. Jacques Monfrin. — Paris, 1995. — Ch. 319. — P. 156.

218

Ray Williams. How Facebook Can Amplify Low Self-Esteem/Narcissism/Anxiety // Psychology Today. — 20 May 2014. — https://www.psychologytoday.com/blog/wired-success/201405/how-facebook-can-amplify-low-self-esteemnarcissismanxiety.

219

Mahasatipatthana Sutta / ed. Vipassana Research Institute. — Igatpuri: Vipassana Research Institute, 2006. — Ch. 2. — Section 1. — P. 12–13.

220

Mahasatipatthana Sutta / ed. Vipassana Research Institute. — Igatpuri: Vipassana Research Institute, 2006. — Ch. 2. — Section 1. — P. 5.

221

G. E. Harvey. History of Burma: From the Earliest Times to 10 March 1824. — London: Frank Cass & Co. Ltd, 1925. — P. 252–260.

222

Brian Daizen Victoria. Zen at War. — Lanham: Rowman & Littlefield, 2006; Ian Buruma. Inventing Japan, 1853–1964. — New York: Modern Library, 2003; Stephen S. Large. Nationalist Extremism in Early Showa Japan: Inoue Nissho and the «Blood-Pledge Corps Incident», 1932 // Modern Asian Studies. — 2001. — Vol. 35:3. — P. 533–564; W. L. King. Zen and the Way of the Sword: Arming the Samurai Psyche. — New York: Oxford University Press, 1993; Danny Orbach. A Japanese prophet: eschatology and epistemology in the thought of Kita Ikki // Japan Forum. — 2011. — Vol. 23:3. — P. 339–361.

223

Facebook removes Myanmar monk’s page for «inflammatory posts» about Muslims // Scroll.in. — 27 February 2018. — https://amp.scroll.in/article/870245/facebook-removes-myanmar-monks-page-for-inflammatory-posts-about-muslims; Marella Oppenheim. «It only takes one terrorist»: The Buddhist monk who reviles Myanmar’s Muslims // Guardian. — 12 May 2017. — https://www.theguardian.com/global-development/2017/may/12/only-takes-one-terrorist-buddhist-monk-reviles-myanmar-muslims-rohingya-refugees-ashin-wirathu.

224

Jerzy Lukowski, Hubert Zawadzki. A Concise History of Poland. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — P. 163.

www.dhamma.org.

226

Britta K. Hölzel et al. How Does Mindfulness Meditation Work? Proposing Mechanisms of Action from a Conceptual and Neural Perspective // Perspectives on Psychological Science. — 2011. — Vol. 6:6. — P. 537–559; Adam Moore, Peter Malinowski. Meditation, Mindfulness and Cognitive Flexibility // Consciousness and Cognition. — 2009. — Vol. 18:1. — P. 176–186; Alberto Chiesa, Raffaella Calati, Alessandro Serretti. Does Mindfulness Training Improve Cognitive Abilities? A Systematic Review of Neuropsychological Findings // Clinical Psychology Review. — 2011. — Vol. 31:3. — P. 449–464; Antoine Lutz et al. Attention Regulation and Monitoring in Meditation // Trends in Cognitive Sciences. — 2008. — Vol. 12:4. — P. 163–169; Richard J. Davidson et al. Alterations in Brain and Immune Function Produced by Mindfulness Meditation // Psychosomatic Medicine. — 2003. — Vol. 65:4. — P. 564–570; Fadel Zeidan et al. Mindfulness Meditation Improves Cognition: Evidence of Brief Mental Training // Consciousness and Cognition. — 2010. — Vol. 19:2. — P. 597–605.